

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. В.И. ВЕРНАДСКОГО»
ИНСТИТУТ «ТАВРИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ»
КАФЕДРА АРХЕОЛОГИИ И ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ КРЫМА РАН»

На правах рукописи

Чемодуров Николай Николаевич

**П.Н. ШУЛЬЦ И СТАНОВЛЕНИЕ АКАДЕМИЧЕСКОГО ЦЕНТРА
АРХЕОЛОГИИ В КРЫМУ**

Специальность 5.6.3. – археология

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Научный руководитель:

доктор исторических наук, профессор

Храпунов Игорь Николаевич

Симферополь – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. П.Н. ШУЛЬЦ — ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ПЕРВОГО ПОКОЛЕНИЯ СОВЕТСКИХ АРХЕОЛОГОВ.....	24
1.1. Археолог или историк искусства? Происхождение и профессиональное становление П.Н. Шульца.....	24
1.2. Перипетии формирования советской системы научной аттестации: две довоенные диссертации П.Н. Шульца.....	41
1.3. П.Н. Шульц в Крыму: научные контакты и проекты исследований в 1930-е гг.....	54
ГЛАВА 2. ПРЕДПОСЫЛКИ ОРГАНИЗАЦИИ АКАДЕМИЧЕСКОГО ЦЕНТРА АРХЕОЛОГИИ В КРЫМУ В 1920–1930-Е ГГ.	65
2.1. Попытки создания региональных отделений РАИМК/ГАИМК в Крыму	65
2.2. ГАИМК/ИИМК им. Н.Я. Марра и музейная археология Крыма.....	79
2.2.1. Музейное дело в Крымской АССР в 1930-е гг.	80
2.2.2. Взаимодействие ГАИМК/ИИМК с крымскими музеями в 1930-е гг.....	84
2.3. Научно-организационные мероприятия Российской – Всесоюзной Академии наук. Проект Крымского филиала.....	88
2.3.1. Первый периферийный академический институт: Кавказский историко- археологический институт.....	89
2.3.2. Создание сети научно-исследовательских баз и филиалов АН СССР в 1930-е гг.	96
ГЛАВА 3. ОТ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ БАЗЫ ИИМК К КРЫМСКОЙ НАУЧНО- ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ БАЗЕ АН СССР	111
3.1. П.Н. Шульц — создатель академического центра археологии в Крыму	111
3.2. Атмосфера и хронология создания КНИБ АН СССР: наука, общество и власть.....	125
ГЛАВА 4. СТАНОВЛЕНИЕ АКАДЕМИЧЕСКОГО ЦЕНТРА АРХЕОЛОГИИ В КРЫМУ	140

4.1. Структура, научный состав, направления и основные результаты деятельности Сектора истории и археологии КНИБ АН СССР	141
4.2. Памятникоохранная деятельность Сектора/Отдела истории и археологии	160
4.3. Научно-исследовательская работа в начале 1950-х гг.: планы и действительность	182
4.4. Вхождение Отдела истории и археологии в систему АН УССР в 1954–1956 гг.....	199
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	211
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	217
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	220
Опубликованные источники	220
Архивные источники	224
Литература	233
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	259
Документы архивов.....	259
Иллюстрации	359

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность диссертационной работы. Любое продолжительно существующее научное учреждение со временем сталкивается с необходимостью осмысления собственной истории. Такой анализ позволяет обобщить накопленный опыт и эффективно использовать его для дальнейшего развития. Более 75 лет назад в Крыму сформировался первый академический центр археологии, Сектор истории и археологии (СИА) Крымской научно-исследовательской базы АН СССР. За три четверти века неоднократно изменялись наименование и подчиненность учреждения, сменяли друг друга руководители, расширялся и сокращался научный состав. Препными оставались профиль деятельности и академический статус — константы, поддерживаемые в наши дни преемником СИА, Институтом археологии Крыма РАН. Временной интервал, разделяющий эти два варианта одного и того же научно-исследовательского учреждения, представляется достаточно длительным для того, чтобы стать объектом исторического описания. Претворение в жизнь этого непростого замысла, кажется логичным начать с объяснения предпосылок, причин и обстоятельств появления крымского академического центра археологии.

В современной литературе по истории науки, в сознании археологов-специалистов, утвердился априорный тезис, который можно сформулировать так: «П.Н. Шульц по поручению Академии наук организовал в Крыму научно-исследовательскую базу»¹. Как правило, это утверждение дополнительно не

¹ В различных вариантах эта мысль встречается во многих печатных работах [например: 273, с. 241; 363, с. 175; 297, с. 6]. Предположительно можно назвать первоисточник. В 1987 г. сотрудники тогда Отдела археологии Крыма ИА АН УССР готовились отметить сорокалетие существования своего учреждения. Т.Н. Высотская обратилась для консультации о начале работы СИА к вдове П.Н. Шульца В.А. Головкиной. В сохранившемся ответе встречаем: «В 1952(?) г. Президиумом АН СССР [П.Н. Шульц – Н.Ч.] был командирован для организации Крымского филиала Ак. наук. Остальное Вам известно» [76, л. 23]. Но известно было, по-видимому, далеко не все. Во многом этим можно объяснить почти дословное цитирование В.А. Головкиной, отмечавшей, тем не менее, в том же письме: «Лично от

аргументируется. В то время, как его составляющие могут быть поставлены под сомнение. Прежде всего, неясно, почему организацию комплексного многопрофильного регионального центра в Крыму Академия наук поручила археологу П.Н. Шульцу. Во-вторых, крайне нечетко представляются официальные основания таких полномочий. В-третьих, затруднительно объяснить, по какой причине ответственность была возложена на одного человека. В-четвертых, требует обоснования хронология истории организации академического центра археологии в Крыму, итогом которой стало открытие СИА как структурного подразделения Крымской научно-исследовательской базы (КНИБ) АН СССР. Рассмотрение указанного факта в более широком контексте актуализирует комплекс вопросов, касающихся фундаментальных причин и историко-социальных обстоятельств учреждения отделения Академии наук в Крыму.

Таким образом, утвердившаяся историографическая формула явно нуждается в подтверждении либо аргументированном уточнении/опровержении. При этом, острота исследовательского интереса к феномену образования и становления академической институции в Крыму должна сопровождаться не меньшим вниманием к фигуре главного действующего лица этого процесса, которым принято считать П.Н. Шульца. В этом аспекте проблемы приходится констатировать столкновение с не меньшим числом сложностей. Выдающийся археолог-полевик, известный, прежде всего открытиями на Неаполе Скифском, автор концепции позднескифской культуры и государственности Крымской Скифии, казалось бы, не нуждается в дополнительном представлении. Но перечисленные вехи относятся ко второй половине жизни ученого, в то время как о первых четырех десятилетиях его биографии известно очень немногое. А ведь именно в этот, почти неизученный период, происходило личностное и профессиональное становление П.Н. Шульца, который прибыл в Крым в августе 1945 г. сформировавшимся специалистом и связал следующие двадцать лет своей

меня толку мало, совсем стала Божий одуванчик, ничего не помню, плохо вижу, зря копчу небо» [Там же. л. 23 об.].

научно-организационной деятельности с основанием и поддержанием работы местного академического центра археологии.

Объектом предлагаемой диссертации является история академической археологии Крыма, **предметом** — становление регионального академического научно-исследовательского центра археологии в Крыму.

Хронологические рамки диссертации охватывают начало 1920-х гг. – 1956 г. Выбор нижней границы обусловлен необходимостью раскрыть характер процесса активизации региональной активности академических учреждений СССР (РАИМК/ГАИМК, РАН/АН СССР) и выяснить его конкретные проявления в Крыму. Верхний хронологический рубеж определяется 1956 г., когда в истории академического центра археологии Крыма (Отдела истории и археологии КФ АН УССР) наступает новый этап, связанный с подчинением Институту археологии АН УССР.

События, излагаемые в диссертационной работе, связаны с образованием археологического центра в Крымской АССР, **географические рамки** которой совпадали с естественными границами Крымского полуострова. В то же время, участниками рассматриваемых процессов являлись исследовательские центры и отдельные ученые Ленинграда, Москвы, Киева и других крупных городов бывшего СССР. Приводимые в качестве аналогий примеры становления академических институтов за пределами Крыма, обусловили необходимость обращения к специфике научно-организационных мероприятий в республиках и регионах бывшего СССР.

Целью настоящего исследования является всесторонняя реконструкция процесса становления академического центра археологии в Крыму. Для ее достижения предполагается решение следующих **задач**:

1. Выяснение предпосылок и причин организации регионального подразделения Академии наук в Крыму на фоне аналогичных процессов в советском научном строительстве 1920–1930-х гг.

2. Дополнение научной биографии первого заведующего академическим центром археологии Крыма П.Н. Шульца и выяснение его роли на разных этапах организации регионального отделения Академии наук в Крыму.

3. Установление причин, обстоятельств и хронологии создания Крымской научно-исследовательской базы АН СССР в 1947 г.

4. Описание структуры, научного состава и основных направлений работы Сектора истории и археологии КНИБ АН СССР.

5. Сравнение планов и итогов научно-исследовательской деятельности СИА/ОИА КФ АН СССР на этапе становления научного центра.

6. Анализ причин и последствий перевода крымского академического центра археологии в систему Института археологии АН УССР.

Степень изученности темы. Хронологически наиболее ранним обобщением истории деятельности академического центра археологии в Крыму в послевоенный период следует признать статью П.Н. Шульца, посвященную итогам 30-летних археологических исследований на полуострове в период советской власти [33]. В последующие четыре десятилетия (1960–1990-е гг.) наблюдается полное отсутствие специальных исследований по проблеме настоящей диссертации. В обобщающих работах по истории региональной деятельности Академии наук СССР не нашлось места хотя бы для краткой характеристики истории Крымской базы/филиала [253; 254]. Возможно, это связано с непродолжительностью существования учреждения, его переходом в 1954 г. в систему АН УССР и последовавшей ликвидацией в 1956 г. При этом, в научной литературе этого времени известны примеры исследований, посвященных отдельным академическим филиалам и базам АН СССР, либо проектам организации таких центров. Монографически рассматриваются оригинальные опыты образования академических организаций в Молдавской ССР [170] и в Закавказье [225]. В последней работе, основанной на документах архива Академии наук Грузии, восстановлены страницы деятельности первого в истории Российской академии наук регионального учреждения — Кавказского историко-археологического института.

В начале 2000-х гг. в связи с ростом исследовательского интереса к многогранным аспектам институциональной истории науки [339, с. 303], появляются печатные работы о различных аспектах прошлого академической археологии в Крыму. Прежде всего, необходимо отметить значительный вклад В.Ю. Юрочкина, впервые обратившегося к теме деятельности СИА/ОИА в работе «От Скифии к Готии», написанной в соавторстве с С.Г. Колтуховым [251]. Обозначенный аспект получил существенное подкрепление и развитие в диссертации ученого, опубликованной монографически [357], и серии научных статей [356; 360; 361; 363; 365; 366]. Исследователем впервые осуществлена попытка реконструкции истории послевоенного академического центра археологии в Крыму. Важным результатом стало введение в научный оборот сотен ценных не публиковавшихся ранее документов, фотографий, рисунков, карт — выявленных, главным образом, в крымских архивах. При этом целью изысканий В.Ю. Юрочкина не являлось выяснение предпосылок и обстоятельств возникновения в Крыму академического учреждения. Недавно исследователь предложил виденье начала работы крымского археологического центра в системе АН УССР в 1950-е гг., основанное, правда, исключительно на данных крымских архивов [364].

В 2000-е гг. в рамках исследовательской деятельности научной школы А.А. Непомнящего увидели свет несколько десятков монографий серии «Биобиблиография крымоведения». В некоторых из этих работ затрагивались подробности академического присутствия в Крыму в 1920–1930-е гг. [283; 289; 291], отдельными авторами для этого периода реконструирована атмосфера музейной и краеведческой среды Крымской АССР [300; 320; 171; 284]. Хронологически и тематически к этой группе примыкает комплексный труд В.М. Зубаря, посвященный истории археологического изучения Херсонеса в XX — начале XXI вв. [234]. Научные исследования рассмотрены автором на широком фоне эпохи. В числе важных работ рассматриваемого периода нельзя не упомянуть, основанную на многочисленных архивных источниках, книгу С.Б. Филимонова, в которой раскрывается многогранная деятельность ведущего

краеведческого объединения Крыма в 1920 – начале 1930-х гг., Таврического общества истории, археологии и этнографии, члены которого были тесно связаны с академическими учреждениями Москвы и Ленинграда [346].

В последние полтора десятилетия аспекты институционализации историко-археологического изучения Крыма интересуют все большее число специалистов. Особенно следует выделить исследование Е.Г. Застрожной (Панкратовой) о непростом периоде 1917–1941 гг. в изучении археологических памятников Восточного Крыма [303]. Эта работа представляет большую ценность для настоящей диссертации, поскольку ее автор затронула ранее неизвестный факт намерений организации в 1920-е гг. в Керчи стационарной базы ГАИМК. Можно утверждать, что это стало отправной точкой поисков других подобных примеров организационной активности Академии в Крыму.

Существует комплекс работ, в которых разными авторами раскрыты отдельные стороны деятельности академического центра археологии в Крыму в послевоенный период. Так, значительное место в широком спектре направлений работы СИА/ОИА занимали памятникоохранные мероприятия. В этом аспекте нельзя не отметить цикл исследований А.Ю. Манаева [271–274] и его ученицы Н.С. Дружининой [216–218], в которых на основании документов архивов Москвы, Санкт-Петербурга и Крыма создается история охраны крымского культурного наследия в первые послевоенные десятилетия. В многочисленных печатных работах раскрыты подробности хода и результатов отдельных археологических исследований, проводившихся СИА/ОИА в 1940–1950-е гг. [204; 210; 226; 227; 245; 249; 265; 269], освещены появление и развитие конкретных научных идей [250; 267; 307; 309; 325].

Внимательного рассмотрения заслуживают современные публикации архивных документов. Особенный интерес представляет статья Н.С. Емельяновой [221], в которой наряду с полноценным введением в научный оборот текста проекта организации в 1950 г. Института истории и археологии КФ АН СССР, предложен анализ обстоятельств подготовки и попытки осуществления положений документа.

Для решения задач диссертационной работы рассмотрение особенностей академического присутствия в Крыму осуществлялось на фоне сложных процессов в жизни советского государства и науки в 1920–1950-е гг. В связи с этим, потребовалось привлечение данных обобщающих монографий, посвященных истории Российской академии наук [314; 315]. Следует, правда, отметить, что крымской тематике в них отведено весьма скромное место. Немного сведений о крымских проектах удалось выяснить при знакомстве с крупными работами об Академии/Институте истории материальной культуры [168; 298]. Крымское направление деятельности учреждения пока представляет собой малоизученный аспект. Практически ни единого слова не сказано об истории академического центра в Крыму в юбилейных изданиях в честь 90-летия и 100-летия Национальной академии наук Украины [373; 374].

В настоящее время в литературе не существует специального исследования по истории региональной деятельности Академии наук СССР. Тем не менее, отдельные публикации посвящены истории академических филиалов и баз, либо проектам организации таких центров. В разной степени разработаны подробности организации и деятельности академических баз в Сыктывкаре [185], Петрозаводске [192], Махачкале [268], филиалов в Казани [228], Свердловске [252], Новосибирске [264], на Дальнем Востоке [239; 190], а также в республиках бывшего СССР: Узбекистане [256], Казахстане [369], Киргизии [367], и Таджикистане [370]. Следует особо отметить работу Е.Н. Колосовой, которая впервые предприняла попытку сравнения условий становления и последующей деятельности филиалов и баз РСФСР. Примечательно, что многие публикации, посвященные истории региональных академических центров появились только в последние годы. Среди них пока отсутствует специальная работа по истории Крымского филиала.

Наконец, следует перечислить немногочисленную литературу, посвященную жизни и научной деятельности П.Н. Шульца. Полноценной биографии исследователя пока не существует. В разные годы на страницах периодической печати появились статьи, в которых предпринимался опыт

характеристики основных вех жизни П.Н. Шульца [355; 206; 259]. Ни одна из этих публикаций не дает достаточно полного представления о довоенном периоде биографии ученого, времени его профессионального становления. Работы учеников П.Н. Шульца, А.Н. Щеглова и Т.Н. Высотской, основаны исключительно на сведениях, полученных в ходе продолжительного общения с наставником. В статье О.М. Кузьминой внимание сосредоточено на связи П.Н. Шульца с регионом Ржевского Верхневолжья, где будущий ученый провел детство, сделал первые самостоятельные шаги как археолог. Будучи знакома с дочерью П.Н. Шульца Натальей Павловной (1932–2016), автор приводит любопытные подробности семейного предания ученого, и только некоторые факты подкрепляет документально.

Источниками написания диссертации, главным образом, являются ранее не публиковавшиеся данные документальных собраний *Крыма*: Научного архива Института археологии Крыма РАН (51%²), Государственного архива Республики Крым (19%), Научно-отраслевого архива музея-заповедника «Херсонес Таврический» (1,6%); *Санкт-Петербурга*: Центрального государственного архива г. Санкт-Петербург (5%), Рукописного отдела Научного архива ИИМК РАН (4,2%), Санкт-Петербургского филиала Архива РАН (4,2%), Архива Государственного Эрмитажа (2,4%), Научного архива Российской Академии художеств (1%); *Москвы*: Архива РАН (9,2%), Отдела письменных источников ГИМ (1%), Государственного архива Российской Федерации (1%), Отдела рукописей Третьяковской галереи (1%). Хронологически в использованных материалах можно выделить четыре группы: 1920-е гг. (21%), 1930-е гг. (35%), 1940-е гг. (32%) и 1950-е гг. (12%).

Привлеченные **архивные источники** подразделяются на две большие группы по признаку происхождения: частные и официальные. К первым необходимо отнести биографические материалы и неопубликованные результаты

² Здесь и далее приводится процент от общего числа использованных архивных источников.

научной деятельности ряда исследователей (19%), а также личную корреспонденцию (16,8%). Прежде всего, это ранее не вводившиеся в научный оборот документы фонда П.Н. Шульца в Научном архиве Института археологии Крыма РАН (Ф. Л-9). В настоящей работе использованы сведения источников, позволяющих восстановить подробности ранней биографии исследователя, очертить круг межличностной коммуникации в различные периоды его деятельности, осветить причины и следствия возникновения и эволюции научных и научно-организационных замыслов ученого. В диссертации большое внимание отведено роли личностного фактора в рассматриваемых событиях. В связи с этим, значительный объем информации получен в ходе работы с личными фондами Н.Я. Марра (Ф. 800) и В.И. Равдоникаса (Ф. 1049) в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, О.Ф. Вальдгауера (Ф. 61) в Архиве Государственного Эрмитажа, И.И. Пузанова (Ф. 1674) и А.В. Арциховского (Ф. 1804) в Архиве РАН, Я.Д. Козина (Ф. Р-3866), А.И. Полканова (Ф. Р-3814) и П.Н. Надинского (Ф. Р-3296) в Государственном архиве Республики Крым, Л.А. Моисеева (Ф. 1) в Научно-отраслевом архиве музея-заповедника «Херсонес Таврический». Особенно следует выделить документальное собрание академика С.В. Бахрушина (Ф. 624) в Архиве РАН, среди материалов которого удалось обнаружить сведения о ранее неизвестном довоенном проекте Академии наук по организации регионального отделения в Крыму.

К второй группе (официальной документации) относятся отчеты о научных исследованиях, раскопках и разведках (13,4%), организационная документация научно-исследовательских учреждений (11,6%), стенограммы ученых заседаний, отдельных докладов и публичных выступлений (10%), официальная ведомственная переписка (10%), отчетные и плановые бумаги организаций (9,7%), тексты приказов и распоряжений (9,5%). Наиболее представительным для этой группы является собрание фонда Научно-административной документации (Ф. 3) в Научном архиве Института археологии Крыма, разделенном на десять описей по тематическому признаку. Менее информативен для реконструкции истории становления академического центра археологии в Крыму фонд

Крымского филиала АН СССР (Ф. Р-3383) в Государственном архиве Республики Крым, в который делопроизводственная документация СИА/ОИА не поступала. Этот фонд позволяет раскрыть многие подробности раннего этапа существования академической базы/филиала Академии наук в Крыму, но практически не содержит документов о финальном периоде истории учреждения (наиболее поздние бумаги датируются 1955 г.). Значительно дополняют представление об обстоятельствах подготовки и организации крымского регионального отделения Академии наук СССР материалы фонда Совета филиалов и баз (Ф. 188) Архива РАН.

В диссертации использованы данные **опубликованных источников**. Обращение к эволюции административных и законодательных основ институционализации академической науки потребовало изучения юридических документов 1920–1940-х гг. [4; 17; 20]. Осмысление мотивов и поступков отдельных личностей в рассматриваемых событиях было бы неполноценным без анализа их опубликованного научного наследия. Значительную часть этой категории источников составили печатные работы П.Н. Шульца, содержание которых позволяет проследить эволюцию взглядов и идей ученого [21; 26–35]. Немаловажны в этом контексте публикации коллег П.Н. Шульца, исследователей-современников, принимавших участие в научно-организационных процессах становления академического центра в Крыму. Знакомство с ними существенно дополняет образ эпохи рассматриваемых событий [3; 5; 9–11]. Особую ценность для настоящей диссертации представляют опубликованные отчеты и программные документы академических учреждений [6; 8; 14; 19]. Значительным информационным потенциалом обладают привлеченные в диссертации сборники архивных документов, связанных с деятельностью Академии наук СССР и УССР [1; 12; 13; 37–39], а также публикации отдельных документов [18; 21; 22].

Научная новизна предлагаемой диссертации заключается в том, что впервые на основании широкого круга не публиковавшихся ранее документальных материалов центральных, региональных и ведомственных

архивов предпринимается реконструкция истории создания академического центра археологии в Крыму.

Одним из главных результатов диссертационного исследования стало установление продолжительности процесса организации академического центра археологии в Крыму, протекавшего в 1920–1940-е гг., далеко не всегда при непосредственном участии П.Н. Шульца.

В ходе исследования предложена реконструкция научной биографии П.Н. Шульца. Многие подробности жизни и деятельности ученого, до настоящего времени известные, главным образом, по воспоминаниям коллег и учеников, дополнены сведениями официальной и частной документации ряда крымских и центральных (Санкт-Петербург, Москва) архивов.

Методологические основы. Предлагаемая диссертация может быть отнесена к жанру исследований по институциональной истории археологической науки. Соответствующая методология позволяет: реконструировать научно-организационную деятельность; выявить закономерности развития учреждения; оценить вклад отдельных персоналий в становление академического центра археологии в Крыму.

Методологическая база диссертационного исследования опирается на комплекс научных подходов, обеспечивающих всестороннее изучение процесса становления академического центра археологии в Крыму. Источниковедческий подход реализован через: анализ документальных материалов центральных и региональных архивов; изучение личных фондов учёных; исследование официальной документации научных учреждений. Теоретико-методологическую основу составляют: принцип историзма (рассмотрение событий в контексте эпохи); принцип объективности (непредвзятая оценка исторических фактов); принцип детерминизма (выявление причинно-следственных связей); системный подход (анализ взаимосвязей между различными элементами исследуемого процесса). Междисциплинарный подход реализуется через: взаимодействие с исторической антропологией; использование методов институциональной истории; применение подходов исторической социологии.

Методы исследования включают: историко-генетический метод, в рамках которого прослежено становление и развитие академического центра археологии в Крыму; сравнительно-исторический метод, позволяющий сопоставить опыт создания других региональных академических центров в регионах бывшего СССР. Для реконструкции научной биографии П.Н. Шульца использован биографический метод. Статистический метод применен для анализа количественных показателей первых лет деятельности СИА/ОИА.

Необходимо упомянуть исследования, чьи методологические основы, особенности целеполагания и структуры оказали влияние на складывание замысла настоящей работы. Из русскоязычной научной историографии следует отметить диссертации И.М. Бухтояровой [193], рассмотревшей на примере творческого вклада С.Н. Замятина развитие отечественного палеолитоведения в XX в., и Р.С. Зори [233], изучившего особенности складывания Казанской археологической школы в контексте личностного измерения Н.Ф. Калинина. По своей идее к этим работам близка диссертация [372], посвященная роли Э.Р. Штерна в становлении отечественной античной археологии Северного Причерноморья в конце XIX – начале XX вв. Основываясь на документах государственных и ведомственных архивов Украины и России, автор приходит к заключению о происхождении антиковедческих школ обеих стран от научных традиций Э.Р. Штерна — Б.В. Фармаковского. В высокой степени любопытны опыты зарубежных коллег. Целый ряд исследований написан в жанре контекстуальной биографии: научная и организационная деятельность конкретных ученых рассматривается на богатом фоне политической, экономической и социальной специфики эпохи. В этом отношении можно привести пример как изучения отдельной научной проблемы несколькими поколениями специалистов, работавших в атмосфере своего времени [380], так и реконструкции отдельных научных биографий [378; 381], наконец, исследований, рассматривающих гражданскую и идеологическую активность археологов прошлого [376; 379; 377].

Теоретическая и практическая значимость работы. Данные, полученные в результате диссертационного исследования, могут быть на практике использованы в написании обобщающих работ по истории и археологии Крыма, разработке лекционных курсов по истории археологической науки, близких по тематике учебных и методических пособий в высшей школе.

Раскрытый в настоящей работе опыт взаимодействия органов государственной власти, учреждений науки и представителей общественности в области сохранения и спасения историко-культурного наследия в 1940–1950-е гг. может быть применен в современной разработке и внедрения памятникоохранных мероприятий.

Положения, выносимые на защиту.

1. Образование регионального отделения Академии наук в Крыму (Крымской научно-исследовательской базы) в структуре которого начал функционирование археологический центр (Сектор истории и археологии) — продолжительный, охватывающий два десятилетия (1920–1940-е гг.), процесс, в котором деятельное участие принимал ряд центральных и местных научных учреждений, структуры государственной власти и отдельные представители ученого сообщества.

2. В научной литературе организацию Крымской научно-исследовательской базы обычно связывают с деятельностью П.Н. Шульца. Этот факт становится понятнее в свете событий довоенной биографии ученого, практически не изученной до настоящего времени. Время профессионального становления П.Н. Шульца — показательный пример формирования представителя первого поколения советского ученого в эпоху трансформации системы подготовки и аттестации научных кадров в 1920-е гг. Основанная на архивных документах реконструкция довоенной биографии П.Н. Шульца позволила уверенно установить его специализацию как историка античного искусства. Соответственные профессиональные качества и навыки отразились на последующем выборе вектора его исследовательской деятельности, включившей в 1930-е гг. проблематику истории искусства и археологии древнего Крыма.

3. В 1920–1930-е гг. одновременно складывались замыслы открытия в Крыму стационарного центра археологических исследований. Первенство в этой организационной деятельности принадлежало РАИМК/ГАИМК, преемнице ИАК, которой до революции были подконтрольны музеи в Керчи и Херсонесе. Провал проектов Керченской (1926 г.) и Херсонесской (1924, 1934 гг.) станций Академии во многом явился результатом противостояния ленинградского и московского сообщества археологов.

Следующая попытка организации научно-исследовательской базы в Крыму связана с недостаточно изученным процессом региональной деятельности АН СССР в 1930-е гг. В стенах Отделения истории и философии Академии в начале 1941 г. по инициативе член-корреспондента С.В. Бахрушина разрабатывался проект создания Крымской научно-исследовательской базы по историческим дисциплинам. Эту инициативу поддержал Крымский Обком ВКП(б), настоявший на образовании в Крыму комплексного филиала АН СССР. Осуществление этих важных начинаний прервало начало войны.

4. В научно-организационных процессах, связанных с созданием в Крыму отделения Академии наук, фигура П.Н. Шульца становится значимой в годы войны, когда ученый оказался в составе коллектива ИИМК АН СССР в Москве. Организованная П.Н. Шульцем в 1945 г. Тавро-Скифская экспедиция ГМИИ им. А.С. Пушкина и ИИМК им. Н.Я. Марра, изначально позиционировалась как учреждение, подготовившее развертывание в Крыму постояннодействующей базы Академии наук.

5. В структуре образованной 23 декабря 1947 г. Крымской научно-исследовательской базы появился первый в СССР сектор истории и археологии. В его составе помимо групп истории и археологии, были созданы заповедник на Неаполе Скифском, база в Бахчисарае, лаборатория археологической технологии и кабинет антропологии.

СИА в первые годы работы столкнулся с трудностями, через которые прошли все до- и послевоенные академические региональные центры: нехваткой квалифицированных специалистов, отсутствием необходимых рабочих и жилых

помещений, крайне недостаточным финансированием, ограниченными возможностями публикации результатов работы.

Вместе с тем, археологи приступили к выполнению двух научно-исследовательских проблем, подразделявшихся на девять тем. В 1948–1950-гг. ежегодно проводились полевые работы Тавро-Скифской, Инкерманской и Херсонесской экспедиций. Особенно результативной оказалась памятникоохранная деятельность СИА, осуществлять которую академический центр не был формально уполномочен.

6. В последующие годы (1951–1953 гг.) крымский академический центр археологии не смог решить проблем неполной укомплектованности научного штата, недостаточности финансирования и низкой публикационной активности. При этом, археологи СИА/ОИА продолжили формировать планы научно-исследовательской деятельности, масштабам которой не соответствовали реалии слабых организационных возможностей. Даже в скорректированном пятилетнем плане, составленном в 1952 г., по группе археологии ОИА значилась подготовка в течение трех лет восьми монографий, посвященных комплексным вопросам крымской археологии, а также ежегодное проведение пяти экспедиций (Северо-Крымской, Тавро-Скифской, Славяно-Крымской, Горно-Крымской и Херсонесской). Указанные позиции пятилетнего плана удалось выполнить лишь частично. Если в отчете 1953 г. приводились конкретные достижения публикационной активности археологов ОИА, то данные 1954 г. свидетельствуют о том, что из печати не вышло ни одной работы. Противоположно складывалась ситуация в полевых исследованиях: в 1953 г. не проводилась ни одна из запланированных экспедиций, зато сезон 1954 г. оказался весьма насыщенным.

7. Объективные причины возникновения комплекса проблем первых лет деятельности академического центра археологии в Крыму, с одной стороны заключались в общих для эпохи трудностях времени послевоенного восстановления, обусловивших ограниченное финансирование со стороны АН СССР, а с другой в непонимании в руководстве КФ специфики работы археологов. В то же время, немало просчетов приходится отметить и в работе

руководителя ОИА, П.Н. Шульца, талантливого археолога-полевика, организатора экспедиционной работы, при этом не имевшего практического опыта администрирования академического учреждения.

8. В 1956 г. в системе Академии наук УССР, не имевшей периферийных подразделений, Крымский филиал был расформирован. Группа археологии переводилась в структуру Института археологии АН УССР в статусе Отдела археологии Крыма. Эта перемена имела больше позитивных последствий, которые заключались в сохранении научного состава, уточнении специализации деятельности крымского центра после исключения из него группы истории, наконец, в подчинении учреждению с общим профилем, обладавшим целевым финансированием и издательскими возможностями. В сохранении крымского академического центра археологии принципиальна заслуга П.Н. Шульца, своевременно заручившегося поддержкой руководства Института археологии и Института истории АН УССР.

Апробация результатов диссертационного исследования осуществлена в 13 сессионных и 1 стендовом докладах на международных и всероссийских конференциях, прошедших в 2022–2025 гг. в Москве, Санкт-Петербурге, Казани, Новосибирске, Симферополе, Севастополе и Керчи. Основные положения диссертационной работы вводились в научный оборот в 2 коллективных монографиях, 17 научных публикациях, 5 из которых входят в перечень рецензируемых научных журналов ВАК.

Статьи в изданиях из перечня ВАК:

1. Чемодуров, Н.Н. Дневник научной командировки П.Н. Шульца 1932 г.: источник по истории довоенной крымской археологии // Боспорские исследования. – 2023. – Вып. XLVI. – С. 265–297.

2. Чемодуров Н.Н. Евпаторийская экспедиция ГАИМК в переписке Я.Г. Благодарного и П.Н. Шульца // Материалы по истории, археологии и этнографии Таврии. – 2024. – Вып. XXIX. – С. 516–538.

3. Чемодуров Н.Н. Профессиональное становление П.Н. Шульца в 1920-е гг. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – 2025. – Вып. XXX. – С. 661–683.

4. Чемодуров Н.Н. «Собираются писать Вам поношение за измену — Лори на Крым!»: планы и действительность экспедиции Ф.И. Шмита в Закавказье // Записки Института истории материальной культуры. – 2025. – № 33. – С. 106–118.

В соавторстве:

5. Чемодуров Н.Н., Леонов, Л.Л. Металлические разновески памятников Северного Причерноморья в неопубликованном научном наследии П.Н. Шульца // Археология Евразийских степей. – 2023. – № 1. – С. 111–126.

Коллективные монографии:

6. Майко В.В., Юрочкин В.Ю., Чемодуров Н.Н., Денисенко Н.Д. От Сектора к Институту. Очерк истории: К 75-летию Института археологии Крыма РАН / ред.-сост. В.В. Майко, В.Ю. Юрочкин, Н.Н. Чемодуров, Н.Д. Денисенко. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2023. 96 с. (Серия: История академической археологии Крыма, Вып. 3.).

7. Чемодуров Н.Н., Власов В.П., Денисенко Н.Д. Античное поселение Варваровка I в Нижнем Побужье: материалы раскопок 1938–1939 гг. (Археологические памятники Северного Причерноморья) / научн. ред. М.Т. Кашуба, М.В. Медведева; авт., ред.-сост. Н.Н. Чемодуров; авт. В.П. Власов, Н.Д. Денисенко. – СПб.–Симферополь: Институт истории материальной культуры РАН, Институт археологии Крыма РАН, 2023. – 344 с. – (Серия: Археологические памятники Северного Причерноморья. Вып. 7)

В прочих изданиях:

8. Чемодуров Н.Н. Деятельность Тавро-Скифской экспедиции: к 75-летию научного предприятия // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в.н.э.). – 2020. – Т. 6. – С. 260–283.

9. Чемодуров Н.Н. Тавро-Скифская экспедиция и ее роль в изучении позднескифской культуры // Новые исследования молодых археологов в Крыму :

Материалы научной конференции, Симферополь, 06–07 октября 2020 года / Научный редактор И.Н. Храпунов. – Симферополь: [б.и.], 2020. – С. 84–90.

10. Чемодуров Н.Н. Новый источник по истории крымской археологии (из наследия П.Н. Шульца) // XXIV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологические и письменные источники в исторических реконструкциях : Материалы международной научной конференции, Керчь, 22–25 мая 2023 года. – Симферополь–Керчь: ООО «Соло Рич», 2023. – С. 422–429.

11. Чемодуров Н.Н. Довоенные исследования античного поселения Варваровка: новые источники о старом открытии // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: Материалы VII Международной научной конференции (Севастополь, 29 мая – 5 июня 2023 г.) в 2 т. Т. 2. / Отв. ред. В.В. Лебединский; ред.-сост. Н.В. Гинькут, Ю.А. Пронина. – М.: ИВ РАН, 2023. – С. 165–170.

12. Чемодуров Н.Н. «Особый отчет не замедлит появиться в ближайшем сборнике»: к 100-летию археологических исследований П.Н. Шульца в верховьях р. Волга // Миллеровские чтения–2022: «Науки производить и совершать». Начало академической науки в России: материалы IV Международной научной конференции 11–13 мая 2022 г., Санкт-Петербург / сост.: Л.Д. Бондарь, М.В. Поникаровская, И.В. Тункина ; СПбФ АРАН. – СПб.: Реноме, 2023. – С. 170–177.

13. Чемодуров Н.Н. Проекты археологического изучения Крыма в довоенном творчестве П.Н. Шульца: от замыслов к реализации // У истоков советских археологических школ (1918–1950). Материалы Международной научной конференции / Отв. ред. И.А. Сорокина. – М.: ИА РАН, 2023. – С. 75–77.

14. Чемодуров Н.Н. Евпаторийская экспедиция ГАИМК 1933–1934 гг.: новые данные из крымских архивов // Тарханкутские историко-археологические чтения – 2024: Материалы V Международной научно-практической конференции,

п. Черноморское, 23–25 сентября 2024 года. – Симферополь: ООО ИТ "Ариал", 2024. – С. 31–33.

15. Чемодуров Н.Н. «... было постановлено приступить к работе...»: из истории создания археологической карты Крыма // Труды VII (XXIII) Всероссийского археологического съезда: в 3 т. Т. III. Красноярск, 6–10 октября 2025 г. / отв. ред.: А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, А.В. Поляков, П.В. Мандрыка. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2025. – С. 485–488.

16. Чемодуров Н.Н. «Николай Львович был скромным тружеником...»: к истории сохранения памяти о Н.Л. Эрнсте // Монументальность и монументальная скульптура эпохи палеометалла и раннего железного века. К 100-летию находки стелы из Бахчи-Эли в Крыму / Отв. ред.: М.Т. Кашуба, В.П. Власов, М.А. Кулькова. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2025. – С. 245–257.

17. Чемодуров Н.Н. Археологическая карта Е.В. Веймарна // Древности античной и средневековой Таврики: проблемы хронологии, интерпретации, картографирования (к 120-летию со дня рождения Е. В. Веймарна): Материалы Всероссийской научной конференции / Отв. ред.: Э. А. Хайрединова, М. Т. Кашуба; ред.-сост.: Н. Н. Чемодуров. – Симферополь: ООО «Антиква», 2025. – С. 16.

18. Чемодуров Н.Н. Музейная археология Крыма накануне Великой Отечественной войны: проекты и действительность // Ad fontes – Ἐπὶ τὰς πηγάς: исторические источники и их исследователи : материалы II Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Симферополь, 26–27 ноября 2025 года. – Симферополь: ООО "Антиква", 2025. – С. 208–216.

В соавторстве:

19. Чемодуров Н.Н., Майко В.В. Научный архив Института археологии Крыма РАН: история и современность // HISTORIA AETERNA: осмысляя историческое наследие...: сборник статей к 65-летию члена-корреспондента РАН Ирины Владимировны Тункиной / ред.-сост. Л.Д. Бондарь, И.Л. Тихонов; СПбО РАН; СПбФ АРАН. – СПб.: Реноме, 2025. – С. 69–77.

Структурно диссертация включает введение, четыре главы, заключение, список сокращений, список источников (опубликованных и неизданных) и литературы, а также приложений, в которых представлены архивные документы, к которым существовала необходимость обратиться в основной части работы, и иллюстрации (фотографии, скан-копии отдельных документов и рисунки).

ГЛАВА 1. П.Н. ШУЛЬЦ — ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ПЕРВОГО ПОКОЛЕНИЯ СОВЕТСКИХ АРХЕОЛОГОВ

На рубеже XIX–XX вв. в России продолжалось теоретическое осмысление археологии как самостоятельной научной дисциплины, предлагались варианты ее предмета, задач и методов. Усилиями ученого сообщества создавались предпосылки возникновения системы подготовки специалистов-археологов в университетах. Революция 1917 г. ускорила эти процессы. Идеология материализма определила новые задачи исторической науки, в инструментарии которой важнейшее место заняло изучение вещественных источников. В 1919 г. в Петрограде на организационном фундаменте бывшей ИАК создается РАИМК. Ее штат составили немногочисленные деятели дореволюционной науки. Последующие административные преобразования советской власти в системе высшего образования были призваны обеспечить подготовку новых кадров археологов-марксистов. В их числе оказались представители поколения ученых, родившихся в 1890–1900-е гг. Период ранней биографии П.Н. Шульца — показательный пример профессионального становления в обстановке 1920 – 1930-х гг.

1.1. Археолог или историк искусства? Происхождение и профессиональное становление П.Н. Шульца

В дореволюционной России под словом «археология» в широком смысле понималась история классического искусства. Конкретного обозначения для человека занятого в такой сфере не существовало³. Ни один университет Российской империи не готовил специалистов «археологов», хотя соответствующие теоретические дисциплины преподавались во многих направлениях подготовки [338]. Важным событием стало написание А.А. Спицыным первого специального пособия, основанного на лекционном

³ Как, впрочем, и сейчас. В современном российском классификаторе профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов отсутствует такая специальность как «археолог».

цикле [332]. Необходимость введения археологии в число направлений университетской подготовки становилась предметом обсуждения дореволюционных археологических съездов [340, с. 361]. Вместе с тем, практические навыки по-прежнему можно было получить, лишь став частью научных школ, сложившихся в конце XIX в. вокруг Н.П. Кондакова, Н.И. Веселовского, М.И. Ростовцева, Б.В. Фармаковского и других ученых, совместивших в своей работе кабинетные и полевые методы.

Перемены в России после 1917 г. не привели к быстрой трансформации археологической науки. Первые преобразования коснулись формы организации археологической службы: бывшая Императорская Археологическая комиссия стала Российской академией истории материальной культуры; многочисленные губернские архивные комиссии продолжили свою краеведческую и памятникоохранную деятельность в статусе обществ истории, археологии и этнографии; не прекратили активной работы, но объединились вокруг музеев, библиотек и университетов, члены упраздненных МАО, РАО, ООИД и др. Одновременно нововведения советской власти затронули сферу образования. В университетах Москвы и Ленинграда в 1920-е гг. появляются археологические отделения, попытки организации таких подразделений предпринимались и в других крупных городах РСФСР [340, с. 363–365]. Вскоре начинает складываться система подготовки соответствующих научных кадров. Действительные реалии этих перемен отразились в судьбах представителей поколения исследователей, родившихся в конце 1890-х – начале 1900-х гг., деятельность которых определила развитие советской науки о прошлом на десятилетия вперед. В историко-научной литературе их традиционно объединяют под знаменателем «археолог». Но, представляется, не все так однозначно.

К поколению ровесников века принадлежал П.Н. Шульц (1901–1983). В 1918–1919, 1920–1923 гг. будущий исследователь учился в Петроградском университете. В одно время с ним в Петрограде/Ленинграде готовились стать археологами, историками и искусствоведами М.И. Артамонов, А.А. Иессен, С.Н. Замятнин, М.Г. Худяков, М.К. Каргер, В.Ф. Гайдукевич, С.С. Гейченко, Т.Н.

Книпович, К.М. Колобова, Г.Д. Белов, А.Н. Карасев, Е.И. Леви и еще немало ярких фигур будущей советской науки. Уделяя главное внимание становлению П.Н. Шульца, время от времени будем обращаться к подробностям судеб его сверстников. Личный пример каждого из них, конечно, уникален. Но в выборке оригинальных траекторий можно проследить некоторые общие закономерности.

Происхождение П.Н. Шульца. В дореволюционной России традиция празднования дня рождения не была ни устойчивой, ни массовой. Более значимыми считали именины. Статус праздника день рождения приобретает к 1930-м гг. [243, с. 10]. В том числе и поэтому в определении точной даты появления на свет отдельных представителей поколения 1890–1900-х гг. возникает путаница. Годами жизни П.Н. Шульца обычно называют: 1899–1982⁴ [326, с. 59], 1900–1983 [355, с. 285; 294, с. 150; 259, с. 122; 362, с. 272] или 1901–1983 гг. [325, с. 4; 361, с. 191]. Есть две причины разницы в мнениях. Во-первых, сам Павел Николаевич в официальных документах (автобиографиях, анкетах, листках учета кадров) указывал год рождения по-разному⁵. Вторая причина заключается в том, что 1900 г. был записан в паспорте и документах воинского учета, данные из которых автоматически переносились в выданные впоследствии удостоверения, свидетельства и прочие официальные бумаги. Проясняет дело документ из личного фонда П.Н. Шульца — метрическое свидетельство его сестры Надежды, появившейся на свет, согласно записи, 24 июня 1900 г. [73, л. 9]. Родиться в тот же год археолог по понятным причинам не мог. Следовательно, первым годом его жизни следует считать 1901 г.

Детство Павла Шульца прошло в атмосфере домашнего воспитания в Санкт-Петербурге. Его дед по отцовской линии — Павел Антонович Шульц (1831–1905) (Рис. 3) — сенатор, писатель, публицист, имел большой особняк с собственной библиотекой и картинной галереей. Думается, основы исторического мировоззрения в раннем возрасте у Павла Шульца заложила мать — Надежда

⁴ Затруднительно объяснить выбор авторов. Ни один известный нам документ не фиксирует таких лет жизни П.Н. Шульца.

⁵ Или 1900 г., или 1901 г.

Николаевна (1875–1941), выпускница Смольного института благородных девиц, дочь Николая Яковлевича Аристова (1834–1882), действительного статского советника, профессора Варшавского и Харьковского университетов, специалиста по русской истории, рано ушедшего из жизни. Отец будущего ученого, Николай Павлович Шульц (1873–1942), по окончании Петербургского университета в 1896 г. был оставлен на кафедре ботаники и анатомии растений для приготовления к профессорскому званию. Помимо исследовательской работы в университете он преподавал в Санкт-Петербургском народном университете, Санкт-Петербургском Мариинском институте, Павловском женском сиротском институте, Педагогической академии, а в 1910 г. принял деятельное участие в открытии и работе Коммерческого училища А.П. Нечаева, впоследствии — Коммерческого учебного общества экспериментальной педагогики [259, с. 124–125].

Филиал этого учреждения в Ржевском уезде помещался в имении Петровское, принадлежавшем семье Шульцев (Рис. 2, 4). По замечанию одного биографа там будущий ученый получил среднее образование [259, с. 124], но сам П.Н. Шульц писал, что учился в Санкт-Петербурге [67, л. 12]. Оконченное им коммерческое училище, основанное психологом, педагогом и публицистом А.П. Нечаевым, соединяло в своей работе образовательную и исследовательскую функции. Организатор учебного заведения обосновал необходимость введения в практику преподавания инструментария психологии и использования педагогического эксперимента [277, с. 72]. Согласно Уставу училище давало общее и коммерческое образование. В распоряжении учеников были библиотека (ученическая и фундаментальная), физический кабинет, музей образцов товаров и лаборатория для экспериментов по химии и товароведению [24, с. 2–3]. Содержание программы обучения приоткрывает аттестат⁶ П.Н. Шульца об окончании училища в 1918 г. (Приложение №1). Обязательными для изучения были два современных (французский и немецкий) языка, технические

⁶ Судя по успехам П.Н. Шульц с гимназических лет тяготел к гуманитарной стезе.

(арифметика, алгебра, геометрия, тригонометрия, аналитическая геометрия и анализ), естественные (естествоведение, физика, химия, космография) и коммерческие (коммерческая арифметика, бухгалтерия, коммерческая корреспонденция, политэкономия, товароведение) дисциплины, а также история, география, законоведение, психология, рисование, черчение и лепка. Дополнительно учащиеся могли пройти курсы обучения древнему языку (латинскому), пению, ручному труду и физических упражнений. Совокупность этих дисциплин в соединении с инновационными методиками преподавания, ориентированного на индивидуальный подход, должны были сформировать у обучающегося комплексные и многосторонние знания [24, с. 7]. Аттестат об окончании училища открывал возможность продолжения учебы в университете.

Сопоставим исходные возможности П.Н. Шульца и его будущих коллег. Вопреки распространенному, в том числе и в научной литературе, мнению о сословных ограничениях в средней и высшей школе Российской империи, современные исследования для периода второй половины XIX – начала XX вв. показали устойчивую динамику роста доступности всех ступеней образования вне зависимости от половой, социальной и этно-конфессиональной принадлежности учащихся [317; 244]. В первое десятилетие XX в. в гимназиях насчитывалось примерно равное число мальчиков и девочек (с существенным преобладанием девочек в некоторых регионах); дети мещан, ремесленников и крестьян составляли более половины, в то время как потомки дворян — не более четверти⁷. Похожая картина складывалась и в высших учебных заведениях [317, с. 520, 524]. Обучение в гимназии, а затем в институте или университете было платным, потому главным препятствием для ребенка из любого сословия становилась материальная необеспеченность. Приведенным фактам не противоречит ситуация, сложившаяся для поколения, родившихся в 1890–1900-е гг. Из перечисленных в введении к настоящей работе 12 персоналий, только двое П.Н. Шульц и А.И.

⁷ Следует принимать во внимание, что эта статистика не отражает соотношения учившихся/не учившихся в каждом отдельном сословии. Разница в проценте грамотности среди детей дворян и крестьян/мещан все же оставалась существенной.

Иессен имели дворянское происхождение, С.Н. Замятнин и Е.И. Леви родились в семьях юристов, М.Г. Худяков — в купеческой семье, отец С.С. Гейченко был военным, а В.Ф. Гайдукевича — врачом, Т.Н. Книпович — дочь известного ученого-зоолога, М.М. Колобова — священника, М.К. Каргер — сын сельского учителя, наконец, М.И. Артамонов, Г.Д. Белов и А.Н. Карасев — дети крестьян. Четверо не имели гимназического образования: В.Ф. Гайдукевич отучился в трудовой школе, Г.Д. Белов — в учительской семинарии, М.И. Артамонов окончил начальную школу и вечернее четырехклассное училище, А.Н. Карасёву пришлось оставить гимназию после пяти классов, чтобы содержать двоих младших братьев. Среди учителей будущих представителей первого поколения советских археологов можно назвать имена: М.И. Ростовцева, А.А. Миллера, Н.П. Сычева, Д.А. Шмидта (имевших дворянство), Д.В. Айналова, С.А. Жебелева (из купеческих семей), А.А. Спицына (сына мещанина), А.А. Васильева (сына военного), О.Ф. Вальдгауэра (сына врача), Б.В. Фамаковского (сына учителя), Д.А. Золотарева (сына священника). Как видно, в старшей генерации специалистов, сформировавшихся задолго до революции, также далеко не все относились к высшему сословию. Затруднительно назвать среди них разве только выходцев из крестьян⁸.

Студенчество П.Н. Шульца. В конце XIX – начале XX вв. условием получения высшего образования было наличие гимназического аттестата. И лишь выпускники классических училищ могли претендовать на обучение в императорских университетах. Так, В.И. Равдоникас, без учета личности которого немыслима история советской археологии, кстати, тоже учившийся в Петроградском университете в одно время с П.Н. Шульцем, окончил до революции реальное училище, в 1915 г. поступил на экономическое отделение Санкт-Петербургского Политехнического института, мог стать коммерсантом. Но стремление к занятию археологией возобладало, хотя путь к специальному университетскому образованию оказался долгим [306, с. 150]. В системе

⁸ Впрочем, Н.П. Кондаков, относившийся к еще более старшему поколению, родился в семье «дворянского человека». Это никак не помешало ему учиться в Московском университете.

образования Российской империи М.И. Артамонов, Г.Д. Белов, В.Ф. Гайдукевич и А.Н. Карасев не имели бы возможности учиться в университете.

Революционные перемены 1917–1918 гг. сделали высшее образование общедоступным. Декрет СНК РСФСР «О правилах приема в высшие учебные заведения» от 2 августа 1918 г. позволил принимать в ВУЗы всех желающих без предъявления документов о среднем образовании, и, что важно, на бесплатной основе. Этим актом отменялись результаты приемной кампании на первый курс 1918/1919 гг. ВУЗы обязывались организовать новый набор без проведения экзаменов. Нарушения декрета рассматривались судом революционного трибунала [4]. В 1918–1920 гг. для абитуриента в Петрограде открывались двери десятков старых и новоучрежденных учебных заведений. Кажущееся на первый взгляд благополучие имело и обратную сторону. Процесс приема в университет в 1918–1919 гг. приобрел хаотичный характер (многие поступившие быстро разочаровывались в реалиях студенческой жизни), ни один университет не был готов материально обеспечить значительно возросшее количество обучающихся (в силу невозможности совмещать учебу и заработок, малоимущие учащиеся оставляли университет), наконец, качество преподавания катастрофически снизилось пропорционально уровню подготовленности новых обучающихся [224, с. 138–142]. Следует помнить, что эти обстоятельства отягчались продолжавшейся Гражданской войной.

Существование студента в таких условиях отражают страницы биографии П.Н. Шульца (Рис. 1). Окончив коммерческое училище, он не успел поступить в университет по старым правилам. В декабре 1918 г. составил прошение о зачислении на историко-филологический факультет Петроградского университета. Его персональные интересы в это время в очень широком смысле можно было определить, как стремление изучать искусство древности [167, л. 1]. В согласии с положением Декрета от 2 августа 1918 г. прием осуществлялся в течение всего учебного года 1918/1919, и заявление было удовлетворено. Кроме того, весной 1919 г., П.Н. Шульц успел пройти программу Живописных курсов при Рабоче-крестьянском доме в Петрограде.

Все же долго учиться ему не пришлось, об этом он писал: «В мае 1919 г. я был мобилизован и вплоть до октября 1920 г. находился в Красной армии за пределами Петрограда. В октябре 1920 г. мне удалось откомандироваться в Военную часть, стоявшую в Петрограде. Одновременно я был командирован в Университет Союзом пролетарских культурно-просветительских организаций (Пролеткульт) г. Ржева, где работал в качестве инструктора и затем заведующего отделом ИЗО. В 1921 г. по статьям 26 и 39 (туберкулез) я вовсе был уволен из Красной армии и целиком отдался учебному делу. В октябре 1921 г. я вторично был командирован в Университет Петропрофобром (командировка при анкете)» [167, л. 44]. За это время не стало факультета, на который П.Н. Шульц поступал: решением Наркомпроса РСФСР от 3 июня 1919 г. историко-филологические факультеты вошли в систему организуемых факультетов общественных наук (ФОН).

Судя по сохранившимся документам, П.Н. Шульц в это время не был полностью уверен, что ему вообще удастся продолжить обучение в Петроградском университете. До окончательного увольнения из армии, оказавшись в Петрограде, 8 ноября 1920 г. он поступил на гуманитарный факультет историко-филологического отделения Педагогического института [167, л. 39]. Совершенно неожиданным в биографии ученого выглядит следующий факт: 24 ноября 1920 г. он пишет заявление о зачислении в слушатели Центрального Института живых восточных языков (ЦИЖВЯ) по отделению сартского языка. Истинные мотивы может раскрывать приписка: «Желаю пользоваться довольствием и интернатом и при сем прилагаю удостоверение об окончании училища и выписку из домово́й книги». Но проучившись месяц на сартском отделении в начале декабря того же года П.Н. Шульц написал очередное заявление Ректору ЦИЖВЯ, в котором его намерение не выглядит обусловленным исключительно желанием поправить материальное положение: «Совместно со слушателем Сартского отделения Михаилом Крутиковым, уже в продолжение полутора недель я посещаю занятия санскритского отделения и почти нагнал слушателей последнего. Слушатель санскритского отд. Крутиков и я

брали урок по санскриту у М.И. Тубьянского и предполагали взять второй. Знание санскрита, в целях изучения искусства Индии, всегда являлось моею основной целью. В настоящее время я веду занятия в Университете и на Дальневосточном отделении Института Истории Искусств в целях приобретения общей подготовки для означенных заданий» [166, л. 1–2]. Может быть, в П.Н. Шульце наука потеряла индолога.

П.Н. Шульц не оставлял попыток вернуться в Петроградский университет. Помог случай: в структуру высшего учебного заведения в начале 1921 г. оказался включен Педагогический институт. Заручившись характеристикой Петропрофобра, а также отзывами своих учителей О.Ф. Вальдгауэра и Б.В. Фармаковского, П.Н. Шульц обратился к проректору Единого Петроградского университета с просьбой о возбуждении ходатайства о переводе на ФОН. В письме он перечислил сданные ранее дисциплины и отметил, что под руководством О.Ф. Вальдгауэра выполнил работу «Мадонна Бенуа и ее автор». В личном студенческом деле сохранилась выписка о решении президиума ФОН: «Ввиду поступивших отзывов о незаурядных способностях и интересах к науке студента Шульца, Педоуч просит считать его командированным для продолжения образования» [167, л. 7]. Свою роль в этом решении сыграло включение П.Н. Шульца в льготную категорию Главпрофобра для детей профессоров и преподавателей. ФОНы имели сложную внутреннюю структуру. П.Н. Шульц был восстановлен в качестве студента литературно-художественного отделения музейного цикла ФОН Петроградского университета в конце осени 1921 г. (Рис. 12) [167, л. 2].

21 июня 1921 г. вступили в силу новые правила приема в высшие учебные заведения, провозгласившие классовый принцип комплектования обучающихся [224, с. 140]. Теперь учеба в университете для имевших дворянское происхождение вновь становилась платной. В 1918 г. П.Н. Шульц уже имел опыт отвлечения на подработку в педагогической и культурно-просветительской деятельности в Ржевском пролеткульте и Губполитпросвете [167, л. 15]. И теперь такая занятость вновь могла сильно помешать продолжению образования. Он

неоднократно обращался в Комиссию по платности университета. Отмечал, что платить абсолютно не в состоянии. Прилагал сведения о своей занятости: так, в первой половине 1922 г. работал по ночам грузчиком, получая 20–25 миллионов руб. в месяц⁹. П.Н. Шульц в это время занимал активную гражданскую позицию, в 1921 и 1922 гг. избирался членом академического правительства университета, председателем ячейки правительства на ЛХО ФОН. Несмотря на происхождение, его общественно-политические взгляды были далеко не реакционными, о своем отношении к власти он писал: «Будучи целиком поглощенным научными интересами и учебной работой и не обладая достаточной политической подготовкой, не считаю себя вправе иметь определенное суждение о партии, но во всяком случае считаю РКП(б) единственно возможной и приемлемой партией в настоящий момент. Поскольку приходилось сталкиваться, мне симпатичны некоторые [идеи] «смено-веховцев» и анархистов. Отношение к Советской власти: во многом преклоняюсь перед Советской властью, но не закрываю глаза на ее отрицательные стороны. Считаю единственно возможной и приемлемой властью в России в настоящее время» [167, л. 45–46].

Облегчить трудное материальное положение студенчества 1920-х гг. могла стипендия. Однако круг ее получателей был чрезвычайно узок, и, согласно декрету 2 августа 1918 г., преимущество в наделении стипендией предоставлялось выходцам из «среды пролетариата и беднейшего крестьянства». Впрочем, побороться за право получения выплаты мог каждый. Решительную, хотя и не первую попытку, предпринимал и П.Н. Шульц, обратившийся 21 сентября 1922 г. в Комиссию по зачислению стипендий Петроградского университета. Неизвестно, удалось ли ему добиться успеха, но материалы заявления раскрывают любопытные подробности личной судьбы П.Н. Шульца в это время (Приложение №2). К заявлению прилагались отзывы научных наставников — Б.В. Фармаковского, Д.А. Шмидта и О.Ф. Вальдгауэра — высоко оценивших способности своего ученика (Приложение №3).

⁹ В условиях гиперинфляции этого едва хватало на пропитание.

Несмотря на трудности студенческих лет, П.Н. Шульц сформировался в профессиональном отношении как разноплановый специалист по истории древнего и современного искусства. Особенное внимание в его образовательной траектории оказалось сфокусировано на классической археологии, живописи и скульптуре. О своих университетских штудиях будущий ученый подробно писал в одной из ранних автобиографий, датируемой 1924 г. (Приложение №4). 18 сентября 1923 г. П.Н. Шульц получил свидетельство об окончании ЛХО ФОН Петроградского университета с отметками об исключительно высоких успехах в освоенных дисциплинах (Рис. 5).

Аспирантура П.Н. Шульца. В российской дореволюционной высшей школе применялась практика оставления при университете для подготовки к профессорскому званию. «Оставленный» защищал диссертационное исследование и получал степень магистра или доктора наук [5, с. 146–147]. Декретом СНК РСФСР «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных ученых и высших учебных заведений Российской республики» от 1 октября 1918 г. присвоение ученых степеней было отменено. Какое-то время в гуманитарной научной среде сосуществовали старый принцип «оставления» и новый — подготовки кадров высшей квалификации в научно-исследовательских институтах [323, с. 177]. Последние создавались при факультетах общественных наук университетов (например, Институт истории при МГУ), и как самостоятельные организации (Институт красной профессуры). Целью таких учреждений было формирование специалистов-марксистов. Но довольно скоро наступило осознание необходимости большей определенности в деле пополнения научных кадров. Поэтому в середине 1920-х гг. утверждается институт аспирантуры. Рядом правительственных постановлений регламентировался порядок трехлетнего обучения, в процессе которого аспирант должен был подготовить диссертационное исследование, пройти необходимые экзаменационные испытания, продемонстрировать владение одним иностранным языком, по возможности ввести в научный оборот некоторые результаты своего труда [186, с. 15–16]. В масштабах страны ведущим центром подготовки

марксистских кадров в археологии стала РАИМК/ГАИМК, где первый набор в аспирантуру состоялся в начале 1926 г.

На последних курсах университета П.Н. Шульц состоял в числе слушателей научных курсов при Российском институте истории искусств (РИИИ), бывшем Зубовском институте. С лекциями здесь выступали именитые искусствоведы О.Ф. Вальдгауер, Э.К. Липгарт, Д.А. Шмидт и другие [175, с. 130]. Поскольку РИИИ являлся научно-исследовательским центром, П.Н. Шульц был зачислен здесь научным сотрудником II категории (Рис. 6) в результате успешной защиты работы «Статуя Дельфийского возницы». В статусе сотрудников II категории или разряда закреплялись оставленные для подготовки к исследовательской и преподавательской работе в учреждениях науки и высшего образования. В чем именно должна была заключаться такая подготовка сегодня не до конца ясно. До середины 1920-х гг. четкой регламентации сроков и порядка работы сотрудников II категории не существовало [295, с. 25]. Как и в Историческом институте при Петроградском университете или историческом отделении РАНИОН, для поступившего в РИИИ оформлялась индивидуальная программа повышения квалификации [324, с. 60]. При этом, сотрудники II категории не имели определенного статуса. Их труд рассматривался как деятельность «лиц свободной профессии». Официально они не были оформлены в штате Института, а значит, не могли претендовать оплату своего труда.

Должно быть, П.Н. Шульц ощущал отсутствие перспектив персонального научного роста в РИИИ/ГИИИ. И хотя его активная вовлеченность в работу секции социологии искусства Института продолжилась в 1925–1926 гг., профессиональное становление он продолжил в другом учреждении. В декабре 1925 г. в РАИМК объявили о наборе в аспирантуру. Известно, что в число первых штатных обучающихся попали М.И. Артамонов, В.А. Богусевич, А.А. Иессен, С.Н. Замятин, М.И. Николаева, М.Г. Худяков, П.Н. Шульц (Рис. 8) и «за счет другого учреждения»¹⁰ Е.И. Леви [5, с. 186]. В 1926–1928 гг. аспирантами

¹⁰ Неясно за счет какого. Сама Е.И. Леви в автобиографии в 1929 г. объясняла, что после окончания университета в 1924 г. была направлена в качестве практикантки в РАИМК к Б.В.

Академии также стали Л.А. Динцес, Н.Н. Воронин и Г.Ф. Корзухина-Воронина. В настоящее время еще много неясного в том, как проходил прием в аспирантуру, каким образом выстраивалась образовательная программа, какие ставились требования к результатам работы обучающихся и другие аспекты этого раннего этапа существования института подготовки будущих специалистов-археологов при ГАИМК. Представляется, что относительно цельное впечатление удастся сложить только после привлечения с одной стороны достаточной организационной документации РАИМК/ГАИМК, а с другой — личных материалов всех или хотя бы большинства первых аспирантов. Нам известна лишь одна специальная работа, посвященная раннему периоду биографии С.Н. Замятнина [229]. В другом исследовании привлечены некоторые документы времени обучения П.Н. Шульца [323, с. 181]. Примечательно, что представления об аспирантуре ГАИМК в этих двух работах расходятся в принципиальных точках. В случае с П.Н. Шульцем оказывается, что становление системы подготовки «проходило во многом стихийно», «отсутствовали четкие представления об обязанностях аспирантов и задачах аспирантуры», программы не включали изучение иностранных и древних языков, обучающиеся, перегруженные общественной работой¹¹, нередко теряли интерес, не успевали подготовить итоговое сочинение [323, с. 181–182]. В то же время, С.Н. Замятнин

Фармаковскому. С 1925 по 1927 гг. (время начала аспирантуры) работала в музее Академии художеств [66, л. 3–5]. Логично предположить, что на обучение Е.И. Леви была направлена именно от Академии.

¹¹ Трудно согласиться с мнением автора о том, что общественная работа в системе Пролеткульта и ИЗО-самодеятельности, взаимодействие с краеведческим движением была для П.Н. Шульца вынужденной. Судя по значительному корпусу источников, отложившемуся в личном фонде ученого в научном архиве Института археологии Крыма РАН, эта сторона деятельности скорее наоборот являлась искренним и большим увлечением. Первая запись трудовой книжки П.Н. Шульца: «Заведующий ИЗО-мастерской Ржевского Пролеткульта». Вплоть до середины 1960-х гг. в его творческой работе важное место занимало содействие развитию советского искусства. Что же касается сотрудничества с ржевскими краеведами, такой факт не предстает удивительным в свете первых самостоятельных археологических исследований, проведенных П.Н. Шульцем в районе Тверского Верхневолжья в 1924–1927 гг. [349]. Таким образом, пример П.Н. Шульца нельзя считать удачным в доказательстве общественной загруженности аспирантов ГАИМК.

пришел в аспирантуру с заранее подготовленной программой обучения, последовательно осваивал учебную нагрузку (совмещая ее с полевыми изысканиями), участвовал в семинарии по методологии марксизма, практикуме по фотографии и музейной работе, «её обязательным компонентом было изучение иностранных языков, которое в данном случае предполагало чтение и анализ иностранной литературы по теме» [231, с. 185]. Другой аспирант, А.А. Иессен, при поступлении также представил план будущей квалификационной работы, был закреплен за научным руководителем А.А. Миллером, принимал активное участие в полевых исследованиях последнего [173, с. 164]. П.Н. Шульц, С.Н. Замятнин и А.А. Иессен учились вместе, поэтому больших отличий в условиях их аспирантуры быть не может.

Становление института аспирантуры при РАИМК/ГАИМК — важный и практически неизученный аспект. Имеются основания полагать, что в известной мере руководство Академии оказалось неготовым осуществлять подготовку новых специалистов. Следует подчеркнуть: РАИМК/ГАИМК со времени своего создания не мыслилась как образовательное учреждение (как и её дореволюционная предшественница — Императорская Археологическая комиссия). И хотя в штате Академии было немало преподавателей высшей школы, лишь немногие имели опыт администрирования образовательной сферы. Эффективные модели учебного процесса нередко достигались путем компромиссов между научными наставниками и их учениками. Своевременными оказались характерные для второй половины 1920-х гг. инициативы организации в ведущих образовательных учреждениях страны коллективных форм управления. В таких условиях в ГАИМК начало работу Бюро по подготовке аспирантов. Вслед за решением заседания РАНИОН от 16 декабря 1927 г. правление ГАИМК 2 января 1928 г. утвердило организацию такого Бюро, в которое от аспирантов были избраны С.Н. Замятнин и П.Н. Шульц, от научных сотрудников А.А. Миллер и Н.П. Сычев. Последний подчеркивал: «Бюро является органом академического характера, а одной из ближайших задач бюро является

обсуждение вопроса о порядке и формах представления аспирантами научно-исследовательских отчетных работ» [67, л. 16].

Главным образом, Академия истории материальной культуры являлась крупным исследовательским центром. В то время как перед учреждением постоянно возникала необходимость организации археологических работ на всей территории РСФСР, в середине – второй половине 1920-х гг., его научный состав нельзя было назвать обширным. Восполнить недостаток специалистов удавалось за счет обучающихся аспирантуры, чьи частые служебные командировки отражают широкий спектр направлений исследований Академии. С одной стороны аспиранты получали значительный опыт практической работы. В то же время, формировались коммуникации и формы взаимодействия обучающихся и их наставников, которые нельзя характеризовать в понятиях подчиненности или иерархии. Представляется, что взаимодействие протекало «на равных»: старшие сотрудники воспринимали младших как коллег. Это проявилось в активной вовлеченности обучающихся в экспедиционные исследования своих руководителей. Так, П.Н. Шульц в 1924–1927 гг. принимал участие в Верхневолжской палеоэтнологической экспедиции Д.А. Золотарева, в 1928 г. — в Северо-Кавказской экспедиции А.А. Миллера, в 1928–1929 гг. обследует памятники Гдовского и Лужского уездов Ленинградской губернии, в то же время является деятельным сотрудником Ольвийской экспедиции Б.В. Фармаковского. Похожий географический разброс наблюдался в ранней биографии А.А. Иессена (Нахичеванская, Северо-Кавказская и Таманская экспедиции А.А. Миллера (1926 – начало 1930-х гг.)), Волго-Донская экспедиция (1929 г.)) [173, с. 164] и М.И. Артамонова (Верхневолжская палеоэтнологическая (1922 г.) [247, с. 224], Северо-Кавказская экспедиции).

Важной задачей организованной при ГАИМК аспирантуры стало формирование марксистских кадров. По имеющимся данным, большинство (если не все) аспирантов конца 1920-х гг. являлись активными участниками специального марксистского семинария. О значимости этого курса сообщает любопытный отрывок письма П.Н. Шульца к жене от 11 октября 1929 г.: «У нас в

Академии неожиданное событие. Сняли с преподавания Плотникова и посадили на его место [Ф.В.] Кипарисова. Разгон нашего марксистского семинария очень взволновал аспирантов. Кипарисов, по-видимому, не знает, что с нами делать. Он предложил нам читать вместе с ним глава за главой Маркса. Мне при этом вспомнился Михаил Федорович Болтенко. Когда Михаил Илларионович [Артамонов] попытался пожелать, чтобы занятия велись иным путем, Кипарисов грозно заметил: «Ах так, значит, Вы не хотите изучать Маркса.» Вчера Кипарисов открывал свой парт-марксистский семинарий. Было свыше 150 человек. Пришли [Н.П.] Лихачев, [Д.В.] Айналов и др. В президиум семинария среди других избран Г.О. Боровка. Секретарь Марья Александровна [Тиханова]. Кипарисов торжествует, что в семинарии и во главе его такие силы» [133, л. 12]. В семинарии обсуждались проблемы использования марксистско-ленинского подхода к изучению конкретных вопросов истории материальной культуры. Личные научные интересы аспирантов приобретали правильное идеологическое выражение. Известны названия и краткие тезисы докладов П.Н. Шульца, позволяющие судить о развитии персональной исследовательской траектории на момент последнего года обучения в аспирантуре. В 1929 г. им были сделаны сообщения «Борьба классов и художественных течений в императорском Риме», «О некоторых провинциальных течениях в римской портретной скульптуре», «Некоторые наблюдения над портретной скульптурой Причерноморских музеев» и «Портретная скульптура эпохи Антонинов» [58, л. 4, 7–10].

Если в первый год существования аспирантуры при ГАИМК действительно могли иметь место определенные изъяны — на это в своем отчете 1926–1927 гг., в частности, сетует П.Н. Шульц [323, с. 181] — его же отчет следующего года лишен критики организационной составляющей обучения. Среди прочего отмечался выбор конкретной специализации: «Естественно, что главное внимание я уделил изучению культуры греко-римских колоний Северного Побережья Черного моря, в частности Ольвии. При изучении материальной культуры Ольвии, Херсонеса, Пантикапея меня, прежде всего, интересовал вопрос взаимоотношения и взаимодействия между импортной завозной и туземной

культурой. Это взаимодействие с чрезвычайной яркостью прослеживается на местном Ольвийском керамическом производстве, изучению которого я уделил специальное внимание» [182, с. 26]. Увлечение не было случайным. В 1926 г. П.Н. Шульц впервые попал на раскопки Ольвии, где единственный и последний раз работал под непосредственным руководством Б.В. Фармаковского. Здесь он получил высококласную школу практической археологии, и продолжил оттачивание навыков в последующие годы, но уже в другой обстановке. Как известно, с 1927 г. управлением Ольвийской экспедиции занимался Ученый совет. Летом 1928 г. вся советская античная археология понесла большую потерю: Б.В. Фармаковский ушел из жизни.

П.Н. Шульц лишился своего руководителя. Эта перемена, безусловно, повлияла на линию профессионального развития молодого археолога. Еще до аспирантуры в ГАИМК, два года он работал в Отделе древностей Государственного Эрмитажа, под началом О.Ф. Вальдагуэра занимался искусствоведческими изысканиями. К времени окончания обучения в аспирантуре П.Н. Шульц готовил именно искусствоведческое исследование. В 1929 г. из печати вышли два сборника научных работ: «Античный портрет», приуроченный к 25-летию научной деятельности О.Ф. Вальдгауэра и «Сборник», подготовленный Бюро по делам аспирантов ГАИМК [3]. Среда авторов последнего были преимущественно ученики А.А. Миллера (А.А. Иессен, М.И. Артамонов) и Н.П. Сычева (Л.А. Динцес, Г.Ф. Корзухина-Воронина, Н.Н. Воронин, В.А. Богусевич). В то время как итоговое сочинение П.Н. Шульца оказалось помещено на страницах юбилейного сборника в честь О.Ф. Вальдгауэра и называлось «Одно из течений в портретной скульптуре Антониновской эпохи» [27].

Все вышесказанное убеждает: П.Н. Шульц в 1920-е гг. целенаправленно формировался как историк искусства. В пользу этого свидетельствует четкая образовательная траектория. Выяснение этого факта немаловажно в контексте общего понимания дальнейшей научной карьеры ученого. Искусствоведческая специализация в 1920-е гг. объясняет увлечение П.Н. Шульца в 1930-е гг.

проблематикой скифо-сарматской монументальной скульптуры, а затем постепенное переключение на преемственную тему образования скифского государства в Крыму, блестяще разработанную им в 1940–1950-е гг.¹² Неудивительным покажется факт: 17 из 52 печатных работ П.Н. Шульца имеют сугубо искусствоведческую направленность. Эти выводы ни в коей мере не умаляют значимости вклада ученого в археологии. Просто это другая страница его деятельности.

1.2. Перипетии формирования советской системы научной аттестации: две довоенные диссертации П.Н. Шульца

В 1923 г., согласно тексту автобиографии (Приложение №5) П.Н. Шульц своими учителями был «представлен к оставлению при Университете». Выраженная автором в устаревшей для конца 1930-х гг. формулировке, такая практика, применявшаяся в дореволюционной России, в условиях советской действительности начала 1920-х гг. претерпела изменения. В действительности П.Н. Шульц продолжал формироваться как ученый в тесном взаимодействии с научными наставниками Б.В. Фармаковским и О.Ф. Вальдгауером. С последним у П.Н. Шульца, по-видимому, сложились достаточно теплые и доверительные отношения. Показательно письмо ученика своему учителю (Приложение №6). Личные и рабочие отношения, безусловно, отразились в последующих событиях. Объявление о наборе в аспирантуру при ГАИМК в конце 1925 г. открывало перед П.Н. Шульцем ясные перспективы. Документы подтверждают, что Б.В. Фармаковский и О.Ф. Вальдгауер оказали прямую протекцию в его поступлении. Как уже говорилось, П.Н. Шульц по окончании обучения в аспирантуре в 1929 г. представил первое самостоятельное исследование на

¹² В 1934 г. в ГАИМК П.Н. Шульц защитил работу «Монументальная скульптура скифо-сарматского общества», в которой предметы искусства рассматривались как специфический источник реконструкции социально-экономических процессов в Северном Причерноморье в раннем железном веке. Отдельные выводы натолкнули ученого на мысль о возможности применения такой методики в изучении вопроса о генезисе скифского государства в Крыму.

страницах юбилейного сборника «Античный портрет», приуроченного к 25-летию творческой деятельности своего научного наставника [27].

Работа «Одно из течений в портретной скульптуре Антониновской эпохи» подвела итог пятилетних занятий П.Н. Шульца в разработке искусствоведческой проблематики. После успешной сдачи «всех надлежащих экзаменов» в декабре 1929 г. в виде устного доклада она была защищена в качестве выпускного аспирантского исследования [67, л. 35]. Избранную тему нельзя назвать популярной для российской науки 1920-х гг.¹³ Первые опыты в изучении римского портрета принадлежали О.Ф. Вальдгауеру, предложившему периодизацию развития стиля и наметившему соответствовавшие основные особенности [194]. Изыскания его ученика П.Н. Шульца стало углубленным продолжением раскрытия представления о морфологических и технологических отличиях в римской портретной скульптуре эпохи Антонинов, главным образом, времени Адриана и Антонина Пия. В отдельных положениях автор следует мнению наставника: сильное влияние греческих классических и эллинистических традиций, усиление реалистичности образа, подчеркивание индивидуальных черт и отображение динамичности. Принципиально новым следует признать акцент, сделанный П.Н. Шульцем на возраставшем в процессе развития стиля «барочно-живописных приемах» значении связи провинции и центра империи, возникновении местных центров скульптурного дела. Начало этого явления отнесено им к концу 130-х гг. н.э. В опубликованную версию работы не попали

¹³ В дореволюционное время большинство разработок касались памятников греческого искусства, многие из которых происходили из раскопок на Юге России [343, с. 116]. Определенный сдвиг внимания в сторону римского портрета фиксируется в 1910–1920-е гг., во многом, в связи с работами О.Ф. Вальдгауера и его учеников. Этот импульс оказался кратковременным. Советские специалисты вновь обратились к теме римской портретной скульптуры лишь полвека спустя. В середине 1970-х гг. ими несправедливо констатировалось: «Кроме трудов Вальдгауера, в советской литературе нет сколько-нибудь значительных работ по этому вопросу» [191, с. 6]. Только десятилетие спустя работам учеников О.Ф. Вальдгауера, в том числе П.Н. Шульца, воздал должное Г.И. Соколов [327, с. 9]. Впрочем, полноценного переосмысления этого богатого опыта, нередко сохранившегося только на страницах неизданных рукописей, не случилось по сей день.

замечания о социальном характере изменений, сохранившиеся в рукописи в личном фонде П.Н. Шульца. Одновременно с существованием нового стиля констатировалось поддержание в среде «римского придворного общества» и «сенаторского сословия» классических тенденций Августовского периода. Окончательному перелому и утверждению экспрессивного реализма в портретной скульптуре, выразившего характеристику личности, поспособствовали провинциальные влияния «связанные с активным выступлением народных масс, смыкавшихся в солдатской среде с варварскими элементами». Такие выводы, думается, остались неопубликованными как не совпадавшие с мнением и кругом интересов О.Ф. Вальдгауера. Уже в послевоенное время его заключения обвинял в излишней идеалистичности и субъективизме В.Д. Блаватский [343, с. 111]. Но они оказались очень своевременны для П.Н. Шульца в связи с дальнейшими событиями.

После окончания аспирантуры и защиты итогового сочинения П.Н. Шульц был утвержден в штатной должности сотрудника I категории разряда Древних культур Причерноморья Сектора античной формации ГАИМК. Такой статус для начала 1930-х гг. являлся равноценным обладанию ученой степенью и вполне мог удовлетворять амбициям молодого исследователя¹⁴. В его персональной траектории наметился новый этап, выразившийся в смене интересов. Причина заключалась не в личных мотивах. Направление, в котором П.Н. Шульц формировался как специалист, к этому времени вообще стало непопулярным. Соответствующие дисциплины исчезают из программ высшей школы, в том числе ЛГУ, где П.Н. Шульц только начал педагогическую работу. Как писал в 1931 г. Ф.И. Шмит «...искусствоведение в Питере упраздняется (официально!) потому, что в Питере нет искусствоведов, которым бы можно было доверить обучение студентов. Это официальное, вслух произносимое обоснование упразднения

¹⁴ До восстановления системы присуждения ученых степеней кандидата и доктора наук оставалось пять лет. Следует считать модернизацией причисление всех, успешно окончивших аспирантуру в 1929–1933 гг., даже по формальным признакам, к кандидатам наук. Тем более, что не все они быстро и без затруднений приобрели ученые степени после 1934 г.

искусствоведческой кафедры Музейно-краеведческого отделения ЛИЛИ» [Цит. по: 177, с. 70]. В 1930 г. проблемы истории искусства перестали разрабатываться в ГАИМК. В соответствии с решением руководства Академии главное внимание отныне должно было сосредоточить на изучении технологических аспектов истории материальной культуры и их роли в развитии социально-экономических процессов в обществах древности [168, с. 167]. Не без сожаления П.Н. Шульц отмечал в автобиографии 1935 г., что еще в годы учебы в аспирантуре: «...зародилась моя диссертационная тема: “Монументальная скульптура скифо-сарматского общества”¹⁵, однако, завершить эту работу мне удалось лишь в 1934 г., так как ГАИМК с 1930 по 1933 гг. выключила из плана своих работ искусствоведческую тематику» [76, л. 27].

Определенное представление о работе П.Н. Шульца по ГАИМК в это время дает «Личная учетная карточка научного работника» к производственному плану на 1931 г. (Рис. 13). Из документа выясняется, что его деятельность проходила в Группе по сельскому хозяйству в Северном Причерноморье, которой руководил О.О. Крюгер. Совместно с руководителем в числе выполненных отмечены работы: «Уровень сельского хозяйства в районах Северного Причерноморья в период предшествовавший колонизации (X–VIII вв. до н.э.)», «Зерновое хозяйство и мукомольное дело в начальном этапе колонизации Северного Причерноморья (VII–VI вв. до н.э.)», «Техническая организация и общественные формы керамического производства в Ольвии», «Состояние вопроса о местном керамическом производстве античных колоний Северного Причерноморья». Планировались, но оказались сняты из плана разработки темы хлебного экспорта и национального и классового состава населения античных колоний. Параллельно П.Н. Шульц занимался в работе Группы по составлению инструкции по производству полевых археологических работ, выступил в качестве председателя

¹⁵ В декабре 1929 г. при поступлении на службу в ГАИМК просил закрепить такие темы докладов: «Земледельческие орудия античных колоний Северного Причерноморья», «Местная монументальная скульптура античных колоний Северного Причерноморья», «К вопросу о скифской монументальной скульптуре» [88, л. 12]

Производсовещания сектора, являлся членом редколлегии стенгазеты «Перелом» [75, л. 26].

Обстоятельства эпохи определяли выбор поведения П.Н. Шульца, а не наоборот. Не приходится утверждать, что его конкретные действия, планы и намерения являлись неискренними. Еще в годы работы научным сотрудником II категории в РИИИ/ГИИИ и в аспирантуре ГАИМК П.Н. Шульц являлся не просто наблюдателем совершавшихся научно-организационных перемен, но принимал в них деятельное участие. В названных учреждениях он состоял в представительских бюро обучающихся. Особенное внимание сосредоточил на своей теоретической подготовке: в аспирантуре ГАИМК стал одним из организаторов и постоянных слушателей марксистского семинария, с 1931 г. продолжил участие в таком семинарии на базе сектора античной формации. В то же время работал в семинарии по яфетидологии под руководством И.И. Мещанинова. В одной из автобиографий специально подчеркивал, что «занимался у академика Н.Я. Марра». Последнее важно. В начале 1930-х гг. в развитии наук об обществе устанавливается абсолютное доминирование яфетической теории. Попытка не учитывать или не использовать в своей работе доводы «нового учения» Н.Я. Марра для начинающего ученого означала бы обречь себя на полное отсутствие карьерных перспектив, изгнание на периферию научного мира, а в худшем случае на обвинение в инакомыслии. Трудно представить, что П.Н. Шульц этого не понимал. Вряд ли он был готов остановиться на прежних достижениях, связанных с искусствоведческими разработками. В новых условиях от него требовалось создание принципиально нового знания, которое в случае успеха могло бы выразиться в форме монографического исследования. Мимо внимания П.Н. Шульца не могло пройти знаковое Постановление ЦИК СССР от 19 сентября 1932 г. о необходимости восстановления ученых степеней. Эта новость должна была навести на мысль о необходимости в скором будущем вновь подтвердить свою ученую квалификацию.

П.Н. Шульц изыскал достаточно времени и сил для подготовки персональной работы о монументальной скульптуре скифо-сарматского общества. Следует отметить находчивость в выборе темы. С одной стороны, ее автор мог в полной мере раскрыть свое мастерство в работе с памятниками древнего искусства, а с другой — использовать полученные результаты в столь актуальных для начала 1930-х гг. исследованиях социально-экономических процессов в древних обществах. Есть и другие основания считать выбор удачным. В рассматриваемое время в этом проблемном поле практически отсутствовала конкуренция, и работа П.Н. Шульца во всех смыслах являлась новаторской. При этом существенные наработки в изучении древнего искусства Юга России были сделаны в досоветское время. Некоторые ученые дореволюционной эпохи, вынужденные покинуть родину и продолжить свой творческий путь в эмиграции, стали для советской науки целями непримиримой борьбы. Наиболее одиозной считалась фигура М.И. Ростовцева, который по меткому замечанию современного исследователя «был в некотором смысле непреходящим упрёком ранней советской историографии древности» [257, с. 222]. Один только замысел попытки развенчать и превзойти достижения «буржуазного» ученого являлся выигрышным. На начальном этапе разработки тема мыслилась П.Н. Шульцу именно как марксистский ответ построениям М.И. Ростовцева. Современные для того времени исследования характеризовала подчиненность идее безусловного прогресса, а также доминирование логических конструкторов над фактическими основаниями [257, с. 112–113]. Памятники скифского и сарматского монументального искусства рассматривались П.Н. Шульцем в развитии. Но обвинить его в подтасовке или недостаточности фактологической базы нельзя.

С 1928 по 1933 гг. П.Н. Шульц ежегодно проводил несколько месяцев в служебных поездках для ознакомления с коллекциями музеев Одессы, Николаева, Первомайска, Херсона, а также городов Крымской АССР и Северо-Кавказского края [350, с. 268]. Значительная работа была проделана им в Эрмитаже и ГИМе. За это время ученому удалось собрать уникальный и исчерпывающий для своего

времени материал¹⁶ по скульптуре не только скифской и сарматской культур, но также и изваяниям доскифской поры, и памятникам местного и греческого населения колоний Северного Причерноморья. Рассмотрение этого обширного корпуса источников в итоговом варианте работы структурно подразделялось на введение, три главы (Монументальная скульптура Северного Причерноморья эпохи родового строя (киммеро-таврская стадия); Монументальная скульптура эпохи разложения родового строя (скифо-сарматская стадия); Монументальная скульптура туземного населения античных колоний) и заключение. Общий объем текста составил более двадцати печатных листов. Раскрытие обозначенных глав по замыслу должно было приблизить решение следующих задач: 1) выяснение путей развития монументальной скульптуры скифо-сарматского общества; 2) определение вклада в этот процесс киммеров и тавров; 3) постановка проблемы об отражении в скифо-сарматской скульптуре процесса классообразования «в частности, в районах предгорного Крыма»; 4) обоснование проблемы скифо-сарматского наследия, воспринятого культурой славян; 5) выяснение характера изменений в скифо-сарматской скульптуре, вызванных античной колонизацией; 6) отражение путей развития скульптурного творчества туземного населения колоний Ольвии, Херсонеса и Пантикапе [157, л. 3–15].

По замечанию автора «Сама работа была вызвана к жизни прежде всего желанием выяснить подлинный характер борьбы различных художественных мировоззрений и идеологического взаимодействия между греками-колонизаторами и различными общественными слоями и этническими группами туземного населения. Творческая роль туземного населения Причерноморских степей в сложении и развитии искусства античных колоний с необыкновенной отчетливостью запечатлевшая себя в памятниках монументальной скульптуры,

¹⁶ В настоящее время фотографии, рисунки и описания сотен артефактов, встреченных П.Н. Шульцем в довоенных коллекциях юга СССР, сохранились в документах архивов ИИМК РАН и ИАКр РАН, и в отдельных случаях могут являться единственным источником информации о находках, утраченных в годы оккупации.

систематически замалчивалась и затемнялась культургреческими концепциями представителями буржуазно-дворянской классической археологии» [157, л. 12].

В вводной части П.Н. Шульц положительно характеризовал смену акцента внимания археологов Советской России на изучение аспектов материального производства античных колоний, и в то же время призывал не игнорировать «надстроечные явления», в частности «сложные проблемы художественной и религиозной жизни колоний», без учета которых «невозможно в полной мере освоить и осветить закономерности античной колонизации в целом». Это соединение интереса к материальным основам колониальной истории и явлениям «надстроечного характера» побудило П.Н. Шульца к «проработке вопросов, которые бы помогли найти путь к правильному пониманию и освещению художественного творчества различных классов и классовых групп античных колоний, а для решения этой задачи необходимо было выяснить тот вклад, который внесен в это творчество туземной средой». Констатировалось, что из всех областей художественного производства античных городов Северного Причерноморья наиболее слабо освещена скульптура [157, л. 22].

Знакомство с текстом работы позволяет сделать несколько выводов. Прежде всего, ее трудно назвать исключительно историографическим памятником эпохи. В своем содержании она концептуальна. Каждая глава в сущности могла бы стать самостоятельным исследованием. Выраженные в тексте идеи и конструкции имели в последующей работе П.Н. Шульца важное значение, они также определили основные авторские векторы в будущих реконструкциях истории скифской государственности в Крыму. Отдельные положения, как представляется, любопытны и в наши дни. Безусловно, работа не лишена заблуждений, в том числе связанных с интерпретацией отдельных артефактов¹⁷. В

¹⁷ К примеру, в условиях недостатка аналогий П.Н. Шульц неверно определил время создания известной Бахчи-Элинской стелы эпохой поздней бронзы. Тем не менее, первым внимательно усмотрел в своем описании ряд важных морфологических деталей, на которые обратили внимание исследователи уже только в послевоенный период.

приведении широких аналогий памятников, выявленных от Дуная до Минусинских степей, П.Н. Шульц не имел опыта, на который мог бы опереться.

«Монументальная скульптура скифо-сарматского общества» создавалась в духе «нового учения» Н.Я. Марра. Социально-экономическое развитие древнего населения Северного Причерноморья представлено как трансформация доклассового общества через этапы матриархата и патриархата, в раннеклассовое, центральной исторической магистралью которого П.Н. Шульц называл процесс разложения рода, и к постепенному росту отношений личной зависимости и возникновения рабства. Автор настаивал на важности раскрытия социальных корней скифского монументального искусства, считал упрощенным понятие «звериный стиль», замечая, что образы в искусстве скифов стремились со временем к антропоморфизации и отходу от тотемических зооморфных изображений, а в вещественных памятниках подразделялись на две большие группы: изготовленные греками по заказу скифов и в среде местного населения.

В свете памятников монументальной скульптуры ключевое внимание в работе уделено проблеме генезиса скифского государства в Предгорном Крыму. Именно в диссертации, еще за десять лет до начала послевоенных исследований на полуострове, П.Н. Шульц предугадывал перспективность изучения такого источника как скифская скульптура в материалах скифских городищ. «Путем комплексного изучения археологических, литературных, эпиграфических и лингвистических источников» ученый предлагал дальнейшее раскрытие вопроса о генезисе классового общества у скифов и образования первого государства в Восточной Европе, материальными остатками которого являлись многочисленные крымско-скифские городища, сформированные в сеть вокруг крупного Симферопольского городища, уверенно отождествляемого П.Н. Шульцем с Неаполем греческих авторов [157, л. 128–132].

В диссертационной работе П.Н. Шульцем впервые высказывались предположения о возникновении потребности закрепления образа человека в камне в киммеро-таврскую стадию [157, л. 62]; постепенной антропоморфизации образа монументальной скульптуры, смены женских образов мужскими,

рождения образа человека из образов «Рыбы», «Быка» или поглощения их образом человека, выделение таких атрибутов как убранство одежды, оформление оружия и конский набор в качестве комплекса производственных форм, вокруг которого преимущественно развивалось художественное творчество скифов как признаков перехода от киммеро-таврской к скифо-сарматской стадии [157, л. 72–85]. Любопытны размышления о причинах оседания крымских скифов, предположения о роли в этом процессе влияния таврских поселений, постановка проблемы медленного умирания/насильственной гибели скифских городищ [157, л. 89–91].

Обсуждение работы состоялось в двух пленарных заседаниях Института рабовладельческого общества ГАИМК 9 и 10 марта 1934 г., проходивших под председательством С.И. Ковалева. Известно, что присутствовали Б.Л. Богаевский, М.И. Артамонов, А.И. Тюменев, С.А. Жебелёв, Т.Н. Книпович, А.Н. Карасев, Л.М. Славин. Собравшиеся констатировали монографический характер исследования, посвященного слаборазработанному в науке вопросу «из круга проблем идеологии». Важным достоинством называлось методологически и методически правильное использование первоисточников, не изданных ранее в подавляющем своем большинстве. Результатом, по общему мнению, стало «правильное в основном объяснение социально-экономического строя местного населения на различных стадиях его развития» и «правильное в основном понимание характера античной колонизации». Подчеркивались и слабые стороны: недостаточность оценки самостоятельности процесса разложения местного родового общества и его переход к классовому, недостаточное привлечение основного сравнительного материала (монументальной скульптуры) как из центров метрополии, так и из негреческих обществ, недостаточное привлечение других видов археологических источников (например, мелкая пластика), и этнографических. Определенно недостаточным признавалось использование лингвистических данных: «общее учение о языке Н.Я. Марра использовано внешне и недостаточно». Кроме того, собравшиеся обратили внимание автора на важность большего применения марксистско-ленинской методологии в

искусствоведческом анализе, учет идеологических опосредований (например, религии) в интерпретации источников, неправильность трактовки некоторых вопросов, связанных с доклассовым обществом (например, дуальная организация, фаллические культы и тотемизм). В заключении заседания Института было принято постановление: «после внесения в работу указанных дополнений и исправлений, она должна быть издана» [76, л. 41–42].

Незадолго до состоявшегося обсуждения работы, 13 января 1934 г., вышло Постановление СНК СССР «Об ученых степенях и званиях», которым в советской науке восстанавливалась система гратификации ученых кадров. Но к моменту представления П.Н. Шульцем своего исследования о монументальной скульптуре комиссия ГАИМК по присуждению ученых степеней еще не собиралась. Ее первое заседание состоялось только в июне 1934 г., оно отражено в воспоминаниях одного из участников, С.А. Жебелёва [5, с. 166]. По его замечанию, присвоение «степени кандидата с защитой и без защиты диссертации работникам рабовладельческого института прошло гладко и правильно» [5, с. 168]. Конкретные имена не назывались, но среди них, очевидно, не было П.Н. Шульца. В завершении его аттестации возникло какое-то странное промедление. В некоторых последующих автобиографиях им указывалось, что защита работы состоялась в 1934 г. «...до выхода постановления об ученых степенях». Документы опровергают это утверждение. Но определенный смысл в нем, видимо, был. Можно предположить, что завершению формальной стороны дела летом 1934 г. помешало начало Евпаторийской экспедиции, занятость в которой не позволила П.Н. Шульцу вернуться в Ленинград раньше ноября. В декабре Советскую страну потрясли последствия убийства С.М. Кирова. Часть руководства ГАИМК оказалась арестована, в среде сотрудников начался неконтролируемый обмен взаимными обвинениями и доносами. В этой атмосфере закономерным оказался доклад В.И. Равдоникаса, обвинившего на заседании Президиума ГАИМК Б.Л. Богаевского в продвижении идей О. Менгина. В этом противостоянии очень некстати оказался замешан П.Н. Шульц, в двух стенгазетах выступивший в поддержку Б.Л. Богаевского. Реакция руководства Академии не

заставила себя ждать: личным распоряжением Ф.В. Кипарисова от 15 марта 1935 г. П.Н. Шульц был уволен как «недовыполнивший персональный план» [59, л. 1–6] (Рис. 18).

7 апреля 1935 г. эпизод, связанный с выступлением В.И. Равдоникаса против Б.Л. Богаевского, рассматривался на заседании Ленинградского областного Бюро СНР под председательством «т. Кирсанова». Собравшиеся постановили, «что тов. Равдоникас не имел основания утверждать на открытом пленуме ГАИМК от 13.I. с.г., что проф. Богаевский усиленно пропагандирует теорию Менгина в СССР. Формулировка тов. Равдоникаса в его докладе дает необоснованные предпосылки квалифицировать проф. Богаевского как ученого, который пропагандировал идеи расизма, фашизма и антисемитизма». В связи с этим, Ленинградское бюро признало выводы пленума ГАИМК необоснованно дискредитирующими научную репутацию Б.Л. Богаевского [59, л. 7]. Тем не менее, это не изменило сложившегося факта: П.Н. Шульц на несколько месяцев оказался безработным. Последствия испорченной репутации еще долго давали о себе знать. О своих злоключениях П.Н. Шульц подробно писал в докладной записке директору Дома культуры им. М. Горького, вследствие очередного безосновательного увольнения (\

Приложение №9).

Неожиданные трудности обусловили новое промедление в присвоении ученой степени. В течение 1935 г. П.Н. Шульц неоднократно направлял обращения в Высшую аттестационную комиссию. В то же время, он заключил договор с ГАИМК о включении работы «Монументальная скульптура скифо-сарматского общества» в издательский план Академии. В обоих случаях подаваемые документы сопровождали весьма благоприятные отзывы Б.Л. Богаевского (Приложение №7) и М.И. Артамонова (Приложение №8). Свое мнение о работе П.Н. Шульца руководство ГАИМК предлагало выразить С.А. Жебелёву. Его ответ оказался расплывчатым. В осторожных формулировках

он постарался избежать высказывания любого суждения, объясняя это тем, что никогда с текстом работы не знакомился, а лишь получил представление на докладе автора в марте 1934 г. Думается, в попытке отстраниться скрывалась и давняя обида на П.Н. Шульца, так увлеченно поучаствовавшего в чистке в Академии в 1930 г., и отметившегося прямыми выпадами в адрес С.А. Жебелёва [168, с. 166]. Они оба хорошо помнили эту страницу. Спустя годы, П.Н. Шульц признал ее «грехом своей юности»¹⁸.

26 апреля 1938 г. вышло новое Постановление СНК СССР «Об ученых степенях и званиях», дополнившее и усложнившее процедуру научной аттестации [186, с. 18]. Спорные и необоснованные решения квалификационных комиссий, накопившиеся за первые четыре года возобновления системы присуждения ученых степеней и званий, было решено пересмотреть. Один из пунктов Постановления обязывал наркоматы и ведомства страны направить в ВАК для пересмотра все дела о присвоении, направленные после 1 января 1936 г. К числу таких относилось дело П.Н. Шульца. Выяснилось, что направленность его диссертационной работы и специальность Ученого совета, в который соискатель подавал документы, не совпадали. До 1936 г. П.Н. Шульц предпринимал попытки завершить процесс научной аттестации при Ленинградском университете, претендуя на получение ученой степени кандидата искусствоведения. Но в это время в системе ЛГУ отсутствовали соответствующие специальности и кафедры. Альтернативой могло стать присвоение степени кандидата исторических наук, однако требовались существенное изменение работы и организация повторной защиты. Найти выход из затруднительного положения не удалось в ходе последовавшей трехлетней переписки с ВАК. До 1936 г. «На звание кандидата исторических наук тов. Шульц П.Н., являющийся искусствоведом, в силу своей специальности и темы диссертации и печатных трудов — претендовать не мог» — отмечалось в постановлении Ленинградского бюро СНР и Совета Всероссийской Академии художеств, подготовленном в ответ на Отношение ВАК

¹⁸ Онлайн-приложение к статье: 2. URL: <https://doi.org/10.31600/1817-6976-2023-41-346-360> (дата обращения: 14.10.2025).

от 31 мая 1939 г. «О возвращении дела Шульца П.Н., в силу того, что последний мог быть представлен до 1 января 1936 г. по Ленинградскому университету». В связи с этим ходатайствующие учреждения настоятельно просили Аттестационную комиссию пересмотреть дело [76, л. 50]. Все же, несмотря на заступничество ряда исследовательских институций и профсоюзных организаций, добиться подтверждения научной квалификации до начала войны не удалось. Когда уже после войны, П.Н. Шульцу пришлось защищать новую диссертацию, повторно сдавать аспирантский минимум и вступить в очередную продолжительную деловую переписку, он отмечал: «Из всех учреждений, что я знаю, самое малоподвижное – ВАК!» [136, л. 2].

1.3. П.Н. Шульц в Крыму: научные контакты и проекты исследований в 1930-е гг.

В процессе работы над написанием «Монументальной скульптуры скифо-сарматского общества» П.Н. Шульца увлекся проблематикой древней истории Крыма. Возникновение и укрепление этого важнейшего в научной биографии ученого интереса происходило в 1920–1930-е гг. Наиболее ранние сведения о посещении им полуострова встречаются, главным образом, в документах личного происхождения: письмах, записных книжках, рабочих заметках. В 1925–1926 гг. крымские поездки П.Н. Шульца с супругой имели в основном рекреационный и оздоровительный характер. Местный климат особенно благотворно отражался на самочувствии В.А. Головкиной (Рис. 9), об этом она писала: «В Ленинграде чувствую себя словно “мертвая кукла”. А возвращаясь в Крым как будто снова оживаю» [126, л. 15]. В 1927 г. состоялась Вторая Всесоюзная археологическая конференция, проходившая в Херсонесе [292]. С уверенностью можно утверждать, что П.Н. Шульц присутствовал на этом форуме, сохранился блокнот с краткими замечаниями об отдельных докладах [61].

Начиная с 1928 г. П.Н. Шульц ежегодно посещал музеи юга СССР с целью собирания новых материалов для подготовки диссертации. К этому времени

относится складывание его межличностных и профессиональных контактов с представителями крымского музейного сообщества. С руководителями музеев в Евпатории (П.Я Чепуриной (Рис. 15) и Я.Г. Благодарным (Рис. 16) [128; 121], Керчи (Ю.Ю. Марти) [127], Феодосии (Н.С. Барсамовым). П.Н. Шульц завязал переписку. Доверительными, судя по имеющимся источникам, выстраивались отношения с директором музея в Херсонесе В.Ф. Смолиным, и дружескими со сменившим его Г.Д. Беловым [119].

Помимо сугубо научного интереса, в Крым П.Н. Шульца привело еще одно обстоятельство. Малоизвестной стороной его творческой деятельности в 1920–1930 гг. являлось участие в советском художественном движении. Как уже отмечалось, работа в ИЗО-мастерской Ржевского отделения Пролеткульта стала первой в послужном списке будущего археолога. В автобиографии 1935 г. П.Н. Шульц писал: «...помимо Ленинградского Пролеткульта, осуществлял работу в следующих организациях: 1) ИЗО-секция Общества марксистов (1927–1928 гг., сотрудник); 2) Общество социологии искусства (1927–1928 гг., ученый секретарь); 3) ИЗО-секция ЛИЯ Комкадемии (1930–1933 гг., внештатный научный сотрудник); 4) Ленинградская ассоциация пролетарских художников (с 1932 г., член правления, руководитель секции фабрично-заводской самодеятельности) [76, л. 11]. Помимо перечисленного в эти годы П.Н. Шульц руководил и принимал участие в организации ряда ленинградских выставок художественной самодеятельности. В 1928 г. в Крыму П.Н. Шульц познакомился с недавно прибывшим на полуостров для работы в редакции газеты «Красный Крым» А.Н. Глаголевым — вдохновителем и организатором пролетарского художественного движения в Крымской АССР [207]. В информативной переписке двух творческих личностей раскрываются насыщенные грани истории развития ИЗО-искусства в довоенном Крыму. В 1936 г. итогом их сотрудничества должна была стать выставка и специальное издание «Искусство Советского Крыма» [123]. Подробности этого сюжета еще только прощупываются и нуждаются в самостоятельном исследовании.

Погружением в среду научной коммуникации довоенного Крыма стало посещение П.Н. Шульцем полуострова в августе-сентябре 1932 г. Служебная поездка достаточно подробно отражена в путевом дневнике и отчете [100]. П.Н. Шульц познакомился с положением работы и коллекциями большинства крымских музеев, а также получил детальное представление о проблемах и перспективах археологических исследований в Крыму [Подробнее: 350]. Представляется, именно во время этого посещения полуострова у П.Н. Шульца начали складываться зачатки будущих концепций истории древнего Крыма, в частности, связанные с генезисом, развитием и гибелью государства крымских скифов. Формировались замыслы практических изысканий, выразившихся впоследствии в организации археологических экспедиций до- и послевоенного времени.

Во время поездки П.Н. Шульц познакомился с заведующим археологическим отделом ЦМТ Н.Л. Эрнстом, который поделился с ленинградским гостем своей гипотезой «неапольской культуры». Как известно, значительная часть творческого наследия крымского ученого оказалась утраченной [346, с. 242], в связи с этим особенно ценны некоторые выводы, в передаче П.Н. Шульца: «По впечатлениям Н.Л. Эрнста, выведенных им на основе произведенных разведочных работ, раскопок и подъемного материала, появление «скифских» городищ в Крыму и их расцвет может быть охарактеризован как временная вспышка, не слишком большой хронологической протяженности, тем не менее сыгравшая крупную роль в историческом развитии Крыма, и в частности, крымских античных колоний, на рубеже последних веков первого тысячелетия до н. э. с первыми веками н. э. Как показали разведочные раскопки на Симферопольском и Сарайлы-Киятском городище, а также подъемный материал с других городищ, они возникают не ранее IV в. до н. э. Максимальный экономический и культурный расцвет городищ падает на II в. до н.э., т. е. другими словами, на эпоху формирования и расцвета «державы» Скилура. В I в. до н. э. намечается явное ослабление культурной жизни городищ. Временное «возрождение» городищ наблюдается во второй половине I в. н. э. и первой

половине II в. н. э. В конце II в. н. э. «скифские» городища, включая и Неаполь, прекращают свое историческое существование» [51, л. 8].

Некоторые данные добавлены в отчет: «Сделанные Н.Л. Эрнстом наблюдения над костным материалом Симферопольского и Сарайлы-Киятского городищ привели его к выводу о преобладании лошади, затем крупного, и затем мелкого рогатого скота, и, наконец, свиньи и собаки. По его мнению, для погребений характерно при костяках наличие кости барана» [102, л. 25]. Подводя итоги археологического изучения позднескифских памятников в Нижнем Поднепровье и в Крыму, П.Н. Шульц высоко оценивал ученую проницательность Н.Л. Эрнста [36, с. 131]. Тогда с момента знакомства исследователей минуло почти сорок лет. Насколько известно, ученые встречались лишь однажды, произошло это в 1932 г. Подробности общения, скорее всего, останутся неизвестными.

Многие замечания, сделанные в результате служебной поездки, оказались впоследствии использованы в планировании послевоенных исследований. В тексте отчета о командировке 1932 г. П.Н. Шульц предложил: «Найти или хотя бы нащупать ответ на поставленные вопросы можно лишь путем углубленных разведочных обследований всего комплекса т. н. “скифских” городищ нагорного Крыма, дополненных раскопкой одного из наиболее показательных городищ. Таким городищем, наиболее удобным для раскопок (сохранность, близость к г. Симферополю, возможность включения городища в экскурсионный план работ ОПТЭ), является, как мне представляется Сарайлыкитское городище» [102, л. 2 об.].

Для ознакомления с фактическим материалом по вопросу о «предшественниках “скифских” городищ» П. Н. Шульц собирался побывать в Бахчисарайском музее, который по его замечанию «...очевидно, станет одним из основных баз изучения тавров». Но визит по каким-то причинам пришлось перенести на 1933 г. Вместо этого П.Н. Шульц посетил участки работ Эски-Керменской экспедиции на поселении и могильнике из каменных ящиков у д. Черкес-Кермен. О своем знакомстве с будущим многолетним коллегой по

академическому центру археологии Крыма он кратко писал: «Е.В. Веймарн, поставивший перед собой задачу изучения таврских поселений, познакомил меня с выполненным им планом Черкес-Керменского поселения, расположенного не遠далеке от некрополя каменных ящиков, обследованных первоначально Н.И. Репниковым, а затем С.А. Семеновым-Зусером; изученного с точки зрения конструкции ящиков в 1932 г. А.Н. Карасевым, и дополнительно исследованным в 1932 г. сначала С.А. Семеновым-Зусером, а затем Н.И. Репниковым совместно с Е.В. Веймарном» [51, л. 9 об.].

Говоря о генезисе культуры тавров П.Н. Шульц писал в дневнике: «Здесь в отличие от «скифских» городищ вопрос о «миграции» отпадает начисто. «Таврское» поселение, формирующееся в поздней стадии эпохи «бронзы», в течение античной эпохи продолжает держаться в обособленной горной области Крыма. Каменные ящики горного Крыма с характерным для них обрядом являются наглядной иллюстрацией автохтонного процесса перерастания древних тавров эпохи «бронзы» в античных тавров» [51 л. 10 об.]. Проницательным оказалось также утверждение о единстве таврской и кизил-кобинской культуры, представители которой, расселившиеся к северу и к югу от Главной гряды Крымских гор, отличались основным видом занятий: «Этот горный район через долины рек и по горным проходам соединяется с предгорными районами «скифов» и спускается отвесными склонами к югу, соединяясь с небольшой узкой полосой побережья Черного моря. Этот район давал все внешние предпосылки для возможности таврам соединять в своем хозяйстве земледелие, садоводство с разведением скота» [51, л. 10 об.]. В наше время тавры и кизил-кобинское население рассматриваются как две группы одной этнической общности, принадлежавших, вместе с тем, к разным хозяйственно-культурным типам [347].

Значительные последствия для научного становления П.Н. Шульца имело посещение в 1932 г. Евпатории. Ученый имел возможность изучить местную археологическую коллекцию, им была выполнена: «работа по определению вещественного античного материала и по уточнению отдельных звеньев экспозиции археологического отдела». Но, что немаловажно, П.Н. Шульц

оказался непосредственно вовлечен в дело археологического изучения памятников Евпатории и ее окрестностей. Небольшие научные исследования в регионе в 1927–1929 гг. провел Л.А. Моисеев [195, с. 25–28]. Возобновить начатые изыскания в 1930 и 1931 гг. просил руководство ГАИМК директор Евпаторийского музея Я.Г. Благодарный. Однако его обращения получали ответ примерно одинакового содержания: «Сообщаем, что ввиду ограниченного количества средств, которыми располагает Академия, организация экспедиций и производство раскопок в Вашем районе в ближайшее время невозможны» [108, л. 8] Узнав о сложившейся ситуации П.Н. Шульц писал в дневнике о командировке: «...лучшим и самым надежным путем установления связей ГАИМК с местными музеями, помимо привлечения местных сил к участию в издательской работе ГАИМК, является непосредственная помощь работников ГАИМК во время летних поездок» [51, л. 41 об.]. Эта мысль представляется значимой, поскольку, видимо, отражает актуальную для этого времени дискуссию о необходимости образования в Крыму исследовательского подразделения ГАИМК.

Во время своего пребывания в Евпатории П.Н. Шульц детально познакомился с результатами предпринятых летом 1932 г. В.Ф. Штифтаром наблюдений за земляными работами при постройке складов военно-курортной станции. Преподаватель латинского языка мужской гимназии и краевед оказался единственным компетентным сотрудником местного отделения ОПИК, который обладал опытом археологической фиксации. Общее руководство за наблюдениями осуществлял Н.Л. Эрнст, который «лишь изредка наезжал в Евпаторию» [51, л. 33]. В.Ф. Штифтар сообщил П.Н. Шульцу подробности инициированных летом 1932 г. наблюдений: «...[Евпаторийское городище — Н. Ч.] почти полностью застроено зданиями военно-курортной станции, ее флигелями, службами, двором и парком. Постройка складов производилась на вершине, в центре городища. Работы начались с опозданием на 2 месяца, и поэтому велись ускоренным темпом. Это затрудняло процесс археологических наблюдений. В «котловане», в котором возводились фундаменты, в конкретные дни работали до 200 рабочих. Встречавшиеся в процессе работы остатки древних

архитектурных сооружений, сносились с большой быстротой» [51, л. 33–34]. Меры Евпаторийского музея представлялись П.Н. Шульцу совершенно недостаточными. Ученый отмечал: «Площадь раскопок охватила ничтожнейшую часть всего городища». Ни результаты, полученные в 1932 г., ни исследования предшествующих лет не позволяли сделать заключение «даже о времени сооружения и гибели Евпаторийского городища» [51, л. 38]. Не приходится сомневаться: реакцией П.Н. Шульца на увиденное стал замысел об организации самостоятельных исследований в Северо-Западном Крыму.

Археологические работы летом 1932 г. не должны были ограничиться лишь визуальными наблюдениями. В связи с этим П. Н. Шульц фактически провел служебное расследование. По данным путевого дневника командировки на цели археологических исследований: «в связи со своими строительными работами военно-курортная станция согласно договора, заключенного с сектором науки Крымнаркомпроса, должна была отпустить 3000 р.» [51, л. 39]. П. Н. Шульц установил, что выделенные средства не были получены Евпаторийским музеем «...в результате пассивного отношения к работам в Евпатории со стороны сектора науки Крымнаркомпроса, а также в результате недостаточной заинтересованности в этой работе, проявленной Н.Л. Эрнстом». Далее автор путевого дневника отмечает: «Допущенная оплошность должна быть исправлена. Военно-курортная станция, учитывая научно-историческое значение Евпаторийского городища, несомненно, предоставит гарантированную ею в договоре сумму для исследования городища в 1933 г.» [51, л. 40]. Выяснялись и другие причины потери финансовых средств: «К сожалению, местные Евпаторийские организации (Райфо, Райпрофсовет, ОНО) до сих пор недооценивают значение, которое шаг за шагом завоевывает Евпаторийский музей. Эта недооценка сказалась, в частности, в том, что Райфо неоднократно пытался, вопреки договора, присвоить средства, полученные Евпаторийским музеем за посещение антирелигиозного отдела музея» [51, л. 41]. По мнению ленинградского исследователя, раскопки Евпаторийского городища в 1933 г. на высоком уровне могли быть произведены

только объединенными силами Центрального музея Крыма, Евпаторийского историко-археологического музея и античного сектора ГАИМК.

Формально руководство археологическими исследованиями в Евпатории в 1932 г. по поручению Крымского Наркомпроса осуществлял Н.Л. Эрнст. В то же время, по имеющимся данным, существенного участия в работах ученый так и не принял. По-видимому, его тяготило это бремя, почти не связанное с его собственными научными интересами. Постоянно работая в Симферополе, Н.Л. Эрнст едва ли мог уделять необходимое внимание раскопкам в Евпатории. Должно быть, сказывались трудности личных взаимоотношений с руководством Евпаторийского музея: замечания Я.Г. Благодарного о Н.Л. Эрнсте, высказанные в ряде писем к П.Н. Шульцу, далеки от дружелюбных [351, с. 351]. Многочисленные трудности возникали в договоренностях с Крымнаркомпросом. Не удивительно поэтому, что отказаться от руководства хлопотным евпаторийским делом Н.Л. Эрнсту было легко. Он писал Я.Г. Благодарному 26 июля 1933 г.: «Уважаемый Яков Георгиевич! Недавно, после бесчисленных моих настояний и напоминаний, Наркомпрос послал Вам полномочия на истребование денег на раскопки от Военного Санатория. Успели ли Вы уже чего-нибудь достигнуть в этом деле и не нужен ли еще какой-нибудь нажим? Пожалуйста, сообщите до 1-го августа (я ухожу в отпуск). Вчера получил я письмо от [П.Н.] Шульца: ГАИМК интересуется этим вопросом и обещает свое содействие, если нужно нажать через Москву. [П.Н.] Шульц собирается приехать для обследований. Думаю, ему же нужно будет поручить и раскопки, если получим на них деньги. С приветом, Ваш Н. Эрнст» [140, л. 57].

Когда договоренности с Военно-Курортной станцией были, наконец, достигнуты, от Н.Л. Эрнста в Евпаторийский музей пришло еще одно краткое письмо, в котором говорилось: «...я считал бы целесообразным, чтобы раскопки были поручены [П.Н.] Шульцу, а я бы наезжал для консультации» [140, л. 28об.]. Без преувеличения следует говорить о том, что в 1933 г. два археолога неформально разделили сферы своих научных интересов в Крыму. Примечательно, что П.Н. Шульц наоборот предполагал проведение

археологической кампании под руководством Н.Л. Эрнста. В письмах к Я.Г. Благодарному он настаивал на том, чтобы «по-дружески» договориться ради успеха общего дела [140, л. 26]. Из письма Я.Г. Благодарному от 21 августа становится известно о факте личной переписки П.Н. Шульца и Н.Л. Эрнста, в которой неопределенности организации археологических работ удалось уладить. Любопытны упомянутые там же намерения осуществить совместные разведочные исследования вдоль побережья моря между Евпаторией и Севастополем. Планировалось, что непосредственным исполнителем этой части работ станет Н.Л. Эрнст [140, л. 30]. Этот замысел остался нереализованным. В отличие от археологических исследований П.Н. Шульца, проводившихся в рамках Евпаторийской экспедиции ГАИМК в 1933–1935 гг. (Рис. 14). Подробности истории и результатов этой кампании неоднократно освещались в литературе [28; 326; 195; 351].

К середине 1930 гг. профессиональный авторитет П.Н. Шульца в научном сообществе существенно укрепился. Высокую оценку его исследованиям в Северо-Западном Крыму давал заведующий античным отделом Херсонесского музея Г.Д. Белов, отметивший в личном письме 19 апреля 1936 г.: «... собрался прочесть Ваш отчет, очередные дела сильно мешали. Но читал зато его с большим интересом! Вы провели громадную работу по исследованию СЗ берега, я удивлялся, читая, сколько Вы обследовали мест и какое огромное количество городищ и др. памятников зафиксировали и частично исследовали» [119, л. 1]. В музейной среде П.Н. Шульц воспринимался как один из наиболее компетентных специалистов в изучении памятников монументального искусства: об этом свидетельствуют многочисленные письменные обращения с запросами о консультации по поводу обнаруженных изваяний. С 1937 по 1940 гг., будучи доцентом факультета истории искусства Академии художеств, П.Н. Шульц руководил студенческой практикой в Херсонесе [87]. В 1938 г. место директора музея античного города оказалось вакантным. Сохранился запрос заведующего Музейно-краеведческим отделом Наркомпроса РСФСР В.А. Радус-Зеньковича с предложением П.Н. Шульцу возглавить учреждение (

Приложение №10). Сведений о решении ленинградского археолога в нашем распоряжении нет, но, очевидно, он отказался. В 1939 г. всесоюзный Комитет по делам искусств при СНК обратился к П.Н. Шульцу с официальным приглашением принять участие в Московском и Ленинградском совещаниях по истории мирового искусства. В частности, в Москве ученому предлагалось выступить с содокладом, рассчитанным на 40 минут, к выступлению Л.А. Мацулевича на тему «Поздняя античность и средние века [74, л. 4]. Дважды, в мае и июле 1938 г., редакция ведущего издания страны «Вестника Древней истории» обращалась к П.Н. Шульцу с убедительной просьбой подготовить рецензию на книгу Ю.Д. Колпинского «Искусство Древней Греции» [78, л. 12]. Тем не менее, рецензия не была подготовлена. В контексте настоящего изложения приведенные факты еще раз подтверждают значимость фигуры П.Н. Шульца в восприятии современников.

Но представить степень участия П.Н. Шульца в довоенном процессе организации академического центра археологии в Крыму, о котором подробнее речь пойдет во второй главе настоящего исследования, позволяют лишь некоторые фрагментарные источники. Среди них особое внимание следует обратить на несколько писем П.Н. Шульцу от крымского историка и археолога, одного из создателей Севастопольского музея краеведения, П.П. Бабенчикова, датированных 1940 г., и написанных в Сухуми. В этом городе он пребывал вынужденно, после многолетних ссылок ему пока не удавалось получить разрешение на возвращение в Крым. Трудности реабилитации являлись только одной из тем писем. Со своим корреспондентом П.П. Бабенчиков связывал надежды на образование в Симферополе филиала Академии наук. В письме 1 января 1940 г. есть такие строки: «В Вашем последнем письме прочел не без трепета, что ИИМК собирается создать в Крыму научно-археологическую базу. Где она будет? Что она будет представлять на месте? Это ведь как раз то, о чем, думаю, мечтал не один крымский краевед и археолог. Это сообщение для меня яркая, радостная звездочка на темном небосклоне. Научите, дорогой Павел Николаевич, что нужно сделать, чтобы эта звездочка не погасла, а действительно

к чему-нибудь привела!». Пока затруднительно сказать, о каком именно предприятии ИИМК шла речь. Прояснить этот аспект предположительно смогут организационные документы Научного архива ИИМК. В следующем письме П.П. Бабенчикова в марте 1940 г. прежний оптимизм несколько поубавился: «К сожалению, общая ситуация на данный момент малоблагоприятная для прекрасных начинаний ИИМК в Крыму. Организация базы его в Симферополе потребует значительных расходов, которые сейчас рекомендуется урезать. Это обстоятельство заставляет меня смотреть (с большой грустью) на филиал, как на маяк перспективы, выражаясь Вашими словами в последнем письме...» [118, л. 2, 6].

Таким образом, в 1930-е гг. П.Н. Шульц, сформировавшись как ведущий специалист в области истории античного искусства, имея определенный авторитет в научном сообществе, все больше погружался в организационные мероприятия центральных и местных археологических учреждений в Крыму. Получив детальное представление о положении в памятникоохранном деле, научно-исследовательских начинаниях местных музеев, и дополнив их собственным опытом проведения Евпаторийской экспедиции в 1933–1935 гг., ученый не мог не убедиться в необходимости укрепления присутствия академических центров Ленинграда в крымской археологической действительности. В свете некоторых выводов в материалах служебной поездки 1932 г. и цитат приведенных писем П.П. Бабенчикова следует говорить о вовлеченности П.Н. Шульца в обсуждение некой предвоенной инициативы организации отделения ИИМК в Крыму. Но известная официальная документация по истории этого учреждения пока не позволяет дополнить настоящий сюжет. Можно лишь уверенно утверждать, что этот факт являлся очередным в ряду многих подобных проектов РАИМК/ГАИМК/ИИМК, специальному рассмотрению которых посвящена вторая глава настоящей работы.

ГЛАВА 2. ПРЕДПОСЫЛКИ ОРГАНИЗАЦИИ АКАДЕМИЧЕСКОГО ЦЕНТРА АРХЕОЛОГИИ В КРЫМУ В 1920–1930-Е ГГ.

С 1859 по 1917 гг. несение археологической службы в России почти безраздельно осуществлялось Императорской Археологической комиссией. В 1920-е гг., претерпев изменения в форме организации и персональном составе, под названием РАИМК/ГАИМК, это ведомство оставалось главным ориентиром в деле организации археологических исследований. Академия, оставляя за собой научный контроль, административные решения делила с Отделом по делам музеев и охране памятников искусства и старины при Народном комиссариате просвещения, участие которого оказывалось не всегда корректным и последовательным, но зато заметным в центре и особенно чувствительным на периферии. В связи с этим, в РАИМК/ГАИМК неоднократно инициировались и обсуждались проекты организации своих региональных представительств.

2.1. Попытки создания региональных отделений РАИМК/ГАИМК в Крыму

В деятельности РАИМК/ГАИМК в 1920–1930-е гг. изучение крымских древностей являлось ключевым направлением. Это неудивительно, ведь её предшественница, Императорская археологическая комиссия, заботилась об исследовании и сохранении богатого историко-культурного наследия региона в не меньшей мере [214; 200; 334]. Парадоксально, что в течение своей полувековой истории ИАК как главное учреждение, координирующее археологическую сферу в Российской империи, так и не обрела собственных представительств на местах. За пределами столицы ее контрагентами выступали чиновники служб путей сообщения, статистические комитеты, многочисленные губернские архивные комиссии. Исключением являлся Керченский музей древностей, напрямую подведомственный Археологической комиссии. Руководство последней назначало директора музея, определяло его штат, бюджет и направления работы. Так формировалась устойчивая традиция администрирования крымского регионального подразделения ИАК. С 1888 г. в ее ведении оказался также Склад

древностей в Херсонесе. В 1908–1917 гг. заведующими этого древлехранилища становились действительные члены Археологической комиссии. Таким образом, накануне революции деятельность двух крупнейших археологических заведений Крыма фактически контролировалась в Санкт-Петербурге. Неслучайно именно с Керчью и Севастополем оказались связаны проекты организации отделений РАИМК/ГАИМК в советское время.

Во второй половине XIX – начале XX вв. реальная археологическая деятельность на юге России по-прежнему находилась в тесной связи с личностным фактором. В первые годы после окончательного установления советской власти в Крыму конкретные научно-организационные и исследовательские мероприятия оказались связаны с именами двух ярких и в общем-то противоположных личностей — Л.А. Моисеева и К.Э. Гриневича. Первый получил высшее образование в Императорском Санкт-Петербургском университете, свои познания и навыки совершенствовал во время двухлетней поездки по Европе, прошел школу практической археологии в Ольвийской экспедиции Б.В. Фармаковского в 1905–1912 гг., являлся членом правления бывшей ИАК, имел немалый опыт самостоятельных изысканий, а его служба на посту директора музея в Херсонесе была легитимирована еще в 1915 г. [212, с. 50]. В том же году, К.Э. Гриневич только окончил обучение на историко-филологическом факультете Харьковского университета, получил достаточно основательную подготовку в знании античного искусства, основных европейских языков, а также древнегреческого и латыни, имел опыт участия в раскопках Б.В. Фармаковского Ольвии и В.В. Шкорпила на Боспоре в 1914 г. «Оставление» при Харьковском университете прошло для него без обязательной заграничной стажировки, которой помешала Первая мировая война, но завершилось успешным сдачей магистерских экзаменов и назначением приват-доцентом Петроградского университета [220, с. 179–180].

В конце 1919 г. К.Э. Гриневич занял пост директора музея в Керчи благодаря рекомендации Л.А. Моисеева, который в силу непростых обстоятельств времени и отсутствия других специалистов фактически единолично курировал

музейную и памятникоохранную работу в Крыму в 1918–1920 гг. Чрезвычайно неблагоприятные как для научной работы, так для жизни вообще, эти три года в истории музеев в Керчи и в Херсонесе, тем не менее, отмечены немаловажными достижениями. К.Э. Гриневичу в непростых условиях удалось организовать раскопки на некрополе Пантикапея и в Фанагории, предпринять меры по борьбе с ограблением древних памятников Керчи и ее окрестностей, подготовить несколько путеводителей по вверенному его руководству музею, наконец, открыть археологический семинарий. К.Э. Гриневич вынашивал и более существенные планы. В начале 1920 г. на заседании Керченского музея им был сделан доклад "Ближайшие задачи археологии в Керчи", в котором среди принципиальных положений подчеркивалась необходимость создания при участии РАИМК «в Керчи Археологического института на подобие Константинопольского, открытие отделения дирекции Музея на Таманском полуострове» [цит. по: 202, с. 284]. В 1921 г. К.Э. Гриневич писал ученому секретарю Академии Б.В. Фрамаковскому: «Музей должен быть по-прежнему в ведении означенной Академии, и я на месте сделал соответствующие шаги для передачи Музея в ведение Академии» [цит. по 202, с. 280]. Впрочем такие идеи не находили сочувствия в Петрограде, а возможность объединения музея в Керчи с РАИМК представлялась руководству последней только в рамках научного взаимодействия [202, с. 281].

В это же время Л.А. Моисеев (Рис. 19) не позволил прекратить начатые еще в 1915 г. археологические обследования на Гераклеяском полуострове, в 1916–1918 гг. провел результативные раскопки в Евпатории, предпринял эффективных меры по сбережению целостности коллекции и многочисленных объектов Херсонеса. К 1920 г. южнорусское направление работы бывшей ИАК оказалось практически лишено своих представителей. Единственным деятельным членом Комиссии являлся именно Л.А. Моисеев, фактически возглавивший ее после эмиграции последнего дореволюционной председателя А.А. Бобринского. Потеряв связь с Петроградом и оставаясь последним представителем «старой» науки на юге России, он предпринимал отчаянные попытки создания в условиях

Крыма памятникоохранной и исследовательской археологической службы. Свои предложения Л.А. Моисеев безуспешно направлял то и дело сменявшим друг друга представителям противоборствовавших Красной и Добровольческой армий. Из всех проектов, лишь недолго, в октябре 1920 г., просуществовала Государственная археологическая комиссия, учрежденная приказом П.Н. Врангеля, и объединившая в одну сеть администрирования музеи в Херсонесе, Керчи, Феодосии, Судаке и Бахчисарае [181, с. 13].

Первый год советской власти в Крыму оказался особенно тяжелым в гуманитарном отношении. О ситуации в Керченском музее К.Э. Гриневич писал в РАИМК в мае 1921 г: «Считаю долгом сообщить, что все служащие Музея, особенно нижний состав, в настоящую минуту очень бедствуют <...> Положение усугубляется еще тем, что получают скудное содержание, не хватающее даже на приобретение десятка яиц... Я остановился на этом вопросе потому, что необходимо срочно прийти на помощь, и я настоящим прошу АКАДЕМИЮ от имени всех служащих, помимо высылки следуемого содержания, выдать единовременное пособие в награду за их действительно честное и ревностное исполнение служебных обязанностей» [цит. по 202, с. 293]. Не многим лучше обстояли дела в Херсонесе, на что в своем отношении в РАИМК от 18 ноября 1921 г. сетовал руководитель Севастопольского отделения КрымОХРИСа Л.А. Моисеев. В частности, сообщалось о крайне тяжелом состоянии музея Херсонесского городища, практически не финансировавшегося в течение 1920 г. Художественным подотделом ОНО Севастопольского РВК, а в начале 1921 г. переданного в ведение СевОХРИСа, также не располагавшего средствами на поддержание работы музея. Л.А. Моисеевым приводились факты бедственного положения сотрудников: «За истекший год один из служащих Херсонеса умер от истощения, остальные в количестве 6, приведены в состояние полной инертности». В документе упомянут случай серьезного ограбления «лицами в красноармейской форме» витрин музейной экспозиции. Надежды на исправление сложившегося положения Л.А. Моисеев возлагал на руководство РАИМК,

которому предлагал проект организации Херсонесской научной археологической станции [94, л. 330–330 об.].

Оказавшись не только свидетелями, но и заложниками тяжелого гуманитарного кризиса в Крыму, двое ученых предпочли действовать по-разному. При первом рассмотрении способ поведения К.Э. Гриневича можно посчитать не самым благовидным. Но начнем с того, что до конца неясны причины его согласия устроиться на работу в Керчи в 1919 г. Одни биографы объясняют это решение обязательствами командирования К.Э. Гриневича для производства раскопок на Пантикапее и в Херсонесе [220, с. 180], другие указывают на роль Л.А. Моисеева, выдвинувшего кандидатуру начинающего коллеги на должность директора музея в Керчи [202, с. 278]. При этом, мотивы самого К.Э. Гриневича не раскрыты. Недавно защитивший магистерскую диссертацию, очевидно, не лишенный известного честолюбия, молодой ученый предвидел перспективу построения научной карьеры. Если не учитывать тот факт, что последний директор Керченского музея В.В. Шкорпил был убит грабителями, представление о работе на этой должности могло быть в целом многообещающим. Выше отмечалось, что до революции музей в Керчи имел привилегированное положение учреждения напрямую подведомственного ИАК. К.Э. Гриневичу вполне закономерным виделось продолжение такой подчиненности в новых условиях. Им действительно было приложено много усилий. Но чем дольше затраченные средства не приносили результатов, чем более эфемерной казалась ему идея подчинения Керченского музея РАИМК, и чем отчаяннее становились условия жизни в Крыму, тем меньше у К.Э. Гриневича оставалось желания сохранять места своей службы. 31 марта 1921 г. он сообщил в РАИМК: «...я считаю долгом в срочном порядке поднять вопрос об отозвании меня для продолжения научной деятельности в Петроград, так как пребывание меня, университетского работника, в Керчи по исполнению определенного научного задания считаю с государственной точки зрения ненужным и вредным, не говоря уже о том, что я, как начинающий научный работник, нуждаюсь в научном руководительстве и поддержке коллег по специальности» [цит. по: 202, с. 280].

Спустя несколько дней К.Э. Гриневич писал в личном обращении к Б.В. Фармаковскому: «Хотя я сам направил свою ладью в Пантикапей, но сейчас жажду вернуться к научной работе в Петроград. <...> Помогите вырваться мне и устроиться там, на севере» [цит. по: 202, с. 280]. Еще через месяц К.Э. Гриневич испросил отпуск, выехал в Петроград и в следующие три года в Керчь не возвращался. Современники предсказуемо неодобрительно оценили такой «маневр». В особенности негативным стало отношение к К.Э. Гриневичу в РАИМК/ГАИМК. Даже в начале 1930-х гг. заместитель председателя Академии Ф.В. Кипарисов открыто называл К.Э. Гриневича «спекулянтом от науки». Такое отношение в стенах ведущего в стране археологического учреждения закономерно толкнуло К.Э. Гриневича в стан давних соперников ленинградской Академии — московских археологов. Это противостояние ученых институций двух столиц, как будет показано ниже, еще отразится на процессе организации академического отделения в Крыму.

Что же касается К.Э. Гриневича, было бы неправильным давать о его поступках оценочные суждения. Следует принимать во внимание обстоятельства эпохи, принуждавшие современников к выживанию любыми средствами. Наука лишилась бы будущих важных результатов, поступи ученый иначе. После его «бегства» из Крыма летом 1921 г. обязанности директора Керченского музея стал исполнять Ю.Ю. Марти. В деятельной инициативности он не уступал своему предшественнику. Именно заботами Ю.Ю. Марти была восстановлена научно-исследовательская и экспозиционная работа музея. К 1923 г. его усилиями было организовано краеведческое общество г. Керчи [42, л. 60]. Но решение некоторых проблем оказалось ему неподвластно. Речь, в частности, о практически полном отсутствии финансирования из местного бюджета. Летом 1922 г. Ю.Ю. Марти обратился с письмом в РАИМК, в котором просил срочного вмешательства: «Если не будет оказана самая широкая материальная помощь сотрудникам музея, то гибель всего археологического дела в Керчи неизбежна. Если люди вымрут, я никого на их место не найду...» [цит. по: 202, с. 341]. К этому времени положение Академии упрочнилось, а ее руководство осознало возможные неблагоприятные

последствия в случае утраты собственной базы в Крыму. В связи с этим была инициирована серия переговоров об изменении юридической подчиненности Керченского музея от Крымского Наркомпроса к РАИМК [229, с. 413]. Осуществление этой меры предполагалось путем преобразования музея в стационарное отделение Академии в Крыму.

К обсуждению идеи организации станции ГАИМК в Керчи вернулись в 1926 г. на состоявшейся в этом году Всесоюзной конференции археологов. Комитет конференции включал представителей Ленинграда, Москвы, Симферополя и Керчи. Важную роль в подготовке и проведении научного форума сыграл Ю.Ю. Марти. Среди решений конференции выделялось предложение руководителя Главнауки об открытии отделения Академии истории материальной культуры в Керчи. В своей резолюции на этот счет Н.Я. Марр отметил: «...как мало у нас ученых сил на местах и как важно было бы приблизить к ним специалистов из центра, ввиду этого Керченская конференция постановила открыть в Керчи секцию ГАИМК» [229, с. 412]. Подробности проекта отделения и его судьба отражены в литературе, что лишает нас необходимости подробно останавливаться на этом [229, с. 416–418; 303, с. 34–35]. Отметим лишь, что окончательное разрешение вопроса натолкнулось на противоречия ГАИМК и Главнауки Наркомпроса РСФСР. Промедление со стороны руководства последней в процессе обсуждения идеи, по-видимому, являлось намеренным. Подтверждает это почти аналогичная ситуация, сложившаяся незадолго вокруг инициативы открытия станции РАИМК в Херсонесе.

Впервые отношение с описанием подробностей организации научно-исследовательской станции в Херсонесе, составленное Л.А. Моисеевым, поступило в Академию в ноябре 1921 г. и, насколько известно, не получило никакой поддержки [293, с. 102–103]. Должно было пройти несколько лет и переговоры директора Херсонесского музея с влиятельными представителями ученого сообщества и руководством советской науки, чтобы актуализировать идею создания станции. В 1924 г. Л.А. Моисеев обсуждал свою инициативу в Москве с председателем археологического подотдела Отдела по делам музеев

Наркомпроса В.А. Городцовым, о чем информировал РАИМК. По-видимому, это был намеренный сигнал Ленинграду, предупреждавший о возможности утраты перспектив представительства в Херсонесе. Как бы то ни было, руководство РАИМК довольно быстро предприняло ряд активных действий. Во-первых, Л.А. Моисееву предоставили персональное удостоверение за подписью Н.Я. Марра с правом ведения всех необходимых переговоров в государственных и общественных учреждениях Крыма на предмет мероприятий для организации станции [81, л. 56]. Дополнительно РАИМК обращалась в СНК Крымской АССР «с просьбой об оказании ей содействия к скорейшему осуществлению дела организации в Херсонесе I-ой Археологической станции академии, имеющей своей задачей научные изыскания и исследования памятников Херсонеса» [81, л. 55]. В марте 1924 г. Б.В. Фармаковским было подготовлено положение о будущей станции с очень осторожным заголовком, демонстрировавшим, что документ являлся временным проектом (Приложение №14). Предварительность подтверждалась замечаниями о регламентации некоторых позиций дополнительными инструкциями, подготовка которых, вероятно, предполагалась в будущем. Весьма примечательно позиционирование учреждаемого органа как первой региональной станции Академии. Таким образом, с одной стороны обозначались перспективы открытия других подобных подразделений, а с другой подчеркивалась передовая роль РАИМК.

Последнее замечание весомо. Несмотря на относительную самостоятельность и широту полномочий, РАИМК, как и все научные учреждения РСФСР, находилась в подчинении Наркомпроса. Окончательное решение по вопросу организационных инициатив Академии в отношении Херсонеса утверждал Отдел по делам музеев Наркомпроса. Проект создания научно-исследовательской станции обсуждался на заседании Президиума музейного отдела 10 апреля 1924 г. в Москве. В результате были приняты решения, которые нивелировали роль РАИМК. Изменялся и смысл всего проекта. Прежде всего участники заседания постановили учредить должность специального чиновника Крымского Наркомпроса. Предлагалось сформировать

специальную комиссию в составе С.П. Григорова, А.М. Эфроса, В.А. Городцова (представителей Москвы), Л.А. Моисеева и В.Н. Лебедева, которой поручалось выработать положение «Об уполномоченном Музейного Отдела по Крыму» и «Положение о раскопках и музее Херсонеса». Относительно станции подчеркивалось: «признать необходимым, чтобы станция, *если таковая будет организована* [курсив — Н.Ч.], находится в ведении Херсонесского музея и обслуживала все научные учреждения, ведущие археологические исследования в Крыму» [81, л. 68]. Приведенные решения практически идентичны тем, которые через два года определили судьбу отделения ГАИМК в Керчи. Первоначальная идея некоего подразделения оказалась вскоре умалена до командирования одного сотрудника в Керчь на несколько месяцев. Долгое время в Наркомпросе РСФСР не могли определиться с ответственностью в финансировании предприятия и, наконец, не увидели целесообразности существования Керченского отделения РАИМК при наличии в Керчи музея.

Думается, вмешательство в дело организации Херсонесской станции РАИМК со стороны МУЗО Наркомпроса, а затем в вопрос об отделении в Керчи — еще два неизвестных акта многолетнего противостояния археологических центров в Москве и Ленинграде. Этому феномену истории отечественной археологии посвящена обширная литература [например: 331]. В данном случае приходится констатировать, что противоречия представителей столичных институций в конечном итоге сделали невозможным организацию академического центра археологии в Крыму в довоенный период.

Должно быть, известие о позиции Президиума МУЗО оказалось неприятной неожиданностью для Л.А. Моисеева. Рушились его надежды на установление связи с РАИМК. А вместе с тем, отдалялось решение самого насущного вопроса — финансирования. Наконец, предлагаемая Москвой идея выделения уполномоченного в системе Крымского Наркомпроса была не до конца продумана. В связи с этим Л.А. Моисеев просил дополнительного обсуждения, указывая на слабые места в предложениях Музейного отдела: «Должность уполномоченного МузОтделом, *если она считается столь необходимой для*

*Крыма*¹⁹ [курсив — Н.Ч.], вернее его полномочия, должны быть расширены до пределов Уполномоченного Главнауки, т.к. такого главка нет в Наркомпросе Крымской АССР и интересы ее не представлены в Коллегии КрымНаркомпроса, а КрымОХРИС не является главком, отсюда слабая защита позиций научных и музейных учреждений центра в Крыму. Мало того, совмещаемость должности уполномоченного МузОтдела по Крыму с должностью заведующего КрымОХРИСом делают уполномоченного МузОтделом непосредственно подчиненным КрымНаркомпросу, который т.о. может распорядиться оплачиваемыми центром единицами Государственных Музеев для нужд КрымНаркомпроса» [81, л. 70]. В связи с этим, Л.А. Моисеев предлагал либо оставить представительство интересов музеев за заведующими этих музеев, как это было прежде, либо наделить соответствующими функциями уполномоченного Главнауки [81, л. 71].

Некоторые любопытные подробности рассматриваемого сюжета встречаются в письмах Л.А. Моисеева к Н.Я. Марру (Приложение №1). Выясняется, что Музейным отделом директору музея была назначена «спецставка». Предположительно речь идет как раз об упомянутой выше должности специального уполномоченного по делам крымских музеев. К времени написания первого письма уверенность Л.А. Моисеева в скором осуществлении замысла открытия при Херсонесском музее станции РАИМК сильно пошатнулась, но в первых строках он вполне определенно заявил о сохранении желания соединить и в административном, и в научном отношении работу вверенного ему музея с Академией. С последней и ее председателем директор Херсонесского музея связывал свои надежды на поддержку и защиту. И такие вскоре действительно потребовались, ведь в личной судьбе Л.А. Моисеева случились неприятности. Характерное для него проявление большой

¹⁹ Нельзя не обратить внимание на формулировку этого уточнения, сделанного Л.А. Моисеевым, вероятно, неслучайно. В приведенном выше ответе Музейного отдела на предложение о Херсонесской станции имеется такое же ироничное замечание: «...станция, если такая будет организована...».

целеустремленности и известной принципиальности в окружавших обстоятельствах становилось небезопасным.

Энергичные мероприятия Л.А. Моисеева по налаживанию работы музея в Херсонесе в начале 1920-х гг. часто не находили поддержки среди местных чиновников в Крыму, а в некоторых случаях наталкивались на открытое противодействие. В начале 1924 г. в попытке отстоять финансовые интересы Херсонесского музея его директор оказался вовлечен в конфликт с СевОХРИСом и его новым руководителем Я.П. Бирзгалом (Рис. 20). Большевик, активный участник Гражданской войны ранее служил в Крымской чрезвычайной комиссии, но в результате ухудшения «тяжелого психоневроза» был переведен на более спокойную гражданскую должность [329, с. 25]. Располагая сведениями о «неудобных» эпизодах биографии Л.А. Моисеева, связанных с сотрудничеством с правительствами А.И. Деникина и П.Н. Врангеля в 1919–1920 гг., и воспользовавшись как поводом возвращением из эвакуации коллекций Херсонеса, которые несколько лет пребывали в Харькове. Я.П. Бирзгал направил заявление в ГПУ о якобы имевших место «финансовых злоупотреблениях» директора музея [308, с. 10]. Реальных оснований для такого обвинения, конечно, не было. Но авторитет коммуниста, безусловно, перевесил любую даже самую незапятнанную репутацию археолога-интеллигента. 15 июля 1924 г. Л.А. Моисеева арестовали. Примечательно, что о таком исходе он догадывался еще за месяц, знал он и своих недоброжелателей, вполне прозорливо угадывал среди них К.Э. Гриневича, занявшего вскоре освободившееся место директора Херсонесского музея. Прекрасно сознавая перспективы, Л.А. Моисеев в письме к Н.Я. Марру сетовал лишь на то, что ему не давали спокойно довести до конца почти десятилетние заботы об изучении и сохранении Херсонеса. Он не обращал внимание корреспондента на опасения за свою личную безопасность, даже был готов «мирно» оставить свой пост, но никак не мог согласиться с незавершенностью многолетних трудов, подчеркивая: «Цинизм величайший в том, что мне не хотят дать возможности отойти от Херсонеса морально удовлетворенным!» (Приложение №11).

Л.А. Моисееву пришлось более полугода провести под следствием. Связанные с этим тяготы не сломили его воли и надежды на лучшее. Изменить несправедливость ситуации, наконец, помогло заступничество Н.Я. Марра. Об этом Л.А. Моисеев писал 22 декабря 1924 г. (Приложение №12). Несмотря на освобождение, Л.А. Моисеев уже не мог вернуться на работу в Херсонесский музей, его место занял К.Э. Гриневич. Археолог стремился устроиться по специальности. Однако этому пока мешала незавершенность судебного разбирательства. В письме Н.Я. Марру Л.А. Моисеев просил прислать «хорошую характеристику в местный Исполком, где новый состав, и тогда его дело к январю совсем закроют». Новым местом службы ученого стало Севастопольское отделение РОПИК. Здесь снова проявился его исключительный организаторский талант: Л.А. Моисеев занялся организацией научно-исследовательской и экскурсионной базы Общества в Ласпи. Согласно замыслу, это учреждение позволило бы в уникальных условиях местности Ласпи-Батилимана решать исследовательские проблемы в рамках петрографического, зоолого-ботанического и археологического направлений [53, л. 1–6]. Судя по имеющимся данным для организации базы предпринимались конкретные действия. Доклад о задачах подразделения РОПИК слушался на заседании общества, а затем был опубликован в журнале общества [15]. Для проведения предметных переговоров 21 мая 1926 г. Л.А. Моисеева приглашали на специальное заседание Севастопольского РИК под председательством Я.С. Ядрова²⁰, а 6 июня состоялась выездная экскурсия членов РИК и представителей РОПИК для осмотра условий будущей базы [53, л. 8–9]. Вместе с тем, база так и не была организована.

Начатые в 1920-е гг. организационные предприятия Академии истории материальной культуры по открытию своего регионального отделения в Крыму, по-видимому, не прекратились в следующее десятилетие. Документ под названием «Проект положения о научно-исследовательской станции ГАИМК в Херсонесе», контекст создания которого пока представляется очень нечетко,

²⁰ Яков Семенович Ядров (1893/1901–1969) – председатель Севастопольского РИК в феврале – июне 1926 г.

датирован 1934 г., и лишен указания автора. Объяснение того, почему новый проект станции появился спустя десять лет после инициированного в 1924 г. Л.А. Моисеевым, в целом, представляется очевидным. Организация подразделения ГАИМК в годы руководства Херсонесским музеем К.Э. Гриневича, поддерживаемого в Москве, была едва ли возможна. Слишком сильны были противоречия археологических центров двух столиц, что, как было показано выше, оставляло любые усилия по организации базы в 1920-е гг. без результата. Существенных изменений не произошло и в 1929–1931 гг., когда директором музея в Херсонесе стал В.Ф. Смолин, принявший дела у возглавившего Музейный отдел Наркомпроса К.Э. Гриневича [308, с. 13]. «Перелом» произошёл в 1930 г., когда была реформирована система ГАИМК, чье положение главного археологического учреждения в стране было закреплено специальными правительственными решениями [188, с. 107]. В то же время позиции К.Э. Гриневича и В.Ф. Смолина пошатнулись, они оба оказались репрессированы в 1932 г. Первый лишился влиятельных должностей и был отправлен в ссылку. В.Ф. Смолин сначала прошел процедуру «чистки» аппарата Херсонесского музея, в результате которой уволен «без права занимать руководящие должности [44, л. 130], а в 1932 г. арестован и расстрелян. Внимательно наблюдали за этими стремительными переменами в ГАИМК. В заседаниях ее Крымской комиссии обсуждался «Акт о чистке аппарата Государственного Херсонесского музея...», отсутствие у музея своего положения и научно-исследовательского плана [44, л. 121]. С новым директором Херсонесского музея у Академии установились вполне конструктивные отношения. Освободившуюся после увольнения В.Ф. Смолина должность в 1931 г. занял Г.Д. Белов, выпускник Петроградского университета, имевший длительную историю сотрудничества с научными центрами в Ленинграде, в частности, Эрмитажем и РАИМК/ГАИМК. Думается, именно Г.Д. Белов, спустя несколько лет стабилизации в условиях Херсонеса, подготовил для ГАИМК проект организации научно-исследовательской станции.

Согласно положению 1934 г. в Херсонесе учреждалась постояннодействующая научно-исследовательская станция ГАИМК, основными

задачами которой становилось «1) Изучение Херсонеса как историко-культурного комплекса и других, связанных с ним памятников; 2) Охрана памятников Херсонеса и работа по поддержанию их в надлежащем порядке; 3) Руководство как научной, так и просветительской работы Херсонесского музея; 4) Содействие использованию памятников Херсонеса в целях политико-просветительской работы». Следующие пункты положения могли быть инициированы или хотя бы согласованы с директором Херсонесского музея, которым в это время являлся Г.Д. Белов. В систему станции планировалось включить сам музей и его вспомогательные учреждения (библиотека, архив, лаборатории, кабинеты и пр.) с соответствующим научным оборудованием. Директор и штат станции утверждался в ГАИМК, а бюджет формировался по специальной смете Академии. Предполагалось, что планы исследовательской работы готовились компетентными сотрудниками ГАИМК во взаимодействии с директором станции, а после утверждались в Ленинграде. Соответственно и отчеты должны были поступать в ГАИМК. Станция имела бы официальную печать с надписью «Херсонесская станция Академии истории материальной культуры». Штатная ведомость станции предполагала должности директора, заведующего музеем, пяти научным сотрудников I разряда, трех научных сотрудников II разряда и восемь человек технического персонала [147, л. 1–7]. В случае реализации проект станции существенно бы улучшил непростые условия работы Херсонесского музея. Подробности дальнейшей судьбы этого замысла пока теряются в сложной канве истории ГАИМК в 1930-е гг. Известная нам документация Херсонесского музея, относящаяся к этому времени, также не позволяет дополнить этот сюжет.

Малоизвестный аспект истории РАИМК/ГАИМК, связанный с образованием собственного представительства в Крыму, рассматривался преимущественно в контексте взаимосвязанных судеб двух ученых К.Э. Гриневича и Л.А. Моисеева. Их персональные поведенческие стратегии оказались противоположными. При этом, обоим принадлежал ряд ценных исследовательских и научно-организационных предприятий в деле развития

крымской археологии 1920–1930-х гг., но оба они не избежали политических репрессий, существенно осложнивших обстоятельства их личной жизни и творческой деятельности. Сегодня архивные и опубликованные сведения, отражающие отдельные эпизоды биографии К.Э. Гриневича и Л.А. Моисеева, позволяют существенно дополнить отчасти обезличенную картину организационной работы ГАИМК в довоенном Крыму, реконструируемую исключительно по фрагментарно сохранившимся официальным документам. Но результаты проделанного опыта привлечения комплекса административной документации и материалов личного происхождения двух непосредственных участников событий, конечно, не могут считаться исчерпывающими. Представляется, что в 1920–1930-е гг. руководством ГАИМК (с 1937 г. — ИИМК), подкрепленным инициативами крымских исследователей, предпринимались и другие попытки создания отделения Академии/Института.

2.2. ГАИМК/ИИМК им. Н.Я. Марра и музейная археология Крыма

Начатое выше рассмотрение организационной деятельности РАИМК/ГАИМК было бы неполным без освещения подробностей участия этой институции в судьбе крымской археологии 1930-х гг. Внимание предлагается сосредоточить на нескольких примерах взаимодействия академического центра археологии в Ленинграде и музейных учреждений в Крымской АССР. Выделение настоящего параграфа представляется важным по ряду причин. В довоенном Крыму музеи являлись единственной реальной силой, способной осуществлять учет, изучение и охрану памятников прошлого. Именно музеи хранили наиболее полные и достоверные сведения об историческом богатстве региона, владели значительным опытом проведения археологических исследований, являлись важным звеном коммуникации между центральными научными учреждениями, государственными структурами и представителями широкой общественности. Любая информация об обнаружении, случайном или намеренном нарушении целостности, угрозе уничтожения и необходимости проведения срочных спасательных исследований археологических памятников поступала, главным

образом, в музеи, выполнявшие роль районных органов памятникоохранной службы. Наконец, следует помнить высокую степень участия крымского музейного сообщества в послевоенной организации археологического центра при КНИБ АН СССР, научный штат которого во многом составили сотрудники музеев, принявшие на себя новые обязанности, совмещая с основными местами работы.

2.2.1. Музейное дело в Крымской АССР в 1930-е гг.

Конец 1920-х – 1930-е гг. весьма противоречивый период в истории крымских музеев. Его можно охарактеризовать как время поиска эффективной модели администрирования, дискуссий о содержании научно-исследовательской, экспозиционной и популяризационной работы. На общегосударственном и региональном уровне с целью заботы о музейных нуждах советским правительством несколько раз предпринимались попытки наведения порядка в деле организации работы музеев и в важнейшем направлении их деятельности — сохранении исторического наследия. В литературе подчеркивались последствия многочисленных преобразований, которые далеко не всегда приводили к улучшениям [180, с. 10; 283, с. 27; 208, с. 131]. В рамках общесоюзного процесса свертывания краеведческого движения в 1927 г. функции ликвидированного КрымОхриса, ранее курировавшего музейную сферу, оказались переданы Крымнаркомпросу. В структуре последнего появилась должность инспектора по делам музеев. Включение музеев в сферу ответственности Наркомпроса привело к снижению внимания к музейным нуждам, проявлению некомпетентности в работе новых руководителей музейных учреждений, просчетам и непоправимым потерям в области охраны культурного наследия, упадку просветительской работы.

Необходимо согласиться с мнением выдающегося ученого-естественника И.И. Пузанова о том, что одним из ключевых негативных событий в администрировании крымской музейной сферы рубежа 1920–1930 гг., отразившемся на возможностях ведения музеями исследовательской, памятникоохранительной и популяризационной работы, стало сокращение

финансирования. Отличия в ситуации двух десятилетий он характеризовал следующим образом: «Период 1926–1928 гг. стал расцветом для Центрального музея. По отзывам авторитетных посетителей, Центральный Музей Тавриды был одним из лучших, если не лучшим из провинциальных музеев Союза. В 1928 г. произошло событие, для музея роковое, ибо после этого он быстро покатился вниз: Главнаука Наркомпроса РСФСР, для облегчения своего бюджета, отказалась от ряда научных учреждений автономных республик, перешедших в ведение республиканских наркомпросов. Для музея это означало снятие с центрального снабжения и переход на весьма скудный местный бюджет. Один за одним уходили квалифицированные сотрудники» [56, л. 1–3]. Не только ЦМК, но и прочие крымские музеи переводились на региональный бюджетный баланс. В это же время Крымская АССР утверждается в статусе «Всесоюзной здравницы», следствием чего стало расширение курортной сети, угрожавшее уничтожением памятникам прошлого. Не меньшей опасностью стали антропогенные воздействия больших строек эпохи социалистической реконструкции [90, л. 1–10].

В 1932 г. для руководства государственной политикой в области охраны культурного наследия был организован Межведомственный комитет по охране памятников при Президиуме ВЦИК РСФСР, в состав которого вошли представители республиканского Наркомпроса, ЦГРМ, ГАИМК, Академии наук и ГИМ [180, с. 9]. 10 августа 1933 г. ВЦИК и СНК РСФСР обнародовали «Постановление об охране исторических памятников», в котором отмечалось, что главной причиной его подготовки стали «нарушения местными органами власти» предшествующих законодательных решений. Контроль за исполнением этого постановления возлагался на местные отделения Наркомпроса [112, л. 1]. Внимание комиссариата к проблемам музейных учреждений и сохранности объектов культурного наследия, безусловно, приходилось совмещать с не меньшей заботой об образовательных и просветительских заведениях, домах опеки над беспризорными, библиотеках, театрах, кино и других, имевших для государства крупное значение отраслях. Специальное постановление, касавшееся

охраны археологических памятников появилось 10 февраля 1934 г. На практике оно часто не соблюдалось. В информации Крымнаркомпроса в 1936 г. отмечалось: «осуществление данных постановлений явно неудовлетворительное». Причиной во многом являлся недостаток сил у местных подразделений Наркомпроса [113, л. 28].

В этих условиях, в 1936 г. на общесоюзном уровне была реализована инициатива образования специального ведомства при СНК для координации деятельности музеев и работы по сохранению культурного наследия — Управления по делам искусства (УДИ). Одно из региональных подразделений появилось Крымской АССР. Его функции не были четко определены и во многом дублировали полномочия Крымнаркомпроса. В 1938 г. УДИ передавались обязанности ликвидированного Межведомственного комитета по охране памятников [180, с. 10]. Острее других перемены ощутили рядовые исполнители. Председатель Комитета по охране памятников Севастополя Али-Абдул Аким обращался к секретарю ОК ВКП(б) И.Я. Максиму с тем, «что согласно Постановления ВЦИК РСФСР о ликвидации Комитета по охране памятников и передаче его функция Комитету [Управлению — Н.Ч.] по делам искусств фактически получилось, что в настоящее время этим вопросом ни КрымЦИК, ни Комитет по делам искусств, ни Наркомпрос, никто не занимается, а следовало бы заниматься, т.к. в условиях Крыма и особенности г. Севастополя очень много памятников, которые имеют крупное значение и в нашей жизни и в истории... поэтому немедленно нужно указание ОК ВКП(б) с тем, чтобы было централизовано руководство, и нам низовым комитетам было бы куда обратиться» [106, л. 28].

Несмотря на неясность руководящих установок представители Крымнаркомпроса и УДИ пытались выстроить систему взаимодействия. В начале 1939 г. наркомом просвещения Крымской АССР становится С.В. Поляковская. С целью координации музейной работы в структуре вверенного ей ведомства 26 июня был организован Научно-методический совет музеев. Подразделение оказалось весьма представительным, его членами стали 13 человек: от местного

наркомпроса (инспектор по делам музеев [?] Каташинский), крымских музеев (заведующий Симферопольской картинной галереей А.И. Полканов), научных и образовательных учреждений (профессор Крымского медицинского института В.В. Бобин), а также от всесоюзных — Ботанического института АН СССР (В.Н. Сарандинаки), Московского антропологического института МГУ им. М.В. Ломносова (О.Н. Бадер), ГИМ (Д.А. Крайнов) [139, л. 24]. Возглавил совет директор ЦМТ, а по совместительству председатель УДИ С.Н. Чукин. Совет наделили существенными полномочиями координации, консультации и утверждения планов научно-исследовательской, экспозиционной и массовой работы музеев, разработки мероприятий по повышению квалификации музейных кадров, планированием издательской деятельности, контроля за состоянием музеев, организации слушания результатов научно-исследовательской работы и экспедиционных предприятий [139, л. 33]. В 1940 г. на расходы совета предусматривалась смета в размере 10 тыс. руб., из которых 1 тыс. руб. выделялась на работу по научной фиксации памятников революции и истории [139, л. 30].

Тем не менее, созданный научно-методический совет музеев не решал важной задачи: памятникоохранной. Более того, даже на развертывание его деятельности попросту не хватило времени: 2 ноября 1939 г. Крымский СНК передал все полномочия по учету, охране и наблюдению за состоянием историко-культурных памятников УДИ, таким образом, лишив начинания наркомпроса будущего [180, с 10]. Такое положение сохранялось недолго. Решение СНК Крымской АССР вошло в противоречие с упомянутыми постановлениями СНК РСФСР от 1933 и 1934 гг., поэтому в январе 1940 г. крымские власти вновь уравнивали Наркомпрос и УДИ в курировании музейной и памятникоохранной работы. Законодательные «качели» нисколько не способствовали усилению контроля за состоянием богатого исторического наследия Крыма.

Насколько известно, этим объективно полезным замыслом не довелось претвориться в жизнь. После указания Верховного Совета Крымской АССР на неудовлетворительность состояния двойственной ответственности в музейной и

памятникоохранной сфере, 11 октября 1940 г. Крымский СНК принял постановление «О состоянии охраны памятников культуры Крымской АССР», в котором решающие полномочия предоставил Крымнаркомпросу, а за Управлением по делам искусств закрепил лишь консультационную роль [112, л. 5].

2.2.2. Взаимодействие ГАИМК/ИИМК с крымскими музеями в 1930-е гг.

В трудных условиях представители крымского музейного сообщества связывали надежды на вмешательство с центральными учреждениями. В конце 1920–1930-е гг. ГАИМК/ИИМК оставались важным участником разнообразных процессов археологического изучения и памятникоохранительной работы в Крыму. В рассматриваемый период в местные музеи из Академии неоднократно поступали предложения объединения усилий «к собиранию сведений о памятниках древности, искусства и быта» и «предприятию работ, направленных ныне к их исследованию как учреждениями, так и отдельными лицами». Мотивы обращений объяснялись тем, что «Академия считает необходимым согласование в чисто научных целях ведущихся исследований, полагая, что все исследовательские силы должны являться не соперниками, а сотрудниками» [145, л. 211]. Со стороны крымских музеев в ГАИМК часто поступали запросы финансовой, административной и научно-консультационной поддержки. В последнее предвоенное десятилетие крымские музейные учреждения как никогда прежде нуждались в поддержке ленинградской Академии.

Коммуникация ГАИМК и крымских музеев осуществлялась не только в форме официальной переписки. Обмен сообщениями не гарантировал полноты осведомленности. Нередко ГАИМК предпринимать запоздалые решения. Так, даже несмотря на постоянный контакт Академии с Евпаторийским историко-археологическим музеем, реальные действия по организации археологических работ для спасения остатков античной Керкинитиды удалось предпринять лишь спустя год строительных работ на месте древнего городища [195, с. 34]. Для выяснения положения дел на месте в ГАИМК вошли в практику специальные

научные командировки сотрудников. Выше приводились сведения о служебной поездке старшего научного сотрудника Института рабовладельческого общества ГАИМК П.Н. Шульца в Крымскую АССР осенью 1932 г. Полные сведения о командировке публиковались [350], что лишает необходимости дополнительно останавливаться на них,

Примером непосредственного взаимодействия крымских музеев и ГАИМК/ИИМК следует считать поездку директора ИИМК им. Н.Я. Марра М.И. Артамонова в Крым весной 1939 г. Визит был предпринят с целью обследования состояния местных музеев. Полученную информацию предполагалось использовать для оказания крымским музеям консультативной помощи в деле реорганизации экспозиционной работы. Начиная с 1932 г. в Крымской АССР был созван ряд музейных конференций (две из них прошли в Симферополе, одна в Керчи и три в Севастополе [285]), которые занимались вопросами планирования музейной сети, установлением профиля отдельных учреждений и их целевых установок, охраной памятников старины, составлением археологической карты, изучением этнографии и т.п. [62, л. 35]. Однако реализация намеченных программ продвигалась очень медленно. В 1936 г. постановлением №12/34 пар. 4. от 7 сентября Президиум ЦИК Крымской АССР обязал музеи и местные администрации ускорить работу по «профилизации», организовать в музеях отделы социалистического строительства, обеспечить финансирование и открытие 7 новых музеев в райцентрах. О научной поддержке запрашивали в ИИМК.

Результаты командировки М.И. Артамонова нашли отражение в составленной совместно с С.Н. Бибиковым «Докладной записке о реорганизации и приведении в порядок крымских музеев» (Приложение №19). В документе, отражавшем точку зрения специалистов-археологов, среди прочего отмечалось: «В экспозиционных планах всех музеев установилась совершенно неправильная традиция, заключающаяся в том, что каждый музей ставит себе цель представить в экспозиции сразу все этапы развития человеческого общества, хотя материалов для такого показа в каждом из крымских музеев и нет». В связи со сложившимся

положением авторы докладной записки обращали внимание крымских властей на явные достоинства собраний ряда крымских музеев. Например, отмечалось мировое значение археологических материалов эпохи первобытности, богато представленных в фондах Центрального музея Тавриды. Высказывалось предположение о значительных возможностях Бахчисарайского музея в создании экспозиции об истории крымских татар в XVII–XVIII вв. М.И. Артамонов и С.Н. Бибиков предлагали Центральному музею Тавриды сосредоточить главное внимание в построении экспозиции на материалах первобытной истории, Бахчисарайскому музею — на истории Крымского ханства XV–XVIII вв., Феодосийскому — древностях Восточного Крыма, другим музеям, Алуштинскому, Ялтинскому, Евпаторийскому — на местной старине, в том числе памятниках ближайшей периферии. Особый акцент М.И. Артамонов сделал на роли Севастопольского музея краеведения, которому предполагалось хранение и экспонирование средневековых древностей Юго-Западного Нагорья Крыма, пока для них не будет образован специальный музей в Бахчисарае [144, л. 95–96].

Директор ИИМК сформулировал идею организации Музея Юго-Западного Нагорья [97, л. 60]. По-видимому, в руководстве ленинградского института существовала большая заинтересованность в открытии такого учреждения. Замысел был не нов. Еще в ноябре 1927 г. Н.И. Репников в обосновании предстоящих исследований в докладе «Крымское Нагорье в археологическом отношении» подчеркнул, что объемные поступления новых данных потребуют организации в Бахчисарайском районе специального музея [65, л. 8]. О необходимости создания профильного музея в Бахчисарае, где можно было бы организовать центр изучения культуры тавров, писал в отчете о своей командировке в 1932 г. П.Н. Шульц. В августе 1939 г. М.И. Артамонов написал докладную записку, специально посвященную вопросу организации музея крымского нагорья [97, л. 94–94 об.]. Во вступительных положениях автор подчеркнул чрезвычайную важность целого ряда памятников, изучение которых позволяет раскрыть подробности не только крымской истории, но и мировой. Особенно ценным в этом отношении М.И. Артамонов считал укрепленные

средневековые города Мангуп, Чуфут-Кале и Эски-Кермен. В своем обосновании М.И. Артамонов указал на неменьшую важность исследования и охраны богато представленных в окрестностях Бахчисарая «совершенно почти не изученных» памятников позднеантичного и раннесредневекового времени (Бельбекский могильник²¹, могильники по рр. Кача и Салгир), а также «ценнейших памятников культуры татарского народа, в первую очередь Салачика, а также Бахчисарая с его великолепным дюрбе и дворцом». В качестве первоочередной задачи М.И. Артамонов предлагал организовать достойную защиту и впоследствии экспонирование древностей Юго-Западного Крыма. Автор записки сетовал на то, что несмотря на выделение в 1937 г. Крымским ЦИК по представлению ГАИМК в виде заповедников территорий городищ Инкермана, Мангуп-Кале, Эски-Кермена, Сюйрени, Качи-Кальона, Чуфут-Кале, Тепе-Кермена, Чильтера, Шулдана и Кыз-Куле-Буруна и отнесении их в ведение Севастопольского музейного объединения, эти памятники «не имеют надлежащей охраны, а ряд заповедников не охраняются даже номинально...».

Для исправления сложившегося комплекса проблем М.И. Артамонов предлагал: «1. До разрешения Наркомпросом вопроса об организации историко-археологического музея Крымского Нагорья <...> временно передать все научные материалы, находящиеся в ведении СМО Государственному Херсонесскому музею. 2. Считать целесообразным создание историко-археологического музея Крымского Нагорья в Бахчисарае, где имеются вполне подходящие помещения — медресе и мечеть в Салачике. <...> 3. Что касается экспозиционного плана такого музея, то в основном, он уже разработан (с помощью ИИМК). В дальнейшем ИИМК, располагающий квалифицированными научными силами, ведущий в течение ряда лет работу по исследованию Нагорья, может прийти на помощь как в деле организации музея, так и путем соответственного планирования археологических работ с учетом интересов и задач музея...» [97, л. 94 об.].

²¹ Имеется ввиду могильник Бельбек II, изучавшийся Е.В. Веймарном в 1938 г. [282].

В предложениях М.И. Артамонова отчетливо просматривается намерение обеспечения тесной взаимосвязи планировавшегося музея крымского Нагорья с ИИМК АН СССР. Следует помнить, что еще с 1928 г. в Бахчисарайском районе Крымской АССР ежегодно работала Эски-Керменская, а позже Инкерманская и Мангупская экспедиции ГАИМК/ИИМК. Поддержание материальной базы этих предприятий, конечно, требовало наличия стационарного отделения в Крыму. К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении источники не раскрывают ответ чиновников Крымского наркомпроса на предложения М.И. Артамонова. Но думается, его обращения не оказались напрасными. Как известно, в 1940 г. в Бахчисарае начал работу Музей Пещерных городов, поддерживавший весьма конструктивные отношения с ИИМК [подробнее: 321].

В довоенном Крыму препятствием гармоничному развитию музейной деятельности в области археологических исследований и памятникоохранной работы стали частые и непоследовательные административные преобразования. Несмотря на попытки поиска компромиссов непосредственными исполнителями властных решений в системе Крымского Наркомпроса, Управления по делам искусств и отдельных музеев многие конструктивные начинания не получили должной поддержки и оказались преждевременно свернуты. При этом, в рассматриваемый период наблюдается существенность внимания центральных академических учреждений и отдельных специалистов Ленинграда к проблемам музейного дела в Крыму. Неудивительно поэтому, что уже в первые послевоенные годы Крым становится важным регионом деятельности Академии наук, организовавшей в 1947 г. свою научно-исследовательскую базу в Симферополе.

2.3. Научно-организационные мероприятия Российской – Всесоюзной Академии наук. Проект Крымского филиала

В 1917 г. Временное правительство переименовало главное научное учреждение страны в Российскую Академию наук. Последующие несколько лет

ознаменовались разнообразными преобразованиями, отразившимися на облике и содержании отечественной науки. Изменения не всегда имели положительный характер, в результате чего ученое сообщество потеряло как некоторые институциональные формы (например, прекратили существование Российский институт в Константинополе и Российская палата в Риме), так и многих блестящих представителей. Несмотря на трудности, уже в первые годы существования РАН в условиях новой советской действительности, выдвигались отдельные инициативы расширения сети академических структур внутри страны. Если в 1917 г. в системе РАН насчитывалось 154 человека к 1925 г. их число возросло до 413 сотрудников 42 столичных и периферийных учреждений [314, с. 294]. В 1919 г. в РАН даже рассматривались предложения о создании отечественных институтов за рубежом. По замыслу девять таких «общих институтов», в работе которых были бы охвачены все отрасли научного знания, появились бы в Лондоне, Париже, Берлине, Каире, Вашингтоне, Буэнос-Айресе, Мадрасе, Пекине и Сиднее. Предполагалось также восстановление Русского института в Риме [314, с. 293]. Безусловно масштабный и полезный проект организации зарубежных институтов не был реализован в трудных внутригосударственных условиях. Кроме того, неясно как представляли себе академики РАН учреждение своих представительств в странах, не признававших РСФСР. Даже в 1925 г., когда торжественно отмечалось 200-летие РАН, самая представительная делегация зарубежных ученых прибыла из Германии [314, с. 298], с которой в том же году СССР установил дипломатические отношения. Взаимная поддержка академических центров двух изолированных после Первой мировой войны стран вполне понятна.

2.3.1. Первый периферийный академический институт: Кавказский историко-археологический институт

В революционном 1917 г. в Тифлисе начал работу первый региональный научный центр в системе РАН — Кавказский историко-археологический институт. На общем фоне истории Академии наук в 1920 – начале 1930-х гг.

возникновение КИАИ событие скорее исключительное, нежели стоявшее в ряду подобных. Рассмотрение обстоятельств организации и деятельности КИАИ в контексте настоящего исследования представляет немалый интерес, поскольку отражает оригинальный опыт РАН в создании на периферии научно-исследовательского учреждения, притом имеющего археологический профиль. Следует сразу отметить, что в наши задачи не входит реконструкция истории КИАИ, такая скрупулезная работа, основанная преимущественно на материалах архива Академии наук Грузии, проделана почти сорок лет назад [225]. Попытаемся на основании опубликованных сведений и привлечения некоторых ранее неизвестных архивных данных лишь кратко очертить особенности организации исследовательского института РАН, ставшего базой для создания одного из первых филиалов Академии наук СССР — Закавказского в начале 1930-х гг.

Одной из ключевых отличительных черт КИАИ является исключительная роль личностного фактора в его создании. Представляется, что по причине этого обстоятельства нам неизвестны примеры успешной организации других подобных академических учреждений в 1920-е гг. Становление регионального отделения АН в Закавказье неразрывно связано с личностью Н.Я. Марра — фигуры чрезвычайно значимой в истории отечественного гуманитарного знания первой половины XX в.²² Как известно, с 1904 г. в г. Ани на частные средства существовал Археологический институт [242, с. 9]. Открытие этого учреждения стало возможным благодаря деятельным исследованиям древних памятников Ани, проводившихся Н.Я. Марром по заданию Императорской археологической комиссии. С целью легитимации и обоснования государственной поддержки Анийского института, в 1906 г. ученый предложил проект его преобразования в Академию наук Грузии [225, с. 6]. Тогда эта инициатива не получила поддержки. Но Н.Я. Марр не отказался от своих замыслов и, обладая существенным влиянием в Министерстве народного просвещения, попытался задействовать

²² Литература о Н.Я. Марре исчисляется десятками монографий и сотнями статей. Приведем в качестве примера: 382; 174; 322.

административный ресурс. В 1913 г. в Академию наук поступило отношение министра народного просвещения Л.А. Кассо об официальном учреждении института, ранее поддерживаемого только общественной инициативой и усилиями Н.Я. Марра: «Проект АН выдвигает давно уже назревший общий вопрос об историко-археологическом изучении Кавказа, которое уже в течение длинного ряда лет производится разными учреждениями без определенного объединяющего плана. Необходимо, по моему мнению, воспользоваться настоящим случаем, чтобы вопрос этот, наконец, сдвинуть с мертвой точки, тем более что он интересует и законодательные учреждения. Следовало бы подвергнуть его всестороннему обсуждению с участием заинтересованных ведомств и озаботиться подготовкой соответствующих предположений для направления их в законодательном порядке». До разрешения обозначенной проблемы Л.А. Кассо не возражал против выделения в распоряжение АН 5000 руб. из средств казны особого кредита для продолжения раскопок в Ани и охраны выявленных памятников [14, с. 986].

В 1914 г. отношением от 9 июля №34795 временно управляющий Министерством народного просвещения В.Т. Шевяков сообщая Вице президенту АН об открытии кредита на 5000 руб., разрешенного на раскопки в Ани, писал, что ассигнование выделяется на 3 года с предположением, что за это время АН наладит правильное историко-археологическое изучение Кавказа [14, с. 987]. Реализации этого дела сначала помешала война, но продвижение на Кавказском фронте наоборот способствовало дальнейшим успехам, в частности организации экспедиции Русского археологического общества в Ван в 1917 г. [213].

«Многие годы усилий <...> привели, наконец, в текущем году к благополучному разрешению вопроса. Постановлением Временного правительства в городе Тифлисе с 1 июля учрежден Кавказский историко-археологический институт, в научном отношении вверенный руководству Академии наук, со временным ограниченным штатом в составе лишь четырех ученых работников, вместо двенадцати, предуказываемых Уставом Института» — таким сообщением начинается первый отчет о деятельности КИАИ в 1917 г. [8, с.

1]. В конце мая 1917 г. Н.Я. Марр в статусе руководителя учреждаемого КИАИ был откомандирован АН в Тифлис для производства необходимых предварительных переговоров и приготовлений. Академиком-руководителем и первым исполняющим обязанности секретаря Института стал А.С. Щепотьев «...с июня месяца работавший, не покладая рук, по делам нового учреждения» [8, с. 2]. К концу месяца удалось заместить должности фотографа, канцеляристки и служительский персонал, помимо сторожа г. Ани и находящегося в нем Музея древностей. 6 сентября все штатные должности КИАИ были замещены по выбору Отделения исторических наук и филологии РАН: действительными членами Е.С. Такашвили и Г.Н. Чубинова, «а Д.П. Гордеева, ассистента Харьковского ун-та по кафедре теории и истории изящных искусств, и С.Ф. Тиграняна, автора труда «Древне-армянская книга канонов» в адъюнкты» [8, с. 3].

Д.П. Гордеев (Рис. 23) также стал секретарем КИАИ, пробыв в должности до начала 1930-х гг. Имя этого человека в настоящее время остается малоизвестным, о его жизни и делах опубликовано не так много сведений [290, с. 684; 368; 371]. Значительно больше данных пока остается в неопубликованных документах ряда архивов (ЦГАЛИ, СПбФ АРАН, ЦГАМЛИУ). Д.П. Гордеев родился в Харькове в 1882 г., где учился в Харьковском университете под руководством Ф.И. Шмита (Рис. 22). Именно научный наставник в личном письме Н.Я. Марру порекомендовал на вакантное место адъюнкта КИАИ своего ученика в 1917 г.: «Что касается молодых подготовленных работников, я одного такого Вам доставлю, для которого поездка на Кавказ и в Закавказье является и заветною мечтою, и материально возможным предприятием. Я имею в виду моего ассистента Д. П. Гордеева, человека выдающихся способностей и, что встречается гораздо реже, выдающейся систематической трудоспособности и любви к делу. Вот его я, когда настанут более мирные времена, и когда он развяжется с магистерским экзаменом (что случится, надеюсь, еще в нынешнем академическом году), непременно пришлю Вам, если только Вы захотите принять его» [130, л. 2].

В планировании деятельности КИАИ, согласно первой статье его Устава, ставились две комплексные цели: «а) изучать языки, быт и древности кавказского

населения и лингвистически, и культурно сродных с ним живых и вымерших народов Ирана, Месопотамии и Малой Азии, на всем протяжении их истории, а также содействовать развитию всех областей гуманитарного кавказоведения и относящихся к ним научных дисциплин; б) охранять, в согласии с действующими законоположениями, вещественные и духовные памятники разнообразных культур в пределах Кавказского наместничества и вести их регистрацию» [6, с. 956]. Следует отметить, по-видимому, академический институт уже во время своего учреждения рассматривался как основа образования будущего междисциплинарного исследовательского центра. Директор и академик-руководитель осуществляли общее администрирование. Штат КИАИ включал 12 научных сотрудников (8 действительных членов и 4 адъюнктов) и 5 работников технического персонала. Как показано выше, в первые годы работы полностью укомплектовать Институт не удалось. Действительные члены, адъюнкты, архитектор-художник, директор музея в Ани, по одному представителю Грузинского общества истории и этнографии и Армянского этнографического общества — составляли Совет КИАИ, чьи решения определяли конкретные научно-исследовательские задачи. Совет также был уполномочен избирать почетных членов, членов-соревнователей и членов-сотрудников [225, с. 7–8]. Таким образом, по своей структуре КИАИ задумывался как учреждение похожее на Академию наук, организованную в региональном масштабе.

Первое десятилетие КИАИ пришлось столкнуться с трудностями, которые ставили под вопрос существование учреждения. Заслуга того, что Институт пережил это время и притом показал высокие результаты в научно-исследовательской работе, в значительной мере принадлежала его сотрудникам и, конечно, основателю. В обстоятельствах Гражданской войны в конце 1917–1919 гг. КИАИ оказался фактически отрезанным от Петрограда. Редкие известия о его деятельности доходили до академического центра «...преодолевая большие препятствия, иногда препятствия и не преодолевались» [19, с. 1]. Преимущественно на основании частных сообщений работников кавказского центра Н.Я. Марру удалось составить краткий отчет о работе Института в 1918 г.

Одним из немногих информаторов являлся Д.П. Гордеев, в письмах к Н.Я. Марру регулярно отмечавший: «Решаюсь сделать этот запрос повторно, ввиду неисправностей почтовых отправок в настоящее время» [124, л. 4]. Поскольку в 1919–1924 гг. отчеты о работе КИАИ не издавались, подробные послания Д.П. Гордеева в Петроград, сохранившиеся в архиве Н.Я. Марра, являются важным и уникальным источником о положении академического учреждения в Тифлисе (Приложение №13).

Первые годы существования КИАИ находился в отчаянном материальном положении. О попытках наладить финансирование Д.П. Гордеев сообщал в письме от 16 июня 1922 г.: «...я предпочел постараться добыть деньги здесь, а не ожидать присылки их из Академии, т.к. принимая во внимание постоянное понижение курса советских дензнаков, нельзя фиксировать сумму, да и получение присланных из России сюда денег далеко не легко и удобно» [124, л. 6], и в сентябре 1923 г.: «необходимо прислать денег на покупку электрических лампочек (хотя бы трех – не менее), на оплату за электрическое освещение и на оплату труда по содержанию помещения в чистоте» [124, л. 8]. В 1919–1921 гг. ради экономии ничтожных средств КИАИ его действительные сотрудники Е.С. Такаишвили и Г.Н. Чубинашвили приняли решения отказаться от жалования. Как отмечал Д.П. Гордеев, несмотря на «катастрофическое» положение Института в это время, его сотрудники отказывались даже рассматривать одну возможность прекращения деятельности учреждения [225, с. 12]. КИАИ был практически не обеспечен рабочими и жилыми помещениями, первоначально весь Институт расположился в квартире Е.С. Такаишвили [225, с. 11]. «Самым злободневным для Ин-та вопросом является сейчас квартирный «...» Зал заседаний все еще загроможден и потому сообщения [В.А.] Брима я смог устроить только в Кавказском Отделении Московского Археологического Общества. Невырешенность вопроса с помещением задерживает развертку привезенной из П-да библиотеки» сообщал Д.П. Гордеев 10 сентября 1923 г. [124, л. 9].

Несмотря на многочисленные трудности первых лет жизни, КИАИ осуществлял разнонаправленную исследовательскую работу в рамках

деятельности, закрепленной уставом: историко-филологическую и археологическую. Ученый совет Института имел право инициировать проведение раскопок [225, с. 8]. В 1917–1922 гг. сотрудники КИАИ и ассоциированные с ним исследователи провели более трех десятков лингвистических, этнографических, искусствоведческих и археологических экспедиций. Важной составляющей их деятельности являлась памятникоохранная. Под неустанным контролем Д.П. Гордеева в 1918 г. осуществлялась эвакуация ценных коллекций бывшего археологического музея г. Ани, Е.С. Такайшвили и Г.Н. Чубинашвили приложили немалые усилия для спасения ценностей и имущества Боржомского имения. Существенными оказались результаты разработки законодательной базы в сфере сохранения культурного наследия: в 1919 г. Ученый совет КИАИ подготовил записку «О земельных участках с памятниками археологическими и историческими на Кавказе», в том же году правительство Закавказского края на основании рекомендаций из этого документа принял несколько постановлений об охране памятников [225, с. 14–15].

Постепенно положение КИАИ стабилизировалось, а его организационная атмосфера стала более благоприятной. Об этом Д.П. Гордеев информировал Н.Я. Марра в конце 1923 г.: «Очень рад, что удалось укрепить положение И-та в центре; это даст окончательную устойчивость и жизнедеятельность учреждению. В то, что И-тут возрождается и разворачивается нельзя уже не верить и потому своевременная материальная поддержка весьма кстати. Позвольте принести и Вам, и И.И. Мещанинову глубочайшую благодарность за хлопоты и заботы» [124, л. 9]. Важным достижением следующих лет стало издание ежегодника «Известия КИАИ», на страницах которого публиковались работы по истории, этнографии, археологии, лингвистики Северного Кавказа и Закавказья, Ближнего Востока. С 1928 г. начал выходить также «Бюллетень КИАИ» [225, с. 19]. После 1925 г. РАН становится Академией наук СССР, и КИАИ автоматически приобрел статус всесоюзного центра. Существенно расширилась структура Института: появляются кабинеты и комиссии, преобразованные в 1931 г. в секторы: историко-экономический, материальной культуры, речевой культуры, краеведческий [225,

с. 26]. 29 февраля 1932 г. академик В.П. Волгин на годовом собрании АН СССР объявил о реформировании КИАИ, его переименовании в Закавказский и открытии в его составе отделения естественных наук [1, с. 62]. Так были заложены основы преемственного преобразования КИАИ в филиал АН СССР.

2.3.2. Создание сети научно-исследовательских баз и филиалов АН СССР в 1930-е гг.

В связи с чествованием 200-летия РАН Совет народных комиссаров и Центральный исполнительный комитет СССР выпустили совместное постановление от 27 июля 1925 г. «О признании Российской Академии наук высшим ученым учреждением Союза ССР». Под новым названием Академия наук СССР выводилась из системы Наркомпроса и подчинялась непосредственно СНК СССР. Следующие два года продолжался непростой процесс подготовки нового Устава Академии, затем последовали выборы новых членов, среди которых, по мнению советского руководства, должно было существенно возрасти число ученых-коммунистов. В осуществлении последнего возникли препятствия со стороны ученого сообщества [178, с. 209–211], тогда против руководства АН и отдельных академиков были устроены показательные политические процессы [например: 333]. Наконец, к началу 1930-х гг. принятием поправок к Уставу Академия лишалась прежней автономии, и ее работа подчинялась задачам государственного планирования. Постановлением ЦИК СССР от 14 декабря 1933 г. АН была передана в ведение СНК СССР и фактически стала ему подконтрольна [314, с. 303–307].

Одной из основных причин последовательного инкорпорирования Академии наук в систему Советского государства стало стремление руководства страны подчинить деятельность главного ученого учреждения задачам вводимой плановой хозяйственно-экономической политики и начатой социалистической реконструкции [179, с. 900]. В конце 1920 – начале 1930-х гг. в понимании советского правительства все более очевидным становился провал проектов альтернативы АН, связанных с непродолжительной историей таких

организаций как РАНИОН, Институт красной профессуры и, наконец, Коммунистической академии, позиционировавшейся как мировой центр марксистско-ленинского мышления [278, с. 156]. Приходилось признать, что наиболее эффективной научной структурой по-прежнему оставалась Академия наук, обладавшая двухсотлетним опытом и традициями исследовательской работы, и что немаловажно, богатейшим интеллектуальным капиталом — учеными. Но в деятельности АН СССР не хватало координации с принципиальными установками руководства страны.

В 1930 г. при Президиуме АН начала работу Планово-организационная комиссия с представителями Госплана и ВСНХ СССР, задачи которой были связаны с актуальным освоением производственных возможностей и ресурсов страны. Впрочем, задолго до этого, а именно с середины 1910-х гг. функции подобной службы исполняла, созданная по инициативе авторитетных ученых В.И. Вернадского и А.Е. Ферсмана Комиссия по изучению естественных производительных сил, открывшая в революционные годы Московское (1918) и Крымское (1920) отделения [314, с. 314–315]. Последнее может считаться первым академическим подразделением, созданным в Крыму в послереволюционное время. Инициатива учреждения и первый год работы отделения связаны с энергичной деятельностью В.И. Вернадского. Его усилиями удалось сформулировать план ближайшей работы и начать его выполнение, наладить регулярность заседаний членов комиссии, организовать подготовку своего печатного органа. Тем не менее, после отъезда В.И. Вернадского из Крыма в феврале 1921 г. местное отделение КЕПС существенно снизило темп своей работы, постепенно влилось в структуру Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы, утратив академический статус, а после 1925 г. стало частью Крымского научно-исследовательский института [266, с. 172].

В начале 1930-х гг. в ходе преобразований в АН СССР КЕПС оказалась реорганизована в Совет по изучению производительных сил, которому вменялись задачи научно-исследовательской работы в рамках экспедиций и проблемных

комиссий [314, с. 327]. СОПС возглавил академик И.М. Губкин, кроме него в состав Совета вошли избираемые на три года представители АН. В общем собрании нового органа также принимали участие представители ВЦСПС, Госплана, ВСНХ, НКЗемледелия, а также с правом решающего голоса делегаты отдельных республик, краев и областей, принципиально заинтересованные в научном изучении своих регионов [319, с. 132]. Одним из подразделений, сформированных в рамках деятельности СОПС, стала Крымско-Кавказская секция, чье существование, судя по выявленным документам, продлилось только два года: 1931–1932 гг. Круг исследовательских задач ограничивался проблемами естественных дисциплин. Преимущественно результаты работы секции были связаны с изучением геологии отдельных районов Кавказа, организованного в рамках Восточно-Грузинской, Грузинской базальтовой, Карстово-Грузинской, Закавказской геохимической, Карабугазской комплексной экспедиций и изысканий небольших отрядов [145, л. 1–8]. Довольно скромное место в непродолжительной деятельности секции СОПС занимало крымское направление. Как отмечалось в плановых документах на 1932 г., в первую очередь предполагалась к разрешению «Проблема сейсмопрофилактики Крыма. Крупное промышленное и курортное строительство в Крыму выдвигает на первый план указанную проблему. В целях выработки профилактических мер выдвигается составление карты устойчивости на основе комплексной разработки имеющихся материалов по тектонике, геоморфологии и оползням, а также организацию коррелирующей экспедиции» [91, л. 37].

В прямом и переносном смысле «толчком» к активизации научно-организационной и исследовательской работы АН СССР в Крыму стало Ялтинское землетрясение 1927 г. Редкое природное событие по воспоминаниям очевидца, крупного крымского историка и музейного деятеля А.И. Полканова (Рис. 21) «выдвинуло вопрос об изучении этого явления и предупреждения надвигающейся опасности» [62, л. 25]. В 1928 г. были образованы сейсмические станции Академии наук в Ялте, Феодосии и Симферополе. Одновременно в Севастополе и на Карадаге появились базы изучения солнечной активности.

Станция по изучению оползневых явлений и выработке методик борьбы с оползнями начала работу в Симеизе. Океанографическая станция в 1933 г. открылась в Кацивели [Там же]. К 1941 г. в Крыму работали уже девять подразделений АН СССР, к вышеперечисленным добавились Симеизское отделение Пулковской обсерватории, Черноморская гидрофизическая станция и Севастопольская биологическая станция. В ведение Академии наук УССР перешла в статусе биологической станции база на Карадаге [161, л. 3]. Таким образом, накануне войны в Крыму сформировалась внушительная группа разнопрофильных академических учреждений. Это подготовило основания для образования комплексного филиала Академии в регионе. Как видим, совершенно не были представлены направления гуманитарного знания, в том числе археология. Тем не менее, именно с последней, как будет показано ниже, связан довоенный проект регионального подразделения АН в Крыму.

Одним из положительных результатов завершения процесса инкорпорирования Академии наук в систему Советского государства стало открытие широких перспектив создания сети академических филиалов и баз. Несмотря на существенные результаты работы академических экспедиций 1920 – начала 1930-х гг. в сознании руководителей АН укреплялось осознание необходимости организации стационарных центров на периферии [190, с. 9]. Еще в 1926 г. академик А.Е. Ферсман отмечал: «Ближайшая цель Академии наук — создать на окраинах свои филиалы и хорошо оборудованные ячейки. Нельзя концентрировать научную работу только в центре» [Цит. по: 253, с. 3]. В начале 1930-х гг. правительственные, партийные и общественные организации республик, краев и областей СССР неоднократно обращались в Президиум Академии с предложениями о создании в своих регионах академических представительств. Об организации постоянного академического центра одним из первых запросило 1 марта 1931 г. правительство Таджикской ССР. В мае того же года о создании филиала ходатайствовал крайисполком на Дальнем Востоке. Организовать филиал в Свердловске просил в августе 1931 г. Уральский облисполком [253, с. 4–5]. Решение о необходимости создания Казахского

филиала было принято на правительственном заседании Казахской АССР 7 апреля 1931 г. [369, р. 71].

В мае 1931 г. при Президиуме АН СССР образовалась специальная комиссия для разработки плана открытия баз и станций. 27 июня 1931 г. на заседании выездной сессии АН в Москве была признана необходимость создания комплексных баз Академии в крупных центрах СССР, в число которых включили как первоочередные в планах организации баз Хабаровск, Иркутск, Новосибирск, Свердловск (в то же время в качестве филиала решено было признать ЗИАИ), так и Алма-Аты, Ташкент, Ашхабад, Ростов-на-Дону и Сталинград, в которых базы должны были открыться в ближайшем будущем. В октябре 1931 г. начала работу Комиссия по базам, возглавленная В.Л. Комаровым, в число членов А.Д. Архангельский, А.Ф. Иоффе, Н.Я. Марр, А.Е. Ферсман, В.А. Кистяковский, а ее задачей стало рассмотрение возможностей организации региональных центров в первую очередь в национальных республиках и отдаленных областях СССР.

Расширение системы АН СССР за счет образования подразделений на периферии оказалось принципиально новым явлением в академической жизни. В августе 1932 г. академик В.Л. Комаров отмечал: «Советский Союз объемлет одну шестую часть суши. Советский Союз даже по радио еще не может быстро оповестить, что делается в отдельных его частях, а между тем, весь материал по производственным силам Союза нужно собрать воедино и освоить. Для этого мы вступили на путь “распыления” Академии наук, на путь создания отделений Академии в разных местах Союза. Дело это еще молодое; только два года тому назад была впервые сформулирована мысль о том, что Академии следует создать отделения на местах. Когда я сделал в Академии наук первый доклад о необходимости организации таких отделений, то если бы пустил это дело на голосование, я бы остался при очень маленьком числе сторонников: такова сила привычек. Какова роль отделений АН на данном этапе развертывания сети научно-исследовательских учреждений Союза? Каждое отделение АН есть как бы копия Академии наук: оно объединяет научно-исследовательскую работу на территории своей деятельности и само ведет ее» [Цит. по: 190, с. 13]. В

действительности далеко не сразу, и не все академики разделяли оптимизм рассредоточения сил Академии наук. Так, при обсуждении проекта организации Западно-Сибирского филиала О.Ю. Шмидт предостерегал коллег от излишнего «распыления» ресурсов академического центра, еще недостаточно мощного, по его мнению, чтобы отвлекать силы ради периферийных формирований [264, с. 34].

Вопреки осторожным настроениям некоторых академиков и неочевидности всех возможных препятствий, которые могли встретиться в осуществлении проектов региональных представительств, мощный внутренний импульс АН СССР, поддержанный сильной инициативой на местах, позволил в 1932 г. приступить к формированию первых периферийных отделений. Они дифференцировались на базы и филиалы, которые согласно определению, предложенному академиком В.П. Волгиным, отличались масштабом деятельности. Первые представляли собой ассоциации научно-исследовательских институтов, вторые — комплексные НИИ [253, с. 5]. Нетрудно заметить одну закономерность: в организации первых баз и филиалов Академии наук, даже в очередности их возникновения, существенная роль принадлежала конкретным личностям. С этим мнением соглашаются современные авторы, занятые в разработке истории региональной деятельности АН, участие выдающихся фигур отечественной науки одни называют «ключевым фактором успешности» проектов региональных отделений [190, с. 7], другие считают, что уверенному «...развитию филиалов способствовало то, что их организаторами и руководителями обычно были крупнейшие ученые, действительные члены АН СССР» [315, с. 13].

Практически одновременно открылись филиалы: Дальневосточный (февраль 1932 г.), организованный под руководством академика В.Л. Комарова, председателя Комиссии по базам, Уральский (июль–август 1932 г.), который возглавил один из первых инициаторов создания стационарных академических отделений в регионах А.Е. Ферсман и Закавказский (сентябрь 1932 г.) — образованный на базе ЗИАИ, чьим директором более десяти лет являлся академик Н.Я. Марр; и базы: Казахская (июль 1932 г., после 1938 г. — филиал), первым

заведующим которой стал член Комиссии по базам, академик А.Н. Самойлович и Таджикская (март 1932 г., с 1941 г. - филиал), начинавшая работу во главе с С.Ф. Ольденбургом, одним из авторитетнейших членов АН СССР. Действительно, может сложиться впечатление, что организация региональных подразделений АН стала во многом результатом достижения амбициозных целей отдельных ученых. Половина членов Комиссии по базам стали руководителями довоенных филиалов.

Впрочем, следует учитывать фактор малочисленности квалифицированных академических работников, в условиях которой многие деятельные члены АН СССР совмещали не одну руководящую должность. Практика командирования специалистов Москвы и Ленинграда в удаленные регионы была вызвана обыкновенной нехваткой там собственных научных кадров. В то же время, региональным властям часто не удавалось быстро наладить материальное обеспечение открывавшихся научно-исследовательских учреждений. В результате отсутствовали элементарные условия для приглашения столичных ученых, а штаты баз и филиалов в некоторых случаях удавалось укомплектовать не более, чем наполовину. При этом существовала определенная неравномерность финансирования академических филиалов. Согласно опубликованным сведениям, в 1933 г. общая сумма государственных дотаций Дальневосточному филиалу составила 638,4 тыс. руб., Уральскому – 446,8 тыс. руб., Казахстанскому – 508,8 тыс. руб., Таджикской базе – 377,3 тыс. руб., в то время как Закавказскому филиалу – 1284 тыс. руб. К 1936 г. отличия оказались еще более существенными, приводим цифры соответственно: 1889,3 тыс. руб., 800,5 тыс. руб., 1545,6 тыс. руб., 1236,9 тыс. руб. и 7420,5 тыс. руб. [Цит. по: 252, с. 169]. Нетрудно посчитать, что финансирование Закавказского филиала в 3–7 раз превышало размер бюджетных средств, выделенных, например, Уральскому филиалу. Разница, конечно, была пропорциональна соотношению в масштабах академических филиалов (Приложение №15). Но последние не удавалось выровнять во многом из-за недостаточности финансирования. Формировался замкнутый круг.

Внимание к фигурам руководителей новообразованных академических центров немаловажно в контексте выяснения причин выбора их исследовательского профиля и объяснения устройства внутренней структуры баз и филиалов. Следует помнить о том, что в довоенное время существовали проекты, которые не удалось реализовать. Неудачи в их осуществлении, как представляется, также во многом были связаны с личностями их инициаторов. Еще до открытия первых филиалов и баз начался процесс поиска и всестороннего обсуждения наиболее эффективных моделей структуры создаваемых научно-исследовательских центров. Сравнение принципов организации действовавших и некоторых только проектировавшихся учреждений позволяет сделать некоторые наблюдения (Приложение №15). Судя по всему, в довоенный период в определении структуры возникших региональных центров не существовало жесткой регламентации. По-видимому, в качестве главных критериев выступали конкретные исследовательские задачи, решение которых требовалось для района деятельности филиала/базы, и, в случае наличия, организационный опыт учреждений, на базе которых возникло академическое отделение. Следует отметить, что центральный орган АН СССР, координировавший работу периферийных образований, еще был в процессе становления, окончательно достигнутого в 1949 г. при учреждении Совета филиалов. До этого, в планировании работы региональных академических центров наблюдалась определенная гибкость. Второй момент, на который обращает внимание сравнение структуры филиалов: практически безусловное преобладание подразделений естественно-научного профиля. Это объясняется важной задачей региональных отделений АН по изучению и использованию ресурсов страны, переживавшей эпоху индустриализации и социалистической реконструкции. В то же время, в пяти из восьми рассматриваемых филиалов предполагалась разработка историко-лингвистических и этнографических проблем. В условиях многонационального и поликультурного государства в руководстве АН СССР и государственных органов власти на местах прекрасно осознавали важность поддержки гуманитарного знания.

Число довоенных филиалов пополнили Узбекский в 1940 г., и Туркменский в 1941 г. [253, с. 7]. Несколько раз в 1930-е гг. на уровне Президиума АН СССР рассматривалось предложение организации в Новосибирске Западно-Сибирского филиала [264]. До настоящего времени неизвестным оставался факт инициативы организации филиала Академии в Крыму. Большая часть документов этого проекта относится к времени зимы–весны 1941 г. Приведем наиболее раннее свидетельство от 17 февраля, не привлекавшее ранее внимание исследователей: «На заседании Бюро Отделения истории и философии АН СССР рассматривался инициированный Крымским обкомом ВКП(б) вопрос о создании в Крымской АССР научно-исследовательской базы по историческим дисциплинам (докладчики — чл.-корр. С.В. Бахрушин и А.С. Рабинович — представитель от Крымской АССР). Бюро отделения согласилось с целесообразностью создания такой базы и приняло решение войти в Президиум АН СССР с соответствующим ходатайством, а также в целях руководства и направления работы научно-исследовательской базы организовать при Отделении истории и философии специальную комиссию из историков, археологов, этнографов, антропологов, языковедов и литературоведов, поручить С.В. Бахрушину, А.Д. Удальцову (Институт истории), О.Н. Бадеру (МО ИИМК), А.С. Рабиновичу, С.П. Толстову (Институт этнографии) и представителю Института языка и письменности народов СССР в течение трех дней составить ориентировочный план научно-исследовательской деятельности базы» [12, с. 43].

Две фамилии докладчиков о проекте научно-исследовательской базы нечасто встречаются в современной крымоведческой литературе. По-видимому, напрасно. Жизнь и деятельность Сергея Владимировича Бахрушина (1882–1950) (Рис. 24) — крупного исследователя истории России XVI–XIX вв., много внимания уделившего проблемам колонизации Сибири, изучению русского градостроительства, в частности, исторической географии Москвы, удостоенного в 1939 г. избрания член-корреспондентом АН СССР, — не раз освещались в монографиях, диссертациях и отдельных публикациях [219; 313; 205; 297]. В наши дни остается малоизвестным его научный интерес к изучению прошлого

Крыма [209]. В то время как полуостров всегда занимал в жизни ученого важное место. Впервые он побывал здесь в 1891 г., сохранил воспоминания о посещении Херсонеса: «Я испытал то чувство, которое впоследствии овладевало мною с такой силою всякий раз, как я вступал на историческую почву, чувство близости к прошлому и понимания этого прошлого, способности реально ощущать ту угасшую жизнь, обломки которой валялись передо мною» [Цит. по: 219, с. 16]. Вернувшись в Крым спустя два года, С.В. Бахрушин продолжил знакомство с историческим прошлым региона по книгам, которые по его признанию: «...ввели меня в тот Крым, которого я не знал, в Крым средневековый с генуэзцами, венецианцами и готами» [219, с. 17]. В рамках научных экскурсий и командировок С.В. Бахрушин посещал Крым в годы учебы в Санкт-Петербургском университете и позднее [46, л. 1–2]. В личном фонде ученого в Архиве РАН сохранилась внушительная группа неопубликованных работ второй половины 1930-х гг. по истории Крыма: «Крымское ханство в XVI–XVII вв.», «Образование Крымского Ханства», «Кавказ и Крым» (1937), а также многочисленные черновики и наброски исследований о крымском средневековье и Новом времени.

Определенное место в личном фонде занимает документация о замыслах открытия академического центра в Крыму, сложившихся к 1936 г. Составленный в этом году проект «История Крыма с древнейших времен: научно-популярный сборник» по своему содержанию напоминал скорее программу ближайшей научно-исследовательской работы, чем просветительское издание. К написанию объемных глав планировалось привлечь авторитетных специалистов центральных и крымских учреждений: О.Н. Бадера и Д.А. Крайнова (по эпохам палеолита и бронзы, 3 п.л.), Ю.Ю. Марти (скифы и античные города, 3 п.л.), А.Д. Удальцова и Е.В. Веймарна (раннее средневековье, 1,5 п.л.), Е.С. Зевакина (генуэзские колонии, 1 п.л.), С.В. Бахрушина (Крымское ханство, 4 п.л.), А.С. Рабиновича, А.И. Полканова и Б.М. Вольфсона (после присоединения к России, 4 п.л.) [98, л. 1–3]. Не датированы, но вероятно созданы в то же время оглавление и развернутый план некоего обобщающего труда по истории Крыма. Оригинальным

решением исследования следует признать то, что в его основу положен географический принцип, и рассмотрение исторических событий велось для отдельных районов полуострова [98, л. 4–12]. Обсуждение этих материалов проходило на заседаниях в МГУ с 21 по 30 октября 1936 г. при участии историков и географов Н.Н. Баранского, С.В. Бахрушина, А.А. Григорьева, Б.Ф. Добрынина, С.М. Кагана, А.В. Кауфмана, З.И. Троцкой. Итогом стало постановление о принятии основных установок С.В. Бахрушина в отношении готовившегося издания [98, л. 2–4]. Но в последующие годы эти проекты не удалось претворить в жизнь. Документы, о которых речь пойдет дальше, почти не оставляют сомнений, что в понимании С.В. Бахрушина неудача заключалась в отсутствии стационарного научно-исследовательского центра в Крыму.

После заседания Отдела истории и философии АН СССР 17 февраля 1941 г., докладную записку о подробностях проекта крымской базы составил именно С.В. Бахрушин. Намерения ученого полностью совпали с одновременной инициативой Бюро Крымского обкома ВКП(б), принявшем решение в начале февраля 1941 г. обратиться в АН с ходатайством о создании крымской базы. И в Москве, и в Крыму осознавалась необходимость единого руководства научными исследованиями на полуострове, общности планирования и отчетности. В Докладной записке С.В. Бахрушин отмечал, что между столичными и крымскими учеными существует очень слабая связь. В результате представители центральных институций оторваны от исследуемого материала, а местные — нуждались в научных консультациях, а нередко и в руководстве. Предложение Крымского обкома ВКП(б) об объединении всей научно-исследовательской работы в Крыму под началом АН поддержали Отделение истории и философии и Институт истории АН СССР. В связи с этим, планировалось образовать при Отделении истории и философии Комиссию по Крыму из представителей организаций АН: Института истории, ИИМК, Института этнографии, Института востоковедения, Института языка и мышления, а также ученых МГУ, Эрмитажа, ГИМ и других заинтересованных учреждений. Специальное подразделение, Базу или Бюро Крымской базы, Отделения истории и философии АН СССР по

историческим дисциплинам (истории, археологии и этнографии) собирались открыть в Симферополе. Предлагался довольно подробный перечень задач и плана работы базы (Приложение №17).

Спектр направлений деятельности будущего исследовательского центра С.В. Бахрушин разрабатывал сообразно собственным научным интересам. Поэтому, в частности, в обосновании в Докладной записке значительное место им отводилось изучению истории и культуры крымских татар, неоднократно подчеркивалась важность подготовки крымскотатарских национальных кадров. В план работы Крымской базы помещались: организация собрания фольклорного, языкового, археологического и этнографического материала в Крыму и составление монографии по вопросам истории культуры и обществ мысли крымских татар и других народов Крыма [99, л. 8]. Коллега С.В. Бахрушина по МГУ, историк В.Е. Сыроечковский (1880–1942), очевидно, разделяя такие идеи, 18 февраля 1941 г. составил «Замечания об изучении истории Крыма», где преимущественно уделит внимание трудностям в изучении истории Крымского ханства, которые, по его мнению, заключались в недоступности или отсутствии перевода многих важных источников (Приложение №16).

На заседании Отдела истории и философии АН 17 февраля 1941 г. был и второй докладчик. О подробностях жизни Александра Соломоновича Рабиновича сообщается лишь в одной газетной заметке [311, с. 1], впрочем, ее сведений достаточно для выяснения связи этого человека с довоенным проектом базы АН в Крыму. Он родился в Керчи в 1907 г., в 1925–1929 гг. получил высшее образование в Крымском пединституте, в это время был активным комсомольцем, вступил в партию. После окончания ВУЗа устроился на работу в Истпарт Крымского обкома ВКП(б). Одновременно числился в аспирантуре при МГУ, где подготовил и защитил диссертацию, посвященную крестьянскому движению в Крыму в 1905–1907 гг. В 1933 г. поступил на работу преподавателем КГПИ, с 1935 г. заведовал кафедрой истории СССР. Представляется, что в немалой степени успешной карьере А.С. Рабинович (Рис. 25) был обязан школе и поддержке своего научного руководителя — С.В. Бахрушина, с которым в конце

1930 – начале 1940-х гг. вел переписку, лишь малая часть которой сохранилась [154, л. 1–6]. Теме организации базы Академии наук в Крыму в этом источнике не нашлось места. Обсуждения, по-видимому, велись при личной встрече. Это подтверждают такие строки письма А.С. Рабиновича от 7 октября 1941 г.: «Очень был рад, что я сейчас в армии на строевой должности. Казалось, все наши разговоры о филиале и об истории так далеки» [154, л. 6 об.]. Можно лишь предполагать, что деятельное участие крымского историка в будущем учреждении должно было стать большим скачком в его профессиональном росте.

После обсуждения информации о научно-исследовательской станции по историческим дисциплинам в Отделении истории и философии АН СССР, в конце февраля 1941 г. проект был направлен в Крымскую АССР. Известные документы не проясняют подробности следующих недель, но 15 марта Крымский обком ВКП(б) принял решение о создании на полуострове не базы, а филиала (

Приложение №18), о чем известил Академию наук, СНК СССР и ЦК ВКП(б). Экземпляр справки с обоснованием открытия академического центра в составе секторов астрономии и геофизики, геохимии и минералогии, биологических наук, медицинских наук, а также истории, этнографии и археологии, сохранился в материалах Архива РАН. К сожалению, указания на авторов этого документа отсутствуют. Содержание позволяет констатировать, что партийное руководство Крымской АССР намеревалось организовать многопрофильный научно-исследовательский институт, в котором ключевыми направлениями исследований становились бы естественно-научные, медицинский и общегуманитарные. Успешность образования подобного центра должны были обеспечить многочисленные существовавшие на момент составления проекта исследовательские учреждения, семь из которых находились в непосредственном подчинении Всесоюзной Академии наук.

Причины, в силу которых Крымский филиал не удалось открыть в 1941 г., понятны. Материалы проекта, по-видимому, не были забыты. В 1947 г. Крымская научно-исследовательская база АН СССР по своей структуре и обоснованиям

направлений работы в значительной степени повторяла положения, выработанные до войны [22, с. 73]. Об участии С.В. Бахрушина в организации академической базы в Крыму после 1941 г. ничего не известно, хотя в это время его активность не угасала: из печати выходили новые крупные работы, в 1942 г. ученый был награжден Сталинской премией [219, с. 125]. Можно предположить, что отход ученого в сторону от процесса образования академического центра обусловила невозможность разработки в послевоенное время любых проблем истории крымскотатарского народа. Трагически оборвалась судьба А.С. Рабиновича. Летом 1941 г. он добровольно вступил в ряды советской армии, принимал участие в обороне Крыма и погиб в бою на перевале по дороге в Алушту в начале 1942 г. [311, с. 1]. Из членов комиссии Отделения истории и философии, принимавших участие в разработке проекта крымской базы, практически не фигурирует в организационной документации, связанной с Крымом, С.П. Толстов. О.Н. Бадеру оказалось не до этих забот: в 1941 г. он был надолго выслан из Москвы [260, с. 343]. Деятельную роль после войны продолжал исполнять только А.Д. Удальцов, назначенный в 1947 г. директором КНИБ АН СССР.

Было бы ошибкой рассматривать складывание условий для образования академического центра археологии в Крыму изолированно. Предложенный в первой части настоящей главы краткий очерк становления первого регионального отделения Академии наук — Кавказского историко-археологического института — попытка представить, какая участь могла постичь любое другое подобное академическое учреждение. В успехе организации КИАИ в годы Гражданской войны и последующем выживании института в непростой действительности 1920 гг. существенной оказалась роль личностного фактора. С учетом последнего академическому центру на Кавказе удалось оформиться за десятилетие до начала общегосударственного становления сети отделений АН СССР. Значимость личности организатора КИАИ определила и основной исследовательский профиль учреждения — историко-археологический.

Не менее персонализированным оказался процесс региональной деятельности Академии наук. Важным импульсом стала инкорпорация последней в систему государственной власти и подчинение задачам социалистического строительства. Реализация грандиозных планов советского руководства требовала постановки научного изучения производственных возможностей регионов. Выяснить потенциал периферийных территорий были призваны организованные от Кольского до Камчатского полуостровов филиалы и базы АН СССР, руководителями которых стали ведущие ученые Ленинграда и Москвы, академики АН СССР. В силу своего целеполагания большинство таких учреждений в своей структуре предполагало формирование естественно-научных исследовательских подразделений. Впрочем, из восьми открытых или планировавшихся академических центров пять имели в круге своих исследовательских направлений гуманитарное. В связи с последним, следует отметить уникальность попытки образования в Крыму научно-исследовательской базы по историческим дисциплинам, лишь впоследствии переосмысленной в виде многопрофильного филиала Академии наук.

ГЛАВА 3. ОТ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ БАЗЫ ИИМК К КРЫМСКОЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ БАЗЕ АН СССР

После 1945 г. в системе советской археологической службы вновь произошли изменения. Рубежным событием стало проведение Всесоюзного археологического совещания в Москве 25 февраля – 2 марта 1945 г. По замечанию современных авторов это мероприятие, схожее по масштабам и значимости обсуждавшихся проблем с дореволюционными археологическими съездами, оказало немалое влияние на развитие отечественной науки о древностях на всем протяжении второй половины XX в. [258, с. 144]. Одним из существенных последствий стало официальное закрепление за Московским отделением ИИМК АН СССР статуса главного археологического учреждения страны [262, с. 36]. Это решение, сильно ударившее по позициям ленинградского сообщества археологов, являлось вполне закономерным. В годы войны МО ИИМК оказалось единственным работоспособным археологическим организмом, собравшим талантливых специалистов со всей страны. Среди них были Н.Н. Воронин, Н.М. Бачинский, А.Л. Якобсон, П.Н. Шульц и другие немногочисленные представители ленинградского ИИМК, выжившие в блокаду, не оставшиеся на полях сражений. Вместе с москвичами В.Д. Блаватским, А.Я. Брюсовым, Е.И. Горюновой, Б.Н. Граковым, А.В. Збруевой, С.В. Киселевым, А.В. Мишулиным, Т.С. Пассек, Б.А. Рыбаковым, С.П. Толстовым, П.Н. Третьяковым — такими же представителями первого поколения собственно советских археологов, им предстояло определить будущие форму и содержание науки.

3.1. П.Н. Шульц — создатель академического центра археологии в Крыму

Начать настоящую главу предлагается с рассмотрения подробностей биографии П.Н. Шульца, а именно — времени складывания обстоятельств, позволивших ученому возглавить академический центр в Крыму. Не будет преувеличением сказать, что отдельные события личной жизни ученого, которая за это время несколько раз могла преждевременно оборваться, в целом, определили возможность образования в 1940-е гг. академического подразделения

в Крыму. Как уже говорилось, обсуждение вопроса организации филиала АН СССР активизируется накануне войны, и тогда участие П.Н. Шульца только становилось заметным. В годы войны, высказанные им инициативы организации крымского филиала ИИМК находили большую поддержку. Сила заявлений ученого возрастала по мере успешного карьерного продвижения. Ключевым моментом стало подтверждение статуса в системе советской науки: защита диссертации. В результате роль личности П.Н. Шульца в научно-организационных мероприятиях в послевоенном Крыму оказалась наиболее деятельной.

1935 г. следует считать одним из важнейших в судьбе П.Н. Шульца. Увольнение в начале марта из ГАИМК поначалу могло показаться профессиональной катастрофой. Спустя девяносто лет, это событие представляется иначе. В 1936–1937 гг. Академию истории материальной культуры, преобразованную в Институт, потрясла череда репрессивных кампаний: все руководство и немалое число сотрудников оказались физически устранены. Немногие, чья карьера навсегда оказалась разрушенной, понесли тяжкие испытания в трудовых лагерях [340; 203]. В это время П.Н. Шульц, имевший далеко не положительные характеристики в НКВД (

Приложение №20), по счастливой случайности оказался в стороне от громких политических процессов. Весна и лето 1935 г., по-видимому, прошли для него без постоянного места работы. Какое-то время он читал лекции по истории древнегреческого и древнеримского искусства в Ленинградском Институте туризма. Несмотря на увольнение, П.Н. Шульц получил открытый лист на разведки в Евпатории, результаты которых отражают немногочисленные документы (Рис. 26) [40, 43]. Часть лета и осени ученый провел в Крыму. Осенью ему удалось устроиться в ИИНИТ (Рис. 17, 27), где он принял участие в написании учебника для ВТУЗов [301]. 26 октября П.Н. Шульц подал заявление о включении в число научных сотрудников ГИИС по сектору ИЗО для работы в области изучения советского и древнего искусства. Благодаря положительной характеристике старшего научного сотрудника Института А.С. Гущина, просьба П.Н. Шульца была удовлетворена [68, л. 1, 11].

Примерно в то же время произошло событие, которое ученый вспоминал так: «В 1935 году, помнится на Набережной Невы у Эрмитажа Г.М. Преснов²³, хранитель музея слепков А[кадемии].Х[удожеств] остановил меня и сообщил, что из кладовых музея извлечен большой слепок рельефа всадника на коне в скифской одежде, еще неопределенный. О.Ф. Вальдгауер вследствие загруженности кладовой слепками, если не ошибаюсь, не видел его. Одного описания Г.М. Преснова было для меня достаточно, чтобы определить рельеф как слепок рельефа Одесского музея из Неаполя Скифского. Посетив музей, я убедился, что это именно так» [76, л. 34]. П.Н. Шульц писал, что в 1936 г. усилиями Г.М. Преснова он был «привлечен в Академию Художеств» для работы по написанию учебника по истории античного искусства для студентов ВУЗов. По другим данным, после ликвидации 1 сентября 1936 г. ГИИС, некоторые его сотрудники-искусствоведы, в том числе П.Н. Шульц, переводились в только что

²³ Григорий Макарович Преснов (1890–1973) —советский искусствовед, в 1930–1938 гг. преподаватель истории искусств в Академии художеств, в 1932–1937 гг. зав. скульптурным отделом музея Академии художеств. С ноября 1945 г. доцент Академии художеств по кафедре истории русского искусства.

созданный Научно-исследовательский институт Академии художеств [68, л. 15]. Как бы то ни было, в стенах этого учреждения начался новый этап творческой биографии ученого. В музее он обнаружил слепок другого рельефа из Неаполя Скифского, изображающего двух скачущих скифов [76, л. 35]. С сентября 1937 г. П.Н. Шульц был зачислен в штат преподавательского состава ИНЖСА. Одновременно руководство ВАХ инициировало переписку с КВШ об утверждении своего сотрудника в звании доцента и степени кандидата искусствоведения. Подробности этой истории частично затрагивались в первой главе диссертационной работы. В контексте настоящего изложения отметим, что, несмотря на новые попытки заступничества ВАХ, предпринятые в июле 1939 г., из ВАК был получен очередной отказ в пересмотре личного дела П.Н. Шульц, которому настоятельно рекомендовалось защитить новую диссертацию [76, л. 57].

В это время поступило предложение, от которого П.Н. Шульц, видимо, не смог отказаться: приглашение возглавить отряд Ольвийской экспедиции ИА АН УССР (Рис. 30). В 1938 г. Одесский музей инициировал раскопки в пригороде Николаева. Античное поселение Варваровка I стало первым объектом дальнейшей Ольвии, подвергшимся научным исследованиям. П.Н. Шульц, изучавший древности «туземного» населения греческих колоний Северного Причерноморья с конца 1920-х гг. преимущественно по материалам музеев, не упустил представившейся возможности заполучить новые данные собственными раскопками. И, поскольку дело получения ученой степени явно откладывалось, археолог провел август и сентябрь 1939 г. на раскопках Варваровки²⁴. Планировалось продолжение исследований в 1940 г., но в силу ряда обстоятельств этого не случилось. П.Н. Шульц провел год не без пользы, в итоговом отчете он писал: «Подготовлен текст диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведческих наук “Портретные скульптуры Неаполя Скифского” с иллюстрациями, ок. 4 печ. л. Диссертация будет закончена и представлена к защите в течение первого квартала 1941 г.» (Рис. 29) [76, л. 65].

²⁴ История и результаты этих исследований недавно опубликованы: 182

По-прежнему, П.Н. Шульц оставался верным профессиональной специализации искусствоведа, не соглашаясь аттестоваться как историк.

Время неумолимо двигало СССР к войне. Завершение кампании в Варваровке в 1939 г. происходило во второй половине сентября, в то время, когда Красная Армия осуществила Польский поход. 17 сентября П.Н. Шульц писал жене: «В комнате у меня радио, так что я в курсе всех событий. Настроение у меня бодрое. Чувствую себя здоровым как никогда и хочется на фронт. Завидую молодежи. Если бы скинуть 20 лет. Люсенька, не нужно грустить и ставить крест на собственную судьбу. Когда приеду, обдумаем еще раз [как] тебе поступать. Может быть, оставить Эрмитаж, он тебя так тяготит. Постараемся подумать. Работать, конечно, нужно, так как если начнется война, я непременно пойду на фронт. Сил у меня еще много» (Рис. 28) [Цит. по: 182, с. 19–20].

В первые дни войны П.Н. Шульц подал заявление в военкомате, хотел попасть на передовую, но оказался распределен в 11-ю дивизию ополчения. Об этом времени он вспоминал: «Я хорошо помню день 8-го июля 1941 года. Это было в Ленинграде. В сборном пункте Василеостровского района толпились студенты (Рис. 33), аспиранты, преподаватели Академии художеств, добровольно вступавшие в ряды Красной Армии <...> Студенты озабоченно пересматривали вещевые мешки с парой белья, кружками, ложками. Каждого выходявшего из комиссии расспрашивали, куда, в какой полк, на какую должность. Я помню теплый блеск в глазах студентов, встречавших преподавателей» [67, л. 48]. В конце июля 1941 г. П.Н. Шульц перевелся в партизанский отряд Василеостровского района: «Мне думалось, что как партизан на войне буду полезнее. Охота и длительная экспедиционная работа, в частности в Ленинградской области (руководил Лужским и Гдовским отрядами Ленинградской археологической экспедиции АН СССР), приучила к лесу, к полю и ориентировке на местности, к работе с картой» (Рис. 31, 32) [74, л. 5].

Отряд П.Н. Шульца первоначально дислоцировался на о. Голодае, где проходила строевая подготовка и обучение подрывному делу. В начале августа 1941 г. отряду поручалось проникнуть в неприятельский тыл, в Волосовском

районе Ленинградской области. Здесь им удачно совершались нападения на аэродромы противника, колонны автотранспорта. Во время следующих четырех походов, отряд выполнил задачи по подрыву ж/д полотна на участке Ушаки – Любань, взорвал мост в районе Октябрьской железной дороги, замедлял продвижение немецких сил к Ленинграду. В начале ноября П.Н. Шульц оказался в избе, в которую попал артиллерийский снаряд, в результате он получил контузию: «... я отделался легко: завалило землей и слегка придавило балками. Поломано было лишь одно ребро, придавило колено. Некоторое время оставался в отряде. Затем попал в Череповецкий эвакогоспиталь». После короткого восстановления, в декабре П.Н. Шульц вновь попал на фронт, выступил в роли проводника партизанских отрядов на Волховском фронте: «...мне поручалось переводить отряды через линию фронта в тыл врага. А затем я должен был возвращаться один. Эта работа показалась мне интересной и меня увлекла. Жалею, что продолжалась она недолго» [74, л. 6]. В конце января группа партизан, которую вел П.Н. Шульц, наткнулась на немецкую засаду. Отпустив товарищей, ученый остался, чтобы задержать противника. События следующих дней он подробно записал в 1943 г. (

Приложение №21).

Опыт полевой работы, выносливость, необычайная сила воли, точный расчет, а где-то счастливый случай — позволили П.Н. Шульцу остаться в живых. Нечеловеческие условия трехдневной обороны в тылу врага нанесли непоправимый ущерб его организму. Обморожение, затем длительная эвакуация в Киров стала причиной начавшейся гангрены рук. Вердикт врачей оказался тяжелым: полная ампутация всех пальцев. В госпитале П.Н. Шульца встретил писатель и военный корреспондент Н.Н. Никитин, вспоминая: «Я увидел на койке плоского, будто вырезанного из газеты человека. Хрупкий человек смотрел на меня утомленными голубыми глазами. Вытянутые как плети, руки его лежали в полотняной нише, где светились две большие электрические лампы. Нос и губы были замазаны темно-зеленой мазью. Всклокоченная рыжая борода пылала на белом одеяле» [76, л. 39] (Рис. 34). Проходивший реабилитацию ученый поделился планами возвращения в строй: «Я должен участвовать в этой войне не только как русский, но еще и как человек, деды которого были немцами <...> Вот здесь на указательном пальце правой руки он [хирург] обещает сделать мне протез... Зацепку! Чтобы я смог спускать курок. Да-да... Что Вы смотрите? Вы думаете, мне нравится убивать? Ведь Гитлер невыносим в цивилизованном мире. Мы, немцы, в особенности должны помнить это. И я кончу только тогда, когда он будет кончен» [76, л. 41]. Впрочем, вернуться на фронт уже не пришлось. После Кирова, П.Н. Шульц перенес еще одну операцию в ЦИОП в Москве. 30 ноября 1942 г. выписался из больницы и уже 1 декабря был зачислен старшим научным сотрудником ИИМК АН СССР, где «товарищи по работе, в особенности, Н.Н. Воронин, Т.С. Пассек, В.Д. Блаватский, М.М. Кобылина и др. встретили меня очень дружелюбно» [76, л. 18].

Теплый прием в среде археологов Москвы стал одним светлым событием на фоне существенных трудностей обоснования на новом месте. До войны в Москве проживали родители П.Н. Шульца, которых не стало зимой 1941–1942 гг. Комната, занимавшаяся ими, перешла в фонд Райжилотдела. Вернувшись после реабилитации, П.Н. Шульц не мог на нее рассчитывать, фактически оказавшись

без крова. В.А. Головкина временно покинула работу в Эрмитаже, чтобы осуществлять уход за супругом и их малолетней дочерью. Неоднократные обращения П.Н. Шульца в органы исполнительной власти, поддержка ряда влиятельных инстанций, так и не помогли делу (

Приложение №22). Осенью 1944 г. ученый вместе с семьей вынужден был освободить временно предоставленную ему жилплощадь: «29 октября с.г. я вынужден был выехать в коридор и освободить временно мне предоставленную комнату для ее владельца тов. Ревского, вернувшегося с фронта в Москву. Шестой месяц я и моя жена живем без прописки, под постоянной угрозой лишения не только крова, но и карточек (прописка кончилась 1 мая). Живя в коридоре, я не могу работать в полную силу. Жена и дочь ночуют в железной разборочной мастерской ИИМК. Я лишен ухода, мои книги свалены в кучу. Из-за отсутствия комнаты и прописки я не могу выполнить порученное мне Гос. Чрезвычайной комиссией обследование разрушений памятников культуры, совершенные в Крыму немцами, срывается мое участие в Зараут-Сайской экспедиции Академии наук и ГМИИ» (Рис. 35) [64, л. 5]. В эти дни в порыве отчаяния В.А. Головкина вчерне составила письмо И.В. Сталину (

Приложение №23). Неизвестно, правда, было ли оно отправлено. Судя по выявленным документам, проблема отсутствия жилья в Москве для П.Н. Шульца до окончания войны так и не решилась.

Приходится только удивиться тому, как в описанных условиях жизни, П.Н. Шульцу хватило сил для продолжения научной и научно-организационной работы. В 1943–1944 гг. в стенах ИИМК им были подготовлены три любопытные рукописи. Первая из них представляла собой отчет о работе старшего научного сотрудника ИИМК в третьем квартале 1943 г. Судя по документу, П.Н. Шульц в это время продолжал изыскания в области монументальной скульптуры варварского населения Причерноморья в скифское время, сконцентрировался на изучении материалов из памятников Северного Кавказа. Параллельно он принимал активное участие в работе Чрезвычайной Государственной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков (ЧГК) АН СССР. Вместе с В.Д. Блаватским составлял списки археологических объектов из районов Северного Причерноморья. Весьма показательно отражает высокую востребованность специалистов археологов и историков искусства в это время

факт выполнения П.Н. Шульцем поручения КВШ составить отзыв на докторскую (!) диссертацию архитектора И.Н. Соболева «Архитектура эллинистического жилища» (

Приложение №24). Напомним, автор отзыва еще не имел ученой степени.

В 1943–1944 гг. П.Н. Шульц неоднократно оказывался в центре внимания на расширенных заседаниях ИИМК. На одном из таких мероприятий ученый выступил с программой мер восстановления археологической службы в СССР. Ключевая мысль доклада заключалась в том, что ИИМК не способен осуществить всю археологическую работу в стране «...поэтому крайне необходимо восстановить традицию созыва Археологических съездов, необходимо четко определить характер взаимоотношений с краеведческими музеями, необходимо закрепить на местах целый ряд филиалов ИИМК» [Цит. по: 305, с. 69]. На другом заседании П.Н. Шульц представил перспективный план работы ИИМК (Приложение №25). Предлагалось центральным археологическим учреждениям во взаимодействии с музеями на местах предпринять срочные меры по обследованию, изучению и восстановлению памятников прошлого, пострадавших в годы оккупации. В очередной раз обосновывалась мысль о необходимости возобновления традиции съездов²⁵ исследователей. При этом, силами научных центров СССР П.Н. Шульц предполагал созыв как общесоюзных, так и международных форумов. Одним из пунктов программы значилось «Создание филиалов ИИМК», об этом говорилось: «Археологическая комиссия имела филиалы в Керчи, Херсонесе, Новгороде, Средней Азии», по аналогии

²⁵ Идея проведения общесоюзного археологического съезда обсуждалась с 1918 г., имела влиятельных сторонников и почти воплотилась в жизнь на рубеже 1920–1930-х гг. [261]. Новый импульс многолетнему замыслу придало объединение научных сил археологов вокруг центра в Москве. Одним из наиболее активных подвижников проведения археологического съезда, осуществившегося в 1945 г. в виде ВАС, являлся П.Н. Шульц [188, с. 114].

предлагалось организовать не более 4–5 подразделений в РСФСР. Очевидно, по замыслам П.Н. Шульца, один из них появился бы в Крыму.

Значительный интерес представляют замечания перспективного плана о принципах взаимоотношений московского и ленинградского отделений ИИМК. Как уже отмечалось, многолетнее негласное противостояние двух центров, продолжалось и в советское время, одним из его проявлений, судя по всему, оказался провал организации в 1920–1930-е гг. базы ИИМК в Херсонесе и Керчи. Думается, современник событий П.Н. Шульц прекрасно ощущал глубоко укорененную, негативную тенденцию. В перспективном плане он предлагал вовсе отказаться от самой постановки вопроса: «Нет ли в этом вопросе нездорового местничества, лишенного серьезных и принципиальных оснований? <...> Нет никакого смысла обострять этот вопрос. Военные условия, казалось бы, должны способствовать сплочению, а не распылению сил. Искусственное взвинчивание этого вопроса — вредно». Специальное внимание этой проблеме П.Н. Шульц уделил в заметке «О содружестве археологов Москвы и Ленинграда» (

Приложение №26). Обратим внимание на формулировку этого сочинения: в ней умышленно слово «противостояние» заменено на «содружество». Автор настойчиво предлагает отказаться от деления специалистов на «москвичей» и «ленинградцев» в пользу «советских» археологов. Спустя всего год П.Н. Шульц перешел от деклараций к реальным действиям, возглавив Тавро-Скифскую экспедицию в Крыму, организованную московскими (МО ИИМК, ГМИИ, ГИМ) и ленинградскими (ЛО ИИМК) учреждениями.

После восстановления в СССР процедуры научной аттестации и присвоения ученых степеней и званий, одним из приоритетных направлений деятельности Академии наук стала забота о подготовке новых кадров и повышении уровня квалификации работавших и ранее специалистов. Для центра и периферийных подразделений устанавливались нормы ежегодного прироста числа кандидатов и докторов наук. Согласно Уставу Академии наук руководителем филиала или базы мог являться ученый со степенью доктора наук, а структурного подразделения —

кандидат наук. П.Н. Шульц, как показано выше, еще в годы войны деятельно участвовавший в проектировании академической базы в Крыму, не мог не осознавать, что рано или поздно столкнулся бы с формальными трудностями из-за неопределенности своего статуса в системе советской науки. Он попросту не смог бы возглавить центр, для создания которого прилагал немалые усилия. Представляется важным уделить внимание событию, которое завершило, растянувшееся почти на два десятилетия, профессиональное становление П.Н. Шульца — защите диссертации.

Новая работа о скульптурных портретах скифских царей была подготовлена ученым в 1940 г., на 1941 г. планировалась организация защиты. 10 июня 1944 г. в письме директору ГМИИ С.Д. Меркурову, выражая согласие принять заведование Античным отделом музея, П.Н. Шульц настаивал на предоставлении ежегодных научных командировок в Ленинград для ведения работы по подготовке докторской диссертации. Утверждение в степени кандидата наук исследователь, по-видимому, как и ранее считал делом формальным, почти решенным. Тем не менее, потребовалось еще два года. В 1945 г. П.Н. Шульца захватила организация и проведение Тавро-Скифской экспедиции в Крыму. Думается, во многом, поэтому возникло некоторое промедление. Защита диссертации на тему «Скульптурные портреты скифских царей Скилура и Палака» проходила 20 июня 1946 г. на заседании Ученого совета ИИМК в Москве. В один день с П.Н. Шульцем процедуру аттестации прошли Н.Н. Погребова с работой «Грифон и его изображение в искусстве Северного Причерноморья в эпоху греческой колонизации» и Н.Н. Бритова с темой «Боспорские стелы с рельефными изображениями эллино-римского периода». Подробности этого дня зафиксированы в стенограмме заседания [162, л. 107–141]. Председательствовал член-корреспондент А.Д. Удальцов.

В своей диссертации П.Н. Шульц выразил концепцию непрерывного существования скифской культуры от VII в. до н.э. до римского времени. Ярким доказательством, по его мнению, являлись предметы преимущественно монументального художественного творчества, чьи традиции образов и форм

демонстрировали преемственность. Этап существования культуры в II в. до н. э. — III в. н.э. ученый предложил называть «позднескифским». Обнаруженные П.Н. Шульцем в музее Академии художеств слепки рельефов из Неаполя Скифского оказались в центре внимания диссертации. В своей работе ученый соединил две направленности — археологическую и искусствоведческую: «В основу моей работы положен метод всесторонней интерпретации художественного памятника с археологической, иконографической, этнографической и стилистической стороны. Я воспринимал исследуемые рельефы не только с художественной стороны, но и как ярчайшие исторические свидетельства, воспроизводящие точный облик скифских царей, возглавлявших борьбу скифов за независимость своего народа, своего государства за выход к морю. Являясь учеником Б.В. Фармаковского и О.Ф. Вальдгауера, я от Бориса Владимировича старался взять археологический метод исследования и критической интерпретации памятника, тогда как методам стилистического, искусствоведческого анализа я обязан Вальдгауеру. В этой работе я усиленно пытался синтезировать в одно органическое целое археологический метод критического интерпретации памятника и его стилистический анализ. Не мне судить — в какой степени, в какой мере это органическое слияние двух методов в одно целое удалось». В завершении П.Н. Шульц выразил надежду, что начатые под его руководством исследования на Неаполе Скифском подтвердят его построения.

Первый оппонент В.Д. Блаватский (Рис. 39) отметил значительные заслуги П.Н. Шульца в области изучения античного искусства, в котором он совмещал интерес к памятникам греков и римлян с одной стороны и варварской периферии с другой. Подчеркивались достижения полевой работы, в частности, открытие следов юрты на городище Кара-Тобе во время работ Евпаторийской экспедиции ГАИМК. «Только случайностью, которая надо сказать неоднократно имела место в практике нашего Института, можно объяснить то обстоятельство, что П.Н. Шульцу приходится сегодня защищать кандидатскую диссертацию. В его портфеле имеется ряд работ, каждая из которых в полной мере бы отвечала тем требованиям, которые могут быть предъявлены к кандидатской работе, но Павел

Николаевич остановился на представленной им теме о скульптурных портретах скифских царей».

Вторым оппонентом П.Н. Шульца выступил Б.Н. Граков (Рис. 40). В первую очередь он отметил значимость установления исторических личностей, изображенных на рельефах из Неаполя Скифского. Одним из важных вопросов, решенных в диссертации, называлось уточнение местоположения столицы Скифского царства в Крыму, Неаполя Скифского: «... теперь можно ясно и определенно говорить, что это было крупнейшее, значительнейшее и богатейшее городище, прекрасно расположенное в стратегическом отношении, что без раскопок Павла Николаевича трудно было бы установить. И те раскопочные материалы, которыми мы теперь располагаем, дают целый ряд доказательств в пользу этого положения, хотя основного и бесспорного доказательства — без документов, содержащих названия жителей или названия города, у Павла Николаевича нет». Предложенная к защите работа, по мнению Б.Н. Гракова, не ограничивалась узкой задачей, но ставила ряд общеисторических вопросов, иногда совершенно по-новому: «...самым интересным, самым важным является целый ряд выводов, то рассеянных по работе, то собранных в одном месте, в которых Павел Николаевич фактически первый (об этом думали, говорили, но никто не писал) продлил скифскую историю на 3–4 столетия <...> Заключительная часть работы посвящена ряду новых общих выводов о поздней Скифии и ее культуре. В сущности говоря, в заключительных страницах работы, в заключительных фразах дана широкая, в большинстве случаев верная, картина культуры поздних скифов — сильно эллинизированных, с греческой фортификацией, с греческими зданиями, с почти греческим бытом и т.д., но в то же время (и это хорошо подчеркивается автором) с сохранением скифской аристократии — этой земледельческой Скифии, с сохранением быта и навыков кочевника-воина. Скиф-аристократ остается конным кочевником и его идеологии полностью отвечает новым мотивам и формам искусства. Эта часть, я бы сказал, является просто блестящей, несмотря на свою краткость, как и вообще предельная краткость работы, является ее плюсом, а не минусом».

Оба оппонента сошлись во мнении, что работа при всех достоинствах не лишена некоторых дефектов, которые, правда, имели «... второстепенный характер и легко устранимы». К их числу относили слишком широкое толкование термина «скифское искусство», недостаточно четкое отделение произведений местных мастеров и греческих торевтов. Весьма спорным они посчитали положение П.Н. Шульца об огнепоклонничестве скифов. В.Д. Блаватский предложил отсчитывать время возникновения государственности у скифов не с II, а с IV в. до н.э. Кроме того, ученый предостерег от излишнего убеждения в реализме изображений неапольских рельефов. Он говорил о рельефе с конным Палаком: «Мне думается, что здесь, все таки, имеют место элементы условного декоративного характера. Например: развернутые уши — одно ухо вправо, другое влево у галопирующей лошади не должны иметь места. Она обычно прижимает уши к шее, особенно горячая лошадь». С уверенностью можно сказать, что это замечание В.Д. Блаватский сделал не только как ученый-специалист, но и как опытный кавалерист, служивший больше трех лет в Красной Армии в годы Гражданской войны [337, с. 162].

В заключительном слове П.Н. Шульц с большим пиететом отозвался о замечаниях оппонентов, сказав о выступлении В.Д. Блаватского: «То, что я сказал бы, с отеческой придирчивостью Владимир Дмитриевич говорил о многих мелочах, может быть не очень существенных для тех, кто будет читать работу, но для меня очень существенных, дает мне основание сказать, что со многими замечаниями Владимира Дмитриевича я соглашаюсь» и о позиции Б.Н. Гракова: «Мне чрезвычайно лестна та оценка, которую Борис Николаевич делает моему заключению, в котором я берусь, собственно, не за свое дело, пытаюсь дать историческую картину Неаполиса. Я археолог и историк искусства по преимуществу, и совершенно недостаточно силен, как историк. И если та картина, которую я сжато нарисовал, представляется Борису Николаевичу правильной [в этот момент Б.Н. Греков с места поправил: «В основном правильной!», то меня это очень и очень подымает».

В состав счетной комиссии в тот день входили С.В. Киселев, Т.С. Пассек и Б.А. Рыбаков. Все три диссертанта были признаны достойными ученой степени кандидата исторических наук. Залогом успешной аттестации П.Н. Шульца, безусловно, являлась научная ценность подготовленной им работы. Опубликованная в виде статьи [30], она и сегодня не устарела. Следует помнить, диссертация 1946 г. была уже третьей, написанной П.Н. Шульцем в жизни. Как отмечали оппоненты, соискатель обладал к моменту защиты немалым опытом научно-исследовательской работы, а отсутствие у него ученой степени следствием недоразумения. При знакомстве с стенограммой заседания складывается стойкое ощущение весьма благоприятной атмосферы, создавшейся в тот день. Соискатель и оппоненты хорошо знали друг друга, думается, в том числе и поэтому защита диссертации П.Н. Шульца прошла без затруднений. Некоторые детали указывают на умышленное пренебрежение отдельными требованиями протокола. Так, Б.Н. Греков обмолвился: «Надо сказать, что вопреки правилам, отзывы Павел Николаевич не читал и читать отказался, так как времени было мало». По-видимому, некоторая спешка была обоюдной: П.Н. Шульц торопился получить ученую степень для продолжения карьеры, в том числе в системе АН, в то же время научное сообщество обескровленное войной стремилось к восстановлению своего человеческого капитала. Безусловно, последнее, не являлось решающим. Вместе с тем, момент для защиты оказался удачным.

3.2. Атмосфера и хронология создания КНИБ АН СССР:

наука, общество и власть

Когда война близилась к концу главным стремлением П.Н. Шульца стало возобновление археологических исследований в Крыму. В начале марта на заседании Всесоюзного археологического совещания ученый анонсировал начало работы в Крыму Тавро-Скифской экспедиции [246, с. 202]. Для успешного осуществления этого предприятия П.Н. Шульцу удалось заручиться поддержкой трех крупнейших исследовательских учреждений Москвы и Ленинграда —

ГМИИ, Московского и Ленинградского отделений ИИМК. Для заведующего отделом полевых исследований Музея изобразительных искусств, а по совместительству заведующего сектором Античной археологии МО ИИМК, В.Д. Блаватского П.Н. Шульц составил подробное обоснование предстоящих работ. Между двумя учеными существовали давние уважительные и доброжелательные контакты. В переписке 1930-х гг. они искренне интересовались результатами исследований друг друга в Крыму [120]. О поддержке со стороны другой организации, ЛО ИИМК, П.Н. Шульц запросил в личном письме В.И. Равдоникасу, который возглавил ленинградский Институт после войны (Приложение № 28).

Инициативность П.Н. Шульца в вопросе возобновления раскопок в Крыму не была исключительной на общем фоне многогранной организационной активности правительственных и научных учреждений, в том числе академических. Энергичные подготовительные мероприятия по продолжению археологических исследований на памятниках Керченского и Гераклейского полуостровов проводили в ГМИИ, ГИМ, МО и ЛО ИИМК, в Эрмитаже [272, с. 137]. Сразу после освобождения Крыма от оккупантов наблюдалась интенсификация усилий целого ряда учреждений Академии наук по восстановлению своего присутствия в научной жизни полуострова. Не только историки и археологи оказались вовлечены в выяснение и устранение ущерба от оккупации. Морской гидрофизический институт начал восстановление материальной базы Черноморского отделения в полностью разрушенном Севастополе [13, с. 429]. 4 июня 1944 г. Главное управление по заповедникам, зоопаркам и зоосадам при СНК РСФСР направило в КГЗ профессоров И.И. Пузанова и С.С. Станкова для обследования состояния природы заповедника и разработки мероприятий по его восстановлению [101, л. 1]. 27 февраля 1945 г. Президиум АН СССР обсудил состояние разоренной «наиболее активной астрофизической обсерватории Советского Союза» в Симеизе и постановил преобразовать учреждение в Крымскую астрофизическую лабораторию, перенести ее в центральную часть крымского предгорья [12, с. 330]. Приведенные

примеры свидетельствуют о значительном интересе Академии наук к проблемам послевоенного обустройства Крыма.

Внимание со стороны главного научного учреждения страны встретило большой отклик в среде крымской интеллигенции. В 1946 г. писатель и литературовед И.Н. Медведева-Томашевская, оказавшаяся после войны в Крыму, и географ, преподаватель КПИ И.И. Бабков направили президенту АН СССР академику С.И. Вавилову письмо, в котором предлагалось обоснование необходимости создания в Крыму комплексного научно-исследовательского учреждения АН СССР. И.Н. Медведева-Томашевская в качестве одного из активных членов Крымской комиссии ЛО ИИМК принимала участие в обсуждении ряда мероприятий, связанных с организацией в 1947 г. Крымской научно-исследовательской базы АН СССР. По ее инициативе, в частности, обсуждалась возможность передачи базе библиотеки Алушкинского дворца (Приложение №29). В ноябре 1946 г. в Президиум АН СССР поступила «Докладная записка о создании Крымской научно-исследовательской базы», которую подписали известные крымские ученые, представители разных отраслей знания: Н.А. Троицкий (председатель Крымского отдела Всесоюзного Географического общества АН СССР), А.С. Дойч (Председатель краеведческого совета Центрального музея Крыма, директор музея), М.П. Розанов (Начальник Крымской биологической экспедиции Института Эволюционной Морфологии АН) П.Н. Шульц (начальник Тавро-Скифской экспедиции), А.Ф. Слудский (геолог, профессор), П.Т. Данильченко (заведующий кафедрой общей химии КМИ), С.Ф. Загородских (заведующий кафедрой истории СССР КПИ), В.В. Познышев (заведующий кафедрой физической географии КПИ), В.В. Бобин (заведующий кафедрой нормальной анатомии КМИ), И.И. Пузанов (заведующий кафедрой зоологии Горьковского государственного университета), Е.В. Петухов (член-корреспондент АН СССР) [143, л. 11].

В это время П.Н. Шульц организовал Тавро-Скифскую экспедицию, которую рассматривал как задел будущего комплексного академического центра на полуострове. Приведем выдержку из записи дневника ученого от 16 августа

1945 г.: «Отправились осмотреть помещение, намеченное как база для экспедиции в Петровской Балке в непосредственном соседстве с Неаполем Скифским, д. №19, у Степиных, Помещение вполне удовлетворило нас. Оно находится у ручья, протекающего в балке, утопает в зелени, из окна открывается вид на городище. Идеальное место для создания здесь археологической станции Академии наук» [52, л. 5–7] (Рис. 36). На следующий день П.Н. Шульц и Е.А. Болотникова провели переговоры с секретарем Обкома ВКП(б) по агитации и пропаганде П.А. Чурсиным «о создании впоследствии археологической станции АН СССР в Симферополе» [52, л. 9].

Сочувствие широких масс населения Крыма к инициированным в 1945 г. археологическим исследованиям ИИМК и ГМИИ оказалось существенным. О прибытии в Крым Тавро-Скифской экспедиции очень скоро стало известно в среде местной общественности, представители которой поторопились завязать с приезжими учеными контакты. Уже 17 августа в ЦМК пришел работник Квартирно-эксплуатационной части ТВО И.И. Емельянов, сообщивший об обнаруженном им в черте города каменном изваянии [52, л. 11]. 21 августа «станцию экспедиции в Петровской Балке посетил проф. В.В. Познышев²⁶. Совершили с ним обход пещер, расположенных за пределами городища, по берегу р. Салгира, юго-восточнее вала городища» (Рис. 38) [52, л. 23]. С 1945 г. база экспедиции становится центром приема сведений о находках древностей, открытии кладов, фактах разрушения объектов прошлого. Затруднительно судить о точном числе подобных обращений, специальный учет которых не велся. Среди сохранившейся документации Тавро-Скифской экспедиции, Сектора истории и археологии и в материалах личного фонда П.Н. Шульца удалось выявить 67 писем разных корреспондентов, датируемых 1945–1947 гг. [52; 89; 129]. О работах археологов в Крыму было известно и за пределами полуострова, так, 27 января 1946 г. в ИИМК для начальника Тавро-Скифской экспедиции поступило письмо Чреваткина И.С. с сообщением о найденных им могильниках и остатках

²⁶ Познышев В.В. — геолог, член Крымского отдела географического общества АН СССР.

поселений на территории Тарасовского района Ростовской области и просьбой исследовать эти памятники [129, л. 56].

О начале научных исследований остатков древнего городища Керменчик писала 21 августа 1945 г. ежедневная газета «Красный Крым» [312, с. 2]. Для Крыма, переживавшего непростые реалии послевоенного восстановления, такое событие, безусловно, воспринималось как неординарное. Необычную археологическую экспедицию неоднократно называли «Товаро-Скифской» (Рис. 37). Подчеркивали важность и беспрецедентность начинаний Тавро-Скифской экспедиции организованные ее участниками совместно с работниками ЦМК сессии по истории Крыма [356]. Первое подобное мероприятие состоялось 18 августа и объединило многих представителей крымской интеллигенции. Вовлечению широких масс населения способствовала более, чем демократичная обстановка заседаний. П.Н. Шульц, открывая 2-ю сессию в 1946 г., отметил: «Для успешной работы сессии, которая будет проходить открыто, в которой каждый путем вопросов и выступлений в прениях, может внести свой вклад в дело науки, необходимо одно обстоятельство: свободное, смелое обсуждение научных проблем, не взирая на лица, без боязни неловкости изложения своих мыслей, для тех, кто не привык говорить, ведь в науке правдивость идеи и добросовестное изложение фактов существенно важнее красоты изложения» [86, л. 13 об.].

Следствием санкционированного плюрализма мнений стало серьезное обсуждение плодов творческих размышлений некоторых патриотически настроенных участников сессии (Ф.Г. Вольного, И.Ф. Дриги, Я.П. Бирзгала), сформировавших в нарративе истории Крыма устойчивый так называемый «славянский вопрос». Не вдаваясь в подробности этого феномена, рассмотрению которого посвящено немало работ [например: 361], отметим только, что негативный в целом эпизод в историографии в нужное время возымел и положительный эффект. Актуальность темы этногенеза славян в дальнейшем удачно использовалась организаторами академического центра историков и археологов в Крыму для обоснования значимости его деятельности во второй

половине 1940 – начале 1950-х гг. Тема преемственности скифов и славян менее, чем за год вошла в теоретический инструментарий П.Н. Шульца.

Если летом 1945 г. ученый в соответствии со своими довоенными планами сформулировал цель организации Тавро-Скифской экспедиции так: «Исследование вопроса о возникновении и развитии в Крыму скифского государства, исследование вопроса о взаимосвязях культуры поздних скифов с культурой тавров, с одной стороны, и греков — с другой» [52, л. 1], то в начале 1946 г. им сделано дополнение «...и о роли скифов в процессе формирования славянских народов и сложении их культуры и государственности» [29, с. 101]. 8 июня 1946 г. в докладной записке для Крымского Облисполкома и Обкома ВКП(б) «О субсидировании Тавро-Скифской экспедиции» П.Н. Шульц писал: Превращение Тавро-Скифской экспедиции, исследующей киммерийцев, тавров и скифов древнего Крыма в кровное дело не только центральных, но и крымских учреждений будет иметь не только научное, но и большое воспитательное значение, так как, возбуждая в населении Крыма интерес и любовь к его истории, теснее свяжет это население с Крымской землей и даст возможность почувствовать и понять, что Крым искони принадлежал нашим предкам скифам и киммерийцам» [142, л. 8]. Наконец, в августе 1946 г., открывая 2-ю сессию по истории Крыма, П.Н. Шульц назвал центральной задачей: «Освещение вопросов возникновения великого русского народа и его государства и выяснение роли Крыма в этом процессе» [86, л. 9]. Думается, постепенная корректировка нужна была П.Н. Шульцу как важный аргумент в обосновании высокой общественной значимости продолжения начатых в 1945 г. историко-археологических исследований.

«Славянский фактор» ученый удачно помещал в центральное место публичных выступлений. Так, в сообщении на радио о результатах работ Тавро-Скифской экспедиции в 1945 г. П.Н. Шульц отметил: «Придавая большое значение делу изучения скифского государства и выяснения роли скифов в процессах формирования славянских народов и сложения их культуры, Академия наук решила, начиная с 1945 г. возобновить исследования Неаполиса и других

памятников культуры скифов и тавров в Крыму» [142, л. 4]. Показательно, что главным организатором названа Академия наук. Привлечение общественного внимания к важности академического изучения прошлого Крыма наполнялось экспрессивными выражениями вроде «кровная заинтересованность», «кровное дело всего населения Крыма» и т.д. В выступлении на радио 8 октября 1945 г. П.Н. Шульц резюмировал: «Материалы, добытые экспедицией, наглядно показывают, как много общего имеет культура поздних скифов с культурой древнейших славян (общность планов городищ, сходство землянок, посуды, росписи, орнамента, изделий художественного ремесла). Работы экспедиции убеждают в том, что Крым в древнее время не стоял в стороне от великого процесса формирования славянских народов. Скифы Крыма сыграли свою роль в сложении русской народности, русской культуры и государственности. Не даром же Неаполис Скифский в сказании об известном чуде святого Стефана Сурожского именуется «"Новгород Русский"» [142, л. 7 об.].

В то же время, доклад, «Раскопки столицы Скифского государства», сделанный в 1947 г. для Норвежской секции Радиоцентра Москвы лишен любых упоминаний проблемы славянского/русского этногенеза. К примеру, обнаруженные памятники скифского изобразительного искусства на некрополе Неаполя Скифского просто названы «новым явлением в мировой культуре», а общий вывод звучал так: «Раскопки Неаполя Скифского знакомят нас с относительно высокой, городской культурой поздних скифов, перешедших на оседлую жизнь, создавших свое государство, свое зодчество и свою стенную живопись» [47, л. 5]. Похожим оказалось выступление для Англо-Американской секции радио-комитета от 9 марта 1947 г. По стилистике доклад явно рассчитывался на подготовленного слушателя. В нем профессионально отражены основные результаты работ Тавро-Скифской экспедиции, примеры внедрения новых методов при исследовании находок из сырцового кирпича и дерева, изучении памятников стенной живописи. В завершении сделано осторожное замечание: «В культуре поздних скифов имеется немало точек соприкосновения с культурой древних славян. В характере скифских городов, жилищ, посуде,

деревянной резьбе, орнаменте, есть много общих черт с древнейшими памятниками русской культуры, с русским и украинским народным искусством» [Там же. Л. 49]. Конечно, зарубежному слушателю ни к чему были тенденциозные построения о предках славян. От незначительного внимания к этому вопросу в выступлениях совершенно не зависело будущее успешных археологических работ П.Н. Шульца в Крыму. Довольно скромное место тема скифо-славянского родства занимала и в его докладе «Раскопки древней столицы Скифского государства», сделанном 8 февраля 1947 г. на всесоюзном радио «Москва». Только в одном месте П.Н. Шульц упоминает, что сцены скифской жизни в сюжетах живописи из вырубных склепов некрополя Неаполя Скифского «...напоминают внутренность украинских хат...». При этом, в начале доклада вновь сделан акцент, на том, что Тавро-Скифская экспедиция учреждалась в 1945 г. Академией наук [47, л. 16–17].

Компетентное мнение ленинградского археолога, «профессора П.Н. Шульца», очень скоро нашло отклик в среде нового населения Крыма. В адрес базы Тавро-Скифской экспедиции в 1946–1948 гг. поступали многочисленные письма интересующихся результатами работы археологов. В обращениях нередко встречаются призывы к усилению популяризации знаний о прошлом Крыма в средствах массовой информации и в форме издания путеводителей. Важным вопросом, интерес к которому подпитывался публичными заявлениями археологов и историков, оставалось происхождение славян. Ответ не требовался, он уже был готов. Необходимо было авторитетное подтверждение. Не имея достоверных сведений, отдельные жители Крыма самостоятельно пытались создавать исторические работы. Так, 27 декабря 1946 г. капитан М.Н. Макаров из с. Албат (ныне – пос. Куйбышево, Бахчисарайского района) обращался через П.Н. Шульца к Б.Д. Грекову с проблемой: «Я работаю над брошюрой “Мангуп (Феодоро) средне-вековая крепость и княжество расположенная²⁷ на территории Куйбышевского района Крымской области”. Не выходит у меня один из важнейших разделов этой брошюры — “славяне на Мангупе”. Я нигде не могу

²⁷ Здесь и далее так в оригинале.

получить фактического материала по этому вопросу». М.Н. Макаров просил любой помощи в разработке этой темы. Юристконсульт Курортного управления ВЦСПС Ялты Е. Рождественская настаивала в письме от 24 апреля 1948 г.: «... можно, наконец, решить вопрос о принадлежности скифов к монголам или славянам?! Это чрезвычайно важно для нас, новых обитателей Крыма: хочется верить, что Крым был славянской землей еще до греческих и римских колоний по побережью!». Житель Симферополя Руденков И.Е. 20 октября 1948 г. писал: «Науки, а в аособенности Советской нужно знать были-ли скифы славяне? Да скифы были славяне по следующему соображению: маленькая реченка, которая течет на западной стороне Симферополя называется “славянка” это название непременно связано со скифами — так я думаю» [129, л. 34–38]. Эти цитаты приведены отнюдь не ради демонстрации уровня грамотности нового населения полуострова, а также его осведомленности в вопросах местной истории, но для подтверждения большой заинтересованности в подтверждении собственных прав на проживание в Крыму.

Результаты раскопок 1945–1946 гг. не оставили у П.Н. Шульца сомнений в том, что объединение крымских скифов представляло форму государства, названного ученым одним из древнейших в Восточной Европе и первым известным на территории СССР [29, с. 116; 31, с. 292]. Казалось, немного оставалось до обоснования такого варианта появления государственности у славян, источником которого являлся опыт их «предшественников» скифов. Думается, если бы П.Н. Шульцу удалось аргументированно подтвердить такое предположение, его вполне вероятно ожидал бы довольно существенный карьерный рост. Но и до получения реальных результатов одной гипотетической идеи было достаточно, чтобы убедить крымскую общественность и представителей власти в необходимости дальнейших исследований. В докладе цикла «Знай свой край» на симферопольском радио 10 декабря 1946 г. П.Н. Шульц уверенно заявлял: «...становится ясным, что культура скифов является одним из источников русской культуры» [47, л. 23]. Используя в конкретный момент времени миф о происхождении славян от скифов, ученые-археологи,

таким образом, закладывали прочный фундамент долгоживущего лженаучного исторического стереотипа, отголоски которого встречаются в массовом сознании и в наши дни.

Не до конца ясно, какой была личная позиция П.Н. Шульца по «славянскому вопросу». Очевидно, только, что она менялась со временем. Эта проблема затрагивалась исследователем в работе «Монументальная скульптура скифо-сарматского общества» в 1934 г. О преемственности каменных изваяний позднеантичного и раннесредневекового времени говорилось: «Связь образов настолько сильна, что представляется затруднительным поставить отчетливую границу между, например, скифо-сарматской и славянской монументальной скульптурой. Процесс трансформации скифо-сарматской монументальной скульптуры в славянскую скульптуру протекает преемственно и это лишний раз подтверждает правильность выдвинутых Н.Я. Марром и развитых С.Н. Быковским положений о том, что скифы являются непосредственными предками славян. Памятники скульптуры славян, тем самым, не дают никаких оснований для конструирования миграционного процесса прихода славян в лесостепи и степи Восточной Европы» [157, л. 26]. Как отмечалось выше, такие смелые выводы делались П.Н. Шульцем в диссертации в соответствии с принятыми в историографии 1930-х гг. принципами.

В дискуссиях 1940-х гг. ученый высказывал менее определенные суждения. При слушании 10 августа 1946 г. доклада Г.Ф. Вольного «О предках и происхождении государственности восточных славян», в котором декларировалась преемственность скифов и славян, П.Н. Шульц лишь осторожно заговорил о необходимости «внести коррективы» и, что «автору следует поднять лингвистический материал» [86, л. 13]. О докладе «К вопросу о происхождении слов Русь и славяне», в котором И.Ф. Дрига усмотрел происхождение этнонимов от слова «рука», П.Н. Шульц отметил «В доказательствах, приведенных автором для обоснования своих интересных догадок, преобладает метод “косвенных доказательств”» [86, л. 28]. Складывается ощущение, что ленинградский археолог уклонялся от прямолинейных высказываний, не желая задеть необоснованные

убеждения своих крымских оппонентов. Г.Ф. Вольный в 1946 г. отправил П.Н. Шульцу четыре многостраничных письма с изложением взглядов по поводу происхождения славян. Думается, читая их, ученый только с определенной долей юмора мог отнестись к тезисам вроде: «...идеологи классического рабовладения, говоря о скифах (своих врагах) не проявляли большего такта чем г. Черчилль в Фултоне²⁸» [122, л. 2 об.]. Видимо, ответы П.Н. Шульца, которые Г.Ф. Вольный в последующих письмах кратко именовал «весточки», составлялись с надеждой не вызвать очередной виток дискуссии. Тем не менее, даже такой диалог мог использоваться в нуждах Тавро-Скифской экспедиции. 14 августа 1946 г. П.Н. Шульц отвечал Г.Ф. Вольному на официальном бланке: «Прошу Вас сегодня зайти на стацию экспедиции для окончательного решения вопроса о Вашем участии в работах экспедиции, а также для выяснения, в какой мере решены принятые Вами на себя обязательства: 1) Изучение повреждений, нанесенных археологическим памятникам Крыма, путем разного рода земляных работ во время войны; 2) Обеспечение экспедиции тачками, лопатами и кирками; 3) Заказ для экспедиции 2 щупов и 20 шпилек» [157, л. 32].

Вернемся к теме сессий по истории Крыма. При знакомстве с материалами их подготовки и проведения обращает на себя внимание неперенное указание на академический статус учреждений-соорганизаторов: «Тавро-Скифская экспедиция *ИИМК Академии наук СССР*», «Крымский Отдел Всесоюзного Географического общества *Академии наук СССР*». События, связанные с укреплением позиций АН в Крыму, становились главной новостью, которая обсуждалась на сессиях по истории Крыма. Именно на заседании 2-й Сессии 10 августа 1946 г. было анонсировано начало работы при ИИМК специальной Крымской комиссии. С приветствием и информацией о составе и задачах этого органа выступила его ученый секретарь Е.Ч. Скржинская. Председателем комиссии стал член-корреспондент АН СССР А.Ю. Якубовский. Скоординировать работу комиссии и крымских исследовательских учреждений

²⁸ Орфография и пунктуация сохранены как в источнике.

планировалось на ноябрьском пленуме, который намечался к проведению в Симферополе [86, л. 22]. Во вступительном слове на открытии 3-й Сессии по истории Крыма 23 августа 1947 г. П.Н. Шульц объявил: «Сессия приступает к работе в знаменательный момент, когда по распоряжению от 1 июня 1947 г. Совета Министров будет создан крупный научный центр — Крымская база АН СССР. Необходимость создания в Крыму объединяющего центра являлась издавна мечтой многих научных деятелей, работавших в Крыму, и сейчас мы накануне этого осуществления». Докладчик подчеркнул особенную заслугу в этом событии представителей крымской общественности и лично Н.А. Троицкого (Рис. 41) и А.Ф. Слудского (Рис. 42), чьи «...дни и ночи подготовки не прошли даром» [86, л. 10–11].

Упомянутому П.Н. Шульцем решению СМ СССР предшествовали важные события. В январе 1947 г. Крымский обком ВКП(б) и Крымский облисполком направили совместное обращение начальнику Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрову с копией президенту Академии наук СССР С.И. Вавилову, в котором просили организовать в Симферополе академическую базу. Составители документа обращали внимание на перспективы исследований в различных областях науки, но начинали с того, что «На небольшой территории Крымской области сосредоточено исключительное, нигде более не повторяемое, богатство объектов естественно-исторического и историко-археологического характера, имеющее крупное народно-хозяйственное и культурно-политическое значение». Важности объединения всех мероприятий по изучению и сохранению историко-культурного наследия региона под общим руководством АН посвящено не менее четверти текста обращения. Создаваемый академический центр мыслился в составе следующих секторов: 1) геологии, геоморфологии и геофизики; 2) океанологии; 3) химии; 4) ботаники и почвоведения; 5) зоологии; 6) истории и археологии. Для размещения на первое время предполагалось выделить дом № 20 на ул. Чкалова (ныне – просп. Кирова) и дом №20 на ул. Шполянской [22, с. 67–71]. Ходатайство крымских властей поддержали в руководстве Академии наук, ее президент С.И. Вавилов и академик-секретарь Н.Г. Бруевич 17

февраля сообщали Г.Ф. Александрову, а 28 февраля заместителю председателя СМ СССР — В.М. Молотову, о своем принципиальном согласии на образование базы в Крыму [22, с. 71–72].

После решения СМ от 1 июня 1947 г. о начале подготовки к образованию академической базы в Крыму, в сентябре, Президиум АН СССР распорядился направить в Крым комиссию в составе академиков Б.Д. Грекова (историка), И.И. Шмальгаузена (биолога) и член-корреспондентов П.И. Лебедева (геолога), А.Д. Удальцова (историка), Н.Н. Славянинова (гидробиолога), доктора с/х наук И.Н. Антипова-Каратаева и ученого секретаря Совета филиалов и баз Академии В.А. Ульяновскую для ознакомления с ситуацией на месте и разработки направлений научно-исследовательской деятельности, структуры и штатного состава будущего учреждения. Для выполнения этих задач выделялся месяц: 15 сентября – 15 октября [22, с. 72–73]. В газете Красный Крым от 12 октября помещена статья «Беседа с академиком Б.Д. Грековым», в которой раскрываются некоторые подробности обстоятельств и результатов работы комиссии. В итоговом составе вместо И.Н. Антипова-Каратаева и В.А. Ульяновской оказались доктор с/х наук С.С. Соболев и научный консультант АН С.А. Белоусова. Представители Академии посетили Севастопольскую биологическую станцию, раскопки в Херсонесе, Музей Пещерных городов в Бахчисарае, раскопки Неаполя Скифского, кромлех близ Алушты. В интервью о поездке Б.Д. Греков специально остановился на мировом значении археологических открытий в Крыму, сделанных в 1945–1947 гг. В частности, он отметил: «Именно материалы крымских раскопок помогли советским историкам разрушить миф о германском происхождении готов» [82, л. 112]. Необходимость дальнейших исследований, по мнению ученого, обусловила важность образования в структуре крымского центра АН специального подразделения: «Сектора истории и археологии мы не имеем ни в одной из наших научно-исследовательских баз, находящихся на территории РСФСР. Исключительное значение истории Крыма и его археологических памятников побуждает нас создать такой сектор при Крымской базе» [82, л. 114].

Любопытный источник, содержащий дополнительные сведения о последовавших событиях в подготовке к открытию в Крыму академической базы, сохранился в Архиве РАН (Приложение № 30). Это докладная записка в Совет филиалов и баз АН СССР, подготовленная 21 ноября 1947 г. П.Н. Шульцем. Прежде всего, документ вносит некоторую ясность в вопросе о статусе его автора в процессах организации академического центра в Крыму. Уверенно можно сказать, что участие П.Н. Шульца являлось, в общем-то, личной инициативой. Из записки выясняется, что в АН обещали выдать ученому специальное удостоверение, подтверждающее полномочия и права на получение продовольственных карточек. Но оформление такого документа по каким-то причинам задерживалось и, по-видимому, так и не случилось вплоть до открытия Крымской базы. Несмотря на стесненные обстоятельства и неопределенный статус, П.Н. Шульц фактически оказался задействован в обеспечении будущего центра служебными и жилыми помещениями, осуществлял консолидацию крымского научного актива, вел переписку с неместными учеными о занятии ими руководящих должностей в системе академической базы, наконец, являлся одним из архитекторов структуры комплексного учреждения. Искключительный энтузиазм можно объяснить только ответственным пониманием, что важное предприятие стоило любых затраченных средств. Близость успеха, по-видимому, уже ощущалась, и бросить начатое казалось невозможным П.Н. Шульцу, который продолжение своего пребывания в Крыму объяснял так: «...иначе все здесь расклеится и замрет». Расстраиваться действительно было чему. Для готовившейся к открытию в Симферополе базы Академии наук свободные помещения ожидалось только ко второму кварталу 1948 г. Ответственные за это организации постоянно приходилось контролировать. Без разрешения принципиального квартирного вопроса, не удавалось достичь определенности в переговорах с отдельными учеными, которым предлагалось переехать в Крым. По-видимому, отсутствовала даже регулярная связь с Советом филиалов и баз, что в свою очередь тоже сильно тормозило процесс организации Крымской базы.

Тем не менее, 23 декабря 1947 г. на заседании Президиума Академии наук СССР Б.Д. Греков сделал доклад с основными выводами сентябрьской комиссии по организации базы в Крыму. После обсуждения было принято Постановление о создании Крымской научно-исследовательской базы. Ходатайствовали перед СМ СССР о распространении на всех работников нового учреждения должностных окладов и льгот, утвержденных для работников АН. В структуру последней просили включить Евпаторийскую соляную станцию и Херсонесский археологический музей. Директором базы избрали А.Д. Удальцова, его заместителем — доктора геолого-минералогических наук Я.Д. Козина. Принималась следующая структура: сектор ботаники (заведующий — Н.А. Троицкий), сектор геологии (Я.Д. Козин), сектор зоологии, сектор почвоведения, сектор истории и археологии (П.Н. Шульц), химический сектор. Направлением деятельности историков и археологов определялось: «Изучение истории Крыма, как неотъемлемого звена истории народов СССР и русской истории; в частности, разработка следующих проблем: древнейшее аборигенное население Крыма, Крым в скифско-сарматскую эпоху, Крым в эпоху средневековья (славяне в Крыму, Крым и Московская Русь, борьба России за выход к Черному морю в допетровское время), Крым после его присоединения к России (в частности, история Азовской флотилии Черноморского флота, Крымская война, Севастопольская кампания); Советский Крым, Крым в период Гражданской войны, Крым в годы Великой Отечественной войны, новое население Крыма и перспективы народно-хозяйственного и культурного развития Крымской области в послевоенное время, антропологические исследования останков крымского населения древнего и средневекового времени; памятники архитектуры Крыма, монументальная живопись Крыма» [22, с. 73–76].

Возобновление археологических исследований спустя несколько месяцев после окончания Великой Отечественной войны являлось ярким свидетельством возвращения к мирной жизни. Неординарность такого события как появление Тавро-Скифской экспедиции в разоренном оккупантами Крыму в августе 1945 г.

встретила сочувственный отклик в среде населения региона, значительную часть которого составляли недавние переселенцы из различных областей РСФСР и УССР. Инициатива исследовательского предприятия археологов, изначально позиционировавшегося как предпосылка будущей академической станции, обрела значительную поддержку представителей региональной власти и общественности, стала катализатором подготовки к созданию регионального научного центра. В этом процессе особенно заметным и деятельным являлось участие П.Н. Шульца. Его роль как координатора организации академической базы в Крыму подчеркивает значимость личностного фактора в институционализации науки. Документы подтверждают, что во многом усилиями П.Н. Шульца формировался научный состав, инспектировались материальные условия, осуществлялась коммуникация между Москвой и Симферополем. Непростые обязанности ученый выполнял, по сути, добровольно: в Академии наук так и не были официально подтверждены его полномочия. Результатом многотрудных забот П.Н. Шульца стало завершение продолжительного процесса организации в Крыму академического центра — Крымской научно-исследовательской базы АН СССР, в структуре которой начал работу единственный в стране сектор истории и археологии.

ГЛАВА 4. СТАНОВЛЕНИЕ АКАДЕМИЧЕСКОГО ЦЕНТРА АРХЕОЛОГИИ В КРЫМУ

В годы войны руководство советской науки вынужденно интенсифицировало процесс децентрализации, выразившийся в успешной эвакуации на периферию академических и университетских институтов и их последующем возвращении в Москву и Ленинград. Важным следствием этих мероприятий стало создание на организационной базе эвакуированных центров ряда новых региональных представительств АН: Западно-Сибирского (Новосибирск), Киргизского (Фрунзе), Казанского (Казань) филиалов, а также Кольской (Апатиты), Коми (Сыктывкар) и Дагестанской (Махачкала) научно-исследовательских баз. В первые послевоенные годы начали работу Карело-Финская (Петрозаводск), Молдавская (Кишинеу), Сахалинская (Южно-Сахалинск), Якутская (Якутск) и Крымская (Симферополь) научно-исследовательские базы, реорганизованные в 1949 г. в филиалы. Этот всплеск региональной активности в истории АН СССР являлся беспрецедентным. Стремительность этого процесса не находит примеров в мировой науке. В сравнимых по территории странах организация периферийных академических центров продолжалась значительно дольше и имела иной принцип формирования: от периферии к центру. Так, в США подобный процесс опирался на региональную инициативу, продолжался во второй половине XVIII – первой половине XIX вв., завершился образованием в 1863 г. Национальной академии наук [172, с. 22], в Канаде — весь XIX в., от появления первых периферийных научных объединений до открытия в 1882 г. Королевского научного общества [255, с. 345].

Принципиальной целью организации в 1941–1947 гг. академических филиалов и баз, как и в довоенный период, оставалось выяснение производственных возможностей отдаленных регионов СССР. Это подтверждает сравнение структур созданных учреждений (Приложение № 28). В каждом из них предполагались секторы или институты геологии, химии и биологии. В 7 из 11 баз/филиалов появились подразделения, целью которых являлось изучение языка

и культуры местного коренного населения. И только в Крыму академическая база имела в своем составе специальный сектор истории и археологии.

4.1. Структура, научный состав, направления и основные результаты деятельности Сектора истории и археологии КНИБ АН СССР

Прежде всего, важным представляется сказать несколько слов о руководстве КНИБ. Директор А.Д. Удальцов и его заместитель Я.Д. Козин — личности, незаслуженно не привлекавшие большого внимания историков науки²⁹. Примечательно, что оба этих человека до 1947 г. никак не были связаны с Крымом. Руководство региональным академическим центром, как уже отмечалось, — почетная миссия, с которой соответственным образом справлялся А.Д. Удальцов. По складу характера и ума ему блестяще удавалось исполнять роль «чиновника от науки» и в значительно меньшей степени ученого. В 1946 г., будучи член-корреспондентом Академии наук, в списке научных работ он имел лишь 26 позиций, три из которых статьи по гидробиологии, а часть — неопубликованные рукописи. Это не помешало ему в разные годы занимать высокие должности в МО ИИМК, Институте истории РАНИОН, Институте истории АН СССР, чрезвычайно скучно и отстраненно, по воспоминаниям студентов, преподавать на кафедре истории Средних веков МГУ, наконец, в 1946 г. возглавить ИИМК АН СССР [342. С. 384, 387]. Начав разрабатывать проблематику этногенеза славян еще до войны, к 1947 г. А.Д. Удальцов оказался востребованным ученым с очень правильными исследовательскими интересами. Нельзя было подыскать лучшей кандидатуры для руководителя академической базы в Крыму, где новое, преимущественно славянское, население так нуждалось в обосновании исторических корней. Впрочем, реальное участие А.Д. Удальцова в работе Крымской базы/филиала по документам ощущается слабо. Так, в отчете

²⁹ Об А.Д. Уадльцове нам известна только одна обстоятельная работа, являющаяся разделом монографии [342, с. 373–401]. Жизни и трудам Я.Д. Козина посвятил две небольшие статьи В.Г. Ена [222; 223].

1949 г. о руководимой им теме «Славяне в Крыму» отмечалось: «Руководство темой со стороны А.Д. Удальцова пока не проявилось» [48, л. 80].

Я.Д. Козин (1896–1973) (Рис. 43) — полная противоположность: в 40 лет защитил диссертацию на степень кандидата геолого-минералогических наук, спустя еще 10 лет — докторскую. Автор сотен научных работ, вышедших из печати в 1920–1970-е гг. Более двадцати лет преподавал на кафедре физической географии КГПИ им. М.В. Фрунзе. Являлся одним из организаторов Малой Академии наук. При знакомстве с текстом автобиографии складывается образ глубоко идейного коммуниста, талантливого организатора (Приложение №32). Я.Д. Козин на страницах официальной документации предстает человеком, исключительно преданным интересам своего дела. Неоднократно он выступал против излишней самостоятельности археологов, не желавших, как ему казалось, признавать над собой авторитет академического центра. Показателен случай, произошедший в 1952 г., когда ИИМК планировал организацию новой археологической экспедиции на Таманском и Керченском полуостровах. Из Москвы запросили участие Крымского филиала. Абсолютное большинство крымских археологов поддержали эту инициативу. Другую позицию занял Я.Д. Козин, писавший на полях приглашения ИИМК: «П.Н. Шульцу. Я против такой постановки вопроса. В Крыму мы должны работать, а если ИИМК некуда ехать работать, то пусть они к нам присоединятся, а не мы к ним. 8 VI 52» [109, л. 13].

Внутреннее устройство и научный состав СИА восстанавливаются почти исключительно по неопубликованным источникам. В отчете за первый год деятельности приводилась следующая структура: группа истории, группа археологии, историко-археологический заповедник «Неаполь Скифский», историко-археологическая станция в Бахчисарае, Лаборатория археологической технологии, кабинет антропологии. Планировалось, но не удалось развернуть Херсонесский историко-археологический заповедник и Керченскую историко-археологическую станцию. Отмечалось, что в 1949 г. «жизненно необходимо» создание кабинета исторической географии [95, л. 2–3].

В настоящей диссертационной работе не станем подробно останавливаться на деятельности группы истории, которая заслуживает специального исследования. Отметим только некоторые моменты. На протяжении всего времени своего существования (1947–1956) группу истории возглавлял П.Н. Надинский (1894–1961) (Рис. 44). В настоящее время не существует его полноценной непредвзятой биографии, краткие сведения можно узнать в некрологе и небольших современных статьях [302; 365, 366], объемно, но излишне политизированно представляет его личность очерк [304]. Одни современники оценивали деятельность П.Н. Надинского как исключительный пример советского историка, выходца из крестьянско-пролетарской среды (Приложение №33). Другие в меньшей степени восхищались чересчур «ощутимой» фигурой П.Н. Надинского. В личном фонде руководителя группы истории сохранились десятки отзывов и замечаний к работам профессиональных историков и археологов. По содержанию их, безусловно, можно упрекнуть в излишней тенденциозности, но, как ни странно, лишь в редких случаях в незнании критикуемой темы. П.Н. Надинскому нельзя отказать в известной эрудированности. В то же время, полная убежденность в правоте своих позиций, а точнее мнения руководства коммунистической партии, заставляли его отодвигать в конец издательских планов такие безобидные работы как, например, «Опыт реконструкции оборонительных сооружений раннесредневекового городища Эски-Кермен» Е.В. Веймарна, которую П.Н. Надинский назвал «узко специальной» и «неактуальной», лишенной критики взглядов Н.И. Репникова³⁰ [60, л. 4]. Статья, подготовленная в 1949 г., увидела свет только в 1958 г. [196]. Археологи отвечали взаимностью, отрицательно рецензируя работы П.Н. Надинского. В то же время, следует отметить, что подготовленные им или под его руководством статьи и книги выходили из печати, в отличие от наработок группы археологии. Авторы отзывов о работе СИА отмечали, что именно группа истории ведет исследования и публикационную активность в течение всего года, в то

³⁰ По-видимому, П.Н. Надинскому не было известно, что ученик (Е.В. Веймарн) вряд ли станет открыто выступать против своего учителя (Н.И. Репникова).

время как большинство пунктов отчета археологов имели примечание «выйдут из печати в декабре» (Приложение №39). Возглавляемая П.Н. Надинским группа истории в 1949 г. состояла из 7 человек, среди них старший научный сотрудник, кандидат исторических наук А.И. Неделин, младшие научные сотрудники Э.И. Соломоник (в 1949 г. перешла в группу археологии), И.В. Новиков, Б.К. Карпеко, старший лаборант О.Я. Ковалева (занималась учетом и регистрацией памятников архитектуры), лаборанты Р.П. Лозовская (хранитель научного архива).

В 1947 г. научный состав группы археологии СИА мыслился П.Н. Шульцу достаточно представительным: более 20 штатных единиц (Приложение №34). Еще более масштабным археологический центр выглядел с учетом структурных подразделений в Симферополе, Севастополе, Бахчисарае и Керчи (Приложение №35). Однако планы разбивались о реалии позиций отдельных исследователей-кандидатов. Судя по всему, сразу отказались от приглашения на работу в Крым Т.М. Минаева и одна из участников Тавро-Скифской экспедиции 1945–1946 гг. Е.А. Болотникова. Несмотря на убедительные просьбы, не решился оставить берег Невы ради работы в Херсонесе А.Л. Якобсон. Не приходится удивляться, что ученые Москвы и Ленинграда не соглашались на отчасти авантюрный переезд в разрушенный войной Крым, где по сведениям самого П.Н. Шульца нельзя было рассчитывать даже на собственную жилплощадь. Трудности, с которыми пришлось столкнуться при наборе личного состава СИА, ярко отражают четыре обращения к Г.Д. Белову. Настойчивость П.Н. Шульца объяснима: в случае неудачного исхода этих переговоров, фактически не оставалось компетентных специалистов, кто мог бы возглавить Херсонесский историко-археологический заповедник, для включения которого в состав КНИБ уже было приложено немало усилий. Если в первом письме П.Н. Шульц лишь информировал Г.Д. Белова о прибытии в Крым Комиссии Президиума АН СССР, во втором конкретизировал свое намерение непременно устроить своего корреспондента во главе Херсонесского заповедника. В третьем письме П.Н. Шульц уточняет должность «директор Херсонесского историко-археологического заповедника», а в четвертом решается, видимо, на серьезный, по его мнению, аргумент: указывает

оклад (4000 руб.) (Приложение №36). К слову, Н.В. Анфимову, за руководство Керченской историко-археологической станцией СИА предлагалось только 2000 руб., с перспективой повышения до 3000 руб. П.Н. Шульц обещал также квартиру в Керчи, ежегодные двухмесячные командировки, такой же отпуск [83, л. 12–12 об.]. Эти заверения не подействовали, заведующего для станции в Керчи так и не удалось найти. Что же касается переговоров с Г.Д. Беловым, думается, что положительный исход в итоге решило письмо А.Д. Удальцова директору Эрмитажа И.А. Орбели, подчиненным которого в то время являлся Г.Д. Белов (Приложение №37).

Некоторых усилий потребовало устройство в СИА двух кандидатов, с личностями которых оказались тесно связаны несколько десятилетий истории крымской археологии – О.И. Домбровского и Е.В. Веймарна. Первый с 1945 г., а второй с 1946 г. являлись участниками Тавро-Скифской экспедиции. О.И. Домбровский вне экспедиционной работы учился в Институте им. Репина Академии Художеств. В 1947 г. его обучение заканчивалось, предстояло распределение. По просьбе П.Н. Шульца в Управление кадров Комитета по делам искусств при СМ СССР 8 мая 1948 г. было составлено письмо с подписью А.Д. Удальцова в котором отмечалось: «О.И. Домбровский в течение трех лет проходил производственную практику в Крыму в качестве художника Тавро-Скифской экспедиции Академии наук СССР, копировал и исследовал мозаики и стенные росписи Крыма, требующие дальнейшего изучения и консервации». Для продолжения этих работ дирекция КНИБ просила зачислить перспективного специалиста в штат СИА. Исход решился благополучно. Похожее письмо в мае 1948 г. поступило директору ГИМ А.С. Карповой в отношении Е.В. Веймарна. Предлагалось перевести археолога на основную работу заведующим Бахчисарайской научно-исследовательской станцией, что «...соответствует как его научным интересам, так и интересам ГИМа, поскольку дает перспективу для дополнения коллекций и экспозиций ГИМа материалами по истории и археологии Юго-Западного Крыма». Предполагалось, что, работая по совместительству, в зимние месяцы Е.В. Веймарн продолжит службу в Москве. Впрочем, руководству

Исторического музея такая идея не показалась привлекательной. Поначалу Е.В. Веймарну предоставили длительный отпуск. Но уже в августе 1948 г. ему пришлось оставить должность в ГИМ, перебравшись на следующие тридцать лет в Крым [83, л. 30–31, 34].

Сравнение итогового состава с проектом показывает, что в группу археологии СИА удалось устроить чуть больше половины от числа специалистов, планировавшихся первоначально (Рис. 48). Единственным доктором наук, хотя и медицинских, в составе сектора являлся В.В. Бобин (Рис. 45), заведовавший кабинетом антропологии в 1948–1949 гг. С 1949 г. помощь в работе кабинета оказывала младший научный сотрудник К.Ф. Соколова. Кандидатами наук были П.Н. Шульц (заведующий), Г.Д. Белов (директор Херсонесского историко-археологического заповедника), Е.В. Веймарн (Рис. 46) (заведующий Бахчисарайской историко-археологической станцией) и Э.И. Соломоник (старший научный сотрудник группы археологии с 1949 г.). Кандидат географических наук И.И. Бабков в 1948–1949 гг. работал в должности старшего научного сотрудника так и не открывшейся Керченской станции. Не имели ученой степени В.П. Бабенчиков (младший научный сотрудник группы археологии) О.И. Домбровский (Рис. 47) (возглавивший лабораторию археологической технологии) и в 1948 г. реставратор-архитектор А.П. Припусков. Старшими лаборантами стали Т.Н. Троицкая, лаборантами — С.К. Себекин (чертежник), Н.П. Кацур (чертежник), М.Е. Кац (фотограф). В качестве опытного фотографа, специалиста в области микросъемки для работы в кабинете антропологии В.В. Бобин привлек В.В. Лисовского. Первоначально на должность фотографа СИА П.Н. Шульц предполагал принять П.А. Шохина, но против его кандидатуры выступил Я.Д. Козин: «... я познакомился с Павликом Шохиним — очень милым мальчиком, и очень удивился, что Вы его, не имеющего никакой специальной подготовки: ни в области фотографии, ни в области черчения выдвигаете на должность мл. лаборанта/фотографии, ведь это фотограф любитель, а не профессионал» [Там же. Л 33]. Но несмотря на этот случай, П.А. Шохин поступил на работу в СИА

лаборантом в 1949 г. Завхозом заповедника «Неаполь Скифский» был принят известный в будущем крымский археолог М.А. Фронджуло [95, л. 3–4].

Одним из вспомогательных подразделений являлась лаборатория археологической технологии. В отчете о ее деятельности в 1949 г. говорилось: «...помимо научно-исследовательской, работы велась по линии научно-производственного обслуживания всей тематики сектора, как в камеральный, так и в полевой период <...> сотрудниками лаборатории производились полевые обмеры и фотоснимки архитектурных и археологических объектов» [48, л. 33]. В рамках полевой работы сотрудниками лаборатории П.А. Шохиним, С.К. Себекиным и М.Е. Кацем под руководством О.И. Домбровского производились консервационные работы на Неаполе Скифском. Кроме того, в «камеральный период» в лаборатории проводилось чистовое вычерчивание полевых обмеров, реставрировалась археологическая керамика и изделия из других материалов. С 1949 г. наладилась практика выполнения муляжей и дубликатов для экспонирования в крымских музеях [48, л. 33 об.]. Лишь из-за недостатка необходимого оборудования в отчетном году сотрудникам лаборатории не удалось завершить подготовку теоретической работы «Разработка методов консервации и реставрации историко-археологических памятников Крыма» [48, л. 72].

Почти одновременно с сектором возник архив, в котором собирались все материалы научно-исследовательской и организационной документации. 28 февраля 1948 г. состоялось рабочее совещание сотрудников СИА, на котором Е.В. Веймарн сообщил «Информацию об учете всего научного хозяйства сектора». Докладчик предложил принять в текущей работе сектора следующие формы учета: «а) опись дел сектора; б) инвентарная книга учета научной продукции; в) инвентарная книга фотоснимков; г) инвентарная книга графики; д) полевые описи». Ведение «текущих дел сектора, описи всех дел и папки актов выдачи научной и археологической продукции» поручили лаборанту О.Я. Ковалевой, а «инвентарной книги и хранение научного архива сектора» — лаборанту Р.П. Лозовской. Учет и комплектация графических материалов (рисунков, чертежей,

обмеров и карт) становились обязанностью младшего научного сотрудника С.К. Себекина [149, л. 5–8]. Таким образом, уже в первый месяц деятельности только созданного академического центра археологов Крыма были установлены принципы формирования документальной коллекции — основы существующего ныне научного архива Института археологии Крыма РАН³¹.

В таком составе группа археологии СИА в 1948 г. приступила к научно-исследовательской работе, включавшей экспедиционную и публикационную составляющие. Обращение к плановой документации показывает, что оба направления были явно перегружены. Лишь перечислим основные векторы деятельности, связанной с подготовкой научных публикаций. Тематический план СИА в 1948–1950 гг. состоял из трех проблем, две из которых выполняли археологи. В рамках первой «Аборигенное население Крыма в древности» разрабатывалось пять тем: «Киммерийцы и тавры в Крыму» (руководитель и исполнитель П.Н. Шульц), «Скифы в Крыму» (руководитель П.Н. Шульц, исполнители Э.И. Соломоник и В.П. Бабенчиков), «Славяне в Крыму» (руководитель А.Д. Удальцов, исполнитель В.П. Бабенчиков), «Исследование древнего и средневекового населения Крыма в антропологическом отношении» (руководитель В.В. Бобин, исполнитель К.Ф. Соколова), «Аборигенные культуры Юго-Западного Крыма в эпоху раннего средневековья» (руководитель и исполнитель Е.В. Веймарн). Проблема №2 «Античные и средневековые города Крыма» включала темы «Некрополь античного Херсонеса» (руководитель и исполнитель Г.Д. Белов) и «Фортификационные сооружения эпохи средневековья в Юго-Западном Крыму» (руководитель и исполнитель Е.В. Веймарн). Нетрудно заметить главную причину задержек в осуществлении исследовательского плана: руководителем и исполнителем конкретной темы, а иногда и нескольких, был один сотрудник. Представляется, что значительно большей продуктивности удалось бы добиться, если бы работа археологов фокусировалась на меньшем числе более конкретных аспектов. Если в отзывах о первых годах работы СИА

³¹ Подробнее об истории формирования коллекции архива: 352.

внешние специалисты высоко оценивали многозадачность и разнонаправленность исследований, то впоследствии, когда многие наработки археологов не находили отражения в печати, а окончание ряда изданий переносилось из года в год, стали называть масштабность — гигантоманией, всеохватность — распылением внимания [105, л. 118–119].

В 1948–1950 гг. СИА провел ряд успешных археологических экспедиций. Даже тезисное описание проведенных работ позволяет составить впечатление о масштабности исследовательских предприятий. Тавро-Скифская экспедиция, работала совместно с ИИМК АН СССР, ГМИИ и ЦКМК, включала несколько отрядов. Симферопольский (руководители А.Н. Карасев, П.Н. Шульц) вёл раскопки городища и некрополей Неаполя Скифского. Доследованию подверглись мавзолей и пространство у центральных ворот. На некрополе открыты грунтовые погребения и склепы, скорченные погребения, атрибутированные как таврские. У подножия городища выявлена стоянка «киммерийской эпохи», получившая в литературе название Симферопольского поселения. Продолжились, начатые в первые послевоенные годы, разведки скифских памятников в окрестностях Симферополя и Белогорска (открыты городища: Брусилово, Подгорное, Дальние Камышлы). Горный Бахчисарайский отряд (руководитель Е.В. Веймарн) обнаружил несколько скифских городищ и селищ (на горе Чабовского, Альма-Кермен и др.), а также «таврское убежище» на горе Басман в 1948 г. Совместно с МПГК проводились работы по исследованию Сюйреньского укрепления, топосъемке в связи с реставрацией башни. Впервые после войны проводилось изучение стен Мангуп-Кале, таврских укрепленных убежищ и святилища (Кызык-Кулак-Кая), городища Кермен на р. Бодрак, укрепленного убежища (таврского и средневекового периодов) и каменных ящиков на г. Кошка, каменных ящиков близ Симеиза и в районе «Чёртовой лестницы». Евпаторийский отряд (руководитель М.А. Наливкина) вёл раскопки Черноморского городища (Калос-Лимен), Керкинитиды (1948, 1950, 1952), скифского кургана IV в. до н.э. (1948) и античного поселения близ санатория «Чайка» (1950). Судакский отряд (руководитель И.В. Пятышева) обследовал

поселения эпохи бронзы и средневековое Коктебельское городище (на горе Тепсень) в пос. Планерское. Здесь была выявлена керамика, внешне напоминавшая славянскую [105, л. 10–13].

Коктебельский (славяно–русский) отряд (руководитель В.П. Бабенчиков) проводил раскопки городища Тепсень в пос. Планерское (быв. Коктебель). Обнаружен ряд жилых каменных зданий, в одном из которых находилась «печь русского типа», а керамика «носит славянский характер». На основании черепицы городище датировано VIII–XII в. Произведена инструментальная съёмка. Обнаружен большой трехапсидный храм IX–X вв. н.э. По мнению автора раскопок здесь находился один из центров Крыма в период непосредственно предшествующий возникновению Тмутараканского княжества (1950). Феодосийский отряд (руководитель И.И. Бабков) провёл разведки на территории между Феодосией и Арабатской стрелкой, опровергнув мнение о расположении здесь т.н. Асандрова вала. Ялтинский отряд (руководитель П.Н. Шульц, 1950 г.) производил раскопки таврского укрепленного убежища и могильника на г. Кошка. Были установлены, как полагал руководитель этих работ, два периода таврской фортификации (последних вв. до н.э. – первых веков н.э.), при этом нижние слои относились к кизил-кобинской культуре, названной раннетаврской. Близ Гаспры на таврском могильнике открыт каменный ящик с росписью красной охрой. Алуштинский отряд (руководитель Н.В. Пятышева, а затем Е.В. Веймарн, 1950 г.) исследовал на территории города средневековую церковь X–XII вв. и плитовый могильник. В одной из гробниц были обнаружены ювелирные изделия золотоордынского времени [105, л. 13–14].

Инкерманская экспедиция (руководитель Е.В. Веймарн, 1948 и 1950 гг.), совместная с МПГК, вела раскопки на участках, оказавшихся под угрозой разрушения в период строительства. В работах участвовали В.П. Бабенчиков, С.Ф. Стржелецкий и Х.И. Крис. Исследовался Инкерманский могильник III–IV вв. В одной из могил была найдена миска черняховской культуры. Выявлено большое таврское поселение (кизил-кобинской культуры) (1948). Изучался Чернореченский могильник II–IV вв., на территории которого обнаружены кроме

ингумаций, кремационные захоронения. Изыскания проводились в крепости Каламита (Инкерман), ограниченные раскопки связываемого с ней некрополя. Установлено, что наиболее древние оборонительные сооружения крепости могут быть датированы ок. VI в. (1950). Производились раскопки могильника IV–VIII вв. н.э. у высоты «Сахарная Головка». На этой же территории также исследовались остатки раннетаврского поселения VIII–VI вв. до н.э. Херсонесская экспедиция (1948, 1949 руководитель Г.Д. Белов), совместная с Херсонесским музеем и Государственным Эрмитажем. В ней участвовали А.Л. Якобсон и А.В. Банк. Исследовались античные и средневековые горизонты города и городской некрополь V–IV вв. до н.э. (1948–1949) [105, л. 15–16].

Ежегодным направлением работы СИА стала консультационная помощь культурно-просветительным и научным учреждениям. В основном такая деятельность была связана с научным шефством над краеведческими и историко-археологическими музеями. Так, в 1948 г. Е.В. Веймарн принял участие в переустройстве основной экспозиции Музея пещерных городов в Бахчисарае, П.Н. Шульц стал одним из организаторов выставки археологических исследований в Евпаторийском и Черноморском районах в 1918–1948 гг. в Евпаторийском музее. В.П. Бабенчиков содействовал работе Комиссии по переименованию железнодорожных станций, рек, озер, урочищ, населенных пунктов, созданной решением Крымского Облисполкома от 22 сентября 1948 г. Сотрудники СИА провели археологические обследования на территории Крымского государственного заповедника, руководство которого выразило заинтересованность в выявлении и изучении памятников в природоохранной зоне. В течение 1948–1950-х гг. СИА оказывал консультации работникам Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, Областному лекторскому бюро, лекторской группе ВЛКСМ по циклу «Родной Край», наконец, сами сотрудники сектора выступали с открытыми лекциями [48, л. 18, 22, 24].

Перейдем к характеристике сделанного сотрудниками группы археологии СИА в 1948–1950-е гг. Следует вначале отметить, что представления о приоритетах в работе отличались в группе археологии СИА и в руководстве

КНИБ. По-видимому, первые видели главную задачу в проведении собственно полевых исследований и накоплении источникового материала, в то время как вторые вполне обоснованно считали важнейшим, видимым результатом выход научных публикаций. Но издательскую работу так и не удалось наладить. Фактически, за время существования СИА/ОИА (1948–1956 гг.) из печати не вышел ни один том трудов археологов. Еще в 1948 гг. предметно обсуждались планы напечатания Трудов сессий по истории Крыма, протоколов ученых заседаний СИА, сборники работ историков и археологов [84, л. 8–12, 21]. Но продолжавшиеся целый год обсуждения ни к чему не привели. В ноябре 1949 г. на совещании Редколлегии Трудов отмечалось, что полностью готовы к изданию 14 работ, еще 10 — ожидалось [84, л. 89–90]. Рукописи тщательно отбирались, некоторым авторам отказывали. Так случилось, к примеру, со статьей А.Л. Якобсона «Корсунь и Киевская Русь» в связи с принципиальным несогласием редколлегии допустить в печать положения, противоречившие концепции о позитивном значении похода князя Владимира в Корсунь и критическими отзывами Е.В. Веймарна и В.П. Бабенчикова. Работа И.Н. Медведевой «Вопросы истории Крыма у Пушкина» по словам рецензента О.Я. Ковалевой казалась «перегруженной историческими справками» и требовала сокращения [84, л. 84–86]. Накопившиеся в портфеле Трудов работы сотрудников СИА вновь подготовили к передаче в издательство в 1951 г. В аннотации П.Н. Шульц отмечал: «...войдет 21 статья; общий объем 20 п.л.. В статьях подводится итог археологических исследований в Крыму за 1950 г., а также за 1-ю пятилетку» [84, л. 16]. Сохранилось «Заключение о тематическом плане изданий сектора истории и археологии...», в котором дифференцированы «Труды сессий по истории Крыма», в которых планировалось объединить публикации археологических материалов раскопок 1945–1948 гг. и «Труды сессии Крымского филиала АН и музеев Крыма, посвященные итогам археологических исследований в Крыму в 1950 г.» [84, л. 19]. Все это время планировалось издание «Очерков по истории Крыма» П.Н. Надинского. Исследовательские работы сотрудников СИА полагалось рецензировать в ведущих научных организациях.

В выступлении на заседании Ученого совета КФ АН СССР 6 февраля 1951 г. П.Н. Шульц уделил значительное внимание проблеме издания работ всего филиала. Говорилось сначала о материалах СИА/ОИА: «...сданные нами 36 печатных листов трудов сессии по истории Крыма “замаринованы” Ученым советом Института истории материальной культуры АН СССР, которому поручено рецензирование “Трудов” для дальнейшей передачи их для публикации в Издательстве АН СССР». Подчеркивалось, что в 1950–1951 гг. готовились еще около 30 печатных листов статей и 8 печатных листов «Очерков по истории Крыма» П.Н. Надинского. П.Н. Шульц пытался убедить собравшихся в необходимости создания при филиале собственного издательского аппарата: «Еще раз сигнализирую: наличие хотя бы одного редакционно-издательского работника в аппарате филиала, обладающего необходимой энергией и способностью “прижать” как автора, так и рецензента, и добиться своевременной сдачи и публикации работы — нужно филиалу как хлеб». Заведующий СИА предлагал обратиться к стороннему опыту: «Еще раз напоминаю опыт Института истории материальной культуры. Там в течение 10 лет издание трудов не двигалось с места. Но как только Институт нашел добросовестного издательского работника — дело пошло. ИИМК за последние годы напечатал работ свыше, чем на 300 п. листов» [105, л. 119–120]. Из КФ 10 марта 1951 г. А.Д. Удальцову направили письмо, предлагая, все же ответить на просьбу рецензировать сборник трудов материалов Сессий, отправленную в 1950 г. в МО ИИМК как головной археологический институт. 13 марта 1951 г. похожее по содержанию обращение послали академику Б.Д. Грекову [105, л. 39–40] Трудно сказать, ускорили ли эти обращения продвижению дела, или наоборот только замедлили его.

Только 10 ноября 1951 г. в ОИА получили отзыв А.П. Смирнова, а в январе 1952 г. — рецензию В.Ф. Гайдукевича. Эти критические обзоры существенно отличались по характеру. Но оба стали причиной очередного промедления в напечатании трудов СИА/ОИА. Бóльшая группа замечаний А.П. Смирнова к предложенным «Трудам...» стала результатом досадной невнимательности сотрудников СИА. Дело в том, что в руках рецензентов оказались версии

рукописей статей, написанные в 1948–1949 гг., то есть до начала кампании борьбы с космополитизмом, выходом работы И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», обратившей марризм в число лженаучных учений, и другими изменениями в установках историописания, появившихся в короткий промежуток времени 1950–1951 гг. В связи с этим, вполне закономерна критика А.П. Смирнова в адрес работы Е.В. Веймарна «Опыт реконструкции оборонительных сооружений Эски-Кермена», в которой положительно оценивались положения статьи В.И. Равдоникаса «Пещерные города Крыма и готская проблема»: «Нет никаких оснований называть эту глубоко порочную работу “интересной” и “интереснейшей”» — заключил рецензент. При этом фактическая часть исследования Е.В. Веймарна признавалась интересной, хорошо обоснованной и во многом новой. Так же оценивалась вторая статья этого же автора о результатах раскопок Инкерманского могильника. Про работу С.А. Секиринского говорилось, что она «хотя и не вносит ничего нового в наши знания по истории Сурожа», заслуживает опубликования как проблемная. Совершенно недопустимой А.П. Смирнов посчитал «слабую» и «не аргументированную» статью В.П. Бабенчикова «Славяне в Крыму». Особенно ценными автор рецензии посчитал работы П.Н. Шульца, В.Ф. Гайдукевича, Х.И. Крис и С.Н. Бибикова, посвященные публикации результатов археологических исследований [85, л. 84–92].

Чрезвычайно скрупулезно подошел к рассмотрению «Трудов...» В.Ф. Гайдукевич. Его профессиональные замечания коснулись исключительно фактического содержания рецензированных исследований. Если к статье Г.Д. Белова «Эллинистическая мозаика в Херсонесе» пожеланий не было, кроме рекомендации сопроводить публикацию цветным изображением памятника, то, к примеру, статья Н.В. Пятышевой «Скифы и Херсонес» подверглась подробному разбору. Эту работу В.Ф. Гайдукевич признал «свежей», наполненной тщательно подобранным археологическим материалом. Весьма спорным рецензенту представлялась трактовка отдельных эпиграфических источников, в частности, вывод об этническом составе Херсонеса, сделанный с учетом упоминания в некоторых надписях собственного имени Скиф. Некоторые положения показались

совершенно не аргументированными: «... указание на экспансию Херсонеса в северо-западный Крым, якобы осуществлялось “с помощью союза с таврами”. Что дало основание прийти к такому заключению — неизвестно». В.Ф. Гайдукевич, прекрасно разбиравшийся в материале, указал на некоторую небрежность в использовании источников, так, Н.В. Пятышевой обосновывался тезис об экономическом упадке Херсонеса на основании надписи IOSPE, IV, 68. Но внимательный рецензент усмотрел мелочь, за которой скрывалась глобальная ошибка. Отмечалось, что речь идет о надписи, имеющей другую ссылку: IOSPE, I², 355, а она относится не к рубежу I – II вв. н.э., как полагала автор, а к концу времени правления императора Тиберия. В.Ф. Гайдукевич предлагал: «... нужно доказать, почему автор считает возможным датировать херсонесскую надпись IPE I² 355 иначе, чем это делали другие и притом достаточно авторитетные ученые. Без этого все построения автора в данном случае представляются неубедительными». Подобным образом рецензент уделил пристальное внимание другим предложенным статьям, многие из которых он признал желательными к опубликованию только после существенной доработки с участием автора. В целом отмечалась необходимость приведения в порядок и унификации научного аппарата. И только после внесения изменений издание «явится существенным вкладом в изучение истории культуры Северного Причерноморья» [85, л. 94–104]. Это «явление» случилось только спустя еще пять лет в сборниках «История и археология древнего Крыма» (1957) и «История и археология средневекового Крыма» (1958), в которых, наконец, были напечатаны статьи, намечавшиеся в «Трудах...». На титульных листах этих изданий указывалась аффилиация «Крымский филиал Академии наук УССР», хотя такое учреждение к тому времени уже прекратило свое существование.

В текстах отзывов о научно-исследовательской работе СИА, составленных внешними специалистами немного неожиданного (Приложение №38). Главным образом, ими отмечались успехи академического центра, и лишь в малой степени недостатки. Как уже говорилось, А.П. Смирнов в отзыве 1949 г. обращал внимание на сезонность публикационной активности группы археологии. В 1950

г. научный сотрудник Института истории АН СССР А.И. Баранович, в целом высоко оценивший работу крымских археологов, все же выразил недоумение, что сектор «имеет только переходящие темы», а запланированные точки отчетности попросту отсутствовали [105, л. 117]. Информативнее материалы внутренних проверок. В 1949 г. для анализа выполнения плана работы СИА из сотрудников КФ АН СССР была образована комиссия в составе кандидатов биологических наук П.К. Шкварникова и Ю.В. Аверина, зам. председателя Президиума филиала по админхозчасти А.Л. Михайловского, младших научных сотрудников Е.Я. Киселевой и А.И. Червочинской. Проанализировав комплекс подготовленных за год материалов, и пообщавшись с каждым сотрудником сектора по-отдельности, Комиссия нашла немало положительного в его работе: посчитала ее содержание и методологические установки в целом правильными, связанными, главным образом, с выяснением влияния древних народов на формирование восточных славян. В связи с последним, важным достижением отмечалось первое обоснование хронологии и ареала кизил-кобинской культуры, опровержение прежних взглядов о монгольском происхождении скифов, а также антропологические анализы материала древнего и средневекового Крыма, выводы которых коренным образом отличались от результатов американских и германских антропологов 1920–1930-х гг. [105, л. 69–70].

В то же время, констатировалось, что, несмотря на заявленные к сдаче до 31 декабря 1949 г. работы В.В. Бобина «Изучение древнего и средневекового населения в антропологическом отношении» и А.П. Припускова «Фортификационные сооружения эпохи средневековья в Юго-Западном Крыму», согласно переговорам с авторами, представлены не будут. Негативные моменты отчета Комиссии, главным образом, были связаны с проявлениями одновременной работы ряда сотрудников СИА в других научных учреждениях. Под предлогом задержки выполнения темы «Некрополь античного Херсонеса» особой критике Комиссия подвергла работу Г.Д. Белова, по мнению проверявших, оторванного от всего коллектива сектора. Напечатанные публикации исследователя признавались не лишенными методологических недостатков,

«известного душка объективизма». В отчете Комиссии подчеркивалось: «Единственным основанием надеяться на выполнение ее [темы Г.Д. Белова] в срок — является только обещание Белова, данное им Зав.сектором. Но кроме этих обещаний никаких иных данных к этому в секторе нет» [105, л. 71]. В 1950 г. Г.Д. Белов был уволен. Официальной причиной называлась невозможность совместительства в КФ и Государственном Эрмитаже. Документы свидетельствуют о том, что неприемлемость такой ситуации виделась только руководству Крымского филиала. П.Н. Шульц в начале 1951 г. негодовал: «Директор Гос. Эрмитажа дал на это [совместительство] разрешение. Я был в Москве. Если бы мне сказали, что нужна виза на разрешении И.А. Орбели от Комитета по делам искусств при СМ СССР, я бы там ее очень быстро получил <...> Об этой пустяковой, чисто формальной недоделке я узнал лишь после отчисления Г.Д. Белова, которое было для меня как руководителя сектора полной неожиданностью. Полагаю, что принцип коллегиальности в работе Филиала требует, чтобы зачисление и отчисление сотрудника сектора согласовывалось с его руководителем. В результате мы потеряли Г.Д. Белова, крупнейшего специалиста, и потеряли нужную для сектора тему “Корсунь – Херсонес”. Хуже всего то, что с отчислением Г.Д. Белова куда-то исчезла и его ставка...» [105, л. 121].

Существенные замечания вызвали случаи оказания помощи сотрудниками СИА другим учреждениям. «...эта работа отнимает столько времени (Веймарн, Надинский и др.), что она наносит уже серьезный вред выполнению плановой научно-исследовательской работы. По заявлению П.Н. Надинского, эта работа занимает у него 50% времени». По мнению Комиссии, Е.В. Веймарну не следовало тратить чрезмерно большое количество времени на подготовку нового экспозиционного плана для МПГК. Неприемлемым признавалось включение в отчет 1949 г. завершения оформления результатов исследований Тавро-Скифской экспедиции, «которая проводилась ряд лет тому назад, когда не существовал еще Филиал АН СССР, и фактически к деятельности Филиала не относящаяся» [48, л. 69–71]. Чиновники Крымского филиала в очередной раз проявили исключительно

ревностное отношение к предприятию, организаторами которого выступали центральные научные учреждения (ИИМК, ГМИИ, ГИМ). Эта обостренная стремление к самостоятельности, как уже говорилось и будет показано ниже, присущее руководству филиала, иногда становилась основой неконструктивных ситуаций в работе археологов. Главная причина жесткой политики отмежевания своей работы от деятельности столичных институций была, как представляется, вполне практичной. Крымскому филиалу для продолжения существования приходилось подтверждать собственную значимость и полноценность.

Комиссия 1949 г. отмечала такие недостатки как отсутствие правильной организации содержания материалов антропологического кабинета «череп людей хранятся в недопустимых условиях, открыто», необорудованность лаборатории археологической технологии «недостает шкафов, нет водопровода, не хватает инструментов», очевидная недостаточность помещений для камеральной работы СИА [48, л. 74]. В связи с последним уже в 1951 г. П.Н. Шульц отмечал: «В работе нашего сектора есть еще одно узкое место — помещение. В секторе сейчас наводится строгий режим в смысле своевременного прихода и присутствия сотрудников на работе. Но когда в одной комнате работает значительное число сотрудников, клеятся черепа, разбираются черепки и происходит прием посетителей, а здесь же идет работа сотрудников над научной тематикой — создается невыносимая обстановка. Трудно писать научные труды в таком “муравейнике”, в такой толчее, заткнутой в одну комнату» [105, л. 120].

Проблемой, которая не зависела от воли руководства СИА и КНИБ/КФ, являлось недостаточное финансирование со стороны АН СССР. В 1949 г. реальный бюджет всего Крымского филиала составлял лишь 1/10 от запланированных расходов на год. В отчете Комиссии 1949 г. указывалось, что особенно недостаточно финансирование полевых исследований археологов. Так, наибольшие статьи расходов Тавро-Скифской экспедиции в этом году покрывали ассигнования ИИМК и ГМИИ. По данным П.Н. Шульца в 1948–1950 гг. СИА израсходовал 1387000 рублей. «Сумма большая» отмечал заведующий, но не приводил конкретных расчетов [105, л. 118]. Из этой суммы необходимо вычесть

30% накладных расходов. Из получившихся 970900 руб. на заработную плату сотрудников, число которых в 1948–1950-е гг., судя по количеству индивидуальных планов, составляло около 18 человек, при минимальном расчете в среднем 12000 руб. в год на работника, за три года приходилось 648000 руб. Значит, на мероприятия по оборудованию помещений сектора, материалы и инструменты, оснащение экспедиций, подготовку печатной продукции оставалось по 107600 руб. в год. Эта сумма для планировавшихся СИА весьма масштабных мероприятий уже едва ли может оцениваться как большая, скорее как очень скромная.

Подобно живому организму СИА имел заложенную программу бурного развития, но ее алгоритм оказался не до конца продуманным, содержащим переоценку реальных возможностей, объективных условий эпохи, которые трудно назвать благоприятными. Деятельный исследовательский центр, умещавший в помещении одной комнаты с большим трудом набранный научный штат, на этапе первых лет существования очень напоминает КИАИ, обсуждению непростых обстоятельств организации которого, уделено внимание во второй главе настоящей работы. Впрочем, нетрудно заметить ряд отличий. Прежде всего, внутри СИА в сжатые сроки удалось создать структуру подразделений: помимо групп истории и археологии, начали функционировать база на Неаполе Скифском и станция в Бахчисарае, лаборатория археологической технологии и кабинет антропологии, стала формироваться коллекция архива. Сразу после открытия были приняты обязательные формы индивидуального и коллективного планирования и отчетности о научно-исследовательской работе. Результативность труда СИА в 1948–1950 гг. можно охарактеризовать как неравномерную. Достижения группы археологии в большей мере оказались связаны с итогами полевых исследований, но совершенно недостаточной признавалась публикационная активность: готовились по преимуществу рукописи, которые в большинстве не выходили из печати. Эта фундаментальная проблема сохранялась и в последующие годы, как это будет показано ниже.

4.2. Памятникоохранная деятельность Сектора/Отдела истории и археологии

Положение в деле охраны крымских памятников в первые послевоенные годы можно назвать критическим. В полной мере это ощутили участники Тавро-Скифской экспедиции, проводившие исследования в 1945 г. Одна из наиболее значимых находок археологов, керамическая печь на городище Кермен-Кыр, едва не была утрачена для науки. Об этом имеется запись в дневнике П.Н. Шульца от 17 сентября 1945 г: «Серый день. Временами накрапывает дождь. Рабочие не пришли <...> Пришел на Сарайлы-Киятское городище. На квадрате №1 увидел, что керамическая печь, расчищенная О.И. Домбровским, за воскресный день разрушена гулявшей здесь молодежью. Центральный столб печи повален на землю, свод поломан. Куски свода валяются тут же. С О.И. Домбровским решили собрать куски печи и доставить их в Москву для реконструкции...» [52, л. 157] (Рис. 49).

В последние дни раскопочной кампании 1945 г. П.Н. Шульц выступил на радио с призывом: «Практику порчи и разрушений древнего скифского города, гордости Симферополя и его жителей, в настоящее время необходимо прекратить. Комсомольские организации, учителя школ должны вразумить отдельных ребят, которым подчас доставляет удовольствие разрушение древних зданий, обнаруженных долгим упорным трудом археологов. Руководящие организации города Симферополя и общественность несомненно помогут обеспечить охрану Неаполиса и городища Кермен-Кыр близ совхоза «Красное». Оба памятника необходимо превратить в заповедники» [142, л. 5]. Как можно убедиться, начальник Тавро-Скифской экспедиции не сгушал краски, когда говорил о прецедентах намеренного уничтожения памятников. Но для изменения сложившегося положения одних призывов было недостаточно, требовались фундаментальные изменения и появление компетентного памятникоохранного органа.

В работе созданного в 1947 г. академического центра археологии в Крыму забота о сохранении и спасении объектов историко-культурного наследия стала

одним из ключевых направлений. В контексте настоящей работы рассмотрение этого аспекта на конкретных примерах представляется необходимым для сравнения с ситуацией в аналогичной области в последнее предвоенное десятилетие. Появление во второй половине 1940-х гг. нового субъекта в системе крымской памятникоохранительной службы было не первым и не единственным позитивным явлением. Следует помнить, что в это же время принимается ряд всесоюзных и региональных законодательных решений. 22 мая 1947 г. СНК СССР издал Постановление №389 «Об охране памятников архитектуры». Этим документом вносилось важное изменение: если до войны контроль за состоянием, использованием и сохранением памятников прошлого находился в компетенции органов Наркомпроса, отныне такими функциями наделялись Управление по делам архитектуры при Совете Министров РСФСР, а также органы исполнительной власти: областные, краевые исполкомы, горисполкомы городов республиканского (РСФСР) подчинения и Советы Министров автономных республик.

Определенным достижением стала четкая регламентация правил пользования памятников историко-культурного наследия, для большинства из которых предполагался только формат музейного экспонирования. В случае попадания объекта, признанного памятником, во владение какого-либо учреждения, последнее обязывалось заключить с УДА специальное соглашение, предполагавшее несение ответственности в случае нанесения ущерба [17, с. 564–566]. В «Список памятников архитектуры, подлежащих государственной охране на территории РСФСР (кроме Москвы и Ленинграда)», приложенному к постановлению СНК, включались следующие крымские объекты: Ханский дворец Бахчисарая с садами и кладбищем, ансамбль Ханская мечеть (Хан-Джами), Эски-Дюрбе, Хамам Сары-Гюзель, ансамбль пещерного города Чуфут-Кале, Генуэзская крепость в Судак, античные гробницы в Керчи, храм Иоанна Предтечи в Керчи, остатки городища и храмов в Херсонесе [17, с. 574]. Охрана остальных памятников прошлого на полуострове поручалась областным органам исполнительной власти.

В соответствии с вышеупомянутым Постановлением СНК РСФСР Крымский Облисполком 23 января 1948 г. принял свое Решение, в котором имелись собственные конструктивные инициативы. Это ощущается уже в измененном в соответствии с региональной спецификой названием юридического акта: «Об охране памятников архитектуры и исторических памятников Крыма». Предлагалось просить СМ РСФСР о включении в государственные архитектурно-археологические заповедники «территорий, на которых расположены памятники в Инкермане и Феодосии, с ограничением этих территорий и закреплением: Инкерманского заповедника за Музеем Пещерных городов Крыма, заповедника на территории Карантина в г. Феодосия за Феодосийским краеведческим музеем». В указанных музеях предусматривалось выделение штатных должностей сторожей. Кроме этого, планировалось создание специальной, весьма представительной комиссии (в составе: зам. председателя Облисполкома тов. М. Аверьяновой (председатель), начальника политуправления ТВО, генерала И.С. Калядина, начальника Военно-Морского музея Черноморского флота, майора П.П. Болгари, начальника областного отдела УДА В.Н. Чернышева, и.о. начальника отдела охраны памятников областного отдела УДА О.В. Ковалевой, главного архитектора г. Севастополя Ю.А. Траутмана, главного архитектора г. Феодосии И.И. Владыкина, начальника Областного отдела культпросветучреждений М.М. Максименко (Рис. 51), начальника Областного отдела УДИ П.А. Дегтярева, от областного комитета Союза Рабис Колесниковой, директора Картинной галереи И.К. Айвазовского Н.С. Барсамова, директора Херсонесского музея И.Д. Максименко, директора Керченского музея В.И. Юдина, директора «Дворца в Бахчисараев» М.Г. Кустовой, директора МПГК Э.А. Дубинской, научного сотрудника ЦКМК В.П. Бабенчикова, от Крымского отдела Всероссийского общества охраны природы Студенкова, от КОВГО Н.А. Троицкого, уполномоченного КНИБ П.Н. Шульца), которой поручалось определить номенклатуру памятников Крыма, составить списки исторических и архитектурных памятников, подлежащих охране, разработать план мероприятий по охране, учету и популяризации памятников истории и архитектуры [89, л. 2, 4].

В результате работы комиссии был подготовлен и направлен в Москву перечень объектов архитектуры и истории, нуждающихся в должном наблюдении. 22 мая 1948 г. СМ РСФСР принял постановление, уточняющие списки памятников на территории РСФСР, подлежащих государственной охране. Обновленный перечень пополнился почти шестью десятками крымских наименований. Этим же постановлением утверждалось предложение о включении памятников Инкермана и Феодосии в зоны архитектурно-археологических заповедников [274, с. 82].

Тем не менее, достижения терялись на фоне громадного комплекса проблем, скопившегося в предшествующие десятилетия. Развернутую характеристику состояния памятникоохранного дела в Крыму представила в докладе³² на специальном совещании по вопросам сохранения культурного наследия Крыма 10 июня 1948 г. начальник отдела охраны памятников при областном отделе УДА О.Я. Ковалева. Инициатором собрания стал Крымский Облисполком. О.Я. Ковалева в начале доклада констатировала плачевное состояние многих памятников, пострадавших во время оккупации и в результате боевых действий на территории Крыма в 1941–1944 гг. [274, с. 83]. Несмотря на качественные изменения в законодательных основах памятникоохранной работы, выполнение нововведений во многих городах и районах Крыма оставалось чрезвычайно недостаточным. Никак не удавалось найти решения для следующей проблемы: за пределами круга внимания субъектов памятникоохранной службы оставались археологические памятники. В докладе О.Я. Ковалевой в этом отношении говорилось: «Из случайных источников становится известно, что тех или других памятников уже не существует. Археологическими разведками установлено, что некоторые древние сооружения разобраны на строительный материал (античные сооружения в Ак-Мечети³³, скифские в “Залесье”, на Кастели и др. местах» [274, с. 96]. На совещании не высказывались принципиально новые соображения о том, как обеспечить безопасность, планомерный учет и

³² Текст доклада опубликован полностью [274, с. 83–100]. Сведения и отдельные цитаты приводятся нами по этой публикации.

³³ Ныне — пгт. Черноморское.

неотъемлемое изучение многочисленных объектов археологического наследия Крыма. Вновь предлагалось обязать музеи заниматься этой работой. Одним из ключевых условий называлось укрепление материальной базы музеев за счет областного и районных исполкомов [274, с. 99–100]. Впрочем, даже такие инициативы, не говоря о каких-либо фундаментальных изменениях, не были ни в компетенции, ни в юрисдикции крымского совещания.

Осознавая наличие серьезных недостатков в памятникоохранном законодательстве, 14 октября 1948 г. СМ СССР издал Постановление «О мерах улучшения охраны памятников культуры», которым полагалось возложить «...руководство и контроль за постановкой дела учета, охраны, реставрации и использования археологических и исторических памятников на Комитеты по делам культурно-просветительных учреждений [КДКПУ] при Советах Министров союзных республик» [20, с. 136]. Предполагалось, что республиканские СМ вместе с АН СССР в трехмесячный срок разработают и утвердят инструкции о порядке учета, регистрации и содержания археологических и исторических памятников. Кроме того, Президиуму АН СССР разрешалось учреждение Научно-методического совета по охране памятников культуры, в который входили представители Академии, всесоюзных комитетов по делам архитектуры, по делам искусств и по делам культурно-просветительных учреждений, а также отдельные специалисты в области изучения и реставрации объектов культурного наследия. Наконец, в приложении к постановлению памятники археологии четко отделялись от памятников истории, архитектуры и искусства. Регламентировался порядок разрешения археологических исследований: открытые листы на разведки и раскопки выдавались АН СССР (в случае, если памятник имел всесоюзное значение) или республиканскими Академиями, а утверждались в КДКПУ. Местным отделениям последнего поручалось: осуществлять надзор за разрешенными археологическими разведками или раскопками; не допускать разбор на строительный материал, распашку, разрытие или иные неправомерные действия в отношении памятников археологии; установить охранные зоны памятников; решительно пресекать самовольные раскопки [20, с. 143]. Эти

решения не утратили силы до 1976 г., когда был принят закон «Об охране и использовании памятников истории и культуры».

Освобождение музейных учреждений от тяжелой нагрузки осуществления памятникоохранной работы явилось вполне своевременным решением. Некоторые архивные документы позволяют представить состояние музейного дела в Крыму после окончания войны. Общим в судьбе крымских музеев в годы оккупации стало тотальное разорение. Красноречивы выражения «Акта об осмотре музея в Старом Крыму в 1944 г.»: «Старо-Крымский краеведческий музей немецкими оккупантами был полностью разрушен и сравнен с землей при следующих обстоятельствах: “Немцы захватили г Старый Крым 2 ноября 1941 г. После первого освобождения Феодосии в декабре 1941 г, когда фронт приблизился к городу Старый Крым, немецко-фашистские захватчики 26–28 декабря 1941 г учинили полный разгром Старо-Крымского музея: немецкий танк въехал в здание музея, проломил стены и опрокинул и подмял под себя витрины и шкафы с экспонатами. Затем, ворвавшись в музей, немцы выбросили из шкафов и витрин экспонаты, уцелевшие от танка. Витрины, шкафы и другую музейную мебель начали жечь, библиотеку музея частью сожгли, частью загадили. Некоторые экспонаты бросили в колодец, находящийся на территории двора музея. Два больших ящика с особо ценными экспонатами, приготовленными к эвакуации, были также разбиты и растащены. В здании школы, прилегавшем к музею, немцы устроили канцелярию, а дорожку к ней выложили из черепков разбитых двух средневековых пифосов”» [50, л. 27]. Участь зданий и коллекций других крымских музеев оказалась похожей [180]. После войны затруднительно было укомплектовать рабочие штаты, так в отчете ЦМК за 1946 г. говорилось: «Не было директора музея, зав. отделом природы. Другие сотрудники замещали функции этих должностей. При этом не рассчитано было должности хранителя муз. фондов при том, что насчитывается более 200 тыс. экспонатов <...> Отсутствовала должность препаратора-реставратора, препаратор же — основной работник, без которого в краеведческом музее невозможна нормальная работа в области экспозиции и работы с фондами...» [103, л. 1–1об.].

Новые органы, которые только приступали к осуществлению памятникоохранной работы в Крыму, объяснимо, еще не имели необходимого опыта. Большую консультационную помощь деятельно и, по сути, добровольно³⁴ оказывал СИА/ОИА крымской академической базы. Инициативному вмешательству археологов оказались рады далеко не все представители Областных отделов Архитектуры и Культпросветучреждений, как это будет показано ниже. 9 февраля 1949 г. по предложению сектора и с участием сотрудников Областного отдела архитектуры (ООА) и Областного отдела по делам культурно-просветительных учреждений (ООКПУ), состоялось совещание по вопросам учета и охраны памятников истории, археологии и архитектуры. Председательствовал и.о. заведующего СИА Е.В. Веймарн. Присутствовали старший лаборант О.Я. Ковалева, начальник сектора охраны памятников ООА О.И. Базилева и инспектор по музеям Крыма ООКПУ О.Д. Кондратенко. Главной темой обсуждения стали учет и определение памятников культуры. Несмотря на достаточно подробные инструкции Постановления от 14 октября 1948 г. ООА и ООКПУ не смогли самостоятельно разделить зоны ответственности друг друга. Выступавшая первой, О.Д. Кондратенко, по-видимому, собиралась впечатлить участников заседания успехами своего отдела. Она сообщила о подготовке «полного» списка памятников археологии и истории, который включал около 6 тыс. наименований. На ремонт и ограждение памятников (Генуэзская крепость в Феодосии, монастыря Сурб-Хач, Успенского монастыря в Бахчисарае, Обелиска Долгорукова в Симферополе) из средств ООКПУ планировалось выделение 350 тыс. руб.³⁵ Правда, уточнялось, что смета еще не была утверждена. Наблюдение за состоянием памятников на местах ООКПУ поручили музеям. На этом, по выражению О.Д. Кондратенко, «Решение Облисполкома об охране памятников от 25 августа 1948 г. №18 считаем выполненным». О.И. Базилевой претворение в

³⁴ Следует помнить, что памятникоохранная деятельность не являлась обязательной функцией СИА.

³⁵ Любопытно, что на работу ООА в 1949 г. планировалось всего 50 тыс. руб. [89, л. 6]. Чем вызвана подобная диспропорция в свете имеющихся источников сказать затруднительно.

жизнь правительственных распоряжений казалось не таким близким к завершению. Она выразила справедливое мнение, что многие крымские объекты попадали под определение как памятников архитектуры, так и археологии. Невыясненным во многих случаях оставалось, с кем учреждение, использующее памятник, должно заключить договор: с ООА или ООКПУ. В качестве примера юридической коллизии, приводилась ситуация в Керчи: «Керченский музей заявляет, что у него нет юридических оснований, что памятники древности находятся у музея на балансе, хотя фактически памятники с основания музея находятся в музейном использовании». В связи с этим, требовалось уточнение имеющихся списков памятников, в чем нельзя было обойтись без мнения специалистов СИА [89, л. 5–6].

Е.В. Веймарн и О.Я. Ковалева согласились с мыслью о том, что меры ООКПУ недостаточны. Председатель совещания отметил, что для полноценного решения поставленных задач охраны памятников необходима совместная работа. Со стороны СИА она могла бы выражаться в консультациях по отдельным вопросам: определении характера памятника для разделения их между ответственными ведомствами; подсчете количества памятников; выработке методов работы; согласовании очередности мероприятий. Весьма перспективной археологу казалось совместное проведение обследований, фиксации и паспортизации объектов историко-культурного наследия. О.Я. Ковалева добавила, что Решение Крымского Облисполкома от 14 августа 1948 г. нельзя считать исполненным, так как оставались неоконченными процессы выделения Феодосийского Карантина и Инкермана в историко-археологические заповедники, а также установки охранных зон в Бахчисарае (Успенский монастырь) и Старом Крыму (Сурб-Хач) [89, л. 6 об.–7]. В завершении заседания предлагалось предварительно определить памятники архитектуры как «... не только сохранившиеся сооружения, но и те руины, которые сохранили архитектурные формы настолько, что имеется возможность реставрации хотя бы одной или другой части сооружения». Для разграничения археологических и исторических памятников следовало обращать внимание на то, какие методы

преобладают в научном изучении этих объектов. Вопрос распределения памятников между ведомствами откладывался до следующего заседания [89, л. 7 об.].

Действительным воплощением сотрудничества академического центра и органов памятникоохранной службы с 1949 г. стали совместные мероприятия по мониторингу состояния охраны объектов культурного наследия на местах. Так, 12 марта комиссия в составе начальника ООА В.Н. Чернышева, О.И. Базилевой и и.о. заведующего СИА Е.В. Веймарна в связи с письмом УДА от 28 февраля о неблагополучном состоянии памятников архитектуры в Крыму, осмотрела памятники Бахчисарая (мавзолеи в пос. Азиз; мавзолей Эски-Дюрбе, мавзолей Хаджи-Гирея, здание Зынджырлы-медресе), установив, что действия по очистке, консервации и ликвидации безнадзорного состояния арендаторами этих объектов не выполнены [89, л. 10]. СИА регулярно проводил и самостоятельные выездные проверки. Благодаря своевременной реакции сотрудников сектора Е.В. Веймарна и П.А. Шохина на сигнал об угрозе разрушения Скульских менгиров у с. Родниковое (сноса для использования в качестве строительного материала), местный сельский совет взял уникальный памятник под охрану [89, л. 30]. Иногда комиссии СИА принимали, как показалось бы сейчас, неоднозначные решения: 15 апреля мусульманское кладбище XIX в., на месте которого планировалось сооружение Окружного ветеринарного лазарета, специалисты признали не представляющим интереса в научном отношении, а его разрушение «не задевающим религиозного культа» [89, л. 27].

Интересны предложения академического центра к ООКПУ о партнерской организации реставрационных работ на памятниках археологии. 3 мая 1949 г. в адрес заведующего ООКПУ М.М. Максименко поступило обращение зам. директора КНИБ Я.Д. Козина об инициативе приведения в экспозиционное состояние Мавзолея Неаполя Скифского. Планировалось сооружение выставочного помещения [89, л. 28]. 3 марта сотрудники СИА подготовили и направили для рассмотрения в ООА и ООКПУ текст «Обращения к трудящимся Крыма по вопросам охраны памятников культуры» (Приложение №40). Опираясь

на собственный опыт, археологи прекрасно осознавали важность популяризации знания о прошлом, привлечения представителей широкой общественности к памятникоохранным мероприятиям.

Нужно признать, что конструктивные взаимоотношения академического учреждения Крыма, СИА, и главного органа, уполномоченного осуществлять охрану археологических объектов полуострова, ООКПУ, откровенно говоря, не ладились. В конце 1949 г. Сектор по охране исторических и археологических памятников ООКПУ подготовил план работы на 1950 г. Заключение по нему готовили в СИА. 22 марта 1950 г. замечания П.Н. Шульца передали зав. сектором ООКПУ Р.М. Вулю. Имея возможность ознакомиться с обоими документами, можно констатировать справедливость отмеченных недостатков. Среди наиболее важных значилось отсутствие в плане раздела, посвященного ремонту и реставрации памятников «...хотя Сектор запланировал значительные средства на эти очень важные мероприятия». Действительно, в плане подробно расписаны направления массовой и популяризационной работы, приведены списки объектов для установки памятных досок с конкретизацией их местоположения (город, почтовый адрес). Но, к примеру, относительно паспортизации исторических и археологических объектов лишь отмечалось, что в плановом году предстояло «взять на учет не менее 1000 памятников». В заключении П.Н. Шульц записал: «Хотелось бы видеть не утопический, но реальный план...» и предложил обсудить его на совместном с СИА заседании. Последнее, по-видимому, не случилось, а в Отделе Культпросветучреждений запомнили критику руководителя крымских археологов.

Продолжение этой истории имело не самый приятный характер. В течение 1950–1951 гг. уже П.Н. Шульцу пришлось испытать на себе существенную критику. Первый раз в связи с едва не сорвавшимися раскопками Алуштинского отряда Н.В. Пятышевой [245]. Доследовавший средневековый храм и прилегающий могильник Е.В. Веймарн, не успел завершить и сдать свой отчет к концу 1950 г. В первой половине 1951 г. Полевой комитет ИИМК произвел расследование алуштинского инцидента. В результате констатировались грубые

нарушения Н.В. Пятышевой методики археологических раскопок, явившиеся «следствием неправильной организации Тавро-Скифской экспедиции П.Н. Шульцем». Ответственными были признаны оба исследователя, хотя к П.Н. Шульцу реальных санкций не применили [111, л. 34–36]. В 1950 г. под его руководством успешно прошли работы Ялтинского отряда, исследовавшего укрепление на г. Кошка и ряд таврских могильников в Гаспре и Симеизе [318]. Почему-то именно эти исследования стали предметом необоснованных обвинений со стороны М.М. Максименко, как представляется, воспользовавшегося пошатнувшейся ученой репутацией П.Н. Шульца. В докладной записке 5 февраля 1951 г. трем адресатам: секретарю Крымского Обкома ВКП(б) Д.Я. Соколову, председателю Комитета полевых исследований А.В. Арциховскому и заместителю председателя Президиума КФ АН СССР Я.Д. Козину, СИА и лично его руководитель уличались в грубых нарушениях Решения СМ СССР от 14 октября 1948 г. и инструкции о ведении раскопок. Прямо заявлялось о безответственном руководстве археологическими исследованиями в Крыму в 1946–1949 гг., которые, по мнению М.М. Максименко, П.Н. Шульц превращал в «частное дело» (Приложение №41).

В десятистраничной объяснительной записке, составленной для перечисленных выше адресатов, а также начальника Главной инспекции КДКПУ Г.М. Давыдова, П.Н. Шульц опровергал обвинения, назвав их «вздорными», «ложными», «клеветническими» и «безосновательными». В подтверждение своих слов, ученый приложил справки о получении разрешения на исследования в 1950 г., о поступлении коллекций в МПГК и Ялтинский музей. Из текста записки выясняется, что недружественный акт со стороны М.М. Максименко был не первым. 22 декабря 1950 г. руководитель ООКПУ потребовал от КФ АН прекратить называть в официальной документации «экспедиции музеев Крыма» исследования «отрядов Тавро-Скифской экспедиции, тем более, что такой экспедиции уже давно в Крыму нет». В связи с этим П.Н. Шульц писал: «тов. Максименко, в порядке диктата, попытался одним взмахом пера “отменить” многолетнюю, успешно работающую в Крыму Тавро-Скифскую экспедицию,

включенную Президиумом Академии наук СССР и Советом филиалов в план работ [Крымского] Филиала на 1950 г.». Должно быть обвинения в персональном нарушении инструкций о полевой работе очень сильно задела П.Н. Шульца, отмечавшего: «Полевую археологическую работу я начал еще в 1925 г., когда получил от ГАИМК, как начальник Верхневолжской археологической экспедиции, первый открытый лист. У меня были случаи сильных задержек со сдачей отчетов, на что справедливо указывал Комитет полевых исследований <...> ни разу не обвинив меня в том, в чем обвиняет тов. Максименко, в нарушении основных положений инструкции о правилах раскопок». В заключении П.Н. Шульц выразил надежду, что вышестоящие органы не допустят нанесения ущерба государственному делу изучения истории Крыма со стороны отдельных чиновников «ставящих узко-ведомственные интересы превыше всего» [117, л. 31–40]. В этом он не ошибся. Дело не получило продолжения, в Москве его признали безосновательным. В адрес начальника главной инспекции КДКПУ при СМ СССР Г.М. Давыдова полевой комитет направил 13 марта 1951 г. обращение с просьбой «...указать т. Максименко на недопустимость подобных голословных обвинений» [67, л. 88]. Думается, после этого инцидента отношения СИА и ООКПУ оказались дискредитированы.

На фоне конфликта внутри памятникоохранной службы продолжились случаи трагического уничтожения археологических древностей. 13 мая 1949 г. сотрудники СИА А.П. Припусков и П.А. Шохин произвели осмотр остатков городища Кермен-Кыр. С сожалением, археологи были вынуждены констатировать серьезное ухудшение состояния памятника в сравнении даже с 1945 г., когда отдельные объекты подверглись намеренному разрушению: «Откопанные [в 1945 г.] стены и фундамент печи были, во вскрытом виде, оставлены под надзор совхоза “Красный”. При осмотре городища 13 мая с.г. оказалось, что откопанные древние постройки совершенно разрушены и весь камень от них вывезен. Как выяснилось в разговоре с директором совхоза П.А. Любарским и другими работниками, все они, ссылаясь на недавний срок своей службы в совхозе, не могут сообщить, кто и когда разрушил и вывез откопанные

части памятника» [89, л. 32]. Нередко причинами ухудшения состояния археологических памятников становились естественные. В рапорте А.П. Припускова П.Н. Шульцу об осмотре кладок стен Неаполя Скифского говорилось: «Прошедшие весной дожди и снегопад с переменным замерзанием и оттаиванием, нанесли очень большие разрушения памятнику. Камни кладки очень разрыхлились на глубину до 15 см и при высыхании осыпались и продолжают разрушаться. Дверной проем, расчищенный в 1948 г. почти совершенно разрушился. Лестница также почти совершенно деформировалась (села и часть камней упала). Проходящие дожди и высыхание от солнца продолжают разрушение памятника быстрыми темпами» [89, л. 41]. Из рапорта выясняется, что открытые строительные остатки не консервировались из-за попыток осуществить проект сооружения охранной постройки и подготовки объектов к круглогодичному экспонированию. Благие намерения в этом случае лишь поспособствовали гибели памятника.

Факты естественного или антропогенного разрушительного воздействия на памятники прошлого были многочисленными. Поэтому СИА пытался противостоять негативным явлениям, действуя на опережение событий, когда это было возможно. Отдельное внимание академический центр уделял состоянию историко-культурного наследия в Керчи. В качестве примера своевременного, быстрого реагирования на вопиющий факт нарушения памятникоохранного законодательства можно привести следующий. 23 мая 1948 г. в СИА получили телеграмму директора Керченского музея В.И. Юдина о начале, одобренного Керченским горисполкомом, взрывания акрополя Мирмекия Керченским металлургическим заводом с целью добычи камня. В тот же день П.Н. Шульц направил телеграмму Б.Д. Грекову: «Очень прошу при беседе в Верховном Совете СССР обратить внимание на необходимость срочно, телеграфно пресечь разрушение акрополя мирмекия, древнегреческого города, исследуемого в течение 10 лет В.Ф. Гайдукевичем». Уже 27 мая в СИА поступила новая телеграмма В.И. Юдина: «Сегодня полдень взрывные работы прекращены подробности почтой» [89, л. 42–43].

Именно со спасением памятников г. Керчи оказался связан один из наиболее примечательных эпизодов начальной истории крымского академического центра археологии. 5 сентября 1949 г. проходило открытое заседание СИА с участием представителей КПИ, крымских музеев, исследовательских и общественных организаций. В повестке значились сразу два доклада, посвященных проблемам г. Керчи и района: директора Керченского музея В.И. Юдина «О состоянии охраны памятников культуры на Керченском полуострове» (не состоялся из-за невозможности докладчика приехать в Симферополь) и О.И. Домбровского «О состоянии росписей в склепе Деметры». Во втором докладе приводились подробности утрат и предложения по реставрации уникального античного памятника. В прениях О.Д. Кондратенко заявила о возможности ассигнации средств необходимых на реставрацию из бюджета ООКПУ при условии подготовки ходатайства от КНИБ. В качестве исполнителя работ предлагались реставрационные мастерские ЦКМК. А.П. Припусков дополнил доклад сообщением о тяжелом положении с разрушением другого памятника Керчи — церкви Иоанна Предтечи. Он также напомнил присутствующим, что попытка спасения росписи в склепе Деметры предпринималась в 1945 г. московским реставратором Е.А. Домбровской, которая по его словам «не решилась одна на какие-либо радикальные меры». П.Н. Шульц резюмировал общее мнение о необходимости привлечь к делу спасения памятников Керчи московские институты, в частности, научно-методический совет по охране памятников культуры, который возглавлял академик И.Э. Грабарь. Собрание постановило предпринять меры по фиксации стенописи склепов Деметры и 1891 г., выяснить причины разрушения этих памятников античной живописи и возможности их спасения, а также ходатайствовать перед Президиумом АН СССР о необходимости созыва не позднее октября 1949 г. консилиума специалистов-реставраторов для выработки подходов к реставрации склепа Деметры и других объектов г. Керчи [89, л. 81–82].

Склеп Деметры или Склеп 1895 г. — исключительный памятник античной декоративной живописи, изучение которого насчитывает без малого 130 лет [276;

232]. Репродукции росписи погребальной камеры, выполненные М.В. Фармаковским в 1908 г., опубликованы М.И. Ростовцевым [316, Табл. XVI–XIX]. История склепа Деметры от момента его современного открытия до наших дней — драматичный сюжет. Памятник, представший его первым исследователям в высокой степени сохранности, в наше время практически утрачен. В течение XX в. предпринимались неоднократные, но неудачные опыты консервации склепа. Сразу после освобождения Крыма в июне 1944 г. обследование памятников Керчи проводилось комиссией Государственного Эрмитажа под руководством М.М. Худяка. Об интересующем нас объекте отмечалось: «осмотрев склеп Деметры /Зайцевская катакомба/, обнаружили следующее: роспись [...] свода и левая от входа сторона фриза сильно пострадали от разрыва ручной гранаты, брошенной в склеп немецкими захватчиками. Штукатурка с изображением головы Деметры в центре свода грозит обвалом» [Цит. по 217, с. 337]. Другая комиссия, из представителей УДА в составе А.И. Припускова, А.И. Абрамова и Б.И. Аверинцева, также в июне 1944 г. осмотрела древности Керчи и зафиксировала повреждение в результате военных действий верхней части входа в склеп Деметры, а также отверстие для дымоходной трубы, сделанное в своде наклонной галереи [271, с. 55].

В сентябре 1945 г. Комитет по делам искусств при СНК СССР командировал Е.А. Домбровскую (1886–1965) для выполнения работ по укреплению стеновой живописи склепа Деметры. О результатах становится известно из опубликованной работы О.И. Домбровского, подвергнувшего подходы своей предшественницы критике, хотя признававшего, что реставрационные меры спасли памятник от полной гибели [215, с. 315–317]. Совершенно несправедливым следует признать упомянутую выше оценку А.П. Припускова. Вклад московского реставратора в сохранение росписи склепа Деметры оказался очень своевременным и высоко компетентным. Е.А. Домбровская начала профессиональную практику еще до революции, в 1920-е гг. поступила на службу в ЦГРМ. Сначала под руководством А.И. Анисимова и В.Я. Брягина, затем самостоятельно, она приобрела большой опыт восстановления монументальной

живописи в Новгороде, Пскове, Владимире, Вологде, Киеве. Случалось работать и в Крыму. Еще до войны среди коллег Е.А. Домбровская получила прозвище «Бабушка русской реставрации» [354, с. 1]. Ее работы в Крыму в 1945 г. начались с установления обстоятельств использования склепа Деметры в годы войны: «До занятия Керчи немцами склеп служил бомбоубежищем для местных жителей, спасавшихся в нем в количестве до 100 человек с коптилками и свечами. Немцами склеп использовался как блиндаж. По освобождении Керчи войсками Красной Армии, служил местом пребывания воинов» [71, л. 5]. Согласно сведениям Е.А. Домбровской в октябре 1944 г. сотрудники Керченского музея составили акт состояния склепа, где отметили, что поверхность насыпи была изрезана окопами, каменный вход поврежден разрывами снарядов, стены гробницы закопчены устроенными печами, фресковая живопись частично уничтожена, в частности, изображение Деметры пострадало от брошенной гранаты, сторожка охраны разрушена [Там же]. Значительное ухудшение состояния зафиксировала комиссия в составе В.Д. Блаватского, И.Б. Зеест и В.И. Юдина 28 августа 1945 г. [71, л. 6].

Впечатления Е.А. Домбровской от первого осмотра склепа Деметры оказались мрачными. Была установлена утрата 80% всей стенной живописи. Состояние оставшихся фрагментов признавалось катастрофическим. Среди главных причин гибели памятника Е.А. Домбровская называла чрезмерную влажность, вызванную нарушением режима хранения и антропогенным воздействием последних лет. С 23 по 30 сентября 1945 г. реставратором предпринимались меры по укреплению остатков росписи путем подведения раствора под отставшие края штукатурки. Места полной утраты живописи заштукатуривались. Наиболее опасные места древней штукатурки предварительно скреплялись восковыми пробками (которые впоследствии удалялись), потом — строительным раствором. Последний намеренно создавался приближенным по составу к древнему: 1 часть извести, 1 часть толченой

античной черепицы, толченых ракушек или местного ракушняка³⁶. Закопченность многих участков росписи устранялось сухим способом обмахиванием флейцом. Наконец, были заделаны все современные отверстия, удалены гвозди и рейки. На этом возможные действия Е.А. Домбровская посчитала исчерпанными, а дальнейшую сохранность склепа Деметры зависевшей от обеспечения режима хранения [71, л. 12–14].

В 1946–1949 гг. мероприятия по консервации склепа производились силами Керченского музея. К сожалению, эти действия лишь усугубили состояние памятника. Негативную динамику можно проследить по данным журнала наблюдений (Приложение №42), который велся довольно нерегулярно. Критической ошибкой музейных работников стало использование поваренной соли для просушки камеры склепа. По просьбе директора Керченского музея В.И. Юдина в начале сентября 1949 г. памятник осмотрели П.Н. Шульц и О.И. Домбровский. Последний сообщил подробности на упомянутом выше совещании в СИА. По итогам обсуждения и в связи с настоянием археологов в адрес президента АН СССР С.И. Вавилова из Крымского Обкома ВКП(б) направили телеграмму: «Древняя уникальная роспись склепа Деметры Керчи под угрозой разрушения. Необходима немедленная реставрация. Прошу распоряжения институт истории искусств академика Грабаря высылки Керчь сентябре компетентной комиссии и реставраторов» [89, л. 88]. В то же время П.Н. Шульц отправил личное письмо академику И.Э. Грабарю с просьбой о действенной помощи (Приложение №43). Предлагалось образование специальной комиссии, которая бы занялась спасением склепа Деметры, перечислялись кандидатуры специалистов-участников. Обращение заведующего СИА в силу объективных причин задержалось. Но своевременно поступила телеграмма Обкома, что позволило И.Э. Грабарю распорядиться о командировании 1 октября 1949 г. в

³⁶ О.И. Домбровский посчитал такой рецепт технологическим предрассудком. На его взгляд использование древней керамики, насыщенной растворимыми солями, только усугубила со временем состояние подмазки росписи.

Крым реставраторов. «Деметру надо спасать, во что бы то ни стало» — писал академик (

Приложение №44).

В начале октября специалисты из Москвы не прибыли. Зато 17 октября в Научно-методическом совете по охране памятников культуры И.Э. Грабарь подписал письмо в адрес руководства КНИБ, в котором говорилось об отсутствии не только помощи в деле охраны памятников Керчи со стороны базы, но даже сигналов о возникших проблемах (Приложение №45). В ответе (Приложение №46) П.Н. Шульцу пришлось осторожно указать на несправедливость обвинений крымского академического центра. Спорить с мнением московских коллег не приходилось, ведь именно от их поддержки зависел прогресс в спасении наследия Керчи и других мест Крыма. Письмо И.Э. Грабаря, вероятно, не было бы столь критическим³⁷, если бы в Москве были лучше осведомлены о состоянии дел в Крыму. 5 октября по инициативе сектора истории и археологии состоялось специальное заседание, посвященное докладу В.И. Юдина «О состоянии охраны памятников культуры на Керченском полуострове»³⁸. В оживленном обсуждении большого комплекса проблем приняли участие П.Н. Шульц, Е.В. Веймарн, И.И. Бобин, О.И. Домбровский, О.Я. Ковалева, Н.П. Кацур, А.Н. Карасев, О.Д. Кондратенко, А.И. Болтунова, А.Л. Ротач и другие. Показателен и не утешителен вывод И.И. Бабкова о том, что в 1949 г. «никто конкретно не отвечает за состояние и охрану памятников Крыма». Попытки оправдаться со стороны

³⁷ Можно посмотреть на причины неожиданно осудительного характера письма иначе. Если принимать во внимание, что адресатом являлось руководство КНИБ, а не его подразделения, СИА, можно предположить намеренность демонстрации недостаточных мер крымской базы, чтобы привлечь большее внимание чиновников, возглавлявших академический центр, к столь важному для историков и археологов памятникоохранному направлению. Ведь эта деятельность, формально, не являлась обязательной для КНИБ.

³⁸ Подробности обсуждения доклада публиковались ранее [359].

представителя ООКПУ О.Д. Кондратенко оказались неубедительными³⁹. Представительное собрание утвердило Постановление с призывом к руководству Керченского музея составить докладную записку для Крымского Облисполкома и КФ АН СССР для дальнейшей постановки перед ООКПУ вопроса о необходимости срочных мер по улучшению состояния памятников Керченского полуострова [89, л. 99]. В.И. Юдин подготовил соответствующее обращение 24 октября. В нем он призывал крымские власти обеспечить в 1950 г. бюджетное финансирование ремонта и благоустройства церкви Иоанна Предтечи, Царского и Мелек-Чесменского курганов, а также ряда других памятников. Отдельные комплексные объекты предлагалось выделить в виде заповедников: гора Митридат, городища Мирмекий, Тиритака, Нимфей, Илурат, Китей, Киммерик, Порфмий. В отношении склепа Деметры речь шла в копиях докладной записки для учреждений АН СССР и ГМИИ: В.И. Юдин настаивал на созыве в 1950 г. комиссии специалистов для определения дальнейшего плана мероприятий по спасению памятника [89, л. 121–123].

В это время продолжились переговоры СИА и Научно-методического совета по охране памятников культуры, суть которых отражает письмо О.И. Домбровского И.Э. Грабарю от 16 ноября 1949 г. (

Приложение №47). К времени его написания уже были завершены совместные спасательные мероприятия двух организаций в Керчи, продолжавшиеся с 17 октября по 5 ноября. Помимо упомянутых в письме О.И. Домбровского результатов работы, комиссия в предварительном отчете представила детали художественно-технических и технологических особенностей росписи в склепе Деметры (Рис. 53). Основной причиной разрушения древней штукатурки называлась кристаллизация растворимых почвенных солей как на поверхности, так и во внутреннем слое живописи и грунта. Пагубно сказались на состоянии росписи меры сотрудников Керченского музея, выражавшиеся то в усиленной просушке погребальной камеры, то в ее глухой консервации,

³⁹ В качестве «весомого» аргумента говорилось, что начальник ООКПУ М.М. Максименко «Два раза был в г. Керчь, дважды говорили по телефону...» [89, л. 94об.].

сопровождавшейся увлажнением и конденсацией. Единственным выходом из сложившегося положения виделось осушение склепа, но не изнутри, как это делалось прежде, а снаружи, путем удаления грунта вокруг памятника и сооружения над ним водонепроницаемого навеса. Для последующего поддержания режима хранения склепа необходимым казалось сооружение дренажной системы. «Осуществление такого плана, если бы он был принят, стоило бы, конечно, немалых денег, но, в конечном счете, обошлось бы дешевле, чем военные полумеры, которые больше вредят памятнику, чем помогают» — заключил О.И. Домбровский. В качестве сомнительной альтернативы им упоминался, предложенный еще в 1926 г. путь — снятие фресок для их реставрации в кабинетных условиях. Окончательное решение, по мнению ученого, следовало принять специальному консилиуму из реставраторов, искусствоведов и археологов, собрать который нужно было в Керчи в 1950 г. [77, л. 49–51].

Во второй половине ноября 1949 г. в Научно-методическом совете по охране памятников культуры под председательством И.Э. Грабаря прошло заседание, на котором П.Н. Шульц доложил о состоянии в крымской памятникоохранной сфере, огласил докладную записку о проблемах с охраной и реставрацией объектов наследия Керчи, определил очередность выполнения мероприятий для улучшения ситуации. 23 ноября прошло совместное заседание СИА, ООА и ООКПУ, на котором также обсуждалась докладная записка о состоянии памятникоохранного дела в Керчи, а также обсуждался ход паспортизации памятников в Крыму [89, л. 137]. Важным достижением продолжительной работы по привлечению внимания местных властей к этим проблемам стало принятие 7 декабря 1949 г. Решения №557 исполкомом Керченского городского совета депутатов трудящихся «О мерах улучшения охраны памятников культуры в г. Керчи» [89, л. 140]. Запрещалось использование организациями или частными лицами памятников культуры без предварительного согласования с главным архитектором города и Керченским историко-археологическим музеем. Для наиболее выдающихся памятников (Царский и

Мелекчесменский курганы, склепы с росписью, церковь Иоанна Предтечи, городища Мирмекий и Тиритака) организовывалась охрана из штата местного отделения милиции. Ставилась задача утвердить охранную зону для этих объектов в первую очередь. Решено было ходатайствовать перед облисполкомом о выделении из областного бюджета 250 тыс. руб. на ремонтные мероприятия, а также об утверждении штатных единиц сторожей в Керченском музее, который до этого изыскивал средства на эту статью расходов самостоятельно [89, л. 141].

С 10 по 17 декабря 1949 г. в склепе Деметры окончила обследования и укрепительные работы новая комиссия Научно-методического совета по охране памятников культуры в составе ученых-реставраторов В.Е. и Н.Е. Брягиных. В отчете ими констатировалось по-прежнему тяжелое положение памятника, существование угрозы полной его утраты. Основную причину разрушения штукатурки с росписью усматривали в чрезмерном увлажнении, но впервые высказали мысль о необходимости гидрологической экспертизы, скапливавшегося в склепе конденсата [71, л. 36, 40]. Предварительные итоги такого исследования обсуждались в Москве в начале 1950 г. Академик И.Э. Грабарь предположил не менее десятка возможных факторов, обусловивших стремительное ухудшение состояния памятника: от перепада температур до прорыва поблизости водопроводной трубы. Оригинальным было замечание: «Нельзя ли заподозрить здесь наличие бактериологического заражения грунта штукатурки?» [71, л. 42 об.]. С последним почти полностью согласились участники очередного осмотра склепа 11 июля 1950 г. (директор Керченского музея Ф.Т. Гусаров, инженер-геолог В.Н. Славянов, И.И. Бабков и О.И. Домбровский), зафиксировавшие появление на стенах и потолке обильное разрастание плесени. Отмечалось: «Разрушение древней штукатурки местами очень напоминает деформации, производимые бактериями» [71, л. 44]. Проведение существенных спасательных мероприятий требовало немалых средств. О выделении необходимых средств еще в декабре 1949 г. Крымский филиал ходатайствовал перед Министерством городского строительства СССР. В

ответе от 7 января 1950 г. рекомендовалось все же обнаружить ресурсы в местном бюджете [71, л. 35].

Обсуждение судьбы уникального склепа Деметры затянулось еще на десятилетие. Некоторые консервационные мероприятия были предприняты в 1960 г. [328, с. 193]. Но эти действия не оправдали ожиданий. Выводы комиссии, работавшей в склепе в январе 1963 г., в составе П.И. Кострова (Эрмитаж), А.А. Заварзина, В.Н. Славянова, Л.М. Колтуновой, оказались весьма критическими: «Проекты консервации склепа никем не обсуждались и не утверждались. <...> Гидроизоляция пола и подошвы стен склепа не выполнена. <...> Внутреннее освещение недопустимо. <...> Система вентиляции и осушения склепа в осуществляемом варианте не разработано, теплотехнические расчеты сделаны грубо ориентировочно...» [77, л. 37–38].

Спасти Склеп Деметры не удалось. Настоятельные попытки СИА/ОИА сделать это, безусловно, стали опытом, к которому имеет смысл обращаться и в наши дни. Более успешными оказались усилия археологов в спасении другого памятника Керчи — церкви Иоанна Предтечи: в 1956–1957 гг. здесь проводились раскопки, а после — комплексные реставрационные мероприятия [270]. Неудачи постигли крымских археологов в стремлении сохранить раскопанные участки городища Кермен-Кыр и музеефицировать комплексы Неаполя Скифского. Но большим достижением оказалось проведение в 1948 и 1950 гг. охранных раскопок Инкерманской экспедиции, когда впервые в истории крымской археологии сразу несколько памятников (могильники Инкерман и Чернореченский, Инкерманское поселение, крепость и некрополь Каламиты) подверглись срочному и полноценному изучению [363]. Сюжет, связанный с памятникоохранной деятельностью СИА/ОИА контрастен и далеко не исчерпывается изложенными подробностями. Затронув только небольшую их часть, можно сделать несколько выводов. Крымский академический центр археологии не являлся органом, официально уполномоченным осуществлять памятникоохранные меры. Тем не менее, его участие было существенным, являлось скорее результатом собственной инициативы, чем исполнением поручений местных властей и руководства АН.

Принятие на себя частичной ответственности обусловило начало формирования послевоенной системы памятникоохранной службы. Субъекты последней не сразу нашли пути конструктивного взаимодействия. Требовалась консультативная помощь, а нередко непосредственное участие специалистов СИА/ОИА. Именно объединение усилий позволяло достигать реальных результатов. В то время как центробежные тенденции приводили к ситуациям, в которых ценные объекты крымского историко-культурного наследия становились безнадзорными.

4.3. Научно-исследовательская работа в начале 1950-х гг.: планы и действительность

Следующей после базы/станции ступенью развития регионального подразделения Академии наук СССР являлся филиал, в котором могли быть организованы самостоятельные институты, отделы и научно-исследовательские центры. В 1949 г. Совет Филиалов и Баз в своем названии утратил вторую половину. Такое изменение ясно свидетельствовало о тенденции, господствовавшей в научном академическом строительстве в послевоенный период. Руководство КНИБ стремилось действовать в соответствии с наметившимися переменами. Перспективам преобразования базы в филиал было посвящено специальное заседание заведующих секторами КНИБ, проходившем 23 сентября 1949 г. В своем выступлении Я.Д. Козин сообщил: «Беседуя по телефону с Верой Александровной Ульяновской я получил указания, чтобы мы приступили к разработке материалов по превращению Базы в Филиал Академии Наук СССР» [151, л. 130]. В связи с этим, П.Н. Шульц высказал предложение о том, чтобы в структуре будущего филиала непременно существовал Институт, организованный на базе СИА и принадлежащих ему станций в Керчи, Бахчисарае и Херсонесе, а также заповедника «Неаполь Скифский»: «Хотя бы наше расчленение на группу истории и группу археологии, оно подготовляет условия создания третьего сектора с учетом охвата: сектор истории древнего мира, сектор истории средневекового Крыма, и сектор истории периода после присоединения

Крыма к России. Так что сами по себе наши группы готовят создание Института истории и археологии» [151, л. 132].

Подготовка и попытка осуществления проекта Института истории и археологии Крымского филиала являлись еще одним ярким эпизодом периода становления академического центра археологии в Крыму. Этот опыт любопытен и заслуживает специального рассмотрения, учитывая, что самостоятельный институт археологии в системе РАН удалось создать только спустя 65 лет после рассматриваемых событий. Начало содержательного обсуждения перспектив реорганизации СИА в Институт относится к середине 1949 г. В отчете о работе за второй квартал этого года говорилось: «Практика работы сектора в 1949 году показала, что он уже вышел из рамок сектора, как по объему своей научно-исследовательской работы, так и по научно-общественной деятельности. Сектор имеет все предпосылки для превращения в Институт истории и археологии» [48, л. 2]. В октябре руководство КНИБ направило в Москву на имя Председателя Совета Филиалов АН СССР В.П. Никитина докладную записку «О реорганизации Крымской научно-исследовательской базы в Крымский филиал» [55]. Предлагалось, что в структуре будущего филиала, на основе действовавших в составе КНИБ секторов, будут организованы Институты: геологии, почвоведения и земледелия, ботаники и растениеводства, химии, истории и археологии, а также организованы секторы экономических исследований, географии и энергетики. Из прежних секторов планировалось оставить самостоятельным лишь зоологический, со значительно расширенным персональным составом [55, л. 4].

Принципиальной задачей проектируемого Института истории и археологии мыслилось изучение истории Крыма как неотъемлемого звена истории народов СССР и, в первую очередь, русской истории. В таком свете история Крыма раскрывалась бы на всем своем протяжении, начиная с древнейших времен и заканчивая советским периодом, которому в научной деятельности Института собирались уделить особое внимание. В докладной записке обосновывались следующие направления развития археологических исследований: 1) Аборигенное население древнего и средневекового Крыма (население эпох

палеолита, неолита и бронзы; киммерийцы, тавры, скифы, аланы и славяне в Крыму); 2) Роль населения древнего и средневекового Крыма в этногенезе славян; 3) Антропологическое исследование костных останков крымского населения древнего и средневекового времени; 4) Скифские, античные и средневековые государства и города Крыма (Скифское государство в Крыму, Херсонес, Боспорское царство, Тьмутараканское княжество, княжество Дори и, так называемые, пещерные города Крыма); 5) Средневековые города и укреплёния на южном и юго-восточном побережье, в предгорном и степном Крыму; 6) Памятники архитектуры и скульптуры и монументальной живописи древнего и средневекового Крыма. Историки Института вели бы работу по изучению: 1) Истории Крыма после присоединения его к России (Крым и Московская Русь, борьба России за выход к Черному морю, история Азовской флотилии, Азовского и Черноморского флота, Крымская война и оборона Севастополя 1854–1855 гг., 1905 г. в Крыму, Крым в русском искусстве, русская архитектура в Крыму) и 2) Истории Советского Крыма (Октябрьская революция в Крыму, Крым в период гражданской войны, Крым в годы Великой Отечественной войны, новое поселение Крыма и перспективы народно-хозяйственного и культурного развития Крымской области в послевоенное время; история города-героя Севастополя) [55, л. 12]. Нельзя не отметить, что формулировки многих исследовательских тем очень схожи с планировавшимися в рамках довоенного проекта Крымского филиала, речь о котором шла во второй главе настоящей работы. Предположим, что содержание этих замыслов все же было известно руководителям крымского историко-археологического академического центра в конце 1940-х.

Предполагалось, что в структуре будущего Института начнут работать три сектора: Сектор новой истории Крыма с двумя группами (Истории советского Крыма, Истории Крыма XVIII–XIX вв.) и тремя комиссиями (Комиссия по изучению города-героя Севастополя; Комиссия по изучению истории Великой Отечественной войны в Крыму; Комиссия по изучению Великой октябрьской социалистической революции и гражданской войны в Крыму); Сектор истории средневекового Крыма с двумя группами (Истории раннего

средневековья в Крыму; Истории позднего средневековья в Крыму); Сектор истории древнего Крыма с двумя группами (Истории первобытной культуры в Крыму; Истории древнего Крыма). При Институте планировалось организовать работу ряда вспомогательных учреждений (историко-археологических заповедников, станций, лабораторий и кабинетов): Керченский историко-археологический заповедник (на базе Керченского государственного музея), Херсонесский историко-археологический заповедник (на базе Херсонесского государственного музея), Историко-археологический заповедник Неаполь Скифский, Бахчисарайский и Сурожский историко-археологические заповедники, Кабинет антропологии, Кабинет архитектуры и искусства, Лаборатория археологической технологии, Фотолаборатория, Библиотека и научный архив. Таким образом, Институт истории и археологии позиционировался как вполне автономное от аппарата Крымского филиала подразделение. Для еще большей самостоятельности в его структуре не хватало разве только собственных бухгалтерии и отдела кадров.

3 ноября 1949 г. состоялось заседание сотрудников СИА, присутствовали также зав. Отделом кадров Крымской базы М.А. Абрамов, директор ОКМ О.Г. Еремин, инспектор по музеям О.Я. Кондратенко, директор Алуштинского музея К.А. Бреде. В повестке значился доклад П.Н. Шульца «Направления деятельности и структура Института истории и археологии Крымского филиала АН СССР». В первую очередь заведующий СИА выразил мысль о необходимости обдумать название будущего учреждения, в котором не должны были на его взгляд противопоставляться слова «история» и «археология», как это было прежде. Предваряя основное сообщение, докладчик отметил, что предлагает вниманию участников заседания два варианта: план-минимум на 1950-й г. и план-максимум на 1956 г. Последний во многом совпадал с охарактеризованным в докладной записке выше. Согласно программе-минимум намечалось создание к 1950 г. Института, с такими подразделениями: только одним заповедником в Неаполе Скифском, тремя кабинетами (антропологии, исторической географии,

архитектуры и изобразительного искусства) и Комиссией по охране, реставрации и консервации памятников культуры всех категорий [150, л. 80–81].

Доклад стал предметом активного обсуждения. Е.В. Веймарн, выступивший первым, выразил надежду на то, что в новом статусе филиал обретет собственное издательство. П.Н. Шульц сочувственно высказался об этой мысли и констатировал, что проектом реорганизации базы в филиал предусмотрено издательство и типография, а в штатном расписании Института истории и археологии предусмотрена должность издательского работника. Ряд частных вопросов касался состава и численности сотрудников будущего Института. Закономерным оказался вопрос О.Г. Еремина о том, где предполагается разместить учреждение. П.Н. Шульцу, по-видимому, пока нечего было ответить по существу: «Наши помещения не подходят. Они малы. В одной комнате размещаются все сотрудники сектора, здесь же осуществляется административно-хозяйственная работа, помещены несколько телефонов. Комната проходная. Нужно надстраивать второй этаж над помещениями сектора или менять здание. В равной мере не имеется помещений для заповедника Неаполь Скифский. Не отремонтировано помещение Бахчисарайской станции. В существующем помещении Институт не может нормально работать». Отдельные сотрудники СИА высказались в пользу организации при Институте сектора истории средневекового Крыма. П.Н. Шульц усомнился в реальности осуществления этого замысла, так как «Особого увеличения штатов в 1950 г. не произойдет. Мы не сможем к 1950 г. получить для средневекового сектора необходимых специалистов». По итогам обсуждения собравшиеся приняли в качестве основы предложения П.Н. Шульца из плана-минимум. Для дальнейшего уточнения и окончательного редактирования проекта направлений деятельности Института истории и археологии было решено сформировать комиссию в составе П.Н. Шульца, П.Н. Надинского, А.И. Неделина, Е.В. Веймарна, О.И. Домбровского и О.Я. Ковалевой. Срок отчета комиссии определялся 4 декабря [150, л. 82–84 об.].

В силу нескольких весомых причин организовать Институт истории и археологии в 1950 г. оказалось невозможным. Важным, если не решающим

фактором, являлось скромное финансирование КФ АН. Следует учитывать также, что основой будущего комплексного учреждения мыслился СИА — исследовательский центр, насчитывавший только два полных года деятельного существования. Этого времени, очевидно, было совершенно недостаточно для того, чтобы наработать достаточный организационный опыт. Завершая рассмотрение структуры, научного состава и направлений деятельности СИА мы уже констатировали ощутимое несоответствие генерируемых планов и реальных возможностей. Проблема крайне недостаточной обеспеченности помещениями, затронутая выше, оставалась актуальной и в 1950 г., и позже. Во время заседания конца 1951 г., посвященного итогам работы ОИА, ученый секретарь КФ М.А. Кочкин не выразил надежд на перспективы решения: «В настоящее и ближайшее время разрешить этот вопрос невозможно» [150, л. 127]. Как уже отмечалось, в системе крымского академического центра не удавалось наладить издание результатов исследований. Следствием становились сложности в обосновании дополнительного финансирования проектов развития и расширения. Наконец, очень существенной являлась проблема комплектования штата научных сотрудников. Предположения П.Н. Шульца о достижении численности работников Института истории и археологии в 1950 г. — 54 человек, а в 1956 г. — 101, кажутся просто фантастическими, учитывая, что во время составления проекта в СИА насчитывалось всего 18 сотрудников. Столь же нереальными представляются расчеты подготовить в эти годы соответственно 5 и 13 докторов наук, 17 и 25 кандидатов наук. [152, л. 7]. Забегая вперед, следует сказать, что до конца существования ОИА в 1956 г., в его составе не работал ни один доктор наук. Изменить кадровый состав форсированными темпами вряд ли бы удалось.

Немногим отличались реалии работы других секторов Крымской базы. Поэтому их преобразование в Институты было признано нецелесообразным, и с начала 1950 г. в Крымском филиале АН СССР стали действовать отделы, фактически дублировавшие структуру и содержание работы прежних секторов. Изменения, которые главным образом касались статуса академического центра в Крыму, могли рассматриваться как достижение года, завершавшего

восстановительную четвертую пятилетку. В ОИА приступили к разработке перспективного пятилетнего плана исследований на 1951–1955 гг. Судя по документам, составителями этот отрезок времени рассматривался как переходный период, по завершению которого удалось бы вернуться к отложенному проекту организации Института. Возможно, именно этим можно объяснить большую перегруженность плана различными видами работ и ожидаемыми результатами. К сожалению, действительные достижения не коррелировали с масштабностью замыслов. Для примера сопоставим положения пятилетнего плана и отчетов о деятельности ОИА в 1953–1954 гг.

Приходится говорить сразу о двух редакциях пятилетнего плана: 1950 и 1952 гг. Первый вариант содержал мало конкретики относительно предполагавшихся изысканий. Почти половину текста составляла декларация статуса Крыма как исконно русской земли. Деятельность группы археологии сосредотачивалась вокруг разрешения двух научных проблем. Первая, озаглавленная «Значение аборигенного населения в историческом развитии древнего и средневекового Крыма», намечалась с целью выяснения генезиса и роли коренного или «туземного» населения в процессах возникновения государственности у поздних скифов и формирования феодальных образований в раннее средневековье. Большинство тем названы в документе «переходящими с 1948 г.». Это немаловажно, ведь фактически признавалось, что работы, запланированные к выполнению в 1948–1949 гг., не были окончены. Привлечение внимания к проблемам изучения материальных остатков жизни «аборигенного» населения, под которым главным образом понимали тавров и скифов, позволяло обосновать необходимость финансирования археологических исследований. Конечным результатом позиционировалось раскрытие вопроса о происхождении русского народа, подтверждение его древнейшей связи с Крымом. Особенно подчеркивалась важность организации раскопок на Керченском полуострове и в районе Феодосии, где, как считалось, могли быть обнаружены свидетельства

крымских владений Тьмутараканского княжества.⁴⁰ В целом же планировалось в течение пяти лет ежегодно проводить три экспедиции: Археологическую экспедицию КФ АН (Тавро-Скифский, Тьмутараканский, Горно-Крымский и Херсонесский отряды), Военно-историческая экспедиция КФ АН (Перекопский, Севастопольский, Керченский и Горно-Крымский отряды) и Северо-Крымская экспедиция (Перекопский и Керченский отряды) [152, л. 10–13, 27–28].

«Историко-археологическое изучение памятников культуры на трассе Северо-Крымского канала» являлось второй научной проблемой в плане 1950 г. В первый год пятилетних исследований предполагалось проведение детальных обследований, выявление и фиксация памятников различных эпох от древнейших времен до Великой Отечественной войны. В последующие годы разведки планировалось дополнить раскопками тех объектов вдоль трассы канала, которые в первую очередь могли оказаться затронутыми земляными работами. В отношении результатов этих исследований план не содержал большой определенности: «К концу пятилетки будет составлен сводный пятилетний отчет, обобщающий результаты работ за все годы и сводная карта исторических и археологических памятников на трассе канала. Помимо этого будет подготовлен ряд монографических исследований и статей, которые будут опубликованы в Трудах Северо-Крымской экспедиции» [152, л. 18–21]. Последнее положение нужно признать неоправданно оптимистичным. Напомним, к времени написания плана все еще ждали часа своего издания Труды сессий по истории Крыма и Труды СИА.

К выполнению первого варианта пятилетнего плана на практике не удалось приступить. В 1951 г. работа коллектива ОИА оказалась в значительной степени затруднена обсуждением вопросов правильного освещения истории Крыма в свете работы И.В. Сталина о языкознании и итогов ряда идеологических кампаний, прошедших в СССР в предыдущие два года. Собственные

⁴⁰ В периодизации истории Крыма специально выделялся «тьмутараканский» период, который пришел на смену «алано-росскому». Этими новыми названиями заменялись прежние «античный» и «готский» периоды.

подчиненные обвинили П.Н. Шульца в намеренной апологии марризма. Начало было положено в статье П.Н. Третьякова «Некоторые вопросы происхождения народов в свете произведений И.В. Сталина о языке и языкознании». Руководитель крымских археологов обличался в упрощении этнической истории скифов и славян путем обоснования их преемственности [358, с. 239]. П.Н. Шульц подвергся серьезной публичной критике внутри ОИА со стороны Е.В. Веймарна (Рис. 52) и С.Ф. Стржелецкого, разделивших позицию П.Н. Третьякова и предложивших миграционную теорию появления славян в Крыму [361, с. 195]. С этими событиями совпало предвзятое выступление М.М. Максименко, рассмотренное выше. Руководство КФ АН продолжало политику неприятия внешнего совместительства своих сотрудников. Я.Д. Козин в 1948–1950-е гг. неоднократно указывал в отчетах для Совета Филиалов на неприемлемость ситуации с заведующим ОИА, работающим одновременно в Крыму и в учреждениях Москвы и Ленинграда. Отчасти признавая неправильность такого положения, П.Н. Шульц все же отмечал: «Если бы встал выбор, я бы отказался от работы в Крыму» [163, л. 35]. По-видимому, условия в 1951 г. стали совершенно невыносимыми. 20 июля П.Н. Шульц написал черновик заявления в Президиум КФ: «В связи с необоснованными и оскорбительными для меня обвинениями, имевшими место на заседании Президиума КФ АН СССР от 14 июля с/г, в нечестности, трюках и эквилибристике, прошу освободить меня от должности заведующего отделом истории и археологии. Продолжать работу в обстановке подобных обвинений не считаю для себя возможным и целесообразным» [57, л. 1–1об.]. Этот документ показателен. Думается, ученый морально вполне подготовился к решению об уходе. В то же время, немалые усилия, приложенные к созданию археологического центра в Крыму, по-видимому, являлись весомым аргументом против. Насколько известно, заявление так и не попало в документооборот КФ АН.

В 1952 г. в план пятилетней работы ОИА пришлось внести существенные изменения в связи с решениями объединенной сессии Отделения истории и философии и Крымского филиала АН СССР [362]. Теоретическим результатом

научного мероприятия стал окончательный отказ от идей марризма и автохтонизма в историописании Крыма, а практическим — переход инициативы проведения археологической экспедиции по изучению славянских древностей на Таманском и Керченском полуостровах к Институту археологии в Москве (Таманская экспедиция Б.А. Рыбакова). Новая редакция пятилетнего плана отличалась большей конкретизацией. Подготовленная 12 ноября 1952 г., она включала только одну научную проблему: «История Крыма как неотъемлемое звено истории СССР», решать которую археологам предстояло в рамках тем: «Роль местного населения в истории древнего и раннесредневекового Крыма» и «Разработка способов реставрации и консервации древних каменных сооружений, стенописи, мозаики и керамики» [153, л. 2–3]. Первая тема включала подготовку к 1955 г. восьми (!) монографий, посвященных наиболее комплексным вопросам крымской археологии (например, «Тавры в Крыму на основе письменных и археологических данных», «Славянские древности Крыма», «Палеоантропология Крыма» и т.д.). Эта колоссальная работа, на выполнение которой оставалось всего три года, мыслилась составителям плана вполне совместимой с ежегодным проведением пяти экспедиций (Северо-Крымской, Тавро-Скифской, Славяно-Крымской, Горно-Крымской и Херсонесской). К этому необходимо добавить нагрузку по второй теме, предполагавшей итогом издание монографии о мозаиках Херсонеса. Примечательно, что пятилетний план группы истории выглядел значительно реалистичнее: одна монография и одна научно-популярная книга [153, л. 3–5].

В пункте «24» Решений Крымской сессии 1952 г. и пункте «2В» Постановления Президиума АН СССР от 13 июня 1952 г. ИИМК и КФ АН поручалось составление пятилетнего плана археологических исследований в Крыму. Для выполнения этого обязательства ОИА предложил крымским музеям высказать собственные пожелания выбора памятников, требующих принципиального изучения. Летом и осенью 1952 г. поступил ряд ответных писем руководителей крымских музеев. Директор Алуштинского музея Д. Тарасенко просил включить в план экспедиционных работ изучение могильника из

каменных ящиков в урочище Малаба, Алуштинский кромлех, укрепление на г. Сераус, остатки стен Алустана. Директор ОКМ И. Евсеев информировал ОИА о планах музея провести раскопки в Коктебеле и на Симферопольском водохранилище. Евпаторийский музей прислал свои «Пожелания» о возобновлении исследований Керкинитиды. Музей древностей Феодосии предлагал продолжить начатые до войны изыскания на территории Карантина, а также инициировать раскопки курганов в окрестностях Феодосии.

Наиболее содержательным оказался ответ Керченского историко-археологического музея, проводившего совместные археологические исследования с московскими и ленинградскими институтами. В письме сообщалось о плане проведения в 1952–1957 гг. экспедиций В.Д. Блаватского (Пантикапей) и В.Ф. Гайдукевича (Тиритака, Мирмекий, усадьбы). Совместно с МО и ЛО ИИМК Керченский музей собирался начать раскопки Киммерика и Илурата. Таким образом, музей не нуждался в помощи КФ, отмечалось лишь, что ОИА «должен оперативно координировать работу всех экспедиций на полуострове» [153, л. 31–37]. Еще более независимым от академического центра в Симферополе оказался перспективный план исследований в Херсонесе и на Гераклеяском полуострове, подготовленный руководством Херсонесского музея. В тексте документа упоминания ОИА не было в принципе [153, л. 40–46].

Осмыслив предложения крымских музеев, в ОИА пришли к выводу о вероятности сильного раздробления археологических сил. Поэтому главной особенностью составленного в академическом центре пятилетнего плана экспедиционных работ стала комплексность научных предприятий. Предполагалось организовать семь крупных экспедиций: Северо-Крымскую, Единую Боспорскую, Херсонесскую, Тавро-Скифскую, Горно-Крымскую, Славяно-Крымский отряд Тьмутараканской экспедиции и «Экспедицию по каменному веку» [153, л. 21]. Научный состав должен был формироваться из специалистов ОИА, ИИМК и крымских музеев. Проект пятилетнего плана нашел поддержку далеко не у всех и не сразу. Те музейные учреждения, которые обладали большей самостоятельностью, включились в обсуждение. Руководство

музея Херсонеса проигнорировало стремление ОИА к консолидации усилий. П.Н. Шульцу пришлось признать, что подведомственный ему отдел не примет участия в изучении памятников Инкерманской и Байдарской долин, временно прекратит участие в раскопках Херсонесского городища. Оставались надежды на выделение из Херсонесской экспедиции Евпаторийского отряда, который занялся бы исследованиями в Северо-Западном Крыму [153, л. 51].

18 августа 1952 г. в Керчи состоялось заседание Ученого совета ГКИАМ в составе Ф.Т. Гусарова (директор музея), Л.И. Чуистовой (зам. директора), В.Ф. Гайдукевича (от ЛО ИИМК), П.Н. Шульца, Е.В. Веймарна, Д.П. Каллистова, Ю.С. Асеева (Академия архитектуры), где слушался пятилетний план экспедиционных исследований. Присутствующим показалось неясным, каким образом предполагается подготовка «сводного отчета по всем экспедициям», как станут соотноситься экспедиции по степени финансирования. Л.И. Чуистова усомнилась в необходимости организации Херсонесской экспедиции, отдельной от работ одноименного музея. В прениях В.Ф. Гайдукевич отметил: «В плане предусмотрено все; в плане неплохо поставлен вопрос объединения экспедиций. Но как все это будет осуществляться? Раскопки Пантикапея поставлены на одну доску с Илуратом, в то же время — как Пантикапею необходимо отвести особое место. Объединение экспедиций — не совсем реальная вещь» [109, л. 70]. Д.П. Каллистов указал на необходимость отведения в плане особого места составлению археологической карты полуострова. Организацию укрупненных экспедиций он назвал «фикцией» и «неосуществимым». Е.В. Веймарн наоборот поддержал идею комплексности научных предприятий: «...нужно преодолеть все трудности, которые встретятся и осуществить план укрупнения экспедиций». Важность начала организации комплексных экспедиций по примеру таких у географов и океанографов отметила Л.И. Чуистова. С последними мнениями солидаризировался Ф.Т. Гусаров. В заключении собравшиеся постановили проект объединенного плана считать одобренным с учетом замечаний [109, л. 71–76].

3 сентября 1952 г. похожее заседание состоялось в ОКМ. Помимо членов музейно-краеведческого совета, участие приняли представители ОИА и МПГК.

После представления П.Н. Шульцем проекта пятилетнего плана И.И. Бобин поинтересовался, каким образом предполагается решение вопросов координации между крымскими и центральными учреждениями. По мнению руководителя ОИА эту функцию должны были осуществлять ИИМК и Комитет координации при АН СССР. Вновь прозвучал ряд высказываний о ситуации во взаимоотношениях с Херсонесским музеем. Х.И. Крис, принимавшая деятельное участие в изучении таврских памятников на Гераклейском полуострове, задала принципиальный вопрос: «Почему Вы отдасте Инкерманскую долину — Херсонесу?». На это П.Н. Шульц дал ответ общего характера: «В раскопках Уч-Баша принимает участие Херсонес и географически Инкерман принадлежит к Херсонесу, но там будет копать ряд памятников и бахчисарайский МПГК». Участники заседания высказались за проведение дополнительных переговоров с руководством музея Херсонеса, но в целом, план пятилетних исследований поддержали [109, л. 77–78].

После обсуждений на месте, проект ОИА рассматривался 23 сентября 1952 г. Комиссией по составлению пятилетнего плана раскопок в Крыму в Москве. В ее состав входили Б.А. Рыбаков (председатель), А.И. Неделин и В.Д. Блаватский (секретарь). В итоговом постановлении члены комиссии отказались от деления исследовательских предприятий на укрупненные экспедиции в пользу идеи распределения усилий местных и центральных институций в изучении конкретных памятников. Наиболее существенное место в плане занимали работы вдоль трассы Северо-Крымского канала в степных и юго-восточных районах Крыма, а также на Керченском полуострове. Немалое внимание уделялось изучению античных городищ Пантикапея, Илурата, Киммерика, Калос-Лимена и Херсонеса, а также столицы государства поздних скифов — Неаполя Скифского. С целью выявления следов присутствия славянского населения предполагалась организация раскопок в Керчи и Коктебеле. Небольшие средства планировалось выделить для изучения пещерных городов Чуфут-Кале и Каламита, а также позднеантичного некрополя в Ай-Тодоре (Приложение №48).

Приведенные положения плановой документации ОИА сопоставим с реальными достижениями, зафиксированными в отчетах о работе в 1953 и 1954 гг. Общий объем исследовательских рукописей подготовленных в группе истории в 1953 г. составил 72 печ. л., в группе археологии — 33 печ. л., из которых 10 печ. л. приходилось на текст диссертации Т.Н. Троицкой «Скифские погребения в курганах Крыма» и 3,5 печ. л. на работу Э.И. Соломоник «Сарматские знаки Крыма». По какой-то причине не упоминались, но, по-видимому, включались в общую сумму 10 печ. л. книги П.Н. Шульца «Мавзолей Неаполя Скифского» [34]. Нарботки остальных археологов в среднем составляли 1,5–2 печ. л. в год. В группе истории так и не удалось завершить очередной этап написания монографии «История города-героя Севастополя». Неоконченной оставалась и работа «Тавры в Крыму...», намеченная к сдаче по группе археологии. Но если книгу группы истории планировали выпустить в свет только в 1955 г., то исследование о таврах уже в 1953 г. В отчетном году не состоялась ни одна экспедиция. Исследования вдоль трассы Северо-Крымского канала не начинались, «...ввиду снятия этих работ из плана решением Бюро Совета Филиалов от 22 мая 1953 г.». Не удалось провести раскопки курганов в зоне строительства Симферопольского водохранилища, так как средства из Финансового управления АН СССР поступили в ОИА только в декабре 1953 г.

В 1954 г. «сдана в РИСО» II-я часть «Очерков по истории Крыма» П.Н. Надинского, на стадии «окончательного редактирования» находилась монография «История города-героя Севастополя»⁴¹, наконец, была опубликована научно-популярная книга «Севастополь» [288]. Все это были результаты работы группы истории. Отчет группы археологии за рассматриваемый год вовсе не содержал сведений об опубликованных трудах. В отношении монографии о таврах теперь говорилось: «По разделу этой темы (исполнители Э.И. Соломоник, Ю.Г. Колосов, А.А. Щепинский) была поставлена задача — на основе исследования имеющихся письменных, археологических и антропологических материалов подготовить к

⁴¹ Монография вышла из печати в двух томах, когда группа крымских историков находилась в системе Института истории АН УССР в 1958–1960 гг. [240].

концу 1955 г. монографию о таврах в Крыму...» [96, л. 13]. Таким образом, надо полагать, до 1954 г. к выполнению этой работы даже не приступали, хотя она значилась в плане пятилетних работ с 1952 г. В отчете 1954 г. имеются обстоятельные характеристики завершенных исследований Э.И. Соломоник «Скифо-сарматские знаки Северного Причерноморья» (2 а.л.), Е.В. Веймарна «Средневековая деревня в юго-западном Крыму по археологическим материалам Бахчисарайского и Куйбышевского районов» (4 а.л.), «Средневековый комплекс крепости Каламита» (4 а.л.) и «Средневековое поселение и могильник у Загайтанской скалы» (4 а.л.), В.П. Бабенчикова «Итоги раскопок средневекового поселения на холме Тепсень за пять лет (1949–1953)» (5 а.л.) и «Некрополь Неаполя Скифского» (4 а.л.), О.И. Домбровского «Мозаики средневекового Херсонеса» (2 а.л.), — представленных, тем не менее, в виде рукописей [96, л. 14–21]. Некоторые из этих работ вышли из печати только спустя 5–10 лет. Издательские возможности Крымского филиала, как уже неоднократно отмечалось, оставались ограниченными. При этом, главным требованием выполнения планов научно-исследовательской работы ОИА считалась именно публикационная активность. Формировался замкнутый круг, выход из которого удалось найти лишь во второй половине 1950-х гг., когда крымские археологи стали частью Института археологии АН УССР.

Полевой сезон 1954 г. для ОИА оказался насыщенным. На Неаполе Скифском в связи с прокладкой водопровода проводились наблюдения и ограниченные раскопки вдоль линии стен древнего города. Масштабные работы проходили в рамках Симферопольской экспедиции в зоне строительства водохранилища, где исследованиям подверглись 15 курганов и многослойная стоянка (Рис. 54). Горный отряд ОИА совместно с МПГК изучал позднескифские памятники в Альминской долине, средневековые — в долине р. Кача. Завершились раскопки храма на средневековом поселении на холме Тепсень. Продолжались исследования на других участках этого памятника. Руководивший работами Херсонесского отряда О.И. Домбровский обнаружил под средневековыми слоями фундамента «Храма с ковчегом» остатки античного

театра. В целом, отмечалось, что полевые археологические предприятия отдела в 1954 г. «дали значительные научные результаты» [96, л. 26–34]. Но, к сожалению, приходится констатировать, что большая их часть и в наше время остается архивным достоянием⁴². При этом, следует говорить не о полноценных, а чаще всего о кратких и предварительных отчетах, разрозненных полевых материалах, несоотносимых с текстом фотографий и рисунках.

Еще одно трехлетие (1951–1953 гг.) в истории становления академического центра археологии в Крыму в некоторых отношениях сложилось даже менее успешно, чем предыдущее. Его начало ознаменовалось провалом проекта создания Института истории и археологии КФ АН СССР. Масштабности этого замысла далеко не соответствовал еще очень слабый организационный фундамент СИА. Больше половины рассматриваемого отрезка времени пришлось на создание, обсуждение и изменение пятилетнего плана. Этот процесс проходил на фоне общегосударственных идеологических кампаний, изменивших установки в историописании. В коллективе СИА/ОИА проявились внутренние противоречия, некоторые сотрудники продемонстрировали недоверие ученому авторитету П.Н. Шульца. Продолжительная неопределенность задач научно-исследовательской работы усугубила и без того тяжелое состояние результативности ОИА. Если в 1953 г. публикационная активность его сотрудников была заметной, то в 1954 г., судя по данным отчета, не вышло из печати ни одной работы. Полностью противоположно складывалась ситуация в полевых исследованиях: в 1953 г. не проводилась ни одна из запланированных экспедиций, зато сезон 1954 г. оказался весьма насыщенным. Просто объяснить такие итоги тем, что археологи занимались либо подготовкой публикаций и отчетов, либо работали в поле. Но причины заключались не в этом.

Помимо недостаточности организационного опыта в самом ОИА, общая незрелость ощущается в действиях руководства КФ АН СССР. Для нормальной работы и равномерного развития всего филиала требовалось соответствующее

⁴² Данные каталогизированы: 287; 184.

финансирование. Известные данные подтверждают, что для археологов оно было совершенно недостаточным. Обеспечение материального благополучия филиала являлось принципиальной задачей его руководства. Впрочем, необходимо помнить, что бюджет АН СССР имел предел, особенно в условиях послевоенного восстановления, когда научные изыскания, безусловно, были приоритетными, но не такими как возобновление индустриальных и сельско-хозяйственных мощностей, реконструкция жилого фонда и т.д. По какой-то причине (такой вполне могла быть финансовая) отсутствовало продвижение в организации издательского дела. В то время, как объемные труды археологов продолжали ждать своего напечатания. Наконец, складывается устойчивое впечатление, что в представлении руководства КФ существовало определенное недопонимание специфики и нужд работы историков и археологов. Напомним, что подразделение такого профиля было единственным в СССР. Не только его создание, но и последующее администрирование являлось беспрецедентным опытом, в осуществлении которого ошибки были неизбежны.

Представляется неправильным искать виновных только с одной стороны. Вполне уместным кажется выразить недоумение, почему в решении финансовой и издательской проблем ОИА почти незаметно участие П.Н. Шульца. В 1930-е гг., в переписке с крымскими музейными деятелями А.И. Полкановым, Н.С. Барсамовым, Н.Л. Эрнстом, Я.Г. Благодарным, В.Ф. Штифтаром и другими, ленинградский ученый неоднократно предлагал содействие в публикации в изданиях ГАИМК (Сообщениях и Известиях). Едва ли П.Н. Шульц утратил возможность подобной протекции после войны. Можно лишь догадываться о причинах, в силу которых такой опцией не пользовались. Труднее было с материальным обеспечением. ОИА привлекал источники дополнительного финансирования: средства центральных и местных исследовательских учреждений, музеев, государственных служб, принимавших непосредственное участие или заинтересованных в проведении археологических работ. Но чересчур активное вовлечение ИИМК, ГМИИ, ГИМ, Эрмитажа и прочих столичных институций потребовало бы их включения в соучредители научных предприятий,

к примеру, экспедиций. Против этого бескомпромиссно выступали руководители КФ. Вероятно, поэтому археологи не проявляли большей инициативы. Следует помнить и о том, что П.Н. Шульц и его подчиненные являлись людьми своей эпохи. Им была присуща уверенность в изменениях к лучшему, которые связывались с ближайшим будущим. В начале 1950-х гг. археологи филиала, как, впрочем, и другие специалисты, ожидали скорый переезд в собственное здание, появление издательства, увеличение финансирования. И, кажется, совсем не предвидели глобальных перемен.

4.4. Вхождение Отдела истории и археологии в систему АН УССР в 1954–1956 гг.

В письме А.В. Арциховскому от 24 ноября 1954 г. П.Н. Шульц (Рис. 55) делился наиболее важным событием истекающего года: «Стали мы за это время украинцами. На будущий год начнутся развернутые раскопки на Северо-Крымском канале. Все это, к сожалению, отвлекает от Неаполя Скифского» [131, л. 1 об.]. Крымский филиал перешел в систему АН УССР в июне 1954 г. В связи с этим, Президиум филиала 19 июля провел специальное заседание, посвященное обсуждению отчета о научно-исследовательской работе учреждения в 1948–1954 гг. С докладами об итогах деятельности филиала и его подразделений выступали заместитель директора Я.Д. Козин и заведующие отделами. В общей части отмечалось, что в КФ в 1954 г. насчитывалось 226 штатных сотрудника (в сравнении с 101 в 1948 г.). За прошедшие шесть лет успешно прошли защиты одной докторской и шести кандидатских диссертаций (в том числе четырех в ОИА: Т.Н. Троицкой, Е.Н. Шамко, З.Н. Ивановой, А.М. Понизовского), находящимися в подготовке значились еще десять кандидатских исследований. В рассматриваемый период только работниками ОИА были опубликованы в различных изданиях 158 научных работ. Главными достижениями назывались подготовка и выход из печати «Очерков по истории Крыма» П.Н. Надинского, завершение рукописи «Истории города-героя Севастополя» А.И. Неделина и только упоминались «имеющие определенное научное значение археологические

исследования славянских и других поселений» [148, л. 60–64]. После информационных докладов Я.Д. Козин сообщил, что «Президиум АН УССР, принимая филиал, высказал пожелания о дальнейшем всемерном развитии филиала» и выразил надежду, «что это доброе желание получит в ближайшее время осуществление» [110, л. 54].

В ходе обсуждения высказывались предложения как о внутреннем развитии Крымского филиала, так и о масштабировании его деятельности. Заведующий зоологической лабораторией Ю.В. Аверин указал на отсутствие в прежнее время четких критериев общей работы КФ, предложил вновь актуализировать обсуждение инициативы объединения всех естественнонаучных подразделений в Институт биологии. Сотрудник отдела географии В.П. Гусев предложил считать отрезок 1948–1954 гг. «...организационным периодом создания крупного научно-исследовательского учреждения». Ученый усматривал новые перспективы в деятельности Крымского филиала в системе АН УССР, которую, по его мнению, следовало распространить на южные районы Украины, прилегающие к Крыму, «...где имеют распространение наиболее засушливые степи, [они] должны быть охвачены единой организацией, единым целеустремленным планом исследований», и на Кавказ: «Крым от Кавказа неотделим <...> На участке одного Крыма невозможно заниматься карстом, нужно сохранить связь с Кавказом. <...> ...должен быть создан Южно-Украинский филиал, второй после Львовского в системе АН УССР». В.П. Гусев считал целесообразным сохранение прежней структуры крымского академического центра, но настаивал на необходимости существенно расширить географические рамки его деятельности [148, л. 65].

П.Н. Шульц принял участие в дискуссии с обстоятельным выступлением. Он не согласился с Ю.В. Авериным в вопросе организованности работы: «Если Аверин отмечал отсутствие четкости в направлении работы отдела зоологии, то этого нельзя сказать о работе ОИА...». Далее на нескольких примерах археолог продемонстрировал сложность и недостаточную изученность связей Крыма и Юга Украины в прошлые эпохи: «Если возьмем эпоху бронзы, то можем убедиться, что культура бронзы в Крыму дает картину органической связи со степными

районами Украины. Исследуемый нами вопрос о скифском государстве и скифо-сарматских знаках органически связан с вопросами истории Юга Украины, степями юга СССР. Присоединение Крыма к России в 1783 году было подготовлено совместной борьбой русского и украинского народов против татарско-турецкого ига...». Вхождение КФ в систему АН УССР П.Н. Шульц признавал важным событием, создающим необходимые условия для углубленного изучения новых проблем, прежде почти не привлекавших исследователей. В связи с этим предлагалось наладить координацию работы ОИА и схожих по профилю учреждений в УССР: «Сейчас нам необходим теснейший контакт с Институтами истории и археологии АН СССР, с музеями и заповедниками УССР, в частности с Ольвийским заповедником. Эта связь, осуществляемая и ранее, сейчас должна быть углублена. Нам необходимо в ближайшие два года использовать опыт Института археологии АН УССР, который был занят в течение трех лет подведением итогов по археологическим исследованиям на Юге Украины. Нам также нужно будет подвести итоги и подготовить очерки по истории древнего и средневекового Крыма. В этом большом деле желательно участие ученых Москвы, Ленинграда, Киева (например, П.П. Ефименко мог бы подготовить главу по палеолиту Крыма, В.Ф. Гайдукевич по Боспорскому государству, Г.Д. Белов по Херсонесу и т.д.)» [148, л. 62–64].

На фоне наметившихся позитивных перспектив, П.Н. Шульц охарактеризовал существенные недостатки прежней работы Крымского филиала, и ОИА в частности. Одной из главных проблем ученый называл отсутствие собственного издательского аппарата и, как следствие, недостаточность печатной продукции: «В отделе истории и археологии при большом объеме научно-исследовательской работы напечатано мало, подготовлено же к печати много. Много времени в отделе уходит на рецензирование, самим нам не хватает времен на редактирование, нужно будет спланировать в дальнейшем работу так, чтобы предварительное редактирование статей было поставлено на должную высоту». Проблемы в выполнении обязательств, причиной которых чаще всего называлось

неправильное планирование, П.Н. Шульц объяснял давно требующимся разделением работ групп истории и археологии: «...руководитель отдела археолог и ему трудно осуществлять полноценное руководство разработкой вопросов истории нового времени и советской эпохи». Наконец, в числе наиболее сложных приводился финансовый вопрос, нерешенность которого неоднократно срывала планы проведения раскопочных кампаний: «Если всмотреться в ассигнования на археологические раскопки по Филиалу, то увидим в 1954 году следующую картину: СМУ №10 ассигновали на раскопки 95 тыс. руб., Херсонесский музей — 50 тыс. руб., Музей Пещерных городов Крыма — 5 тыс. руб., Областной Краеведческий музей — 5 тыс. руб., Ялтинский краеведческий музей — 3 тыс. руб., всего 161 тыс. руб., Филиал выделил же из своих средств на археологические экспедиции всего 9 тыс. руб., то есть 1/20 от общих средств. Это ненормально» [148, л. 66–67].

Определенный оптимизм некоторых ученых Крымского филиала, который ощущается в процитированных выступлениях, должно быть, скоро поубавился. 29 октября 1954 г. Президиум АН УССР принял Постановление «О состоянии работ и направлениях деятельности Крымского филиала». В этом документе среди главных недостатков подчеркивались «дисциплинарные нарушения отделов ботаники и группы археологии», предоставивших отчеты о работе за предшествующие шесть лет с существенным опозданием [96, л. 193]. В 1954 г. новым директором Крымского филиала стал Л.И. Рубцов, постоянно проживавший в Киеве. С наступлением времени его руководства отделы филиала, по-видимому, стали испытывать меньшую самостоятельность как в собственном администрировании, так и в планировании научной работы, и постепенно «растворялись» в среде академических учреждений УССР соответствующего профиля. Последние во многом определяли планы деятельности крымских исследователей, контролировали их исполнение. К примеру, для отдела почвоведения и мелиорации таким курирующим учреждением стал Институт леса АН УССР. Шефские функции в работе крымских археологов осуществлял киевский Институт археологии [114, л. 8–12].

Поначалу во взаимодействиі двух археологических институцій существовала определенная несогласованность. Так, летом 1955 г. ИА АН СССР принял решение провести в конце сентября – начале октября республиканскую сессию по археологическому изучению античных городов Северного Причерноморья. В ходе научного мероприятия предполагалось обсудить основные итоги пятилетних (1951–1955 гг.) полевых исследований в районах Нижнего Днепра и Буга, Юга степной Украины и Крыма, а также выработать главные направления усилий ученых для составления плана новой пятилетки. Письмо с информацией о сессии поступило в ОИА 22 августа и, конечно, привело крымских исследователей в недоумение. К этому времени осенние месяцы были распланированы проведением полевых работ, а значит, представители крымского центра попросту бы не смогли приехать. Подготовленный ОИА и одобренный на заседании Президиума КФ новый подробный проект программы сессии 31 августа отправили в ИА АН УССР. В результате приготовления приостановили, в 1955 г. сессия так и не состоялась. Посвященная аналогичным вопросам всесоюзная конференция прошла в 1956 г. в Москве под эгидой ИИМК АН СССР [114, л. 30–32].

18 августа 1955 г. С.Н. Бибиков в ИА АН УССР подготовил докладную записку с замечаниями к тематическому плану ОИА. Примечательно, что в киевском институте решили скорректировать научно-исследовательскую работу крымского отдела только во второй половине года, когда часть запланированных мероприятий, надо полагать, находилась на определенной стадии выполнения. Отдельные положения письма ИА могут показаться недостаточно корректными. В частности, отмечалось, что план ОИА чрезмерно перегружен мелкими работами, часто имеющими лишь вспомогательный характер. К числу таких относились, например, составление картотеки и археологической карты по теме «Роль местных племен и народностей в истории древнего Крыма», «...выполнение которых ставится в связи с большим количеством иногородних командировок вряд ли практически возможных». Вынужденная остановка в подготовке археологической карты, выполнявшейся Е.В. Веймарном, Н.П. Кацуром и

другими сотрудниками ОИА, стала причиной, в силу которой ценные материалы картографирования памятников Крыма и в наши дни остаются за пределами современного научного знания [281, с. 236].

Однако в целом, присланные замечания следует признать справедливыми. Говорилось, прежде всего, о неприемлемо большом числе работ, запланированных ведущими сотрудниками: «Нет уверенности, что указанный ими в плане работ объем работы будет выполнен. Так, например, Веймарн Е.В. участвует в ряде работ объемом в 17,5 п.л., тов. Столяр А.Д. более — 9 п.л., тов. Шульц П.Н. — более 7,5 листов. При этом необходимо учитывать, что значительная часть времени уйдет у них на экспедиционные работы». Автор докладной записки не преминул напомнить о неясной судьбе монографии о таврах Крыма, запланированной к изданию еще в 1953 г. Резюмировалось, что плану следовало придать большую четкость и конкретность, тогда его своевременное исполнение стало бы более реальным [114, л. 40–43].

Процесс постепенного слияния ОИА и ИА АН УССР просматривается в изменении акцентов публичных выступлений руководителя крымских археологов П.Н. Шульца о задачах академического центра. В радио-выступлении 17 марта 1953 г. нельзя найти даже намека на приближавшуюся переориентацию внимания историков и археологов Крыма на изучение связей полуострова с Украиной: «На сессии по истории Крыма, прошедшей в Симферополе в мае прошлого года, было убедительно доказано, что история Крыма неотделима от истории великого русского народа. Племена и народности, проживавшие в Крыму еще с древних времен, были неразрывно связаны с земледельческим населением русской равнины и, прежде всего, с ее русским, славянским населением» [142, л. 25]. Сохранение устойчивой связи с российской историей все еще сильно ощущается в отчете о работе ОИА за 1954 г.: «Средневековый город на холме Тепсень возникает в то время, когда приток славян в Крым усилился <...> Раскопки в Коктебеле дают материал, близкий по характеру находок из слоев того же времени на Таманском городище, где находился город Тьмутаракань, столица княжества» [142, л. 32]. 13 сентября 1955 г., выступая на радио, П.Н. Шульц

сказал: «Раскопки в Инкерманской долине и в Коктебеле дали новые материалы для проникновения славян в Крым...» [142, л. 24]. Но спустя еще три месяца о результатах работ, сделанных ОИА в 1954–1955 гг. писал: «Становится ясным, что исторические судьбы Крыма с глубокой древности неразрывно связаны с историей племен и народов, населявших бассейны Днепра, Буга, Днестра, Дона. Устья этих великих рек сближаются у северных берегов Крымского полуострова. Степной Крым — прямое продолжение украинских степей. Перекопский перешеек и море связывали Крым с исторической жизнью широких территорий всего Северного Причерноморья, органической частью которого он является» [142, л. 12].

Руководитель крымских археологов прекрасно понимал, в каком направлении развивались события окружающей действительности. Академическому центру в Крыму готовилась участь расформирования. В 1954–1955 гг. весьма ощутимой была тенденция постепенной инкорпорации его подразделений в различные структуры АН УССР. Поэтому весной 1955 г. П.Н. Шульц направил две объемные докладные записки в президиумы КФ и АН УССР. Они начинались с обоснования важности существования научного центра, объединяющего исторические и археологические исследования в таком богатом памятниками культурного наследия регионе как Крым. В кратком историческом экскурсе демонстрировалась закономерность образования после войны академического подразделения в Крыму, примечательно подчеркивание преемственности деятельности ОИА от ТУАК/ТОИАЭ. П.Н. Шульцем характеризовались достижения историко-археологического центра за 1948–1955 гг. Далее говорилось о появлении в Президиуме АН УССР деструктивных инициатив реорганизации КФ. Главным недостатком называлось то, что соответствующие проекты вовсе не содержали упоминаний о будущей судьбе историков и археологов. Поэтому П.Н. Шульц по собственной инициативе предложил два варианта развития возглавляемого им центра: 1) в случае ликвидации филиала, преобразовать группу археологии ОИА в Отдел археологии

Крыма⁴³ с двумя группами (античной и средневековой), 14 штатными единицами научных работников, и передать его в структуру Института археологии АН УССР; 2) в случае сохранения филиала, поддержать существование ОИА с Бахчисарайской станцией и лабораторией археологической технологии. Сам П.Н. Шульц больше склонялся к второму варианту, настаивая: «Разве не лучше, проще и экономнее создавать новые Институты в недрах Филиала, но не путем его разваливания. Тенденция к ликвидации Филиала <...> находится в зияющем противоречии с системой укрепления филиалов, настойчиво и последовательно сейчас проводимом Президиумом Академии Наук СССР» [159, л. 21–23].

Участь Крымского филиала решалась на заседании Бюро Президиума АН СССР 2 июня 1955 г. Предлагалось разделение на три самостоятельных учреждения: Институт биологии Черного моря, Институт садоводства, виноградарства и виноделия и Институт минеральных ресурсов. Сотрудники других специальностей буквально ставились перед фактом перевода на работу в научные центры соответствующего профиля, находившиеся, главным образом, в Киеве. По понятным причинам идея не нашла поддержки у многих специалистов Крымского филиала, присутствовавших на заседании. Химик Н.В. Птицына посчитала нецелесообразным «разваливать» филиал, замедляя, таким образом, развитие науки в Крыму: «Карликовые институты пойдут на захирение». Представитель КФ В.П. Гусев также высказался против перспективы дробления крымского учреждения. Доктор геолого-минералогических наук В.В. Богачев охарактеризовал важные результаты работы всех подразделений филиала, заметил, что его структура отлично продумана, а ее изменение нарушит органическое развитие центра. Известия о предмете обсуждения в Бюро АН УССР очень скоро достигли Симферополя, П.Н. Шульц поспешил направить в ОИА письмо, в котором призывал не делать преждевременных выводов (

Приложение №49). Содержание текста не оставляет сомнений, на тот момент ученый был осведомлен в том, что КФ ждала ликвидация. В связи с этим,

⁴³ Восемь работников группы истории предлагалось передать Институту истории АН УССР.

П.Н Шульц (Рис. 56) предпринял своевременные меры, заручился поддержкой ИА и ИИ АН УССР, представители руководства которых гарантировали сохранение в Крыму археологического центра. Окончательное решение о будущем КФ и его подразделений собирались принять на совещании у вице-президента АН УССР Н.П. Семенко 19 июля 1955 г. Известные источники не отражают подробности этих кулуарных переговоров. Ясно лишь, что Крымский филиал было решено расформировать.

В современной литературе имеется мнение о том, что «... некоторые отделы Крымского филиала АН УССР появились в 1956 г., и практически сразу по предложению Н.П. Семенко этот филиал был реорганизован» [375, с. 75]. Это утверждение автор ничем не подтверждает. По-видимому, участие Н.П. Семенко являлось существенным, но действительную его роль смогут прояснить только документальные материалы архивов Украины. Пока представляется правильным лишь осторожно предположить, что заинтересованность в ликвидации и разделении Крымского филиала вполне могли проявлять и другие члены АН УССР. Н.П. Семенко, вице-президент АН УССР, доктор геолого-минералогических наук, по-видимому, не лишенный амбиций, думается, был напрямую причастен к очередной смене директора Крымского филиала, которым в октябре 1955 г. стал Я.Д. Козин, также геолог по специальности. Это назначение подготовило события ближайшего будущего, в котором на базе ряда подразделений КФ был организован Институт минеральных ресурсов, возглавленный все тем же Я.Д. Козиным.

Примечательно выступление Я.Д. Козина 25 февраля 1956 г. по радио с информационным сообщением. Говорилось, что в КФ АН УССР разрабатывались только три темы: изучение минеральных богатств Крыма, изучение некоторых вопросов сельского хозяйства и изучение истории и археологии Крыма с древнейших времен до наших дней. Таким образом, подчеркивалась явная несостоятельность филиала, утратившего комплексность в своей структуре. Я.Д. Козин уделил внимание конкретным недостаткам: «Успешной работе филиала и

его дальнейшему развитию мешает ряд недостатков, важнейшими из которых надо считать следующие. Филиал не разрабатывает ряда научных вопросов по сельскому хозяйству, в частности, по овощеводству, по полевым культурам, по животноводству. Он не занял еще ведущего места среди научных учреждений Крыма. Филиал слабо оснащен высококвалифицированными кадрами, новейшей аппаратурой. Все это мешает успешному развитию его научной деятельности». Фактически признавалось, что проект филиала не удался. В заключении Я.Д. Козин, все же, выразил надежду на то, что с помощью областных организаций и АН УССР, региональный академический центр преодолеет имеющиеся в его работе недостатки и займет надлежащее положение среди научных организаций Крыма [142, л. 1–6]. Выступление нужно было закончить на оптимистичной ноте.

В 1956 г. в структуре АН УССР происходили значительные трансформации, связанные с централизацией администрирования. Как уже отмечалось, помимо крымского, в системе послевоенной украинской академии существовал второй филиал во Львове. В июне 1956 г. сотрудники Львовского филиала направили коллективное обращение к органам республиканской власти и в Президиум АН УССР о том, чтобы их учреждение расформировали между соответствующими отделами наук АН и министерствами УССР. Таким образом, обосновывался прецедент ликвидации регионального отделения. Немного времени спустя «с целью сближения научно-организационного руководства со стороны Президиума АН УССР в отношении научных учреждений Академии, расположенных в Крымской области» постановлением от 27 июня 1956 г. Президиум АН УССР реорганизовал Крымский филиал, на базе бывших отделов которого планировалось открыть самостоятельные институты. Другим постановлением, от 6 июля 1956 г., группа археологии ОИА преобразовывалась в Отдел античной и средневековой археологии и подчинялась Институту археологии АН УССР [37, с. 10]. Эта принадлежность сохранялась следующие 58 лет — период, безусловно, заслуживающий самостоятельного исследования.

Прекращение существования Крымского филиала закономерно. В системе АН УССР не были предусмотрены периферийные отделения. Исключением стал

Львовский филиал, существование которого, как представляется, явилось результатом компромиссного и временного научно-организационного решения для территорий, окончательно вошедших в состав УССР только после окончания войны. Регион, до этого ни административно, ни экономически не связанный с Киевом, по-видимому, нуждался в создании особого центра консолидации региональных научных сил на переходный период, за время которого удалось подготовить условия последующего инкорпорирования местных исследовательских институций в структуру академии украинской республики. Для последней приобретение еще одного филиала, Крымского, явилось событием незапланированным. Поэтому какое-то время продолжался поиск практического решения будущей судьбы регионального отделения, окончившийся, тем не менее, постановлением о расформировании. Складывается впечатление, что такой исход для крымских археологов имел скорее позитивные последствия. Академический центр сохранил научный состав, после исключения группы истории специализировался только на археологической проблематике, попал в ведение профильного института АН УССР, обладавшего целевым финансированием и собственным издательским аппаратом. Как уже неоднократно отмечалось, в 1957–1963 гг. Отдел археологии Крыма опубликовал большую часть наработок своих предшественников СИА/ОИА, подготовленных в 1945–1956 гг. Приведенные выше сведения документов показывают, что подобный благополучный поворот в истории крымского академического центра археологии поначалу не был предопределен. В том, что события сложились именно так, велика заслуга П.Н. Шульца. Немало важных свершений ждало впереди. Ученый возглавлял Отдел археологии Крыма до 1966 г.

Таким образом, академический центр археологии в Крыму (СИА/ОИА) представлял собой динамично развивавшуюся научную организацию, чье становление сопровождалось рядом существенных институциональных и ресурсных ограничений. В период 1948–1950 гг. деятельность СИА

характеризовалась выраженной неравномерностью: полевые исследования ежегодно демонстрировали высокую результативность, тогда как публикационная активность оставалась низкой — значительная часть подготовленных рукописей так и не выходила из печати. При этом, центр активно включился в работу по охране историко-культурного наследия Крыма, действуя преимущественно по собственной инициативе, несмотря на отсутствие формальных полномочий. Этап 1951–1953 гг. ознаменовался усугублением институциональных проблем. Провал проекта создания Института истории и археологии КФ АН СССР был обусловлен несоответствием амбициозности замысла и слабого организационного фундамента центра. По-прежнему наблюдалась неравномерность в динамике исследовательской деятельности: если в 1953 г. отмечалась относительно высокая публикационная активность при полном отсутствии полевых раюьбот, то в 1954 г. ситуация изменилась на противоположную — сезон оказался насыщенным в плане полевых исследований, но из печати не вышло ни одной научной работы. Ключевыми факторами, сдерживавшими развитие СИА/ОИА, являлись недостаточное финансирование в условиях ограниченного послевоенного бюджета АН СССР, системные проблемы в организации издательской деятельности и недостаточное понимание руководством КФ АН СССР специфики и потребностей археологических исследований как особого научного направления. Ликвидация Крымского филиала в системе АН УССР, имела скорее позитивные последствия для археологического центра: научный коллектив был сохранён, профиль сфокусирован исключительно на археологических исследованиях, а переподчинение Институту археологии АН УССР обеспечило доступ к целевому финансированию и издательским ресурсам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее диссертационное исследование существенно корректирует устоявшееся в историографии мнение о том, что П.Н. Шульц по поручению Академии наук в 1947 г. организовал в Крыму научно-исследовательскую базу. Эта ретроспективная формула фиксирует лишь видимый итог долгого и многогранного эпизода истории региональной активности РАН, существенно отличающегося в общем и частностях от исходного тезиса. Речь идёт не о единичном акте, а о научно-организационной деятельности продолжительностью более двух десятилетий, совершавшейся на стыке интересов центральных академических структур, органов государственной власти различных уровней и инициатив отдельных представителей научного сообщества. Этот процесс охватывал последовательную смену институциональных моделей и проектов — от довоенных замыслов создания стационарных археологических станций в Керчи и Херсонесе до послевоенной научно-исследовательской базы Академии наук и ее дальнейшей трансформации, — отразившую постепенную выработку специфической формы академического присутствия в Крыму в XX в. В этой эволюции ряд неудачных организационных попыток, обусловленных как межведомственными противоречиями, так и внешними обстоятельствами, сочетался с успешным опытом Крымской научно-исследовательской базы, учреждённой в 1947 г., которая стала компромиссным, но как показало время неустойчивым решением.

В рассматриваемом историческом контексте образования академического центра археологии в Крыму значительное место отводилось личностному фактору. Исходный тезис «П.Н. Шульц — организатор КНИБ» не оставлял выбора: необходимостью настоящего исследования стало проникновение в подробности до- и послевоенной биографии ученого. Детальная реконструкция периода его профессионального становления — от обучения на литературно-художественном отделении ФОН Петроградского университета и специализации в РИИИ до аспирантуры ГАИМК — позволяет не только понять специфику

научных приоритетов, но и раскрыть характер сложившегося в будущем у П.Н. Шульца крымского проекта как междисциплинарного исследовательского начинания. Получив в 1920–1930-е гг. квалификацию искусствоведа ученый в течение жизни объединял методы археологии и истории искусства. Это комплексное измерение обеспечило разработку исследовательских программ, в которых археологический материал рассматривался не изолированно, а в широком культурно-историческом и художественно-стилевом контексте, что особенно проявилось в работах по скифо-сарматской монументальной скульптуре, погрузивших П.Н. Шульца в крымскую проблематику, в частности в выяснение вопроса генезиса Скифского государства в Крыму. Сложившийся персональный исследовательский интерес объясняет активное участие П.Н. Шульца в институциональном оформлении крымского академического центра археологии.

Выясненные обстоятельства делают личность П.Н. Шульца не только более понятной, но устанавливают важнейшее: его деятельное участие в научно-организационных процессах АН становится заметным только после 1945 г. К этому времени региональная деятельность академических учреждений в Крыму продолжалась уже два десятилетия. Анализ создания академического центра археологии в Крыму вне более широкого институционального контекста был бы методологически некорректным. Поэтому в настоящем исследовании предпринят результативный опыт обращения к истории деятельности РАИМК/ГАИМК. Малоизвестный аспект истории этого учреждения, связанный с попытками образования собственного представительства в Крыму, оказался достаточно содержательным. Нереализованные проекты организации станций Академии в Херсонесе и Керчи раскрылись в личностном измерении ряда ученых К.Э. Гриневича, Л.А. Моисеева, Г.Д. Белова, Ю.Ю. Марти, Н.Я. Марра и других. Привлеченный комплекс административной документации и материалов личного происхождения показал, что реконструированные подробности присутствия РАИМК/ГАИМК в Крыму не являются исчерпывающими.

Широкое поле для аналогий представил оригинальный пример первого регионального отделения РАН — Кавказского историко-археологического института (КИАИ), который демонстрирует типичную траекторию развития периферийных академических учреждений раннесоветского периода. Успех организации КИАИ в годы Гражданской войны и его выживание в условиях 1920-х гг. во многом определялись личностным фактором: организаторский талант руководителя, Н.Я. Марра, позволил институту оформиться институционально за десятилетие до системного развертывания сети региональных отделений АН СССР.

Создание сети филиалов и баз АН СССР, возглавляемых ведущими учёными Ленинграда и Москвы, — процесс, не обошедший Крым. Результатом проведенного изучения этого аспекта стало убедительное выяснение практически реализованной попытки организации Крымского филиала АН СССР еще в 1941 г. В высокой степени примечательно, что в основе этого начинания лежал замысел базы Отделения истории и философии Академии по историческим дисциплинам. Крымский опыт, безусловно, являлся органичным звеном эволюции региональной академической системы.

Инициатива П.Н. Шульца по организации Тавро-Скифской экспедиции в 1945 г. явилась важным связующим звеном между нереализованными довоенными планами создания в Крыму академической научной базы и конкретными практическими шагами по формированию постояннодействующей структуры в послевоенный период. В рамках этой экспедиции впервые была успешно апробирована модель, предполагавшая не только интенсивные полевые работы, но и параллельное решение задач по созданию стационарной базы, инфраструктуры хранения и обработки находок, а также институционального закрепления крымских исследований в системе Академии наук. Открытие в 1947 г. Крымской научно-исследовательской базы АН с образованием в её составе Сектора истории и археологии — первого в СССР специализированного подразделения такого профиля — не просто закрепило этот переход от временных экспедиций к стационарному академическому центру, но и заложило основу для

комплексного подхода, включавшего полевые, музейные, охранные и научно-публикационные функции.

Однако уже в первые годы функционирования Сектора истории и археологии проявились трудности, присущие всем региональным академическим центрам до- и послевоенного периода. Масштабные научные планы, предусматривавшие издание многочисленных монографий и одновременное проведение нескольких крупных экспедиций, не подкреплялись адекватными кадровыми, финансовыми и издательскими возможностями. Хроническая неукomплектованность штата квалифицированными специалистами, невозможность обеспечить регулярный выход публикаций по итогам работ, на фоне высокой интенсивности полевых исследований, а также недостаток административного опыта у руководства привели к нарастающему расхождению между декларируемыми задачами и реальными результатами. Этот дисбаланс особенно отчётливо проявился в первой половине 1950-х гг., когда рост исследовательских амбиций сопровождался резким снижением публикационной активности, а планы комплексных работ крымских археологов оставались в значительной мере невыполненными. Период 1951–1953 гг. ознаменовался вступлением крымского академического центра археологии в фазу углубляющегося институционального кризиса, коренившегося в сохранявшемся несоответствии между масштабностью замыслов и реальными возможностями Сектора/Отдела истории и археологии. Провал проекта создания Института истории и археологии КФ АН СССР, многолетняя работа над пятилетним планом на фоне жёстких идеологических кампаний начала 1950-х гг. и внутриколлективные конфликты, привели к дезорганизации повседневной научной деятельности. В организации исследований интенсивные полевые работы (особенно насыщенный сезон 1954 г.) радикально контрастировали с полным отсутствием новых публикаций, что отражало уже не эпизодические трудности, а системный кризис.

Трудность сложившейся ситуации определяли как внешние, так и внутренние факторы. К первым относились постоянная недостаточность

финансирования в условиях послевоенного восстановления, отсутствие инфраструктуры издательского дела и определенное непонимание руководством Крымского филиала специфики труда историков и археологов, чьё подразделение оставалось уникальным экспериментом в системе АН СССР. К внутренним причинам следует отнести недостаточное использование личностных возможностей самого П.Н. Шульца, чья пассивность в решении финансовых и издательских проблем резко контрастировала с его довоенной практикой активного содействия крымским исследователям. Нельзя забывать о том, что талантливый археолог-полевик, П.Н. Шульц, к времени создания СИА не имел опыта администрирования научного учреждения. Думается, этим объяснялись многие просчеты в организации работы и решении повседневных трудностей. Определенную роль, как представляется, сыграло и ментальное измерение эпохи. Сотрудники ОИА во главе с П.Н. Шульцем оставались людьми своей эпохи, разделяли устойчивую уверенность в неизбежном и скором улучшении условий жизни и труда. Надежды связывались с «ближайшим будущим» — переездом в собственное здание, созданием специализированного издательства, существенным ростом финансирования. Эти оптимистичные ожидания, опиравшиеся на инерцию постепенного развития и успехов прошлого, не позволили своевременно осознать глубину противоречий, накапливавшихся в плановой и реальной деятельности.

Итоговое решение о расформировании Крымского филиала в системе АН УССР и перевод коллектива археологов в структуру профильного Института археологии АН УССР следует оценивать не просто как административный итог накопившихся неудач исходной модели регионального филиала, но как продуманную форму институциональной адаптации к реальным возможностям послевоенной научной среды. Переформатирование крымского центра в Отдел археологии Крыма имело больше позитивных последствий: с одной стороны, гарантировало сохранение исследовательского ядра и чёткую концентрацию усилий на археологической проблематике за счёт исключения исторической группы, а с другой — обеспечило включение в устойчивую сеть профильного

учреждения с предсказуемым целевым финансированием и развитым издательским аппаратом. В этой перемене определяющими факторами успеха оказываются именно своевременные и целенаправленные усилия П.Н. Шульца по установлению рабочих контактов и заручению поддержкой руководства Института археологии и Института истории АН УССР. Эти меры позволили не только предотвратить распад крымской научной группы в условиях структурной реформы, но и обеспечить её полноценную интеграцию в археологическое пространство Украинской ССР с сохранением преемственности ключевых исследовательских программ и кадрового потенциала.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГЭ – Архив Государственного Эрмитажа

АРАН – Архив Российской Академии наук

ВАК – Высшая Аттестационная комиссия при Всесоюзном комитете по высшему техническому образованию при ЦИК СССР / с 1936 г. – Всесоюзного комитета по высшей школе при СНК СССР

ВАС – Всесоюзное археологическое совещание

ВСНХ – Высший совет народного хозяйства

ВЦСПС – Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

ГИИС – Государственный институт истории искусств

ГКИАМ – Государственный Керченский историко-археологический музей

ГПУ – Государственное политическое управление при Народном комиссариате внутренних дел

ДВО – Дальне-Восточное отделение

ИАК – Императорская археологическая комиссия

КДКПУ – Комитет по делам культурно-просветительных учреждений

КЕПС – Комиссия по изучению естественных производительных сил

Крымская/КАССР – Крымская Автономная Советская Социалистическая республика

К Г/П З – Крымский государственный/природный заповедник

КГПИ – Крымский государственный педагогический институт

КИАИ/ЗИАИ – Кавказский/Закавказский историко-археологический институт

КМИ – Крымский медицинский институт им. И.В. Сталина

КНИБ – Крымская научно-исследовательская база

КОВГО – Крымский отдел Всесоюзного географического общества АН СССР

КПИ – Крымский педагогический институт

ЛГУ – Ленинградский государственный университет

ЛИЛИ/ЛИФЛИ – Ленинградский историко-лингвистический институт / (после 1933 г.) институт филологии, лингвистики и истории

ЛО / МО – Ленинградское / Московского отделение

ЛХО – Литературно-художественное отделение

МАО – Московское археологическое общество

МГУ – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

МС/МО – Московская секция/Московское отделение

НА ИАКр РАН – Научный архив Института археологии Крыма РАН

НАО ГИАМЗ ХТ – Научно-архивный отдел Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический»

НИИ – Научно-исследовательский институт

НКЗдрав – Народный комиссариат здравоохранения

НКЗемледелия – Народный комиссариат земледелия

ОКМ – Областной краеведческий музей

ОНО – Отдел народного образования

ООА – Областной отдел архитектуры

ООКПУ – Областной отдел культурно-просветительных учреждений

ООИД – Одесское общество истории и древностей

ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея

ОРТГ – Отдел рукописей Третьяковской галереи

РАИМК/ГАИМК/ИИМК – Российская/Государственная академия / Институт истории материальной культуры

РайФо – Районный финансовый отдел

РАО – Российское археологическое общество

РАХ – Российская Академия художеств

РИИИ/ГИИИ – Российский/Государственный институт истории искусств

РИК – Районный исполнительный комитет

РИСО – Редакционно-издательский совет

РО НА ИИМК РАН – Рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры РАН

РОПИК – Российское общество по изучению Крыма

СМ – Совет министров

СНР – Секция научных работников профессионального союза работников высшей школы и научных учреждений

СОПС – Совет по изучению производительных сил

СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук

ТОИАЭ – Таврическое общество истории, археологии и этнографии

ТВО – Таврический военный округ

УДА – Управление по делам архитектуры при СНК

УДИ – Управление по делам искусств при СНК

УФ – Уральский филиал

ФОН – Факультет общественных наук

ЦГАЛИ – Центральный государственный архив литературы и искусства

ЦГАМЛИУ – Центральный государственный архив-музей литературы и искусства Украины

ЦГА СПб – Центральный государственный архив города Санкт-Петербурга

ЦГРМ – Центральные государственные реставрационные мастерские

ЦИЖВЯ – Центральный институт живых восточных языков

ЦИОП – Центральный институт ортопедии и протезирования

ЦМК/ЦКМК – Центральный музей Крыма / Центральный краеведческий музей Крыма

ЦМТ – Центральный музей Тавриды

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Опубликованные источники

1. Академия наук СССР за четыре года: 1930–1933: речи и статьи неперменного секретаря акад. В.П. Волгина. – Л.: Издательство Академии наук СССР, 1934. – 119 с.
2. Бочков А.В., Мандрик М.В. Протокол заседания Комиссии по чистке аппарата Государственного Эрмитажа 24 апреля 1931 г. (кадровая чистка М.И. Максимовой) // Археологические вести. – 2023. – № 41. – С. 346–360.
3. Государственная Академия истории материальной культуры им. Н.Я. Марра (Ленинград). Бюро по делам аспирантов. Сборник. Т. 1. – Л.: ГАИМК, 1929. – 106 с.
4. Декрет о правилах приема в высшие учебные заведения РСФСР 2 августа 1918 г. // Электронная библиотека исторических документов. – URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/12389-2-avgusta-dekret-o-pravilah-priema-v-vysshie-uchebnye-zavedeniya-rsfr#mode/inspect/page/4/zoom/4> (дата обращения: 20.09.2025).
5. Жебелёв С.А. Учёные степени в их прошлом, возрождение их в настоящем и грозящая опасность их вырождения в будущем / публ. и прим. И.В. Тункина // Очерки истории отечественной археологии. – Вып. III. – М.: Институт археологии РАН, 2002. – С. 146–194.
6. Извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Академіи // Известия Академии наук. – Т. 11. – Вып. 13. – Пгд.: [б.и.], 1917. – С. 896–1007.
7. Искусство древнего мира: (Конспект лекций) / Доц. П.Н. Шульц; Отв. ред. М.С. Медведев; Архитектурный фонд Союза сов. архитекторов, Ленингр. отд-ние. 1937/38 уч. год. – Л: Стеклогр. УППП, 1938. – 88 с.
8. Кавказский историко-археологический институт в 1917 году. – Пгд, [б.и.], 1918. – 9 с.
9. Козин Я.Д. Научная работа в Крыму // Красный Крым. – 1950. – 13 декабря. – С. 3.

10. Козин Я.Д. Крымская земля. – Симферополь: Крымиздат, 1950. – 79 с. (Знай свой край).
11. Козин Я.Д. Преобразование природы степного Крыма // Природа. – 1952. – № 8. – С. 43–45.
12. Летопись Российской академии наук. Т. VI. 1941–1945. – М.: Архив РАН, 2021. – 592 с.
13. Летопись Российской академии наук. Т. VII. 1946–1953. – М.: Архив РАН, 2022. – 896 с.
14. Марр Н.Я. Записка академика Н.Я. Марра о Кавказскомъ историко-археологическомъ институте. – Петроград : [б.и.], 1917 – С. 962–994.
15. Моисеев Л.А. Об организации научно-исследовательской и экскурсионной базы РОПИКа в Ласпи-Батилимане (Доклад Севастопольского отделения РОПИК в Севастопольском Окрисполкоме) // Крым. – 1927. – № 1(3). – С. 187–188.
16. Моисеев Л.А. Севастопольский военно-исторический музей и памятники обороны 1854-1855 гг.: по поводу реорганизации // Краеведение. – 1927 – № 1 – С. 126–131.
17. Об охране памятников архитектуры. Постановление Совета Министров РСФСР 22 мая 1947 г. // Электронная библиотека исторических документов: сайт. – URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/372108-ob-ohrane-pamyatnikov-arhitektury-postanovlenie-soveta-ministrov-rsfsr-22-maya-1947-g#mode/inspect/page/3/zoom/4> (дата обращения: 14.12.2025).
18. Ответ на заметку Л.А. Моисеева «Севастопольский военно-исторический музей и памятники обороны 1854-55 гг. (по поводу реорганизации)», помещенную в №1 журнала «Краеведения» за 1927 год. / И. Наумов, Я.П. Бирзгал, К.Э. Гриневич, В.П. Бабенчиков // Крым. – 1928. – № 1(5). – С. 109–111.
19. Отчет о деятельности Кавказского историко-археологического института за 1918 год / [Сост. Н.Я. Марр]. – Пгд.: Типография Российской академии наук, 1919. – 8 с.

20. Постановление Совета Министров СССР. О мерах улучшения охраны памятников культуры. 14 октября 1948 г. № 3898 // Электронная библиотека исторических документов: сайт. – URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/387811-postanovlenie-soveta-ministrov-sssr-o-merah-uluchsheniya-ohrany-pamyatnikov-kultury-14-oktyabrya-1948-g-locale-nil-3898#mode/inspect/page/1/zoom/5> (Дата обращения: 15. 12.2025).

21. Советское искусство за 15 лет: Материалы и документация / Под ред. И. Маца. – М.-Л.: Изогиз, 1933. – 663 с.

22. Стрижова Т.П., Киселев М.Ю. "Крым с давних времен привлекал к себе внимание выдающихся деятелей науки": Документы об организации Крымской научно-исследовательской базы АН СССР. 1947–1948 гг. // Исторический архив. – 2015. – № 1. – С. 66–79.

23. Труды Первого всероссийского музейного съезда [текст] / Под ред. И.К. Луппола. Сектор науки НКП РСФСР. – М.: Наркомпрос РСФСР. Гос. учебно-педагог. изд-во, 1931. – 164 с.

24. Устав Коммерческого училища Общества экспериментальной педагогики в С.-Петербурге: [Утв. 4 февр. 1913 г.]. – СПб.: [б.и.], 1913. – 24 с.

25. Шмит Ф. И. Отчет о командировке 1932 г. в Херсонес / под ред. Н.Я. Марра // Проблемы истории материальной культуры. – № 7–8. – Л.: [ГАИМК], 1933. – С. 56–60.

26. Шульц П.Н. Археологические разведки в Ржевском уезде 1923–1925 гг. // Ржевский край. № 1 / под ред. Н. Шульца, Б. Абрамова, Н. Вишнякова. – Ржев: Ржев. об-во краеведения, 1926. – С. 157–171.

27. Шульц П.Н. Одно из течений в портретной скульптуре Антониновской эпохи // Античный портрет. – Л.: Изд. ГИИИ, 1929. – С. 94–106.

28. Шульц П.Н. Евпаторийский район: 1933–1934 // Археологические исследования в РСФСР: 1934–1936 гг. / под ред. В.В. Гольмстен – М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1941. – С. 265–277.

29. Шульц П.Н. Тавро-Скифская археологическая экспедиция в Крыму // Советский Крым. – 1946. – № 2. – С. 97–116.

30. Шульц П.Н. Скульптурные портреты скифских царей Скилура и Палака // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. – 1946. – Вып. 12. – С. 44–57.
31. Шульц П.Н. Тавро-Скифская экспедиция // Известия АН СССР. Серия истории и философии. – 1947. – Т. 4. – № 3. – С. 275–292.
32. Шульц П.Н. Тавро-Скифская экспедиция в 1946 г. // Советский Крым. – 1947. – № 5. – С. 42.
33. Шульц П.Н. Историко-археологические исследования в Крыму: 1920–1950 гг. // Крым. – 1950. – № 6. – С. 145–157.
34. Шульц П.Н. Мавзолей Неаполя Скифского. – М.: Искусство, 1953. – 88 с.
35. Шульц П.Н. Исследования Неаполя Скифского (1945–1950) // История и археология Древнего Крыма. – Киев: Издательство Академии наук Украинской ССР, 1957. – С. 61–94.
36. Шульц П.Н. Позднескифская культура и ее варианты на Днестре и в Крыму // Проблемы скифской археологии. – М.: Наука, 1971. – С. 127–143. – (Серия: Материалы и исследования по археологии СССР ; № 177).
37. Історія Національної академії наук України. 1956–1960: Частина 1. Документи і матеріали [Електронне видання] / редкол.: О.С. Онищенко (голов.ред.) [та ін.]; упоряд.: Л.М. Яременко, Г.В. Індиченко, С.В. Старовойт [та ін.]; НАН України, Нац. б-ка України ім. В.І. Вернадського, Ін-т архівознавства. – Текст. і граф. дані. – Київ: [б.в.], 2015а. – 872 с.
38. Історія Національної академії наук України. 1956–1960: Частина 2. Додатки [Електронне видання] / редкол.: О.С. Онищенко (голов.ред.) [та ін.]; упоряд.: Л.М. Яременко, Г.В. Індиченко, С.В. Старовойт [та ін.]; НАН України, Нац. б-ка України ім. В.І. Вернадського, Ін-т архівознавства. – Текст. – Київ: [б.в.], 2015б. – 1064 с.
39. Історія Національної академії наук України. 1961–1965: частина 1. Документи і матеріали / редкол.: О.С. Онищенко (гол.ред.) [та ін.]; упоряд.: Л.М. Яременко, Г.В. Індиченко, О.І. Вербіцька; НАН України, Нац. б-ка України ім.

В.І. Вернадського, Ін-т архівознавства. Текст. і граф. дані. – Київ: [б.в.], 2020. – 944 с.

Архивные источники

40. Альбом разведок в Евпаторийском районе // НА ИАКр РАН. Ф. Л-9. Оп. 3. Д. 25.
41. Белов Григорий Дмитриевич // ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 5. Д. 358.
42. Биографии сотрудников Московской секции ГАИМК // ОПИ ГИМ. Оп. 540. Д. 62.
43. Блокнот разведок в Евпаторийском районе // НА ИАКр РАН. Ф. Л-9. Оп. 3. Д. 25А.
44. Бумаги, не составляющие особых дел // НА ИИМК РАН РО. Ф. 2. Оп. 1. 1931. Д. 7.
45. Вальдгауер О.Ф. Документы по работе в Эрмитаже // АГЭ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 221.
46. Воспоминания об экскурсии Научного Студенческого общества Петербургского университета в Крым и Грецию // АРАН. Ф. 624. Оп. 2. Д. 69.
47. Выступления на радио в 1947 г. // НА ИАКр РАН. Ф. 3. Оп. 10. Д. 8.
48. Годовой отчет сектора истории и археологии за 1949 год // НА ИАКр РАН. Ф. Р-2. Оп. 2. Д. 22.
49. Годовой отчет о работе Отдела и заключение по нему. 1953 год // НА ИАКр РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 6.
50. Годовые и месячные отчеты городских и районных музеев за 1944 г. // ГАРК. Ф. Р-20. Оп. 11. Д. 3.
51. Дневник научной командировки П.Н. Шульца по музеям Крымской АССР в 1932 г. // НА ИАКр РАН. Ф. Л-9. Оп. 3. Д. 22.
52. Дневник Тавро-Скифской археологической экспедиции Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина и Института истории материальной культуры им. Марра АН СССР // НА ИАКр РАН. Ф. 1. Оп. 2. 1945. Д. 1А.

53. Доклад Л.А. Моисеева об организации научно-исследовательской и экскурсионной базы РОПИК в Ласпи-Батилимане и объяснительная записка к оценке дачных участков «Ласпи» // НАО ГИАМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 1574.

54. Докладная записка в Президиум АН СССР по вопросу о создании в Крымской АССР научно-исследовательской базы по историческим дисциплинам; набросок плана работы // АРАН. Ф. 624. Оп. 3. Д. 26.

55. Докладная записка о реорганизации Крымской научно-исследовательской базы в Крымский филиал Академии наук СССР // АРАН. Ф. 188. Оп. 8. Д. 21.

56. Докладная записка профессора И.И. Пузанова о необходимости сохранения и дальнейшего развития фондов Крымского краеведческого музея // ГАРК. Р-4093. Оп. 1. Д. 375.

57. Документация 1951 г. // НА ИАКр РАН. Ф. 3. Оп. 6. Т. 2. Д. 10А.

58. Документы времени обучения в аспирантуре ГАИМК // НА ИАКр РАН. Ф. Л-9. Оп. 4. Д. 6.

59. Документы по работе в ГАИМК // НА ИАКр РАН. Ф. Л-9. Оп. 1. Д. 15.

60. Замечания к работе Е.В. Веймарна «Опыт реконструкции оборонительных сооружений раннесредневекового городища Эски-Кермен» // ГАРК. Ф. Р-3296. Оп. 1. Д. 204.

61. Записная книжка Второй конференции археологов СССР в Херсонесе // НА ИАКр РАН. Ф. Л-9. Оп. 4. Д. 10.

62. История краеведения в Крыму. Очерк. Рукопись. // ГАРК. Ф. Р-3814. Оп. 1. Д. 136.

63. Карасев Александр Николаевич // ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 8. Д. 237.

64. Квартирное дело // НА ИАКр РАН. Ф. Л-9. Оп. 1. Д. 5.

65. «Крымское нагорье в археологическом отношении» Доклад Н.И. Репникова // СПбФ АРАН. Ф. 1049. Оп. 4. Д. 35.

66. Леви Е.И. Личное дело // НА ИИМК РАН РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 48.

67. Личное дело П.Н. Шульца // НА ИАКр РАН. Ф. Л-9. Оп. 1. Д. 3.

68. Личное дело П.Н. Шульца // НА РАХ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 420.
69. Личное дело сотрудника ИИНИТ П.Н. Шульца // РГАЛИ. Ф. 3189. Оп. 2. Д. 1399.
70. Личные фото П.Н. Шульца и его семьи // НА ИАКр РАН. Ф. Л-9. Оп. 8. Д. 2.
71. Материалы исследования причин разрушения живописи склепа Деметры // НА ИАКр РАН. Ф. Л-13. Оп. 2. Д. 94.
72. Материалы времени работы в РИИИ // НА ИАКр РАН. Ф. Л-9. Оп. 1. Д. 11.
73. Материалы к биографии родителей и сестер П.Н. Шульца // НА ИАКр РАН. Ф. Л-9. Оп. 1. Д. 10.
74. Материалы к биографии П.Н. Шульца // НА ИАКр РАН. Ф. Л-9. Оп. 1. Д. 7А.
75. Материалы к жизнеописанию П.Н. Шульца // НА ИАКр РАН. Ф. Л-9. Оп. 1. Д. 1.
76. Материалы к жизнеописанию П.Н. Шульца // НА ИАКр РАН. Ф. Л-9. Оп. 1. Д. 7.
77. Материалы к исследованию и реставрации росписи склепа Деметры // НА ИАКр РАН. Ф. Л-13. Оп. 2. Д. 85.
78. Материалы к научной биографии П.Н. Шульца // НА ИАКр РАН. Ф. Л-9. Оп. 1. Д. 7Б
79. Материалы к отчету о работе Евпаторийской экспедиции ГАИМК в 1933–1934 гг. // НА ИАКр РАН. Ф. Л-9. Оп. 3. Д. 36.
80. Материалы обучения в РИИИ // НА ИАКр РАН. Ф. Л-9. Оп. 1. Д. 6.
81. Материалы о работе Л.А. Моисеева в Херсонесском музее (штаты музеев Севастополя, докладная записка Л.А. Моисеева о состоянии памятников Херсонеса и проекты организации научно-исследовательской станции на его базе... // НАО ГИАМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 1562/2.
82. Материалы по организации научно-исследовательской базы Академии наук СССР в Крыму // ГАРК. Ф. Р-3383. Оп. 1. Д. 10.

83. Материалы по организации сектора истории и археологии (по личному составу) // НА ИАКр РАН. Ф. Р-2. Оп. 2. Д. 15.

84. Материалы по подготовке к изданию Трудов Сессии по истории Крыма 1948 г. (протоколы заседаний редколлегии, переписка с авторами) // НА ИАКр РАН. Ф. Р-2. Оп. 2. Д. 10.

85. Материалы по подготовке к печати трудов сектора истории и археологии и др. публикаций // НА ИАКр РАН. Ф. Р-2. Оп. 2. Д. 32.

86. Материалы по проведению 2-й и 3-й научной Сессии по истории Крыма, проведенной Тавро-Скифской экспедицией АН СССР и Крымским отделом Всесоюзного Географического общества АН СССР // НА ИАКр РАН. Ф. Р-2. Оп. 2. Д. 8.

87. Материалы по работе во Всесоюзной Академии художеств // НА ИАКр РАН. Ф. Л-9. Оп. 1. Д. 24.

88. Материалы по работе в Разряде древних культур Северного Причерноморья // НА ИАКр РАН. Ф. Л-9. Оп. 3. Д. 2.

89. Материалы по учету и охране памятников (постановления и указания, акты, обследования, протоколы заседаний и переписка по вопросам охраны) // НА ИАКр РАН. Ф. Р-2. Оп. 2. Д. 20.

90. Об организации археологических работ на ЮБК в зоне строительства Гипрогора // НА ИИМК РАН РО. Ф. 2. Оп. 1. 1933. Д. 119.

91. Общая переписка Крымско-Кавказской секции. План секции на 1932 г. Протокол совещания Секции от 21.07.1931 и др. (материалы Крымско-Кавказской секции Совета по изучению производительных сил) // АРАН. Ф. 174. Оп. 15. Д. 1.

92. Организационные документы Тавро-Скифской экспедиции в 1945 г. // НА ИАКр РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1945. Д. 1А.

93. Отзыв о научно-общественной и литературной работе И.Н. Медведевой-Томашевской в Крыму за 1945–1948 гг. // НА ИАКр РАН. Ф. 3. Оп. 6. Д. 3.

94. Отношение СевОХРИСа в РАИМК о тяжелом состоянии Херсонесского городища и музея, вандализме и похищении музейных памятников и проект образования Херсонесской научной археологической станции // ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 3. Д. 316.

95. Отчет сектора истории и археологии о научно-исследовательской работе в 1948 г. // НА ИАКр РАН. Ф. Р-2. Оп. 2. Д. 17.

96. Отчет о работе отдела истории и археологии Крымского филиала АН УССР в 1954 г. // НА ИАКр РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 8.

97. О строительстве и состоянии музеев и архивов // ГАРК. Ф. Р-652. Оп. 15. Д. 12.

98. Отделение истории и философии. Протокол совещания по Крыму от 21–30 октября 1936 г. // АРАН. Ф. 624. Оп. 3. Д. 25.

99. Отделение истории и философии. Докладная записка в Президиум АН СССР о создании в Крымской АССР н/и базы по историческим дисциплинам, набросок плана работы Крымской базы Отделения истории и философии АН СССР // АРАН. Ф. 624. Оп. 3. Д. 26.

100. Отчет о научной командировке по музеям Крымской АССР // НА ИАКр РАН. Ф. Л-9. Оп. 3. Д. 23.

101. Отчет профессоров И.И. Пузанова и С.С. Станкова об обследовании Крымского Государственного заповедника и перспективах его восстановления // ГАРК. Ф. Р-4093. Оп. 1. Д. 374.

102. Отчет о научной командировке П.Н. Шульца в Крымскую АССР // НА ИАКр РАН. Ф. Л-9. Оп. 3. Д. 23.

103. Отчет о работе Центрального краеведческого музея в 1946 г. // ГАРК. Р-2865. Оп. 2. Д. 25.

104. Отчет о работе Сектора истории и археологии Крымской научно-исследовательской базы АН СССР в 1948 г. // НА ИАКр РАН. Ф. Р-2. Оп. 2. Д. 17.

105. Отчет о работе сектора за 1950 год и отзывы на отчет ИИМК и Института истории АН СССР // НА ИАКр РАН. Ф. Р-2. Оп. 2. Д. 29.

106. Памятники и охрана их // ГАРК. Ф. Р-652. Оп. 15. Д. 577.

107. Первые проекты организации и направления деятельности сектора истории и археологии Крымской базы АН СССР // НА ИАКр РАН. Ф. Р-2. Оп. 2. Д. 13.

108. Переписка ГАИМК с Евпаторийским музеем по вопросу организации археологических исследований // НА ИИМК РАН РО. Ф. 2. Оп. 1. 1931. Д. 784.

109. Переписка отдела истории и археологии с научно исследовательскими организациями по научно-исследовательским вопросам в 1952 г. // ГАРК. Р-3383. Оп. 1. Д. 190.

110. Переписка с Академией наук УССР по научно-исследовательским и организационным вопросам за 1955 г. // ГАРК. Ф. Р-3383. Оп. 1. Д. 315.

111. Переписка с научно-исследовательскими учреждениями по вопросам научной деятельности отдела истории и археологии за 1951 г. Том II // ГАРК. Ф. Р-3383. Оп. 1. Д. 129.

112. Переписка с управлением по делам искусств об охране археологических памятников // ГАРК. Ф. Р-3076. Оп. 1. Д. 5.

113. Переписка с управлением по делам искусств при Совете народных комиссаров Крымской АССР по охране памятников революции, культуры и искусства // ГАРК. Ф. Р-3076. Оп. 1. Д. 25.

114. Переписка с учреждениями по вопросам координации научно-исследовательской работы за 1955 г. // ГАРК. Ф. Р-3383. Оп. 1. Д. 316.

115. Переписка с учреждениями по различным вопросам // ГАРК. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 13.

116. Переписка с Херсонесским музеем // НА ИАКр РАН. Ф. Л-9. Оп. 2. Т. 3. Д. 14.

117. Переписка с центральными научными учреждениями // НА ИАКр РАН. Ф. Р-2. Оп. 2. Д. 24.

118. Письма П.П. Бабенчикова // НА ИАКр РАН. Ф. Л-9. Оп. 2. Т. 1. Д. 4.

119. Письма Г.Д. Белова // НА ИАКр РАН. Ф. Л-9. Оп. 2. Т. 1. Д. 8.

120. Письма Блаватского В.Д. и Блаватской Т. // НА ИАКр РАН. Ф. Л-9. Оп. 2. Т. 1. Д. 10.

121. Письма Я.Г. Благодарного // НА ИАКр РАН. Ф. Л-9. Оп. 2. Т. 1. Д. 11.
122. Письма Г.Ф. Вольного // НА ИАКр РАН. Ф. Л-9. Оп. 2. Т. 1. Д. 21.
123. Письма А.Н. Глаголева // НА ИАКр РАН. Ф. Л-9. Оп. 2. Т. 1. Д. 25.
124. Письма искусствоведа Д.П. Гордеева // СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 3. Д. 258.
125. Письма Л.А. Моисеева // АГЭ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 322.
126. Письма В.А. Головкиной // НА ИАКр РАН. Ф. Л-9. Оп. 2. Т.1. Д. 82.
127. Письма авторов с фамилией на литеру «М» // НА ИАКр РАН. Ф. Л-9. Оп. 2. Т. 2. Д. 12.
128. Письма авторов с фамилией на литеру «Ч» // НА ИАКр РАН. Ф. Л-9. Оп. 2. Т. 2. Д. 23.
129. Письма разных лиц об обнаружении памятников // НА ИАКр РАН. Ф. Л-9. Оп. 1. Д. 39.
130. Письма Ф.И. Шмита // СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 3. Д. 1079.
131. Письма П.Н. Шульца // АРАН. Ф. 1804. Оп. 1. Д. 235.
132. Письма Н.П. Шульца // НА ИАКр РАН. Ф. Л-9. Оп. 2. Т. 1. Д. 63.
133. Письма П.Н. Шульца В.А. Головкиной // НА ИАКр РАН. Ф. Л-9. Оп. 2. Т. 4. Д. 16.
134. Письмо П.Н. Шульца // АГЭ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 379.
135. Письма П.Н. Шульца // СПбФ АРАН. Ф. 909. Оп. 4. Д. 513.
136. Письмо П.Н. Шульца // СПбФ АРАН. Ф. 1049. Оп. 3. Д. 196.
137. Письмо П.Н. Шульца // ОР ТГ. Ф. 106. Оп. 1. Д. 12737.
138. Планы изучения городищ крымских скифов. 1939 г. // НА ИАКр РАН. Ф. Л-9. Оп. 4. Д. 18.
139. Планы работы Научно-методического музейного совета при Народном комиссариате просвещения Крымской АССР на 1939–1940 гг. // ГАРК. Ф. Р-20. Оп. 7. Д. 14.
140. Планы расположения экспонатов, циркуляры, резолюции к докладу и руководящий материал научного характера // ГАРК. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 24.
141. Подгаецкий Г.В. // ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 10. Д. 564.

142. Популярные выступления по радио, лекции. 1945–1958 гг. // НА ИАКр РАН. Ф. 3. Оп. 10. Д. 3.

143. Постановления Президиума АН СССР, решение Крымского исполкома, тезисы докладов и докладная записка об организации Крымской базы АН СССР // АРАН. Ф. 188. Оп. 1. 1946–1950. Д. 29.

144. Постановления Президиума Верховного Совета Крымской АССР, докладные записки, отчеты и другие материалы о работе музеев за 1936 г. 1938–1939 гг.. Конспекты экскурсий по музеям // ГАРК. Ф. Р-20. Оп. 7. Д. 4.

145. Предварительный отчет Крымской научно-исследовательской экспедиции 1932г. (материалы Крымско-Кавказской секции Совета по изучению производительных сил) // АРАН. Ф. 174. Оп. 15. Д. 14.

146. Программы конференций крымских музейных работников, циркуляры, инструкции по сохранению музейных предметов и переписка с уполномоченным Музейного отдела Главнауки в Крыму // ГАРК. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 6.

147. Проект положения о научно-исследовательской станции ГАИМК в Херсонесе // НА ИИМК РАН РО. Ф. 2. Оп. 1. 1934. Д. 117.

148. Протокол заседания Президиума Крымского филиала в 1954 г. // ГАРК. Ф. Р-3383. Оп. 1. Д. 270.

149. Протоколы заседаний СИА в 1948 г. // НА ИАКр РАН. Ф. Р-2. Оп. 2. Д. 16.

150. Протоколы научных заседаний сектора // НА ИАКр РАН. Ф. Р-2. Оп. 2. Д. 28.

151. Протоколы совещаний научных сотрудников секторов по научно-исследовательским вопросам за 1949 г. // ГАРК. Ф. Р-3383. Оп. 1. Д. 34.

152. Пятилетний план научно-исследовательских работ сектора истории и археологии, составленный в 1950 году и черновые материалы по составлению его // НА ИАКр РАН. Ф. Р-2. Оп. 2. Д. 27.

153. Пятилетние планы научно-исследовательских работ и экспедиционных работ в Крыму на 1951 – 1955 гг. и материалы по подготовке планов (составлен в 1952 г.) // НА ИАКр РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 14.
154. Рабинович А.С. Доцент истории СССР. Крымский педагогический институт им. Фрунзе // АРАН. Ф. 624. Оп. 4. Д. 183.
155. Рабочие материалы П.Н. Шульца за 1943 г. Москва // НА ИАКр РАН. Ф. Л-9. Оп. 3. Д. 24.
156. Различная документация по организации и работе Тавро-Скифской экспедиции в 1945–1947 гг. // НА ИАКр РАН. Ф. Л-9. Оп. 3. Д. 58.
157. Рукопись работы «Монументальная скульптура скифо-сарматского общества» // НА ИАКр РАН. Ф. Л-9. Оп. 3. Д. 12.
158. Скульптурные портреты скифских царей. Материалы к диссертации // НА ИАКр РАН. Ф. Л-9. Оп. 3. Л. 70.
159. Служебная переписка за 1955 г. // НА ИАКр РАН. Ф. Л-9. Оп. 3. Т. 2. Д. 14.
160. Списки и характеристика на работников и переписка // ЦГА СПб. Ф. Р-7154. Оп. 1. Д. 13.
161. Справка по вопросу организации Крымского филиала. 1941 г. // АРАН. Ф. 188. Оп. 1 (1931–1942). Д. 961.
162. Стенограмма заседания Ученого совета института, посвященного защите диссертаций на соискание ученых степеней Бритовой Н.Н. Евтюховой Л.А., Погребовой Н.Н., Шульца П.Н. и по предварительному отчету Балканской археологической экспедиции // АРАН. Ф. 1909. Оп. 1. Д. 34.
163. Стенограмма расширенного заседания Ученого совета КНИБ 22.08.1949 // ГАРК. Ф. Р-3383. Оп. 1. Д. 33.
164. Сыроечковский В. Замечания об изучении истории Крыма // АРАН. Ф. 624. Оп. 5. Д. 251.
165. Фотографии коллег П.Н. Шульца // НА ИАКр РАН. Ф. Л-9. Оп. 8. Д. 4.
166. Шульц Павел Николаевич // ЦГА СПб. Ф. Р-7222, Оп. 30. Д. 2898.

167. Шульц Павел Николаевич // ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 2. Д. 4048.

Литература

168. Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН. 1919–2014 гг.). / отв. ред.-сост.: Е.Н. Носов; кол. авт. – СПб.: Дмитрий Булавин, 2013. – 414 с.

169. Академическая наука в Карелии. 1946–2006. Т. 1 / отв. ред. А.Ф. Титов; Российская академия наук; Карельский научный центр. – М.: Наука, 2006. – 173 с.

170. Академия наук Молдавской ССР / под ред. Т.И. Малиновского. – Кишинева: «ШТИИНЦА», 1979. – 182 с.

171. Акимченков В.В. "Академия в миниатюре": Севастопольский музей краеведения (1923–1939) / Под ред. А.А. Непомнящего. – Киев-Симферополь: ООО "Антиква", 2012. – 120 с.

172. Александровская О.А. Формирование и особенности сети научных учреждений США. – М.: Наука, 1979. – 208 с.

173. Алекшин В.А. А.А. Иессен — выдающийся исследователь древностей Кавказа // Записки Института истории материальной культуры. – 2017. – № 16. – С. 160–172.

174. Алпатов В.М. История одного мифа: Марр и марризм – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 282 с.

175. Ананьев В.Г. Институт истории искусств и пригородные дворцы-музеи в 1920-е годы // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2014. – № 3. – С. 128–144.

176. Ананьев В.Г. «Барчуки из института Зубова» и «первое возрождение» Петергофа: К истории музейной практики Института истории искусств 1924 г. // Петербургский исторический журнал. – 2018. – № 2 (18). – С. 231–241.

177. Ананьев В.Г. Ф.И. Шмит в Ленинградском университете на рубеже 20–30-х годов XX века // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2021. – Т. 163, № 3. – С. 67–74.

178. Ананьев В.Г., Бухарин М.Д. «Вот в какое время мы жили, и замолчать этот факт я не могу...». Советская историческая наука и музейное строительство в 1917–1941 годах (исследования и документы). – М.: Индрик, 2022а. – 768 с.

179. Ананьев В.Г., Бухарин М.Д. Российская наука и государство в конце 1920-х – начале 1930-х годов // Вестник Российской академии наук. – 2022б. – Т. 92. – № 9. – С. 900–910.

180. Андросов С.А. Музеи Крыма в годы Великой Отечественной войны // Историческое наследие Крыма. – № 6-7. – Симферополь: ООО «Антиква», 2004. – С. 171–180.

181. Андросов С.А. Крымская археологическая комиссия: неосуществленный проект революционной эпохи // Археология Северо-Западного Крыма: Материалы III Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию созданию заповедника "Калос Лимен" и 30-летию открытия Черноморского историко-краеведческого музея, Калос Лимен, 29–31 мая 2017 года / Сост. С.Н. Некляса. – Калос Лимен: "Наследие тысячелетий", 2017. – С. 5–16.

182. Античное поселение Варваровка I в Нижнем Побужье: материалы раскопок 1938–1939 гг. / Н.Н. Чемодуров, В.П. Власов, Н.Д. Денисенко. – Санкт-Петербург–Симферополь: Институт истории материальной культуры РАН, Институт археологии Крыма РАН, 2023. – 344 с. (Серия: Археологические памятники Северного Причерноморья; Вып. 7).

183. Археологические разведки на полуострове Тарханкут / под ред. Т.Н. Смекаловой. – Симферополь: Издательство «ДОЛЯ», 2010. – 179 с. (Серия: Материалы к археологической карте Крыма; Вып. 3).

184. Архивный каталог. Отчеты и полевые материалы за 1945–2022 годы: К 75-летию Института археологии Крыма РАН / Ред.-сост. Н.Н. Чемодуров. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2023. – 405 с. (Серия: История академической археологии Крыма; Вып. 2).

185. Асхабов А.М., Самарин А.Б. Коми научный центр Уральского отделения РАН: 70 лет научного поиска // Известия Коми научного центра Уральского отделения РАН. – 2014. – Вып. 3(19). – С. 26–38.

186. Басюк В.С., Краснощеков Н.А. Особенности организации подготовки научных и научно-педагогических кадров в России: исторический опыт и современное состояние // Вестник Московского университета. Серия 20: Педагогическое образование. – 2023. – Т. 21, – № 4. – С. 7–42.

187. Белов Г.Д. Итоги раскопок в Херсонесе за 1946–1950 гг. // История и археология Древнего Крыма. – Киев: Издательство Академии наук Украинской ССР, 1957. – С. 233–249.

188. Белозерова И.В., Гайдуков П.Г., Кузьминых С.В. К юбилею Института археологии РАН: Московская секция РАИМК-ГАИМК, Московское отделение ГАИМК-ИИМК // Российская археология. – 2019. – № 4. – С. 102–117.

189. Беляев С.А. Памяти Григория Дмитриевича Белова // Советская археология. – 1982. – № 1. – С. 299–300.

190. Богатов В.В. Дальневосточный филиал Академии наук СССР (1932–1939 гг.): страницы истории // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. – 2017. – № 5(195). – С. 7–20.

191. Бритова Н.Н., Лосева Н.М., Сидорова Н.А. Римский скульптурный портрет: Очерки. – М.: Искусство, 1975. – 104 с.

192. Бровина А.А. Северная база АН СССР в истории освоения Европейского Севера России (1933–1941 гг.) // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 438. – С. 112–123.

193. Бухтоярова И.М. Сергей Николаевич Замятнин и его вклад в изучение палеолита: автореферат дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / Бухтоярова Ирина Михайловна. – СПб: [б.и.], 2013. – 22 с.

194. Вальдгауер О.Ф. Очерки по искусству и древностям, хранящимся в Эрмитаже и других русских собраниях. Вып. 1: Римская портретная скульптура в Эрмитаже. – Пгд.: Брокгауз-Ефрон, 1923. – 109 с.

195. Вахтина М.Ю. Об организации археологических исследований в Евпатории и Ак-Мечети (Черноморском) в 1929 и 1933 гг. (по материалам научного архива ИИМК РАН) // Археология Северо-Западного Крыма: Материалы III Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию созданию заповедника "Калос Лимен" и 30-летию открытия Черноморского историко-краеведческого музея, Калос Лимен, 29–31 мая 2017 года / Составитель С.Н. Некляса. – Калос Лимен: "Наследие тысячелетий", 2017. – С. 27–41.

196. Веймарн Е.В. Оборонительные сооружения Эски-Кермена: опыт реконструкции // История и археология средневекового Крыма. – М., Издательство АН СССР, 1958. – С. 7–54.

197. Виноградов Ю.А. Памяти В.Ф. Гайдукевича // Боспорские исследования. – 2006. – № 13. – С. 3–15.

198. Виноградов Ю.А. Страницы истории боспорской археологии. Эпоха императорской археологической комиссии (1859–1917) // Боспорские исследования. – 2012. – № 27. – С. 3–359.

199. Виноградов Ю.А. Елена Ивановна Леви (1903–1996) (по поводу 110-й годовщины со дня рождения) // Записки Института истории материальной культуры. – 2014. – № 9. – С. 187–196.

200. Виноградов Ю.А. Глава II. Императорская археологическая комиссия и изучение древностей Боспора Киммерийского // Императорская археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы: коллективная монография. В 2-х томах / Научные ред.-сост.: А.Е. Мусин, М.В. Медведева. Том 1. – СПб.: Институт истории материальной культуры РАН, 2019. – С. 354–536.

201. Виноградов Ю.А. А.Н. Карасёв. К 120-летию со дня рождения // Археологические вести. – 2021. – № 33. – С. 236–244.

202. Виноградов Ю.А. Этюд к истории Керченского музея на грани эпох (1918–1921) // Боспорские исследования. – 2021. – № 43. – С. 277–305.

203. Виноградов Ю.А., Застрожнова Е.Г. Античные археологи и репрессии в ГАИМК (1934–1936) // Западная Таврида в истории и культуре древнего и средневекового Средиземноморья: Материалы IV научно-практической конференции, п. Черноморское, 09–11 сентября 2022 года. – Симферополь: ООО ИТ «Ариал», 2022. – С. 63–66.

204. Власов В.П. О керамической печи на городище Кермен-Кыр // История и археология Крыма. – 2014. – №1. – С. 153–169.

205. Вовина В.Г. С.В. Бахрушин и М.Н. Тихомиров: к вопросу о школах в исследовании Древней Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2013. – № 3(53). – С. 29.

206. Высотская Т.Н. Павел Николаевич Шульц — основоположник изучения позднескифской культуры // Археология. – 1996. - №1. – С. 128–131.

207. Гаврилюк М.Н. А.Н. Глаголев на идеологическом фронте изобразительного искусства Крымской АССР (1928–1946) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Серия «Исторические науки». – Том 7 (73), № 2. – 2021. – С. 39–52.

208. Гаврилюк М.Н. Изобразительное искусство и органы власти Крымской АССР во второй половине 1930-х гг. Управление по делам искусств при Совете народных комиссаров Крымской АССР // Интеллигенция и мир. – 2022. – № 3. – С. 130–154.

209. Герцен А.Г. К статье С.В. Бахрушина // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – 1992. – Вып. 3. – С. 319–320.

210. Герцен А.Г., Наumenко В.Е., Душенко А.А., Ганцев В.К., Михайлов А.М., Набоков А.И. Новые материалы к археологической карте округа Мангупского городища // Ученые записки КФУ имени В.И. Вернадского. Исторические науки. – 2019. – Т. 5 (71), № 1. – С. 52–74.

211. Григорьева О.В., Медведева М.В. Л.А. Моисеев (1882–1946) и ГАИМК: работы в Крыму 1927–1929 гг. // Западная Таврида в истории и культуре древнего и средневекового Средиземноморья: Материалы IV научно-

практической конференции, п. Черноморское, 09–11 сентября 2022 года. – Симферополь: ИТ «Ариал», 2022. – С. 48–62.

212. Григорьева О.В., Медведева М.В. Лаврентий Алексеевич Моисеев. Начало научной деятельности // Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории: Материалы научной конференции, Севастополь, 18–22 сентября 2023 года. – М.: ООО Издательство "Буки Веди", 2023. – С. 48–53.

213. Гусян Л.С. Ванская экспедиция петербургских востоковедов в 1916 г. // Гуманитарные и юридические исследования. – 2017 – №1 – С. 35–43.

214. Длужневская Г.В. Археологические исследования в Европейской части России и на Кавказе в 1859–1919 гг. (по документам Научного архива Института истории материальной культуры РАН). – СПб.: ЛЕМА, 2014. – 218 с.

215. Домбровский О.И. К вопросу об исследовании и реставрации живописи склепа Деметры // Древняя и Средневековая Таврика / отв. ред. В.В. Майко. – Донецк: «Донбасс», 2012. – С. 314–318.

216. Дружинина Н.С. Охрана культурного наследия Крыма в послевоенный период (1944–1953) // Актуальные вопросы истории, историографии и источниковедения Юга России: к 300-летию провозглашения России империей, 100-летию образования Крымской АССР и 80-летию начала Великой Отечественной войны: Материалы региональной научно-практической конференции, Симферополь, 19 мая 2021 года. – Симферополь: ООО ИТ «Ариал», 2021. – С. 110–116.

217. Дружинина Н.С. Обследование памятников Керчи в июне 1944 года комиссией Государственного Эрмитажа // Боспорские исследования. – 2023. – № 47. – С. 332–348.

218. Дружинина Н.С., Попов А.Д. Деятельность учреждений культуры Крымской области по охране памятников Великой Отечественной войны (1944–1991 гг.) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки. – 2025. – Т. 11, № 4. – С. 47–62.

219. Дубровский А.М. С.В. Бахрушин и его время. – М.: Российский университет дружбы народов (РУДН), 1992. – 167 с.

220. Дьячков С.В., Ручинская О.А. Константин Эдуардович Гриневич (1891–1970). Страницы биографии // Древности. – 2016. – Т. 14. – С. 178–198.

221. Емельянова Н.С. Институт истории и археологии Крымского филиала Академии наук СССР: нереализованный проект // Причерноморье. История, политика, культура. – 2018. – № 26. – С. 6–18.

222. Ена В.Г. Слово о профессоре Я. Д. Козине // Вопросы развития Крыма: научно-практический дискуссионно-аналитический сборник. – Симферополь: Таврия, 1997. – Вып. 4. – С. 101–102.

223. Ена В.Г. Профессор Яков Дмитриевич Козин // Природа. – Симферополь; [б.и.], 2004. – С. 10–13.

224. Ермошко А.Г. Изменение социального облика студенчества Петроградского/Ленинградского университета в первые годы советской власти (1917–1925) // Вестник Пермского университета. История. – 2011. – № 2(16). – С. 137–144.

225. Жордания О.К. Институт истории, археологии и этнографии имени академика И. А. Джавахишвили АН ГССР. – Тбилиси: Мецниереба, 1988. – 171 с.

226. Зайцев Ю.П. История изучения Неаполя Скифского (1945-1999 гг.) // У Понта Евксинского : памяти Павла Николаевича Шульца / ред.-сост.: С.Г. Колтухов, С.Б. Ланцов, А.Е. Пуздровский. – Симферополь: Изд-во Крымского научного центра, 2004. – С. 36–40.

227. Зайцев Ю.П. Начало. По страницам дневника П.Н. Шульца «Тавро-Скифская экспедиция ГМИИ и ИИМК Академии наук СССР» 1945 года // 70 лет Тавро-Скифской экспедиции в Крыму. Материалы научной конференции, посвящённой началу работы Тавро-Скифской экспедиции на Неаполе Скифском и других памятниках Крыма. – Симферополь: [Б.и.], 2015. – С. 6–8.

228. Закиров А.Ф., Хабибуллин М.З. История создания Казанского филиала академия наук в Татарстане // Наука и молодежь: проблемы, поиски, решения: труды Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Новокузнецк, 13–15 мая 2014 года / Под общей ред. проф. М.В.

Темлянцева. Том I. – Новокузнецк: ФГБОУ ВПО "Сибирский государственный индустриальный университет", 2014. – С. 46–49.

229. Застрожнова Е.Г. Из истории археологического изучения Восточного Крыма в 1920–1932 гг.: исследования и исследователи // Боспорские исследования. – 2017. – № 35. – С. 411–427.

230. Застрожнова Е.Г. К истории образования Пантикапейского археологического заповедника // XIX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Традиции и инновации. Материалы международной научной конференции. – Керчь: ИП Литвиненко Е.А., 2018. – С. 148–154.

231. Захарова Е.Ю., Пахомов Р.В. Сергей Николаевич Замятнин — аспирант ГАИМК (по материалам архива ВОКМ) // Археология Евразийских степей. – 2021. – № 5. – С. 175–182.

232. Зинько Е.А. Некоторые страницы истории склепа 1895 г. (склеп «Деметры») // XXI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Объекты искусства в археологическом контексте: материалы международной научной конференции, Симферополь–Керчь, 18–22 мая 2020 года. – Симферополь: [б. и.], 2020. – С. 126–135.

233. Зоря Р.С. Н.Ф. Калинин и его роль в развитии Казанской археологической школы: диссертация ... канд. ист. наук: 07.00.06 / Зоря Роман Станиславович. – Казань: [б. и.], 2021. – 240 с.

234. Зубарь В.М. Летопись археологических исследований Херсонеса-Херсона и его окружи: (1914–2005 гг.): в 2 т. – Симферополь : Крымское отделение Института востоковедения им. А.Е. Крымского НАН Украины; Центр археологических исследований БФ "Деметра", 2009. – 496 с. (Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Supplementum; Вып. 6).

235. Известия Крымского отдела Географического Общества Союза ССР. Выпуск 1. – Симферополь: Крымский филиал АН СССР, Крымский отдел Географического Общества Союза ССР, 1951. – 132 с.

236. Известия Крымского отдела Географического Общества Союза ССР. Выпуск 2. – Симферополь: Крымский филиал АН СССР, Крымский отдел Географического Общества Союза ССР, 1953. – 136 с.

237. Известия Крымского отдела Географического Общества Союза ССР. Выпуск 3. – Симферополь: Крымский филиал АН СССР, Крымский отдел Географического Общества Союза ССР, 1954. – 124 с.

238. Известия Крымского отдела Географического Общества Союза ССР. Выпуск 4. – Симферополь: Крымский филиал АН СССР, Крымский отдел Географического Общества Союза ССР, 1957. – 117 с.

239. Ильев А.Я. Академическая наука на Сахалине: страницы истории // Вестник ДВО РАН. – 2006. – №1. – С. 6–17.

240. История города-героя Севастополя (1783–1957). В 2-х тт. – Киев: Изд-во Акад. наук УССР, 1958–1960. – Т. 1–2.

241. История и археология Древнего Крыма. – Киев, Издательство Академии наук Украинской ССР, 1957. – 345 с.

242. Казарян А.Ю. Анийский археологический институт. Диапазон деятельности и основы достижения успеха // Вопросы всеобщей истории архитектуры. – 2016. – № 2(7). – С. 9–27.

243. Калачева О.В. Формирование индивидуальной и коллективной идентичности в контексте неофициального праздника (на примере празднования Дня рождения в России советского и постсоветского периодов): автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / Калачева Ольга Валерьевна. – М.: [б.и.], 2003. – 22 с.

244. Килячина А.И. Спорные вопросы в анализе идей доступности образования в России в начале XX века // Национальное единство и региональное многообразие историко-педагогических интерпретаций прошлого и настоящего в развитии педагогической науки, системы образования и семьи: Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции – XXXVII сессии Научного совета по проблемам истории образования и педагогической науки при отделении философии образования и теоретической педагогики РАО, Калуга, 26–

28 сентября 2024 года. – Калуга: Волгоградская государственная академия последиplomного образования, 2024. – С. 325–332.

245. Кирилко В.П. "Алустонский клад": история находки // Поволжская Археология. – 2018. – № 2(24). – С. 168–189.

246. Киселев С.В. Работа в области археологии Института истории материальной культуры им. Н.Я. Марра Академии наук СССР // Вестник древней истории. – 1946. – №2(16). – С. 194–203.

247. Клейн Л.С. История российской археологии: учения, школы и личности. Том 2. Археологи советской эпохи. – СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2014. – 640 с.

248. Козин Я.Д., Ена В.Г. Они исследовали Крым // Вам, туристы. – Симферополь: Крым, 1965. – С. 103–110.

249. Колтухов С.Г. История исследований Крымской Скифии // Stratumplus. – 2001. – Вып.2. – С. 319–354.

250. Колтухов С.Г. Павел Николаевич Шульц и его роль в создании концепции позднескифской культуры // У Понта Евксинского (Памяти Павла Николаевича Шульца). – Симферополь: Изд-во Крымского научного центра, 2004. – С. 50–54.

251. Колтухов С.Г., Юрочкин В.Ю. От Скифии к Готии: очерки истории изучения варварского населения Степного и Предгорного Крыма (VII в. до н. э. – VII н. э.). – Симферополь: Сонат, 2004. – 247 с.

252. Колосова Е.Н. История организации УФ АН СССР (1932–1937): человеческий фактор // Документ. Архив. История. Современность. – 2007. Вып. 7. – С. 157–176.

253. Кольцов А.В. Первые филиалы и базы Академии наук СССР // Природа. – 1972. – №10. – С. 2–8.

254. Комков Г.Д., Левшин Б.В., Семенов Л.К. Академия наук СССР. Краткий исторический очерк. – М.: Наука, 1974. – 522 с.

255. Копелевич Ю.Х. Научные академии стран Западной Европы и Северной Америки / Копелевич Ю.Х., Ожигова Е.П. – Л.: Наука, 1989. – 416 с.

256. Кремков М.В. К истории создания, становления и развития Академии наук Узбекистана // Наука, образование и культура. – 2024. – №1. – С. 36–42.

257. Крих С.Б. Образ древности в советской историографии: конструирование и трансформация: дис. ... доктора исторических наук: 07.00.09 / Крих Сергей Борисович. – Казань: [б.и.], 2015. – 553 с.

258. Кудрявцев А.А., Володин С.А. Всесоюзное археологическое совещание 1945 года и его влияние на археологию СССР в послевоенный период // Липецкая археологическая конференция молодых ученых: материалы Всероссийской археологической научной конференции с международным участием, Липецк, 06–07 октября 2020 года. – Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2020. – С. 144–148.

259. Кузьмина О.М. Археолог и исследователь П.Н. Шульц: страница истории Ржевского Верхневолжья // Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве: Сборник научных трудов / Под ред. Е.Г. Милюгиной. Том Выпуск 10 (16). – Тверь: Тверской государственный университет, 2021. – С. 122–128.

260. Кузьминых С.В., Мельникова О.М. К истории уральской археологии в послевоенные годы: письма И.А. Талицкой О.Н. Бадеру // Археология Евразийских степей. – 2023. – № 3. – С. 343–365.

261. Кузьминых С.В., Серых Д.В. Несостоявшийся Всесоюзный археологический съезд: преемственность организационных традиций отечественной археологии после 1917 года (документы и материалы). – СПб.: «Реноме», 2019. – 240 с.

262. Кузьминых С.В., Серых Д.В. Всесоюзное археологическое совещание 1945 года как ключевой фактор послевоенного развития советской археологии // Советская археология до и после Великой Отечественной войны (вторая половина 1930-х – конец 1940-х годов) : Материалы Международной научной конференции, Москва, 06–08 апреля 2021 года / Институт археологии РАН; отв. ред. И.А. Сорокина. – М.: Институт археологии РАН, 2021. – С. 36–37.

263. Кумпан К.А. Институт истории искусств на рубеже 1920–1930-х годов // Конец институций культуры двадцатых годов в Ленинграде: По архивным материалам. – М.: Редакция журнала "Новое литературное обозрение", 2014. – С. 8–128.

264. Куперштох Н.А. Западно-Сибирский филиал Академии наук СССР: проекты и реалии первой половины XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. – 2014. – № 2(28). – С. 32–40.

265. Кутайсов В.А. История исследования античных памятников Северо-Западного Крыма // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – 2016. – Вып. XVII. – С. 30–63.

266. Лавров В.В. В.И. Вернадский и Комиссия по изучению естественных производительных сил Крыма: новые материалы // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология». – 2013. – Том 26 (65), № 5. – С. 166–173.

267. Ланцов С.Б. П.Н. Шульц в изучении античных памятников Северо-Западного Крыма. Проблема определения границ Херсонесского государства в IV–III вв. до н.э. // У Понта Евксинского: памяти Павла Николаевича Шульца / ред.-сост. С.Г. Колтухов, С.Б. Ланцов, А.Е. Пуздровский. – Симферополь: Изд-во Крымского научного центра, 2004. – С. 58–69.

268. Лысенко Ю.М. Становление и основные аспекты деятельности Дагестанской научно-исследовательской базы — Дагестанского филиала Академии наук СССР в 1946–1959 гг. // Вестник Дагестанского научного центра РАН. – 2015. – № 56. – С. 63–70.

269. Майко В.В. Судакский и Коктебельский отряды Тавро-Скифской экспедиции в 1948–1950 гг. // 70 лет Тавро-Скифской экспедиции в Крыму. Материалы научной конференции, посвящённой началу работы Тавро-Скифской экспедиции на Неаполе Скифском и других памятниках Крыма. – Симферополь: [б.и.], 2015. – С. 14–15.

270. Майко В.В. Раскопки храма Иоанна Предтечи в Керчи 1956–1957 гг. // Археология средневекового храма: Материалы научной конференции, посвященной 170-летию К.К. Косцюшко-Валюжинича, Херсонес, 25–29 сентября 2017 года / Ред.-сост. В.В. Майко, Т.Ю. Яшаева. – Херсонес: ФГБУК ГИАМЗ «Херсонес Таврический», 2017. – С. 41–43.

271. Манаев А.Ю. К вопросу о состоянии архитектурных памятников Крыма в 1944 году // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия: Исторические науки. – 2014. – Т. 27 (66), № 4. – С. 54–64.

272. Манаев А.Ю. Историческая наука в СССР в послевоенные годы и возобновление археологических исследований в Крыму // Крымское историческое обозрение. – 2015. – № 3. – С. 131–148.

273. Манаев А.Ю. Малоизученные страницы охраны памятников в Крыму в свете новых архивных документов: 1944–1949 гг. // Дни науки КФУ им. В.И. Вернадского : Сборник тезисов участников II научной конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов, студентов и молодых ученых, Симферополь, 24–28 октября 2016 года. Том 7. – Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2016. – С. 323–324.

274. Манаев А.Ю. "На местах нет должного внимания к вопросам охраны историко-культурного хозяйства городов и районов Крыма": итоговый доклад совещания о проблемах сохранения памятников полуострова в 1948 г. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки. – 2021. – Т. 7, № 4. – С. 80–106.

275. Махнева О.А. Воспоминания о Павле Николаевиче Шульце. // У Понта Эвксинского (памяти П.Н. Шульца) Шульца / ред.-сост. С.Г. Колтухов, С.Б. Ланцов, А.Е. Пуздровский. – Симферополь: Изд-во Крымского научного центра, 2004. – С. 241–243.

276. Медведева М.В., Шаров О.В. Склеп Деметры в Керчи по материалам научных архивов ИИМК РАН и Государственного Эрмитажа // Российские

археологи XIX – начала XX в. и курганные древности Европейского Боспора. – СПб.: ООО «Издательство РХГА», 2017. – С. 96–124.

277. Мерешкова З.И. Методы исследования экспериментальной педагогики (начало XX-го века) // *Lingua-Universum*. 2010. – № 3. – С. 70–75.

278. Метель О.В. Коммунистическая академия как центр советской исторической мысли (1918–1936 гг.) // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: Сборник материалов Всероссийской молодежной научной школы-конференции, Новосибирск, 14–16 сентября 2017 года. – Новосибирск: Издательско-полиграфический центр Новосибирского национального исследовательского государственного университета Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, 2017. – С. 149–156.

279. Методические рекомендации по публикации архивных документов в печатном виде / Всероссийский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела. – М.: [Б.и.], 2023. – 324 с.

280. Михайлов К.А. Михаил Константинович Каргер (1903–1976): Биографические очерки. – СПб.: ИИМК РАН, 2023. – 114 с.

281. Могаричев Ю.М. Научный архив Е.В. Веймарна в Бахчисарайском государственном историко-культурном заповеднике // История и археология Юго-Западного Крыма. – Симферополь: Таврия, 1993. – С. 234–239.

282. Мосберг Г.И. К изучению могильников римского времени в Юго-Западном Крыму // Советская археология. – 1946. – вып. 3. – С. 113–119.

283. Мусаева У.К. Подвижники крымской этнографии, 1921–1941: историографические очерки / Под ред., вступ. ст. А.А. Непомнящего; Таврический национальный ун-т им. В. И. Вернадского. – Симферополь: Таврия, 2004. – 214 с. – (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; Вып. 2).

284. Мусаева У.К. Развитие музейного дела в Крымской АССР (1921–1941). – Симферополь: Крымучпедгиз, 2013. – 404 с. – (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 21).

285. Мусаева У.К. Музейное строительство в Крымской АССР в 1920–1940 гг.: формы и методы руководства и организации музейной работы в Крыму // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2014. – Т. 4. – № 3. – С. 36–44.

286. Надинский П.Н. Очерки по истории Крыма. Ч. 4: Крым в период Великой Отечественной войны, в годы восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства (1941–1965 гг.). / [под общ. ред. И.С. Чирвы]. – Симферополь: Крымиздат, 1967. – 318 с.

287. Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Отчеты о полевых исследованиях. Каталог. Том 1. 1945–1954 гг. / Отв. ред. Н.А. Макаров, П.Г. Гайдуков; сост. С.И. Болдырев, А.В. Ковальчук, У.Ю. Кочкаров, Е.Ю. Лебедева, О.А. Роянова, И.М. Умарова. – М.: ИА РАН, 2009. – 352 с.

288. Неделин А.И. Севастополь: Исторический очерк: От основания города до начала Крымской войны 1853–1856 гг. – Симферополь: Крымиздат, 1954. – 100 с.

289. Непомнящий А.А. Арсений Маркевич: страницы истории крымского краеведения. – Симферополь: Бизнес Информ, 2005. – 432 с. – (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; Вып. 3).

290. Непомнящий А.А. Украинское общество изучения Крыма и Кавказа: неизвестная страница истории крымоведения // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – 2006. – № 12. – С. 683–701.

291. Непомнящий А.А. Профессор Николай Эрнст: страницы истории крымского краеведения. – Киев: Стилос, 2012. – 464 с. – (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; Вып. 15).

292. Непомнящий А.А. Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе: из истории коммуникаций в крымоведении // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки. – 2018. – Т. 4 (70), № 1. – С. 33–53.

293. Непомнящий А.А. Между Керчью и Севастополем: К.Э. Гриневич в 1924 году // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки. – 2025. – Т. 11, № 1. – С. 93–111.

294. Нессельштраус Ц.Г. Павел Николаевич Шульц (1900–1983) // К юбилею факультета теории и истории искусств Института имени И.Е. Репина. 75 лет. Сб. науч. трудов. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина, 2012. . – С. 1101.

295. Никуленкова Е.В., Скворцов В.Н. Поиски новых форм подготовки научных кадров в Советской России в 1920-е гг. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2016. № 4–2. – С. 21–30.

296. Новиков А.Ф. По поводу Российского Института истории искусств: письмо к Ф.Н. Петрову 6 декабря 1923 г. // Литературное наследство. – 1970. – Т. 82. – С. 61–62.

297. Носов А.В. К вопросу об оценках доклада С.В. Бахрушина «Предпосылки всероссийского рынка в XVI веке» // Архивный поиск: Сборник научных статей и публикаций. – М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Архив Российской академии наук, 2022. – С. 243–254.

298. Отцы-основатели РАИМК: их жизненный путь и вклад в науку: Коллективная монография / науч. ред.-сост. В.А. Горончаровский. – СПб.: ИИМК РАН, 2022. – 872 с.

299. От Сектора к Институту. Очерк истории: К 75-летию Института археологии Крыма РАН / ред.-сост. В.В. Майко, В.Ю. Юрочкин, Н.Н. Чемодуров, Н.Д. Денисенко. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2023. 96 с. (Серия: История академической археологии Крыма, Вып. 3.).

300. Охрана и изучение памятников истории и культуры в Крымской АССР: исследования и документы / Авт. сост. А.В. Хливнюк; под ред., вступ. ст. А.А. Непомнящего. – Симферополь: СГТ, 2008. – 240 с. – (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; Вып. 11).

301. Очерки истории техники докапиталистических формаций / сост. Б.Л. Богаевский, И.М. Лурье, П.Н. Шульц, Е.Ч. Скржинская, Е.А. Цейтлин; под ред. В.Ф. Миткевича. – М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1936. – 463 с.

302. Павел Наумович Надинский (некролог) // Вопросы истории. – 1961. – №12. – С. 202.

303. Панкратова Е.Г. История археологического изучения античных памятников Восточного Крыма: от Октябрьской революции до Великой Отечественной войны (1917–1941) / Е. Г. Панкратова; Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, Институт истории материальной культуры РАН, Центр археологических исследований Благотворительного фонда "Деметра". – СПб.: ООО "Соло-Рич", 2018. – 156 с. (Боспорские исследования. Supplementum 18).

304. Петров В.П., Шамко Е.Н., Драчук В. С. Восхождение к подвигу : Очерк. [О П.Н. Надинском]. – Симферополь: Таврия, 1982. – 145 с.

305. Платонова Н.И. Институт истории материальной культуры в годы Великой Отечественной войны // Материалы конференции “Археология и социальный прогресс”. Вып. I. / Ред. В.П. Алексеев и др. – М.: Институт археологии АН СССР, 1991. – С. 45–78.

306. Платонова Н.И. и др. «В археологию ворвался, как Метеор...»: В.И. Равдоникас и его деятельность на начальном этапе / Н.И. Платонова, В.В. Бондарева, Н.Н. Жервэ, А.А. Титова // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре: Труды съезда. В 3-х томах, Самара, 01–02 октября 2020 года. Том III. – Самара: Самарский государственный социально-педагогический университет, 2020. – С. 149–151.

307. Попова Е.А. Позднескифская культура: история изучения, проблемы, гипотезы // Вестник Московского университета. – 2011. – № 1. – С. 136–147.

308. Прохорова Т.А. На службе археологии и музею: к 125-летию со дня рождения Константина Эдуардовича Гриневича (1891–1979) // Причерноморье. История, политика, культура. – 2017. – № 22. – С. 8–22.

309. Пуздровский А.Е. П.Н. Шульц и проблема сарматизации позднескифской культуры // У Понта Евксинского: памяти Павла Николаевича

Шульца / ред.-сост. С.Г. Колтухов; ред.-сост. С.Б. Ланцов; ред.-сост. А.Е. Пуздровский. – Симферополь: Изд-во Крымского научного центра, 2004. – С. 55–58.

310. Путеводитель по Крыму: Краткий путеводитель-справочник / под. ред. Я.Д. Козина. – Симферополь: Крымиздат, 1956. – 251 с.

311. Рабинович С. Их имена — в книге Почета. А.С. Рабинович // Университетская жизнь. – 18 июня 1975. – № 25(57). – С. 1.

312. Раскопки Неаполиса // Красный Крым. – 21 августа 1945. – №165. – С. 2.

313. Решетникова С.Н. Основные проблемы источниковедения сибирской истории в творчестве С.В. Бахрушина: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / Решетникова Светлана Николаевна. – Тюмень: [б.и.], 2010. – 26 с.

314. Российская академия наук: 300 лет истории: в 2-х томах. Т. 1: Императорская академия наук — Академия наук СССР. 1724–1934. – М.: Наука, 2024а. – 789 с.

315. Российская академия наук: 300 лет истории: в 2-х томах. Т. 2: Академия наук СССР — Российская академия наук. 1934–2024. – М.: Наука, 2024б. – 845 с.

316. Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. Т. 1. Атлас. Таблицы I–CXII. – СПб.: Императорская Археологическая комиссия, 1913. – 112 с.

317. Рыжов А.Н. К вопросу о доступности среднего и высшего образования в Российской империи в начале XX в. // Источники исследования о педагогическом прошлом: интерпретация проблем и проблемы интерпретации: Сборник научных трудов международной научно-практической конференции, Москва, 20–21 сентября 2019 года. – М.: Московский педагогический государственный университет, 2019. – С. 517–532.

318. Сарапулкина Т.В. Таврский компонент в исследованиях Тавро-скифской экспедиции // Херсонесский сборник. – 2024. – № 25. – С. 60–75.

319. Свержевская М.И. Совет по изучению производительных сил ан СССР: создание и деятельность в 1930-е годы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2014. – Т. 13, № 8. – С. 131–136.

320. Севастьянов А.В. Десять лет на службе крымоведения: Российское общество по изучению Крыма (1922–1932) / Под ред. А.А. Непомнящего. – Симферополь: Доля, 2010. – 256 с. – (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; Вып. 13).

321. Селиверстова К.Н. Обстоятельства возникновения Музея "пещерных городов" в Бахчисарае // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки. – 2017. – Т. 3 (69), № 3. – С. 147–159.

322. Сидорчук И.В. Деятельность Н.Я. Марра на посту председателя Государственной академии истории материальной культуры (1919–1920, 1922–1934 гг.) // Terra Linguistica. – 2016. – №4. – с. 96–107.

323. Скворцов А.М. Подготовка кадров высшей квалификации по античной истории в СССР 1920-х – начале 1930-х гг. // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. – 2016. – № 2. – С. 177–184.

324. Скворцов А.М. От научных сотрудников II разряда к аспирантам: подготовка кадров высшей квалификации по медиевистике в Ленинграде (1920–1930-е гг.) // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. – 2023. – Т. 10, – № 4(40). – С. 59–65.

325. Смекалова Т.Н. Значение творческого наследия П.Н. Шульца в современных исследованиях Северо-Западного Крыма // Дистанционные и геофизические исследования поселений античной эпохи в северо-западном Крыму. – Симферополь: Доля, 2011. – С. 199–205. – (Серия: Материалы к археологической карте Крыма; Вып. 5).

326. Смекалова, Т.Н. Археологический атлас Северо-Западного Крыма / Т.Н. Смекалова, В.А. Кутайсов. – СПб: Издательство Алетейя, 2017. – 448 с. –

(Серия: Археологические атласы Северного Причерноморья; 2; Материалы к археологической карте Крыма; Вып. XVIII. Эпоха поздней бронзы. Ранний железный век. Античность).

327. Соколов Г.И. Римский скульптурный портрет III века и художественная культура того времени. – М.: Искусство, 1983. – 154 с.

328. Соколов А.А. Изучение и организация охраны памятника "Склеп Деметры" в Керчи (40-е – 80-е гг. XX века) // Кирилло-Мефодиевские чтения в СамГТУ: сборник материалов XI Всероссийской (с международным участием) научной конференции студентов, магистрантов и аспирантов, Самара, 15 мая 2015 года. Том Выпуск 3. – Самара: Самарский государственный технический университет, 2015. – С. 192–195

329. Соколов Д.В. Эрнст Удрис: палач и жертва // Журнал Посев. – 2018. – Октябрь (№ 10 (1693)). – С. 24–28.

330. Соколова К.Ф. Антропологические материалы из раннесредневековых могильников Крыма // История и археология средневекового Крыма. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – С. 63–87.

331. Сорокина И.А. Археология и «музейное строительство» первых лет советской власти // Краткие сообщения Института археологии. – Вып. 249. – Ч. 1. – 2017. – С. 311–317.

332. Спицын А.А. Археологические раскопки / Сост. А. Спицын, чл. Имп. Археол. комис.; Имп. Археол. комис. – СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1910. – 125 с.

333. Степанов М.Г. "Академическое дело" (1929–1931 гг.): взгляд современной историографии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 7–2(33). – С. 158–161.

334. Стоянов Р.В. Глава V. Императорская Археологическая комиссия и изучение Херсонеса Таврического // Императорская археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы: коллективная монография. В 2-х томах /

Научные ред.-сост.: А.Е. Мусин, М.В. Медведева. Том 1. – СПб.: Институт истории материальной культуры РАН, 2019. – С. 743–782.

335. Строков А.А., Камелина Г.А. Материалы Ай-Тодорского могильника в собрании Государственного исторического музея из раскопок В.Д. Блаватского: новое обращение к забытой коллекции // *Stratum plus*. Археология и культурная антропология. – 2021. – № 4. – С. 383–400.

336. Сулейманов А.А. Пути развития академической науки Якутии в 1947–1991 гг. // *Исторический журнал: научные исследования*. – 2024. – № 5. – С. 291–304.

337. Тимир-Булатова С.Р. В.Д. Блаватский как исследователь военного дела Северного Причерноморья // *Parabellum Novum*: военно-исторический журнал. – 2021. – № 14(47). – С. 162–169.

338. Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете: Историографические очерки. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. – 332 с.

339. Тихонов И.Л. Много историй одной науки (о различных жанрах в истории археологии) // *Краткие сообщения Института археологии*. – 2015. – № 240. – С. 302–317.

340. Тихонов И.Л. Археологическое образование в российских университетах в 1920-е годы // *Очерки истории Отечественной археологии*. Вып. V. – М.: Институт археологии РАН, 2019. – С. 361–379.

341. Тихонов И.Л. О репрессиях в ГАИМК // *Советская археология до и после Великой Отечественной войны (вторая половина 1930-х – конец 1940-х годов): Материалы Международной научной конференции, Москва, 06–08 апреля 2021 года* / Институт археологии РАН; отв. ред. И.А. Сорокина. – М.: Институт археологии РАН, 2021. – С. 63–66.

342. Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг. / Корзун В.П. [и др.]; [под ред. В.П. Корзун]. – М.: РОССПЭН, 2011. – 470 с.

343. Трофимова А.А. Античный портрет в трудах О.Ф. Вальдгауера и М.И. Ростовцева // Актуальные проблемы теории и истории искусства. – 2021. – № 11. – С. 107–117.

344. Тункина И.В. Из научного наследия: Записка о присуждении учёных степеней С.А. Жебелёва. Предисловие публикатора // Очерки истории отечественной археологии. Вып. III. – М.: Институт археологии РАН, 2002. – С. 142–145.

345. Филимонов С.Б., Храпунов И.Н. Николай Львович Эрнст — исследователь истории и древностей Крыма // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – 1996. – Вып. V. – С. 242–255.

346. Филимонов С.Б. Хранители исторической памяти Крыма. – Симферополь: Черномор-Пресс, 2004. – 316 с.

347. Храпунов И.Н. Об этнической принадлежности кизил-кобинской культуры // История и археология Юго-Западного Крыма. – Симферополь: Таврия, 1993. – С. 3–10.

348. Чемодуров Н.Н. Деятельность Тавро-Скифской экспедиции: к 75-летию научного предприятия // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). – 2020. – Т. 6. – С. 260–283.

349. Чемодуров Н.Н. «Особый отчет не замедлит появиться в ближайшем сборнике»: к 100-летию археологических исследований П.Н. Шульца в верховьях р. Волга // МИЛЛЕРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ –2022: «Науки производить и совершать». Начало академической науки в России: материалы IV Международной научной конференции 11–13 мая 2022 г., Санкт-Петербург / сост.: Л.Д. Бондарь, М.В. Поникаровская, И.В. Тункина. – СПб.: Реноме, 2023. – С. 170–177.

350. Чемодуров, Н.Н. Дневник научной командировки П.Н. Шульца 1932 г.: источник по истории довоенной крымской археологии // Боспорские исследования. – 2023. – № 46. – С. 265–297.

351. Чемодуров Н.Н. Евпаторийская экспедиция ГАИМК в переписке Я.Г. Благодарного и П.Н. Шульца // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – 2024. – № 29. – С. 545–567.

352. Чемодуров Н.Н., Майко В.В. Научный архив Института археологии Крыма РАН: история и современность // HISTORIA AETERNA: осмысляя историческое наследие...: сборник статей к 65-летию члена-корреспондента РАН Ирины Владимировны Тункиной / ред.-сост. Л.Д. Бондарь, И.Л. Тихонов; СПбО РАН; СПбФ АРАН. – СПб.: Реноме, 2025. – С. 69–77.

353. Шаманаев А.В. Проекты организации археологического съезда в Крыму в конце XIX – начале XX вв. (по материалам протоколов заседаний Таврической ученой архивной комиссии) // Документ. Архив. История. Современность: материалы V Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 5–6 декабря 2014 г. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2014. – С. 324–328.

354. Шелкова Е.Н. Екатерина Александровна Домбровская (1886–1965). Статья в электронном киоске. URL: https://kirmuseum.org/sites/default/files/ebook/2020/selkova_e.n_naucno-popularnaa_stata_3_kv_2019.pdf (Дата обращения: 16.12.2025).

355. Щеглов А.Н. Памяти Павла Николаевича Шульца // Советская археология. – М.: Институт археологии АН СССР, 1984. – № 3. – С. 285–287.

356. Юрочкин В.Ю. Сессии по истории Крыма и становление археологической науки в послевоенном Крыму // История и археология Крыма. – 2016. – № 4. – С. 187–204.

357. Юрочкин В.Ю. Готский вопрос. – Симферополь: СОНАТ, 2017. – 495 с.

358. Юрочкин В.Ю. П.Н. Шульц и П.Н. Третьяков: к истории несостоявшейся дискуссии о "крымских славянах" // История и археология Крыма. – 2019. – № 9. – С. 238–247.

359. Юрочкин В.Ю. Охрана памятников в Керчи и Сектор истории и археологии КНИБ АН СССР в 1949 г. // Таврические студии. – № 19. – Симферополь: ООО «Антиква», 2019. – С. 145–152.

360. Юрочкин В.Ю. Сектор истории и археологии Крымской научно-исследовательской базы АН СССР в 1947–1950 гг. // Лазаревские чтения.

Причерноморье: история, политика, география, культура: Сборник материалов XVII Международной научной конференции «Лазаревские чтения», Севастополь, 02–04 октября 2019 года / Под ред. О.А. Шпырко и др. – Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2019. – С. 69–71.

361. Юрочкин В.Ю. “Славянский вопрос” и академическая археология в послевоенном Крыму. К 120-летию Павла Николаевича Шульца (1901–1983 гг.) // Российская археология. – 2021. – № 4. – С. 191–201.

362. Юрочкин В.Ю. Крымская сессия 1952 г. — рубежное событие в крымской археологии // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2024. – № 3(85). – С. 272–284.

363. Юрочкин В.Ю. От Инкермана до Мангупа: к 120-летию Е.В. Веймарна (1905–1990) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки. – 2025. – Т. 11, № 2. – С. 194–218.

364. Юрочкин В.Ю. Академическая археология Крыма в советской Украине. Начальный этап // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2025. – № 2(74). – С. 36–42.

365. Юрочкин В.Ю., Майко В.В. Глава 8. Готы, скифы, славяне: этнические кульбиты крымской археологии послевоенной эпохи // Неизвестные страницы археологии Крыма: от неандертальцев до генуэзцев. – Санкт-Петербург: ООО "Нестор-История", 2017. – С. 157–231.

366. Юрочкин В.Ю., Майко В.В. Институт археологии Крыма за 75 лет: хроника достижений // Российская археология. – 2023. – № 4. – С. 206–214.

367. Амирбек Кызы Г., Беделбаев А. СССР Илимдер академиясынын Кыргыз филиалынын ачылышы жана ишмердүүлүгү (1943-1950-жж.) // Известия Национальной Академии наук Кыргызской Республики. – 2025. – No. S1. – P. 336–341.

368. Бонь О.І. Д.П. Гордєєв та діяльність харківської секції науково-дослідної кафедри мистецтво-знавства ВУАН // Література та культура Полісся. – 2009. – Вип. 49. – С. 138–145.

369. Жүнісбаев А.Ә., Бұрханов Б.Б. Қазақстанның академиялық ғылымының қалыптасу тарихы және С. Асфендияровтың ғылыми-ұйымдастырушылық қызметі // Қазақстан археологиясы. – 2019. – No. 2(4). – P. 66–88.

370. Закирова Г.Ю. Ташкил ва ғаъолияти Академияи илмъо дар Љумъурии Тоъикистон (1930-1941 дар заминаи ёрии Русия) // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. – 2025. – № 1(82). – С. 78–83.

371. Іваненко С.О. Життєвий шлях мистецтвознавця Дмитра Петровича Гордєєва (спроба реконструкції) // Культурна спадщина Слобожанщини. Культура, мистецтво, філософія, охорона пам'яток : збірка науково-популярних статей. Вип. 24. – Харків: Курсор, 2011. – С. 23–32.

372. Кузьміщев О.Г. Е.Р. Штерн та становлення вітчизняної античної археології Північного Причорномор'я (кін. XIX – поч. XX ст.): автореф. дис. ... канд. іст. наук: 07.00.04 / Кузьміщев Олександр Геннадійович. – Київ: [б.в.], 2017. – 26 с.

373. Національна академія наук України. 1918–2008: До 90-річчя від дня заснування / гол. ред. Б.Е. Патон, авт. кол.: О.С. Онищенко, Л.А. Дубровіна, Т.Л. Кулаковська [та ін.]. – Київ: Національна академія наук України, 2008. – 624 с.

374. Національна академія наук України (1918–2018): До 100-річчя від дня заснування / Під ред. О.В. Живаго. – Київ: «Фенікс», 2018. – 336 с.

375. Палкін І.Є. Інститут мінеральних ресурсів: заснування, розквіт, ліквідація // Мінералогічний журнал. – 2019. – Т. 41. – № 4. – С. 75–91.

376. Aubert G. La noblesse, le pouvoir et le savoir dans la Bretagne des Lumières: le président de Robien: (1698–1756): gentilhomme et savant en son siècle: Projet de thèse de doctorat de Histoire. – Rennes, 2000. – 28 p.

377. Demanie S. Charles-François Sturm (1803–1855): circulations savantes et jeux de contextes: Projet de thèse de doctorat de Epistémologie histoire des sciences et techniques. – Lorraine, 2025. – 38 p.

378. Damoutte C. L'œuvre d'Auguste Genin : analyse des collections mexicaines et profil d'un proto-archéologue (1862–1931): Projet de thèse de doctorat de Archéologie. Ethnologie. Préhistoire. – Paris, 2018. – 31 p.

379. Laurière C. Paul Rivet (1876-1958), le savant et le politique: Projet de thèse de doctorat de Ethnologie et anthropologie sociale. – Paris, 2006. – 39 p.

380. Mathé-Rouquette E. Gallula roma arlelas du mythe a l'archeologie: la redécouverte de l'antiquité et la naissance de l'archéologie a arles. 1538–1845: Projet de thèse de doctorat de histoire. – Montpellier, 1996. – 29 p.

381. Perru N. Wilhelm Froehner (1834-1925), conservateur, savant et collectionneur d'antiques: Projet de thèse de doctorat de histoire, textes, documents. – Paris, 2021. – 34 p.

382. Thomas L. Lawrence. The linguistic theories of N. Ja. Marr – Berkeley, Los Angeles : University of California press, University of California press, 1957. – 176 p. – (University of California publications in linguistics).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Документы архивов

Приложение №1

Приложение к свидетельству об окончании училища⁴⁴.

[167, л. 42]

Успѣхи его следующие

Въ Законѣ Божіемъ	—
“ русскомъ языкѣ и словесности	<i>Пять (5)</i>
“ французскомъ языкѣ	<i>Пять (5)</i>
“ нѣмецкомъ языкѣ	<i>Пять (5)</i>
“ английскомъ языкѣ	—
“ исторіи	<i>Пять (5)</i>
“ географіи	<i>Четыре (4)</i>
“ математикѣ, а именно:	
въ арифметикѣ	<i>Четыре (4)</i>
“ алгебрѣ	<i>Четыре (4)</i>
“ геометріи	<i>Четыре (4)</i>
“ тригонометріи	<i>Четыре (4)</i>
“ аналитической геометріи и анализѣ	—

⁴⁴ В данном случае и при публикации других документов соблюдены принципы научного издания исторических документов [279]. Пропущенные буквы, слова, инициалы фамилий, сами фамилии в некоторых случаях дополнены в квадратных скобках. Тексты документов сопровождаются подстрочными комментариями, которые помогают удерживать авторский контекст, но также объясняют моменты не связанные напрямую с главной линией изложения.

“ естествовѣдѣніи	<i>Пять (5)</i>
“ физикѣ	<i>Четыре (4)</i>
“ химіи	<i>Пять (5)</i>
“ космографіи	<i>Пять (5)</i>
“ коммерческой арифметикѣ	<i>Четыре (4)</i>
“ бухгалтеріи	<i>Четыре (4)</i>
“ коммерческой	—
корреспонденціи	
“ политической экономіи	—
“ законоведеніи	<i>Четыре (4)</i>
“ товароведеніи	—
“ коммерческой географіи	—
“ рисованіи, черченіи и	<i>Пять (5)</i>
лѣпкѣ	
“ психологіи	<i>Пять (5)</i>
“ латинскомъ языкѣ	<i>Четыре (4)</i>
Сверхъ того обучался пению, ручному труду и физическимъ упражненіямъ	

Приложение №2

Заявление П.Н. Шульца ректору Петроградского государственного университета.

[167, л. 44–44 об.]

«Заявление

Ввиду того, что сколько мне представляется, я целиком подхожу под нормы для зачисления на стипендии установленные Главпрофобром (п. 7 пункт “в”) убедительно прошу стипендиальную комиссию пересмотреть мою анкету и зачислить меня на стипендию по университету.

Как указано в анкете, родители мои живут в провинции, где отец учительствует и разумеется не имеет достаточных средств, чтобы помочь мне. Приехав в Петроград, я сразу же всецело был предоставлен самому себе. Средства я изыскивал до последних месяцев государственным снабжением и отчасти грузкой в порту. Ныне, не имея поддержки от государства, я нахожусь в безвыходно тяжелом материальном положении. Грузка пагубно отразилась на занятиях и здоровье, не является постоянным средством заработка и всегда может прекратиться на зиму.

Комиссией по перерегистрации я зачислен на 3 курс и должен закончить университет к 1 июня 1923 г. Для окончания мне необходима напряженная экзаменационная работа. Должен заметить, что занятия в Университете я начал фактически лишь в октябре 1920 г. В 1918 – 1919 гг. мной работа в Университете почти не велась. Я имел лишь один семинарский зачет.

Фактически я кончаю университет в три года. Что касается моей академической работы, я смело могу сказать, что являюсь одним из активнейших, если не самых активных студентов ЛХО. С первых же лет учебной работы я уяснил свои профессиональные интересы и призвание и уже третий год специализируюсь по кафедре древнего искусства под ближайшим руководством проф. Вальдгауэра О.Ф. и Б.В. Фармаковского.

Не ограничиваясь специализацией, я работаю по западно-европейскому искусству под руководством проф. Д.А. Шмидта. Под руководством проф. О.Ф. Вальдгауэра я пишу сочинение «Эволюция форм в античной сидящей статуе». По различным семинариям Университета мной написан ряд рефератов. Кроме того я веду и самостоятельные исследования, каковые частично предполагаю доложить в кружке истории и теории искусств Университета, и готовлю к печати исследования о современном искусстве.

В случае надобности могу предоставить подробный отчет о своей академической работе, заверенной профессорами. Все изложенное заставляет меня вторично обращаться с просьбой о предоставлении стипендии.

Отказ в поддержке помимо безвыходного материального кризиса не позволит мне к сроку закончить Университет, что грозит исключением и полным крушением моих планов на будущее. Зачисление на стипендию позволит к сроку выполнить возложенные на меня требования и уже целиком отдаться применению моих сил и знаний в научном строительстве Государства»

Приложение №3

Отзывы научных наставников П.Н. Шульца

[167, л. 47–49]

«Студент П.Н. Шульц все время учебы работает под моим руководством, изучает античное искусство. Им выполнена большая работа о дельфийской статуе «Возницы», – очень важном памятнике, бросающем свет на всю эпоху около 460 г. до р. Хр. Ныне П.Н. Шульц выполняет работу по этрусскому искусству и по древностям Александрии (вопрос об архитектуре «Фароса» и влияние ее в архитектуре башнеобразных сооружений последующих эпох. П.Н. Шульц в высокой степени усердный и талантливый работник и принадлежит к тому ряду слушателей, которых должно считать повышенной активности. Возможность П.Н. Шульцу заниматься, представляется с назначением ему стипендии, так как из него, вне сомнений, вырастет видный деятель в области истории искусств.

27.11.1922. Б.В. Фармаковский.

Сим удостоверяю, что студент Петроградского Университета приема 1918 г. Павел Николаевич Шульц занимался под моим руководством по истории западно-европейского искусства в течение 1921/22 ак.года и продолжает эти занятия в текущем ак. году, причем, проявляя большое усердие и обнаружил весьма удовлетворительные успехи, что свидетельствует о том, что он подает нерядовые надежды для будущего и что ему следует всякого

рода поощрение и поддержку, как в научном, так и в материальном положении.

20. 11. 1922. Д.А. Шмидт.

Студент Павел Николаевич Шульц занимался под моим руководством в течение двух лет и обнаружил не только выдающиеся способности, но и усердие в занятиях. Представленные им работы, как и «Дельфийская Возница» и др. после некоторой переработки будут напечатаны и составят вклад в науку. Поэтому прошу не отказать в представлении П.Н. Шульцу стипендии.

08.11.1922. О.Ф. Вальдгауер»

Приложение №4

Сведения об обучении в Университете из автобиографии 1924 г.

[76, л. 4–5]

«Специальностью я избрал античное искусство и классическую археологию. Интересовался больше всего греческой скульптурой и римским портретом. Параллельно, для приобретения сведений по всему разрезу истории искусства, я занимался искусством и археологией Египта, Эгейским искусством, искусством и археологией Передней Азии, Византийским и Древнерусским, Средневековым и Новым Европейским искусством <...>

У О.Ф. Вальдгауэра мной пройдены следующие семинарские занятия: 1) по античной скульптуре (1920–21 год); по скульптуре Эрмитажа (1921–23 год, прочтено устное сообщение “Статуэтка Тихе в Эрмитаже”; по Римскому портрету (1923–24 год), прочтен доклад “Портрет и копии эпохи Антонинов”.

У проф. Б.В. Фармаковского пройдены следующие семинарии: 1) греческий классический рельеф (1921–22 год); 2) греческая скульптура (1921–22 год), прочтен доклад “Статуя Дельфийского Возницы”; 3) египетские города и храмы, прочтен доклад “Фарос Александрийский”.

По Новому Европейскому искусству я работал у проф. Д.А. Шмидта и принимал участие в следующих семинариях: 1) по голландской живописи (Рембрандт) (1921–22 год); 2) по фламандской живописи (Рубенс) (1922–23 год), сделано устное сообщение “Венера и Адонис Рубенса”.

По древнерусскому искусству я занимался у проф. Н.П. Сычева, у него я работал в следующих семинариях: 1) Древнерусские монументальные росписи (1922–23 год), остался неоконченным доклад “Композиция Нерушимой Стены и ее происхождение”; 2) Русская икона (1923–24 год), прочтен доклад “Икона Спас Мокрые Брада в Русском музее”.

По искусству Египта я вел занятия под руководством Н.Д. Флиттнер, по Эгейскому искусству под руководством М.И. Максимова»

Приложение №5

Автобиография П.Н. Шульца.

[76, л. 11–15.]

«Родился в 1900 г. в Ленинграде в семье педагога-естественника Шульца Николая Павловича. По сословию отец из дворян, имел усадьбу в Тверской губернии, Ржевском уезде. По окончании Петербургского университета отец был при нем оставлен, а затем вел научную и педагогическую работу в Педагогической академии и средней школе г. Ленинграда. После Октябрьской революции отец продолжал педагогическую и научную работу в Ржеве и в Москве, работал в техникумах, средней школе и научно-исследовательских институтах. Имеет гос. пенсию. Живет в Москве: Сретенский бульвар, д. 9, к. 9.

У меня три сестры. Все они окончили ВУЗы в советское время и служат в Ленинграде и в Москве. Жена⁴⁵ работает научным сотрудником в Гос. Эрмитаже.

⁴⁵ Валентина Алексеевна Головкина (1903–1993) – окончила Петроградский университет в 1923 г., в последующие годы работала в Государственном Эрмитаже. В 1925 г. вышла замуж за П.Н. Шульца, в 1932 г. у них родилась дочь Наталья (1932–2016).

Ее отец – инженер, работает в Ленинграде, в энергопоезде. Заграницей родственников не имею и никакой переписки с лицами проживающими заграницей не веду.

Окончил среднюю школу в г. Ленинграде в 1918 г. и в этом же году поступил на историческое отделение историко-филологического факультета Ленинградского университета. В 1919 г. мобилизован в Красную Армию, где и началась моя самостоятельная работа: в качестве лектора я работал в политотделе Ржевского Увоенкомата. В течение 1920 г. возглавлял отдел ИЗО Ржевского Пролеткульта. Осенью 1920 г. я был переведен в Ленинградский Увоенкомат и был прикомандирован для кружковой работы к военно-инженерной дружине. Это дало мне возможность возобновить занятия в университете.

В 1921 г. после демобилизации целиком отдался учебе, не порывая вместе с тем связей с советским художественным движением. С 1921 по 1932 г. я преподавал историю искусств в Ленинградском Пролеткульте и принимал деятельное участие в организации ряда выставок по самодеятельному искусству. В одной из своих первых печатных работ я попытался суммировать опыт работы ИЗО Ленинградского пролеткульта за 10 лет. В последствии моя брошюра в сжатом виде перепечатана в сборнике «Советское искусство за 15 лет» (ИЗОГИЗ, 1933 г.)⁴⁶.

В Университете с 1920 г. окончательно определились мои интересы к археологии и искусству античного мира. В семинариях проф. О.Ф. Вальдгауера и проф. Б.В. Фармаковского мной доложены две работы: «Статуя Дельфийского Возницы» и «Фарос Александрийский».

По окончании Университета в 1923 г. я был представлен к оставлению при университете проф. Фармаковским и Вальдгауером. Одновременно на основании представленной дипломной работы («Статуя Дельфийского Возницы») был зачислен научным сотрудником Гос. Института истории искусств, на курсах которого я занимался параллельно с университетом.

⁴⁶ Имеется в виду статья «ИЗОработа Ленинградского Пролеткульта за 10 лет», изданная в 1927 г. в №49 журнала «Жизнь искусства», а затем перепечатанная в сборнике: 21.

В 1924 г. поступил научным сотрудником в отдел древностей Гос. Эрмитажа, где работал под руководством проф. Вальдгауера до 1926 г. В 1926 г. зачислен аспирантом Гос. Акад. Ист. Материальной культуры и вынужден был оставить Эрмитаж. В Академии моими археологическими работами руководил проф. Б.В. Фармаковский, искусствоведческими проф. О.Ф. Вальдгауер. По окончании аспирантуры в 1929 г. был зачислен старшим научным сотрудником Академии. К аспирантскому периоду относятся мои первые печатные работы «Археологические исследования в Ржевском Крае»⁴⁷ и «Портретные скульптуры эпохи Антонинов»⁴⁸.

В Академии широко развернулась моя полевая археологическая работа. Перечислю экспедиции, в которых я принимал участие:

1. Верхневолжская экспедиция ГАИМК. 1925 г. Начальник археологического отряда.
2. Верхневолжская археологическая экспедиция ГАИМК. 1927 г. Начальник экспедиции⁴⁹.
3. Ленинградская археологическая экспедиция Академии Наук. 1928 г. Начальник отряда.
4. Ленинградская археологическая экспедиция ГАИМК. 1929 г. Начальник отряда.
5. Северо-Кавказская экспедиция ГАИМК. 1928 г. Заведующий участком.
6. Ольвийская экспедиция ГАИМК. 1926 г. Заведующий квадратом.
7. Ольвийская экспедиция ГАИМК. 1929 г. Заведующий участком.
8. Ольвийская экспедиция АН УССР. 1930 г. Заведующий участком.

⁴⁷ [26].

⁴⁸ [27].

⁴⁹ [349].

9. Евпаторийская экспедиция ГАИМК. 1933 г. Начальник экспедиции.

10. Евпаторийская экспедиция ГАИМК. 1934г. Начальник экспедиции⁵⁰.

В текущем году в качестве начальника отряда я продолжу свои археологические работы в Ольвийской экспедиции УССР⁵¹.

В 1933 г. в ГАИМК я защитил аспирантскую диссертацию на тему «Монументальная скульптура скифо-сарматского общества». Работа явилась результатом многолетних поездок на юг СССР, собирания нового материала и изучения первоисточников⁵². Отзывы о работе прилагаю. Аспирантская диссертация легла в основу подготавливаемой мной докторской диссертации на тему «Возникновение монументальной скульптуры на территории юга СССР».

Изучение античной археологии и античного скифо-сарматского искусства я сочетал с изучением античной техники. По ИИНИТУ Академии Наук я принял участие в составлении учебной книги по технике докапиталистических обществ, в которой мной прописан раздел «Техника античного рабовладельческого общества» (Издание Академии Наук СССР, 1936 г.)⁵³.

Свою преподавательскую работу в ВУЗах я начал с 1929 г. сначала в качестве старшего ассистента, а затем с 1933 г., в качестве доцента Ленинградского университета. В Университете и ЛИФЛИ я вел специальные курсы по античной археологии, по античной колонизации Северного Причерноморья, а также руководил производственной практикой студентов в Гос. Эрмитаже и в Ольвийской экспедиции. В 1935 г. я зачислен старшим научным сотрудником Гос. Академии Искусствознания, из которой в 1936 г. переведен в Научно-исследовательский Институт Всероссийской Академии художеств. В Академии принял деятельное участие в создании факультета истории и теории

⁵⁰ Об экспедиции: 351.

⁵¹ История и материалы этих исследований недавно изданы: 182.

⁵² О служебных командировках П.Н. Шульца: 350.

⁵³ [301].

искусств, в котором с 1937 г. читаю общий курс и провожу практические занятия по искусству Греции и Рима. Опыт своей преподавательской работы по истории искусства я попытался сжато суммировать в литографированном издании «Искусство Древнего Мира» (1937 г.)⁵⁴.

В настоящее время вся моя научная и преподавательская работа сосредоточена на факультете истории и теории искусства ВАХ. В Академии мной подготовлены две научные работы: «Скульптурные портреты скифо-сарматских царей Скилура и Палака» и «Источники реализации древнегреческого искусства»⁵⁵.

Основной задачей моих работ этого года является участие в составлении учебника по искусству Древнего мира для средней художественной школы, а также продолжение работы над завершением докторской диссертации

5 марта 1939 г.»

Приложение №6

Письмо П.Н. Шульца О.Ф. Вальдгауеру. [134, л. 2–3]

«13 сентября 1924 г. Петровское

Дорогой Оскар Фердинандович!

Надеюсь, что мое письмо застанет Вас уже в Ленинграде.

Я непростительно долго задержался во Ржеве. Помимо интимных обстоятельств (в Петровском гостит Люся Головкина) меня задерживает здесь работа, которая дала неожиданно богатый и интересный материал результат.

Мы совершили весьма продуктивную археологическую экскурсию по Верхней Волге, субсидированную местными организациями.

⁵⁴ [7].

⁵⁵ К времени написания автобиографии еще не были напечатаны.

В настоящее время работы экспедиции закончены. Местный Отд. Нар. Образования и местная краеведческая организация задержали меня во Ржеве для оборудования очередной выставки.

Весь добытый материал привезу в Ленинград.

Ходатайство перед Эрмитажем со стороны УОНО и Об-ва изуч. Местн. Края – если не ошибаюсь уже по о продлении моего отпуска до 1 октября ~~если не ошибаюсь~~ уже посланы. Очень бы хотелось надеяться, что Эрмитаж удовлетворит эти отношения.

Может быть со своей стороны Вы поможете этому. По возвращении я возьму мой затянувшийся отпуск, буду работать во всю.

Меня страшно интересует Ваша поездка за границу – Ваше здоровье, положение дел в Эрмитаже и в Институте. Очень хочется скорее в Ленинград – но и хочется доделать, начатую здесь работу.

Шлю привет всем нашим в Эрмитаже.

Люся шлет Вам сердечный привет.

Горячо преданный Вам П. Шульц»

Приложение №7

Отзыв Б.Л. Богаевского.

[68, л. 25–27]

«Павел Николаевич Шульц весьма удачно сочетает в своей научно-исследовательский камеральной и полевой работе углубленный интерес искусствоведа, археолога и историка материального производства, занимаясь изучением времени разложения родового общества и образованием рабовладельческого государства на Северном Причерноморье и в пригорном Крыму.

Необходимо при этом подчеркнуть, что П.Н. Шульц работает над конкретным материалом, как собранным до него в кругу памятников кимеров,

скифов, сарматов и тавров, так и по памятникам, добытым им самим во время его полевых исследований.

Таким образом, ценность изучаемого фактического материала возрастает в значительной степени в силу того, что эти памятники вводятся П. Н. Шульцем в научный оборот в значительной степени впервые. Работая над сырым материалом, значительная часть которого даже не описана удовлетворительно, П.Н. Шульц не ограничивается простым собиранием материала, описанием и классификацией, — он подходит к археологическому памятнику как к историческому документу и поскольку он обращает главное внимание на произведения «художественного ремесла», то он учитывает специфику исследования памятников идеологического порядка.

Рассматривая изучаемые памятники как исторические документы, П.Н. Шульц своей главной задачей ставит воссоздание истории «скифо-сарматского» и «тавро-скифского» общества и его искусства.

В своей весьма трудной и вполне оригинальной работе П.Н. Шульц с большим знанием дела использует материал античных колоний на Юге СССР, который он хорошо знает, как археолог-классик, много раз участвовавший в раскопках Ольвии и бывший дважды начальником Евпаторийской экспедиции.

П.Н. Шульц в указанных мною работах выступает как пионер своего дела и на прокладываемом им пути он является энергичным и принципиальным противником буржуазных ученых формалистов и особенно М. И. Ростовцева, используя при том то фактически ценное, что находится в его трудах.

Кроме указанной основной области работ Шульца необходимо отметить его интересы в области античного искусства и, в частности, римского, особенно поздних эпох. В работах по античному искусству, которые связаны с основным кругом интересов Шульца, он выступает не только как хорошо знающий свой материал исследователь, но и как человек хорошо понимающий античное искусство.

Нельзя также не отметить П.Н. Шульца, как до-историка-археолога, интересующегося особенно поздними эпохами (развитой неолит, энеолит и т.наз.

медный век). Результаты своих разведок П.Н. напечатал в сборнике «Ржевский край», 1926 г. П.Н. Шульц состоял начальником Верхне-Волжской экспедиции 1925–1927 гг. и начальником археологического отряда Ленинградской экспедиции Академии Наук и ГАИМК в 1928 и 1929 гг. Кроме того, он участвовал в Северо-Кавказской экспедиции.

Полевые работы по изучению доклассового общества по существу связаны также с основным кругом научно-исследовательских интересов Шульца.

Как можно видеть, разнообразные работы П.Н. Шульца органически связаны между собой и подкрепляют друг друга, углубляя изучаемый вопрос.

В заключении считаю нужным отметить, что П.Н. Шульц длительно уже интересуется вопросами античной техники, как это видно по прилагаемому списку его работ, и для ИИНИТа, в котором он работает постоянным сотрудником, он написал соответствующую главу для учебника по истории техники для ВТУЗов.

Широкий и в то же время строго определенный круг интересов П.Н. Шульца, энергичная и полная подлинного научного энтузиазма работа, а также сданные в печать работы его позволяют охарактеризовать П.Н. Шульца, как серьезного научного исследователя, который, видя свои недочеты и стремясь исправить указанные ему ошибки, непрерывно работает над повышением своей квалификации.

Представленная и защищенная в ГАИМК П.Н. Шульцем работа «Монументальная скульптура скифо-сарматского общества» одним из рецензентов которой я являлся, заслуживает вполне, чтобы автору ее была ныне присуждена степень кандидата исторических наук.

Проф. Б.Л. Богаевский»

Отзыв М.И. Артамонова.**[68, л. 28–29]**

«Работа П. Н. Шульца, посвященная исследованию скульптуры Северного Причерноморья, охватывает время с эпохи появления металлов до образования Русского государства. Автор ставит перед собой задачу — выявить и проанализировать, в увязке с историей социально-экономического развития не только скульптурные памятники варварских обществ, но и туземные традиции в пластике античных колоний, и возникших на их основе государств.

По самой своей тематике работа представляет новое явление в нашей исторической литературе, посвященной Северному Причерноморью и лишь в некотором отношении может быть сопоставлена с исследованием Ростовцева «Декоративная Живопись». И там и тут попытка охватить исчерпывающим образом памятники определенного рода, в каждом случае разные — в одном скульптурные, в другом декоративно-живописные, представив их в системе общего представления об историческом процессе в Северном Причерноморье. В смысле полноты охвата и точности описания работа П. Н. Шульца не уступает классической монографии Ростовцева.

То, что П.Н. Шульц собрал в значительной степени новый материал — в этом первое достижение рецензируемой работы. Его одного было бы достаточно, чтобы обеспечить ей хороший прием и долгую жизнь.

Второе достоинство заключается в качестве интерпретации публикуемых материалов. Автор пытается вскрыть их социальное содержание и подкрепляет свои наблюдения и выводы привлечением широкого сравнительного материала. В противоположность Ростовцеву, который во всех явлениях культурной истории Северного Причерноморья искал отображения эллинского или иранского народного духа, П.Н. Шульц находит раскрытие своим памятникам в социально-экономическом развитии тех обществ, которые их оставили, и через преломление

в искусстве и культуре пытается добраться до основного движения материальной жизни, широко используя при этом данные материалистического языкознания и достижения марксистско-ленинской истории

В общем и целом в работе П.Н. Шульца в качестве фона дается оригинальное построение истории Северного Причерноморья, частично обоснованное тем самым материалом, который являлся предметом исследования.

Ознакомившись с работой П.Н. Шульца в целом и проработав ее 1 часть, считаю возможным оценить ее как важное явление в научной жизни. Считаю, что работа превышает требования, какие предъявляются к кандидатской диссертации и должна быть напечатана со всеми, с таким тщанием собранными, воспроизведениями памятников. Вместе с тем, полагаю, что текст, отличающийся неровностью изложения, требует значительной авторской и редакционной правки и нуждается в серьезных сокращениях и лишь кое-где в дополнениях»

\

Приложение №9

Докладная записка директору Дома культуры им. М. Горького тов.

Максимову. [76, л. 30–32]

«В начале октября с.г. по приглашению сектора народного творчества (от 10 X 1936 за №2153), я возобновил занятия по истории искусства в ИЗО-мастерской ДК. На днях зав сектором тов. Петитто сообщил мне о Вашем распоряжении о моем увольнении из состава преподавателей мастерской. Мотивы увольнения при этом сообщены не были, однако, мне представляется, что они те же, что и в 1935 г.

Предполагая, что причиной моего увольнения является имеющийся в делах ДК отзыв обо мне парторганизации ГАИМК (от IV 1935), известный и побудивший к этому шагу б.дир.ДК тов. Печерского в 1935 г., считаю себя

обязанным сообщить Вам следующее: отзыв дает извращенное представление обо мне и моей работе.

Он составлен и подписан бывш. парторгом ГАИМК Озерской, высланной из Ленинграда за связь с контрреволюционным, зиновьевско-троцкистским подпольем (об этом см. сент. и окт. номера стен-газеты ГАИМК). Характер отзыва и мое увольнение из ГАИМК, в отзыве упомянутое, вызвано моим резким протестом в 2-х стенгазетных статьях против поддержанной Озерской и Кипарисовым (б.и.о. председателя Академии высланный сейчас за причастность к зиновьевско-троцкистской контрреволюционной деятельности) травли проф. Б.Л. Богаевского. Я в статьях обвинял Кипарисова, как председателя комиссии по делу Богаевского, в дезориентации бдительности работников ГАИМК и попытке переложить свою вину на плечи беспартийных работников. Первая статья не была помещена вследствие ее передач редколлегией Кипарисову; увольнение последовало через три дня после второй статьи. Секция научных работников союза ПИУ встала в этом вопросе на мою сторону.

В отзыве Озерская тенденциозно использовала мое дворянское происхождение (первая часть отзыва прочтена мне тов. Печерским). Мой отец из сословия дворян (имел усадьбу разм. ок. 80–85 дес. В Ржевском у.), но по профессии учитель средней школы, занимавшийся преподавательской деятельностью как в дореволюционное, так и в советское время. В настоящее время, с 1934 г. он состоит на государственной пенсии его адрес: Москва, Сретенский бул., д. 9, к. 9). Мотив моего увольнения из ГАИМК (недовыполнение производственного плана) ложен, т.к. по существу, по листажу и характеру представленной мной работы я значительно перевыполнил план. Мое общественное лицо в отзыве, судя по его началу, вероятно, не менее искривлено.

Как подчеркнул мне тов. Печерский при первом увольнении, и тов. Петитто сейчас, в моей преподавательской работе в ИЗО ДК, которая велась мной честно и добросовестно и неоднократно получала высокую оценку у лиц

с ней знакомых, и у самих учащихся, нет ничего, что могло бы способствовать увольнению.

В настоящее время я веду в качестве доцента преподавательскую работу в Институте Иностранного туризма и на Истфаке ЛГУ; базой моей научной работы является НИИ Академии Художеств (старший научный сотрудник) и Академия наук, где я являюсь оргредактором тома по технике Др. Греции по ИИНИТу, переехавшему в Москву, но тем не менее, сохранившему меня в составе своих оргредакторов.

В связи с изложенным, в свете речи тов. Сталина на происходящем сейчас Чрезвычайном Съезде Советов, замечаний тов. Сталина на Съезде комбайнеров («сын за отца не отвечает») и постановлений Комиссии советского контроля за 1936 г. о порядке увольнения трудящихся СССР, считаю необходимым восстановление меня на работе в ДК, отнюдь не в своих материальных интересах, т.к. я вполне обеспечен преподавательской и научной работой, а в интересах успешного продолжения моих занятий с коллективом ИЗО ДК и моей реабилитации, как советского гражданина СССР»

Приложение №10

Письмо В.А. Радус-Зеньковича.

[116, л. 18.]

«11 июня 1938 г. № 80.10.09

гор. Ленинград

пр. Володарского, д. 28, к. 1

Шульц П.Н.

Уважаемый товарищ.

Вам, вероятно, достаточно хорошо известно положение Херсонесского музея, и, как специалиста, этот музей не может Вас не интересовать.

Музейно-краеведческий отдел НКП РСФСР крайне озабочен вопросом создания в Херсонесе настоящего научного центра, где бы наши археологи-специалисты могли вести научно-исследовательскую работу, а молодые кадры археологов получали бы там хорошую подготовку.

В настоящее время мы проводим ряд мероприятий в этом направлении, организуем производство раскопок, командируя работников из Гос. Исторического музея. Но во главе Херсонесского музея должен стоять специалист-археолог, знающий и любящий дело и могущий поставить музей при нашей поддержке на должную высоту.

Мы имеем сведения о Вас, как именно о таком человеке, который нужен для этого дела. Поэтому Музейно-краеведческий отдел обращается к Вам с просьбой сообщить Ваши соображения в связи с нашим предложением, и в случае Вашего принципиального согласия сообщить, когда бы Вы смогли приехать в Москву для переговоров.

С товарищеским приветом

Радус-Зенькович»

Приложение №11

Письмо Л.А. Моисеева Н.Я. Марру от 15 июня 1924 г.

[124, л. 2–4]

«Глубокоуважаемый Николай Яковлевич!

Недавно я Вам послал длинную информацию в Академию о положении вопроса со Станцией. Теперь же я принужден обратиться к Вам за покровительством. Дело в следующем: моя тяга к Академии и Центру, желание поставить Херсонес в прежнее его положение, независимое от вредных для дела местных влияний, уже года полтора вскрытое вершителями судеб Крымских музеев и памятников — встретило с их стороны сначала осторожное, а затем, за отсутствием у меня настоящей, твердой поддержки, явное и

открытое противодействие, с начала этого года перешедшее в настоящую борьбу.

Проведение мною положения о Херсонесском городище и музее теперь в Москве окончательно выбило было всякую почву для дальнейших произволов в деле перекидывания без системы и плана музейных предметов из города в город, отчисления муз сумм на нужды своего управленческого аппарата и переброски живой раб силы из одного музея за его счет в другой и т.п.

Поэтому решено борьбу перебросить прямо и откровенно на личную почву, причем на самую в этом отношении благожелательную по возможным результатам.

По линии ведомственной сделать это затруднялись, т.к. Музейным Отделом только что мне назначена спецставка, поэтому действуют по линии партийной — и вот тут, стена («Без объяснения причин, в порядке чисток»).

Если Вы находите хоть какую-нибудь мою заслугу пред Наукой в деле хотя бы сохранения Херсонеса, получения его усадьбы (бывш. Монастырской) для развертывания музея и подсобных ему учреждений, получения денег на его изоляцию (они-то главным образом и были почти главным фактором в борьбе против меня со стороны Крымохриса), то поддержите меня Вы, Николай Яковлевич, лично, в Главнауке и особенно в Музейном Отделе перед Н.И. Троцкой. В официальных сношениях и представлениях в этом деле, где будет выставлена формула «по распоряжению Парткома», в котором инициатором выступает заместитель заведующего Крымохрисом т. [Я.П.] Бирзгал, я понимаю, ничего сделать нельзя. Можно надеяться лишь на личные отношения.

Сюда только что приехал [К.Э.] Гриневич, которого они, может быть, и без нажима с его стороны, кажется, прочат на мое место; я же в конце-концов, если это надо и отошел бы мирно, но очень хочется завершить начатое, выполнить свои моральные и служебные обязательства перед Херсонесом — я бы хотел остаться здесь еще один год, как я говорю, для завершения своих 10 лет пребывания (с 1914 г.) с реальным результатом.

Цинизм величайший в том, что мне не хотят дать возможности отойти от Херсонеса морально удовлетворенным!

Простите Николай Яковлевич за лирические излияния, которые, конечно, не подходят к моим годам, но для меня действительно было бы страданием, сейчас, в данный момент быть от Херсонеса насильственно отнятым!

Я обращаюсь к Вам лично, зная, что Вы поймете это так же, как понимаете настоящее положение нашей Науки и ее роль в современном государственном строительстве, т.е. лучше, чем кто-бы то ни было из наших первоклассных ученых.

Я Вам пишу в суде, который еще не свершился, но свершится, я в этом уверен, на днях!»

Приложение №12

Письмо Л.А. Моисеева Н.Я. Марру

[124, л. 5.]

22.12.1924 г.

Глубокоуважаемый Николай Яковлевич!

Получивший вновь возможность общаться с миром и людьми, чему обязан Вашим совместно с С. М. Городецким и т. Григорьевым обращениям к Генерал-Прокурору, шлю Вам низкий поклон и сердечную благодарность от себя и от семьи. Распухшее дело только теперь может начать рассасываться, хотя следствие еще далеко не завершено. Ввиду того, что основные обвинения, благодаря представленного документальным опровержениям отпадают, — следствие ревизией делхочет отыскать какие либо реальные погрешности, но, увы, не находит достаточно крепких.

Далее просит прислать на себя хорошую характеристику в местный Исполком, где новый состав и тогда его дело к январю совсем закроют».

Письмо Д.П. Гордеева Н.Я. Марру от 10 сентября 1923 г.

[124, л. 1–3]

«Глубокоуважаемый Николай Яковлевич!

С отъезжающим в П-д [В.А.] Бримом⁵⁶ направляю ряд отправлений. Лично Вам кроме настоящего письма, идет еще Институтский конверт с копиями протоколов заседаний Ученого совета КИАИ. Документы эти настолько красноречивы, что не требуют комментариев. На последнем заседании я высказал мнение, обсуждение которого и окончательное решение постановлено отложить до съезда всех членов КИАИ в Тифлис, а именно чтобы собрания, подобно Яфетическому институту, носили систематический характер и устраивались бы не менее 2 раз в месяц по фиксированным дням. Предложение не встретило противоречий, а по мнению некоторых оно дало выход из положения с отчетностью (а именно с разделением того, что сделано по Ин-ту от посторонних работ в плане или программе Ин-та) я постараюсь настоять и согласно уставу Ин-та отчет будет выслан в начале ноября — не позднее.

Самым злободневным для Ин-та вопросом является сейчас квартирный. Дело в том, что вне всех соглашений художница Мачалова уехав с квартиры на прошлой неделе передала ключи сотруднику Музея Общества Истории и Этнографии Иродону Сонгулашвили, который в тайне, в то время как выбиралась Мачалова, захватил комнату и вселился явочным порядком по ордеру вне явки Наркомпросу. Узнав об этом, я принужден был обратиться к [В.М.] Беридзе⁵⁷ с формальным протестом и встретил, должен это засвидетельствовать, деятельную поддержку, т.к. дом наш недавно

⁵⁶ Вениамин Адамович Брим (1894–1939) – советский историк и лингвист, специалист в истории Древней Руси и германской филологии.

⁵⁷ Вукол Михайлович Беридзе (1884–1963) – грузинский и советский историк и лингвист.

муниципализирован, то дело перешло и двинуто в предправление жилпроката. Вследствие указанных обстоятельств вполне развернуть Ин-тут не было возможности. Зал заседаний все еще загроможден и потому сообщения Брима я смог устроить только в Кавказском Отделении Московского Археологического Общества. Невыренность⁵⁸ вопроса с помещением задерживает развертку привезенной из П-да библиотеки. Перед Ин-том теперь встает весьма серьезный вопрос с оплатой, ибо в случае несвоевременности взносов могут быть большие пени. Но пока еще все эти данные не выяснены, а договорные условия не подписаны. Как только дело завершится, сведения будут Вам направлены незамедлительно. С перевозом сюда библиотеки и разверткой ее встает очень остро весьма насущный вопрос об устройстве хотя бы книжных полок, если не о покупке шкафов. Я принужден буду поднять этот вопрос на одном из ближайших заседаний и тогда, со сметными предположениями, Вы будете уведомлены более обстоятельно.

Более мелким, но не менее злободневным является вопрос о пишущей машинке для канцелярии. Раньше у нас временно, через [Е.С.] Такайшвили, были машинки с русским шрифтом из Археографической комиссии, но потом их сдали по его же указанию в Грузинское Общество Истории и Этнографии. В собственности И-та имеется машинка с латинским шрифтом. Ввиду того, что пользоваться ею приходится редко, предложено собрать сведения нельзя ли обменять нашу машинку на другую с русским шрифтом. Если это удастся, то можно будет улучшить внешность делопроизводства и выиграть время при съемке повторных копий.

Что касается хозяйственных нужд, то необходимо прислать денег на покупку электрических лампочек (хотя бы трех — не менее) на оплату за электрическое освещение и на оплату труда по содержанию помещения в чистоте — после окончательной расстановки понадобится большая общая

⁵⁸ Так в оригинале.

уборка. Для этой цели нужно не менее трех червонцев, каковые и следует перевести через банк в знаках червонцев.

Что касается моих личных научных работ, то занимался обследованием привезенных из Москвы алтарных преград, а вскоре, видимо, получу командировку от Наркомпроса в Ахалцихский уезд для вывоза найденных [Л.М.] Меликсе-Бековым⁵⁹ Прорисей Зарзмских фресок. Не имея средств на экспедиции, мы принуждены направить работу нашего архитектора на обмеры памятников Тифлиса.

Поклон семье. Преданный Гордеев»

Приложение №14

Проект временного положения о I-ой Археологической станции РАИМК в Херсонесе. [81, л. 58]

1. «I-ая Научная Археологическая станция РАИМК учреждается для научных разысканий и изучения памятников Херсонеса Таврического, как находящихся на территории его центр городища, так и во всех районах древней Херсонесской Политии и Херско-Византийской Фемы, равно как и для изучения культур с ней исторически соприкасавшихся.
2. Станция размещается в Усадьбе бывшего Херсонесского Монастыря и обслуживает все научные учреждения СССР, работающие в направлении, указанном в 1 § настоящего положения.
3. Управление делами Станции возлагается на Директора, назначаемого Советом Академии, который и руководит всей ее деятельностью руководствуясь особой инструкцией, полученной им от Академии.
4. Средства Станции составляются из доходов от эксплуатации имущества, принадлежавшего Херсонесскому Монастырю и особых поступлений из

⁵⁹ Левон Меликсетович Меликсе-Беков (1890–1963) – советский историк, филолог, арменовед.

общесоюзных средств, порядок получения и расходы коих указываются в особой инструкции.

5. Станция ежегодно представляет Академии отчет о своей деятельности.
6. Станция имеет печать с гербом Республики и надписью «Херсонесская археологическая станция»
7. В отношении пересылки книг и прочих документов Станция пользуется установленными льготами.

Означенный проект принят РАИМК

Ученый секретарь Б.В. Фармаковский»

Приложение №15

Структура довоенных филиалов АН СССР

Дальневосточный филиал [Богатов, 2017]	Уральский филиал [Колосова, 2007]	Закавказский филиал [Жордания, 1988]
Биологический институт: Сектор ботаники; Сектор флоры; Сектор почвоведения; Сектор микробиологии; Сектор экспериментальной зоологии; Сектор гидробиологии; Химический институт: Сектор общей и физической химии; Сектор органического синтеза Институт техники Кабинет по изучению народов Дальневосточного края и сопредельных стран: Сектор китайский	Химический институт; Геохимический институт; Геофизический институт: Лаборатория органической химии; Лаборатория физической химии:	Грузинское отделение: Химический институт; Ботанический институт; Географический институт; Геологический сектор; Биологический сектор; Комиссия экспедиционных исследований; Азербайджанское отделение: 10 секторов естественно-научного и гуманитарного профиля Институт кавказоведения:

Сектор корейский Сектор туземных народов		Сектор бесписьменных и младописьменных народов Закавказья; Сектор истории и материальной культуры Закавказья; Сектор сравнительной этнографии и фольклора народов Закавказья; Сектор географии и топонимики; Кабинет им. акад. Н.Я. Марра
Западно-Сибирский филиал (проект) [Куперштох, 2013]	Узбекский филиал [Кремков, 2024]	Крымский филиал (проект) [АРАН. Ф. 188. Оп. 1. Д. 961]
Геохимический институт Химический институт Энергетический институт Институт биологических исследований Институт по изучению леса	Институт геологии; Институт ботаники; Институт химии; Институт проблем водного хозяйства; Институт истории, языка и литературы Сектор почвоведения; Сектор зоологии; Сектор физики и математики; Ташкентская астрономическая лаборатория; Бюро экономических исследований и картографии	Сектор астрономии и геофизики Сектор геохимии и геохронологии Сектор биологических наук Сектор медицинских наук Сектор истории, этнографии и археологии
Казахский филиал [Жүнісбаев, Бұрханов, 2019]	Таджикский филиал [Закирова, 2025]	
Геофизический отдел	Сектор биологии	

Отдел песков и пустынь Биологический отдел Ботанический сектор Химический сектор Экономический отдел Историко-литературный отдел	Сектор геологии и химии Историко-лингвистический сектор	

Приложение №16

Сыроечковский В. Замечания об изучении истории Крыма.

[164, л. 1–1об.]

«Среди работ, намечаемых в плане организуемой Крымской базы Отделения обществ наук АН ССР, поставлены: издание общей истории Крыма и перевод на русский язык и издание кади-эскерских книг. Вторая из них представляется мне особо важной, очередной задачей в разработке истории Крымского ханства. Мне думается, что без предварительного изучения этого источника, не может быть написана и общая история Крымского ханства, а, следовательно, и история Крыма.

История Крымского ханства в наст время изучена недостаточно. Это сказалось на предлагаемых в последнее время попытках периодизации этой истории. Для отдельных периодов берутся признаки внешние, не вытекающие из жизни самого Крымского Ханства, роста его производительных сил, изменений в производственных отношениях. Работая над ранней историей Крымского Ханства, я пришел к выводу (возможно, также ошибочному), что в его истории в сущности только два периода: первый до второй пол XVI в. и второй — от этого момента до конца истории ханства. Определяющим признаком второго периода является развитие земледелия и землевладения (бейского и общинного) на полуострове. Кочевой феодализм первого периода уступает во втором периоде место феодализму общего типа. Но изучение этого второго периода и перехода к нему невозможно в широком масштабе до перевода и издания кади-эскерских

книг, являющихся важнейшим источником изучения истории крымского землевладения. Сейчас работникам, для которых подлинные памятники недоступны, приходится опираться на прекрасную работу [Ф.Ф.] Лашкова о крымском землевладении, и немногие изданные им же, памятники. Поэтому я и считаю перевод и издание кади-эскерских книг первую очередную задачей в изучении истории Крымского Ханства.

Обращу также внимание на то, что история Крымского Ханства (я уже не говорю о Крыме после завоевания его Россией) не может быть написана без привлечения источников центральных архивов. Помимо дипломатической истории ханства, его внешней политики, в этих источниках мы встречаем громадное количество сведений об истории внутренней жизни Крыма. Издание этих источников, трудно доступных для лиц, работающих непосредственно в Крымской АССР, было бы также важно. При этом следует иметь ввиду не только «Крымские дела» ГАФКЕ, но и Турецкие и Ногайские дела, дающие много материала для истории Крыма.

Уточню, что изучение истории Крыма весьма затруднено недоступностью для работников необходимых документов Литовской метрики.

18 II 1941»

Приложение №17

Докладная записка в Президиум АН СССР по вопросу о создании в Крымской АССР научно-исследовательской базы по историческим дисциплинам; набросок плана работы.

[54, л. 1–8]

«Историческое прошлое Крыма имеет исключительное значение для разработки вопросов истории СССР, археологии, этнографии, и истории культуры народов СССР, истории революционного движения и Гражданской войны.

Исследованием истории Крыма непрерывно занимались и занимаются ряд институтов, учреждений и исследователей центра и Крыма. В Москве и

Ленинграде исследованием истории Крыма занимались и занимаются Институт истории АН СССР, ИИМК, Эрмитаж, Государственный исторический музей, Институт антропологии, Кафедра археологии МГУ, Главная редакция Истории Гражданской войны и многие другие учреждения.

В Крыму над этими же вопросами систематически работали и работают многочисленные музеи Крыма и прежде всего Керченский, Херсонесский, Симферопольский и Бахчисарайский, Феодосийский и другие музеи, кафедра истории СССР и кафедра всеобщей истории КГПИ им. Фрунзе, комиссия содействия Истории Гражданской войны при Крымском обкоме ВКП(б), Научно-исследовательский институт крымско-татарского языка и литературы им. Пушкина и другие учреждения и лица.

Не считая большое количество исследователей, работающих над историей Крыма в Центре, — постоянно проживает и работает в Крыму над историей Крыма ряд научных работников. Достаточно упомянуть таких работников как Ю.Ю. Марти (директор Керченского музея) В.П. Лисин (Херсонесский музей), Аббасов (Симферопольский музей), [А.И.] Полканов — автор работы о Севастопольском восстании 1830 г. и много других местных работников из числа молодежи.

В Крыму проживают и работают член-корреспонденты АН А.И. Маркевич и Е.В. Петухов

В Крымском педагогическом институте работают профессор [Н.А.] Кожин, кандидаты исторических наук, доценты [А.С.] Рабинович, [Б.М.] Вольфсон, [Ф. С.] Загородских и другие научные работники.

Вокруг НИИ языка и литературы им. Пушкина и Отделения крымскотатарского языка КГПИ объединились кадры молодых научных работников из среды коренного населения — крымских татар, которые в течение ряда лет изучают вопросы истории культуры Крымских татар. Среди этих товарищей необходимо отметить кандидатов филологических наук [А.] Ислямова, Фотислямова, научного сотрудника [Э.-А.] Курт-Моллаева и др.

Воспитание молодых национальных кадров и марксистско-ленинское изучение истории крымскотатарского народа получает особенное значение в настоящее время, когда парторганизация борется за выкорчевание всех и всяческих остатков буржуазных националистических и антисоветских веяний.

В Крыму имеются богатейшие данные для археологических исследований прошлого Крыма в древнейший период, в период раннего и позднего средневековья. Разработка и исследование всех памятников материальной культуры, которые выявлены и непрерывно выявляются на территории Крыма, поможет разрешить ряд важнейших проблем истории СССР, но не только истории СССР.

В музеях и архивах Крыма хранится много ценных документов, фондов и рукописей (зачастую, даже не выясненных и не учтенных), начиная с материалов конца XVIII в. и кончая периодом Гражданской войны в СССР. Все эти документы вместе с материалами, хранящимися в Одессе, Николаеве, Днепропетровске, представляют большую ценность для изучения истории СССР XVIII–XX вв., для изучения истории революционного движения и Великой Октябрьской Социалистической революции.

В Симферополе имеется ряд ценных книгохранилищ, среди которых особо выделяется библиотека «Таврика». В библиотеке «Таврика», основанной в свое время [А.Х.] Стевеном и [А.Л.] Бертье-Делагардом собрана вся литература о Крыме на русском и иностранных языках, историческая картография Крыма. В Крыму же хранятся имеющие исключительное научное значение подлинные кади-экскерские книги времен Крымского Ханства.

Бюро Крымского обкома ВКП(б) в своем решении от II 1941 г. отметило, что систематическое изучение истории Крыма не организовано. Всякого рода экспедиции и исследования проводятся из Центра и на месте в Крыму бессистемно. Единого научного руководства, научно-методического, планирующего и политического центра всей большой работы, которая ведется по изучению истории Крыма нет ни в центре, ни в Крыму.

Все это затрудняет и исследования Крыма и научную популяризацию истории Крыма среди трудящихся нашего Союза. Молодые научные работ Крыма не обеспечены помощью. По ряду основных вопросов истории Крыма имеется и зачастую проводится в изданиях и противоречивые, а иногда и путанные точки зрения.

Исходя из всего этого, Бюро Крымского обкома ВКП(б) высказалось за объединение в Академии Наук СССР всей работы по изучению истории Крыма, которая проводится в центре и в самом Крыму. Это объединение должно прежде всего не только объединить вокруг Институты АН работников Крыма, но и помочь научным центрам страны лучше, глубже и всесторонне изучать историю Крыма, подготовить издание серьезной работы по истории Крыма с древнейших времен и до наших дней.

Предложение Крымского обкома ВКП(б) поддержано Институтом истории АН СССР.

Бюро Отделения истории и философии АН СССР со своей стороны, безусловно, полностью поддерживает это предложение и считает необходимым создать в Крымской АССР базу по историческим дисциплинам (истории, археологии и этнографии).

В целях объединения и планирования всей работы в этом направлении, необходимо при отделении истории и философии создать постоянную комиссию по Крыму из представителей Института истории, ИИМК, Института антропологии МГУ, Института этнографии, Института Востоковедения, Института языка и мышления, с привлечением к работе заинтересованных учреждений (Государственный Эрмитаж, ГИМ и др.).

Постоянная Комиссия по Крыму должна объединить работу всех институтов и учреждений, работающих над изучением вопросов истории, археологии и этнографии, антропологии Крыма, языков, и литературы народов Крыма и организовать руководство работой научных работников Крыма в этом направлении

Комиссия планирует и утверждает сводный план научно-исследовательской работы центральных и крымских научных учреждений, ведущих работу по истории, археологии, этнографии и антропологии Крыма.

Для объединения всей работы на месте в Крыму, в Симферополе, создается бюро крымской базы отделения истории и философии АН СССР, работающее по своему плану, утвержденному в отделении истории и философии АН.

Задачами базы является: 1) объединение всей работы по историческому, археологическому, этнографическому и антропологическому изучению Крыма; 2) создание капитальной научной работы по истории Крымской АССР с древнейших времен и до наших дней; 3) популяризация научных сведений о Крыме.

План работы:

- 1) Организация консультаций для местных работников, краеведов и педагогов;
- 2) Содействие охране памятников;
- 3) Содействие организации в Крыму новых научно-исследовательских центров;
- 4) Содействие в организации работы крымских музеев;
- 5) Участие в съездах и совещаниях по истории Крыма;
- 6) Выявление и описание новых источников по истории Крыма;
- 7) Составление библиографии по Крыму и историческим дисциплинам;
- 8) Организация перевода и издания важнейших источников по истории Крыма;
- 9) Составление исторических, археологических и этнографических карт;
- 10) Составление хронологии истории Крыма;
- 11) Организация собирания фольклорного, языкового, археологического и этнографического материала в Крыму;
- 12) Составление монографии по вопросам истории, культуры и общественной мысли крымскотатарского и других народов Крыма;

13) Проведение Всекрымских научных конференций. В частности проведение в 1941 г. конференции с обсуждением: докладов и сообщений с мест по предварительным заявкам по темам текущей исследовательской работы; обсуждение проспекта программы по истории Крыма; обсуждение и рецензирование вышедшей из печати литературы по истории Крыма; утверждение плана работ по истории, археологии и этнографии Крыма;

14) Проведение совместно с Крымским Наркомпросом совещаний историков по городам Крыма;

15) Развитие краеведной работы, привлечение учащихся старших классов школы, студенчества, преподавателей, создание актива, особенно из среды крымскотатарских учащихся и интеллигенции»

Приложение №18

Справка по вопросу организации Крымского филиала. 1941 г. [161, л. 1–3]

1. «Состоялось решение Крымского областного комитета ВКП(б) от 15 марта 1941 о целесообразности организации в Крыму филиала Академии наук СССР в составе следующих секторов: а) астрономии и геофизики; б) геохимии и минералогии; в) биологических наук; г) медицинских наук; д) истории, этнографии и археологии.

Это решение направлено в СНК СССР и ЦК ВКП(б).

2. Обоснование

а) Добывающая промышленность Крыма по многим видам своего минерального сырья в последние годы приобрела всесоюзное значение (Керченский металлургический завод, химическая промышленность по использованию соляных озер; в области сельского хозяйства: табаководство,

виноградарство и виноделие, ценные эфирно-масличные и каучуконосы; рыбное хозяйство, занимающее в СССР третье место.

б) Крым — как здравница СССР.

в) Историческое прошлое Крыма — представляет большое значение для разработки истории революционного движения и Гражданской войны в России.

г) В Крыму существует много научно-исследовательских учреждений, по разным дисциплинам: 7 учреждений Академии наук и несколько десятков — местных научно-исследовательских учреждений, среди которых имеются учреждения, работающие свыше 100 лет (например, Никитский ботанический сад, Херсонесский музей и раскопки древнего Херсонеса, Керченский музей и раскопки древнего Босфора и др.).

3. Научные кадры: докторов, профессоров — свыше 30 человек (в том числе 2 член-корреспондента АН СССР), кандидатов наук — около 50 человек.

4. Помещением и оборудованием научные учреждения, которые могут быть включены в состав Филиала Академии наук — обеспечены.

5. Предварительный проект основных тем, выдвигаемых Госпланом Крымской АССР и научными учреждениями Крыма для разработки научными учреждениями проектируемого филиала АН:

По геологии: а) Железорудные месторождения; б) Геология нефти и горючих газов Керченского полуострова; в) Артезианские воды Крыма, их запасы и режим; г) Карстовые воды и процессы Крымской яйлы; д) Сейсмология, геологическая стратиграфия, биостратиграфия и тектоника Крыма в связи с Кавказом и Добруджей.

По биологии: а) Биология рыб и рыбные богатства Черного и Азовского морей; б) Акклиматизация биологической флоры на базе работы Никитского ботанического сада.

По медицине: а) физические методы лечения; б) бальнеология; в) курортология; г) грязелечение.

Научные учреждения АН СССР в Крымской АССР:

1. Симеизское отделение Пулковской обсерватории АН СССР (работает свыше 30 лет);
2. Региональная сейсмическая станция в Ялте;
3. Севастопольская морская лаборатория;
4. Симферопольская и Феодосийская региональные сейсмические станции;
5. Черноморская гидрофизическая станция;
6. Севастопольская биологическая станция.

Местные научно-исследовательские учреждения:

1. Обсерватория при Крымском Государственном пединституте (Симферополь);
2. Сеть высокогорных метеорологических и гидрометеорологических станций (около 100, некоторые из них работают свыше 40 лет);
3. Сеть станций для изучения микроклиматических горизонтальных и вертикальных зон;
4. Оползневая станция в Кучук-Кое;
5. Гидрологический сектор Крымводхоза;
6. Кафедра геологии и минералогии КГПИ;
7. Краеведческий геологический музей КГПИ;
8. Отдел геологии и полезных ископаемых Центрального музея КАССР;
9. Крымский научно-исследовательский институт строительных материалов;
10. Ряд лабораторий при крупных металлургических, химических и других заводах;
11. Карадагская биологическая станция АН УССР;
12. Азово-Черноморский институт рыбного хозяйства (Керчь);
13. Никитский ботанический сад;
14. Крымский госзаповедник;
15. Лесная опытная станция;
16. Магарачский институт виноградарства и виноделия;

17. Опытная станция плодоводства;
18. Опытная станция полеводства;
19. Опытная станция табаководства;
20. Филиал института защиты растений;
21. Ряд кафедр специальных культур при Крымском сельскохозяйственном институте;
22. Институт Климатологии туберкулеза (НКЗдрав СССР);
23. Институт физических методов лечения им. Сеченова;
24. Институт физических методов лечения в Феодосии;
25. Институт Бактериологии (НКЗдрав СССР);
26. Кафедры Крымского мединститута им. Сталина;
27. Херсонский музей древностей и раскопки древнего Херсонеса (существует ок. 100 лет);
28. Керченский музей древностей и раскопки древнего Босфора (существует ок. 100 лет);
29. Феодосийский музей древностей и раскопки древней Каффы;
30. Судакский музей и древняя крепость;
31. Ряд музеев (Алупкинский, Ялтинский, Севастопольский);
32. Научно-исследовательский Институт крымско-татарского языка им А.С. Пушкина (Симферополь);
33. Кафедры истории народов СССР и всеобщей истории КГПИ»

Приложение №19

Докладная записка о реорганизации и приведении в порядок крымских музеев. [144, л. 95–96]

«4 мая 1939 г.

В Наркомпрос РСФСР, копия в Наркомпрос и СНК КАССР

Институт истории материальной культуры считает своим долгом обратить внимание Наркомпроса РСФСР на неблагоприятное состояние археологических материалов и экспозиции ряда Крым музеев, о чем известно Институту из сообщений работников Института посетивших Крымские музеи:

1. Центральный музей Крымской АССР в Симферополе обладает очень ценным археологическим материалом и прежде всего материалом по истории первобытного общества, при этом отдельные археологические комплексы этого периода, хранящиеся в музее, имеют мировое значение. Однако экспозиция археологического отдела поставлена из рук вон плохо. Нет конкретного исторического освещения выставленных памятников. Неудовлетворительно поставлена инвентаризация и хранение этих ценных археологических материалов, к тому же музей не имеет специалистов, которые могли бы наладить эту работу.

2. В Бахчисарайском Дворце-музее экспозиция не соответствует действительным целям и задачам этого музея. Музей научно не организован, в экспозиции не учтены памятники периферии, имеющие теснейшую историческую связь с Бахчисараем и Бахчисарайским дворцом (дюрбе и др.); больше того, руководство музея даже не интересуется этими памятниками.

3. Севастопольское музейное объединение уже в течение нескольких лет пытается организовать Историко-Археологический музей Нагорья, но до сих пор имеющийся археологический материал свален в тесном и сыром помещении, так как необходимые помещения как для хранения материала, так и для самого музея нет, нет и сотрудников-специалистов, которые могли бы начать дело организации музея. Мало того, крупнейшие археологические объекты, находящиеся в ведении СМО (Мангуп-Кале, Суюренские укрпелления и др.) недостаточно охраняются. Таким образом, к фактической организации музея не приступлено, зря составлялись и составляются бесконечные варианты структур и планов экспозиции, на что вытрачиваются значительные средства.

4. Другие музеи, например Феодосийский, Ялтинский не имеют необходимого оборудования и не чувствуется единства в работе этих музеев.

В экспозиционных планах всех музеев установилась совершенно неправильная традиция, заключающаяся в том, что каждый музей ставит себе цель представить в экспозиции сразу все этапы развития человеческого общества, хотя материалов для такого показа в каждом из крымских музеев и нет; недостаток материала восполняется муляжами или случайными экспонатами; получается нагромождение случайного материала, а в результате отсутствие конкретной истории.

В целом музеи не имеют четкого профиля, структуры и расположения материалов. В результате разбросанность тематики и отсутствие возможности выращивать специалистов на месте.

В таком состоянии крымские музеи оставаться не должны. Крымские музеи имеют всесоюзное значение, — они ежегодно пропускают сотни тысяч экскурсантов. Имеющийся в этих музеях весьма важный материал отражает огромный отрывок времени в истории культуры нашей страны.

Учитывая наличный материал и возможности его дальнейшего поступления из раскопок ближайшего времени, считаем наиболее правильным следующее распределение материалов и установление основных профилей крымских музеев:

1. Центральный музей. В первую очередь сосредоточить внимание на материалах первобытного общества. Начать налаживание и приведение в порядок именно этого отдела. Для того необходимо музей обеспечить соответствующими средствами как для приведения в порядок имеющегося материала, так и для приобретения новых путем раскопок.

2. Бахчисарайский Дворец-музей — должен являться историко-культурным музеем татарского государства XV–XVIII вв., а поэтому необходимо включить в систему музея окружающие памятники этого периода и показать историю культуры татарского народа.

3. СМО организует историко-археологический музей в основном с показом средневекового периода истории Нагорья. Для осуществления этой задачи необходимо организуемый музей обеспечить помещением,

соответствующими специалистами и продолжить плановые археологические исследования средневековых памятников нагорья Юго-Западного Крыма.

4. Профиль Херсонесского и Керченского музеев должен остаться в основном прежним; экспозицию Херсонесского музея, особенно античного отдела, следует существенно дополнить материалами Гераклейского полуострова.

5. Феодосийский музей должен отражать историю восточных районов Крыма, прежде всего татарского периода с выделением материалов истории самого города в более ранние периоды (античная Феодосия).

6. Другие музеи имеют только местный материал и отражают на основе имеющегося материала только историю данного населенного пункта и ближайшей его периферии.

Особое внимание необходимо обратить на хранение и экспозицию материалов римского военного лагеря I–II вв. н.э. «Харакс», которую должен осуществить Алуштинский музей.

При предлагаемом профиле крымскими музеями будет ликвидирована та бессистемность в их структуре, в результате которой крымские музеи в большинстве случаев, не имеют возможности показать подлинную историю Крыма в достаточно полном виде. Путь к ликвидации этой бессистемности ИИМК видит в определенной, хотя бы на ближайшие годы, специализации их, предложенной выше.

ИИМК со своей стороны всячески поддержит Музейно-Краеведческий Отдел Крымского Наркомпроса в деле реорганизации и приведения в порядок крымских музеев.

Вр. Ио директора ИИМК М.И. Артамонов

Ученый секретарь ИИМК С.Н. Бибилов»

**Характеристики в НКВД на П.Н. Шульца. 1935 г.
[160, л. 1–2]**

«Из ГАИМК

Шульц Павел Николаевич. Род 1900 г., из дворян (отец владелец имением, преподаватель естествознания), сам — служащий, работает в качестве научного сотрудника ГАИМК, сейчас переводится на договор. Недисциплинированный, политически невыдержанный, демагог.

От ГАИМК в Дом культуры им. Горького Кировского района

Бывший старший научный сотрудник Государственной академии ИМК Шульц П.Н. уволен из Академии за невыполнение производственного плана 1934 г. (не впервые, такие же невыполнения имели место неоднократно и в предыдущие годы). За время пребывания в Академии, как научный работник себя не проявил, работ никаких не представлял и не печатал. Работник вообще крайне не аккуратный, заданий вовремя не выполняет и легко заваливает порученную ему работу. По происхождению — сын помещика, дворянин. Старается выглядеть вполне советским человеком, однако возможны сомнения в его искренности. Скрытен, молчалив, общественно себя не проявил, склонен к демагогии.

Зав секр. частью Академии Воронина 09 IV 1935»

Из письма П.Н. Шульца тов. Майскому 8 апреля 1943 г.

[76, л. 6–10]

«<...>

«20-го января я провел через линию фронта несколько партизанских отрядов. Вести было много труднее, чем раньше. Линия фронта стабилизировалась.

На лесных снежных тропах, которыми шли отряды, действовали группы немецких автоматчиков. Устраивали засады. Место намеченное для перехода имело красивое название “Соколий мох”. Полотно северной железной дороги, проходившее по насыпи, служило границей, разделявшей нашу и вражескую передовую. Полотно непрерывно простреливалось из пулеметов, минометов и автоматов.

Шли лунной ночью в сильный мороз. Снопы красных и зеленых трассирующих пуль светящимися нитями прорезали воздух. В опасных местах пригибались, ползли кустами и тропами. В зиму 1941 года снега было очень много. Самое тяжелое в этой работе было возвращаться одному обратно. Другое дело, когда за спиной цепь своих!

21 января я провел сводную группу партизанских отрядов. Старший проводник Иванов, славившийся знанием местности и лихими усами, объяснил мне как вывести отряды на положенные им маршруты. Все одеты были поверх полушубков в масхалаты. На плечах оружие и лыжи. В землянках и шалашах слышались беседы политруков с красноармейцами о Ленине.

Стоял лютый мороз, до 38° ниже нуля. Ночь тихая, лунная. Деревья в снегу. И так нелепо этот сказочный зимний мир нарушился трескотней пулеметов, автоматов, воем мин.

Мы пробирались «Сокольными мхами» пригнувшись. Приблизившись к полотну поползли. Свист пуль, шелест летящих мин, их разрывы дополнялись автоматными очередями и шумом немецких трещеток. Своеобразный “джаз-

банд” войны. Непрерывно полыхал свет ракет. Особенно трудно было перекатываться через железнодорожную насыпь. Нужно было ловить моменты перекидки пулеметного огня. Со мной перевалил лишь один отряд командира Сотникова. Остальные не выдержали, остались за полотном.

Мы ползли тропой, проложенной по снегу. Когда добрались до мелколесья поднялись и пошли согнувшись цепочкой. Вдруг справа открыли огонь немецкие автоматчики. Снова легли. Совсем близко приглушенно лепетали немцы. Совсем рядом разрывались брошенные ими гранаты. Мы по цепочке договорились бить только по цели, если они рискнут атаковать. Приготовили гранаты к бою. Немецкий офицер понукал автоматчиков идти в атаку. Солдаты несколько раз начинали кричать “ура”, подражая русским и нечто вроде “ала-ла-ла-ла”, но целинный снег быстро сковывал их пыл. К тому же на притихшего, выжидавшего противника, немцам было идти не только трудно, но и страшно.

Вторая группа автоматчиков перерезала нам путь впереди и били вдоль тропы. Непрерывный, неприцельный огонь нам был не страшен. Партизаны намечали сектора обстрела, настороженно выжидали цель. Немцы нервничали явно больше, чем наши. С интересом я наблюдал, как молодые, начинающие партизаны, по примеру бывалых по-хозяйски раскладывали гранаты, готовясь к бою.

Пролежали мы в снегу друг против друга почти час. Бездействие томило. Решили с Сотниковым искать обходного пути. Поползли, а потом пошли поперечной тропой. Хотели выбраться на параллельную. Один из партизан был ранен в шею. Взял у него винтовку, чтобы облегчить ношу. Оставив отряд позади, прошел вперед, чтобы разведать поворот на нужную нам тропу.

Неожиданный огонь новой группы автоматчиков отрезал меня от отряда. Крикнул Сотникову, чтобы отходил обратно к нашим. Перекрестный огонь вынудил меня двинуться целиной. Путь был закрыт. Пробиваться с боем небольшому отряду было бессмысленно. Отряд отошел. Но мое положение было плохим.

Началась охота. Скрип и шуршание глубокого снега выдавали. Кругом пули со свистом рвали снежный покров. Я укрылся в воронку и осмотрелся. При свете луны заметил приближавшихся автоматчиков. Один сбоку метнул гранату. Разрыв. Два осколка вонзились в ногу. Я дал короткую очередь и тяжело ранил, наверное, в живот, немца. Он истошно кричал. Его оттащили по тропе к ДЗОТу, открыв беспорядочный огонь.

В течение ночи немцы три раза подбирались ко мне. Короткими очередями, меняя их с выстрелами из винтовки, взятой от раненного бойца, удавалось их отогнать. Несколько брошенных немцами гранат не долетели.

В валенке стало липко и тепло. Понял, что это кровь. Ногу жгло. Больно было пошевелить. Масхалат и полушубок заledenели. Малейшее движение вызывало скрип. Сразу же начиналась стрельба по воронке. Трескотня прекращалась лишь тогда, когда минометы нашей передовой открывали огонь. Немцы устремлялись в блиндаж и ДЗОТ. Как я радовался шелесту наших мин, ложившихся у блиндажа очень точно! Были случаи, что они рвались вблизи от меня, обсыпали воронку песком, глиной, с визгом разносили осколки.

На рассвете отчетливо слышал у блиндажа немецкую речь. Офицер распределил посты. Днем автоматчики не рисковали выползать на поляну. Но и мне не давали пошевелиться. При малейшем треске масхалата открывали огонь.

Я постепенно застывал, хотя и зарылся в снег. Никакое зимнее солнце, просвечивающее сквозь оранжевую мглу — не грело. Тревожная мысль — неужели нет выхода, неужели конец. Разбирала злость. Выход должен быть найден! Ясно было одно, живым я не дамся. Хотелось есть, пить, спать. Хватал снег, снег сушил рот руки стыли. В момент опасности приходилось не раз сбрасывать рукавицы. Нога ныла. Подбадривало ощущение сравнительной близости своих.

За день рассмотрел блиндаж и ДЗОТ. Расстояние было немногим более ста метров. Через узкую щель бил тяжелый станковый пулемет. Минометы находились в укрытии за блиндажом. Ручные пулеметы, с наступлением

темноты, немцы выносили на открытую позицию. Насчитал 14 человек. На посты выходило 6 человек. Двое у минометов. Остальные в блиндаже. Посты сменял руководящий через каждые шесть часов, после завтрака, обеда и ужина. Ночью сменились раз. Выходили из блиндажа, соблюдая крайнюю осторожность, всегда открывая предохранительный огонь.

Наступила вторая ночь, лунная, морозная. У меня сложился план выхода из ловушки. Удалось проследить время, когда наши начинали обстрел из минометов. Подсчитал число мин, продолжительность огня. На моих глазах мина накрыла постового, не успевшего укрыться в блиндаж. После обстрела его унесли.

Настороженно вслушивался в шорохи, когда затихал и прерывался треск автоматов. В течение ночи немцы два раза с трех сторон начинали подползать к воронке. Бил по направлению скрипящего снега, по прежнему, чередуя короткие очереди с выстрелами из винтовки. Подползал, бил с разных точек. Создавал иллюзию, что в воронке несколько человек.

Огонь автоматчиков и обстрел из блиндажа сосредотачивался на воронке: стали обстреливать из ручного миномета, но не точно. Менял позицию. Согревался, но руки от соприкосновения с оружием styли. Немцы отползли. Затих и я. Начал снегом оттирать руки. Немцы, очевидно, не желая потерь, рассчитывали на мороз, решили взять измором.

К рассвету стал забываться. Вереница обрывочных образов туманила голову. Выручала острая боль в ноге. Красное солнце описало дугу над кромкой леса. Прошел второй день.

Наступила третья, решающая ночь. Вслушивался в отрывочные, резкие распоряжения офицера. Он намечал пункты постов. Страшили омертвевшие руки. Во время последнего подползания немцев стрелял с трудом. Второй, последний диск автомата был на исходе.

Ночью вдали слышал скрип шагов пробиравшейся по кустарнику цепи. Насторожился. Доносились смутные обрывки коротких фраз. Почудилась русская речь. Это вдохнуло силы. Затем все потонуло в огне, в треске

пулеметной и автоматной стрельбы. Когда огонь утих, явственно услышал стон: “Помогите, братцы, помогите.” Все тише и тише. Наши отошли. Начался долгожданный минометный огонь по немецкой передовой. Постовые скрылись в блиндаже. Когда завывала вторая мина, я выполз из воронки и лихорадочно заработал руками и здоровой правой ногой. Вот уже ползу в глубокой ложбине тропы. Достиг кустарника. Приподнялся. Попытался бежать. Упал. Опять побежал, преодолевая боль. Еще упал. Методично раздавались резкие выстрелы миномета, подвывали и разрывались мины-спасительницы. В висках стучало. Ползу. Поднимаюсь. Падаю. Еще ползу. Вот уже мелколесье. Обронил рукавицу. Не до нее. В ушах перезвоны и странный, назойливый как муха, непрерывный шум.

Минометы замолкли. Раздался ненавистный треск автоматов. Мне казалось, что треск все ближе и ближе. Неужели заметили? Напрягаю силы. Ползу. Впереди между деревьями в лунном свете показалась движущаяся цепь балахонов. Кто? Один споткнулся о корень. И по лесу раздалось, спасительное для меня, крепкое русское слово. Наши! Тяжело дыша, заплетаясь ногой, спешил догнать. Услышали. Настороженно остановились. Поняли. Я был среди своих, родных бойцов 311 дивизии, совершавшей смелый рейд в тыл врага.

<...>

Через два часа я уже был в санбате дивизии <...> вытащили из ноги осколки, туго перевязали ногу, смазали обмороженные руки и нос всесильной мазью Вишневского. Дали новые рукавицы. Обогрели. Скоро, опираясь на палку, я уже мог двигаться...»

**Заявление П.Н. Шульца секретарю Ростокинского районного комитета
ВКП(б) Н.А. Логинову. [64, л. 4–5 об.]**

«Заявление

Двухлетней, пока еще бесплодной, борьбой за комнату, сопровождающейся громадной потерей времени и сил и мучительными для меня моральными испытаниями, я доведен до отчаяния. Я решил обо всем написать Вам, как секретарю Райкома и просить Вашей поддержки.

Несколько слов о себе. Я доброволец, партизан, участник ряда успешных походов в тыл врага. Неоднократно ранен. Сейчас инвалид Отечественной войны I гр. Моя боевая работа отмечалась в печати («Пропогандист», 1942, март, стр. 29 Н. Тихонов «Героический Ленинград»). Награжден медалью «За оборону Ленинграда». По профессии научный работник, кандидат наук, доцент, старший научный сотрудник и член Ученого совета ИИМК Академии наук СССР, заведую античным отделом Гос. Музея изобразительных искусств (производственную и общественную характеристику прилагаю).

После тяжелого ранения, сопровождавшегося обморожением, приехал в Москву для операции рук в ЦИТО⁶⁰. Меня сопровождала жена, научная сотрудница Гос. Эрмитажа, отпущенная для ухода за мной. По выходу из госпиталя восстановлен ст. научным сотрудником ИИМК Академии наук СССР, с которым связан двадцатилетней работой (Центр ИИМК переведен из Ленинграда в Москву). В Москве рассчитывал жить в комнате родителей, проживавших свыше 12 лет по Сretenскому бульвару д. 9/2, к. 9. Однако во время моего пребывания в госпитале, вследствие смерти родителей, их комната отошла в ТЖО⁶¹ и заселена. Я оказался без крова.

С этого момента началось мое “хождение по мукам”. Несмотря на ходатайство Центрального штаба партизанского движения, Президиума Академии

⁶⁰ Центральный институт травматологии и ортопедии.

⁶¹ Видимо, РЖО – Райжилотдел.

наук СССР, директора ГМИИ, депутата Моссовета, народного художника СССР тов. [С.Д.] Меркурова, Совета содействия инвалидам Великой Отечественной войны и других организаций, комнату до сих пор не получил. Дело ограничивалось многочисленными извещениями о ближайшем предоставлении мне комнаты из жилфондов РЖО.

Два раза, в 1943 и 1944 гг., мое дело в РЖО терялось, я его дважды восстанавливал. Указания Горисполкома о закреплении за мной подобранных для меня комнат, переданные письменно и устно по телефону тов. Майоровым тов. Качалову и тов. Лукьянову последними не исполнялись.

С согласия тов. Качалова, с помощью общественности района, мне три раза подбиралась свободная, реальная жилплощадь, однако все три комнаты были переданы другим лицам (комн. в кв. по Сретенскому б. д. 6/1 передан тов. Витгофу зам дир. треста местной промышленности, комн. в кв. 34 в том же доме как будто передается тов. Авельяну, секретарю Райисполкома, комната в кв. 35 по ул. Садово-Сенной д. 18 занята управдомом тов. Серегиным).

29 октября с.г. я вынужден был выехать в коридор и освободить временно мне предоставленную комнату для ее владельца тов. Ревского, вернувшегося с фронта в Москву. Шестой месяц я и моя жена живем без прописки, под постоянной угрозой лишения не только крова, но и карточек (прописка кончилась 1 мая).

Живя в коридоре я не могу работать в полную силу. Жена и дочь ночуют в железной разборочной мастерской ИИМК. Я лишен ухода, мои книги свалены в кучу. Из-за отсутствия комнаты и прописки я не могу выполнить порученное мне Гос. Чрезвычайной комиссией обследование разрушений памятников культуры, совершенные в Крыму немцами, срывается мое участие в Зараут-Сайской экспедиции Академии наук и ГМИИ.

Со стороны работников Райисполкома и РЖО (тов. Качалов, Лукьянов, Васильева, Некрасова) в отличие от Райвоенкомата и Райсобеса я наблюдаю к себе бездушное, грубое отношение. Заслужил ли я его? Я не жалел для Росткинского района здоровья и сил, в течение двух лет отдавая все свое рабочее

время общественной работе среди инвалидов Отечественной войны (с момента выхода из госпиталя бессменно руководил секцией культмассовой работы Совета содействия), полагаю, что мое дело переросло рамки личного дела. Оно сигнализирует о том, что постановление Райисполкома от <...>⁶² I 1944 г. о первоочередном предоставлении жилплощади инвалидам Отечественной войны грубо нарушается РЖО. Поэтому я и решил написать Вам.

Я прошу Вас поддержать перед тов. Качаловым ходатайство Райсобеса и Моск. Гор. Кассы взаимопомощи инвалидам Отечественной войны о закреплении за мной, согласно указания тов. Майорова, комнаты в кв. 35 по Садово-Спасской ул. д. 18 или же в кв. 34 по Сретенскому б., д. 6/1. Превышение метража на несколько кв. метров (22 кв. м. на 3-х человек) вряд ли может послужить основанием для отказа, т.к. я обладаю правом на дополнительную площадь.

5 окт. 1944 г.

П.Н. Шульц»

Приложение №23

Черновик письма В.А. Головкиной И.В. Сталину [64, л. 17–20 об.].

«Многоуважаемый Иосиф Виссарионович!

Стыдно и больно обращаться к Вам в такое время со своей личной просьбой, со своим горем. Может быть это письмо и не дойдет до Вас, но меня поддерживает надежда, что в секретариате Вашем его прочтут и перешлют Вам. Постараюсь насколько возможно кратко изложить суть дела, в котором, кажется мне, было сделано нами все возможное и все же наступил предел нашим возможностям, силам и надеждам.

Я жена партизана П.Н. Шульца, ныне инвалида I гр. Отечественной войны, ст. научного сотрудника Академии Наук, доцента Всероссийской Академии художеств, зав античным отделом ГМИИ. Я – научная сотрудница Гос. Эрмитажа.

⁶² Пропущено.

Мы ленинградцы. Муж пошел на войну добровольцем в партизаны в первые дни войны, я оставалась в Ленинграде и работала до марта 1942 г. в Эрмитаже, после чего мы с дочкой были эвакуированы в последней партии. Муж мой работал проводником партизанских отрядов, был дважды ранен. В последнем походе они попали на немецкую засаду. Он, успев предупредить отряд, сам не успел скрыться с ними в лес, и, спрятавшись в воронке от снаряда, трое суток, раненый, отстреливался от 14-ти немцев, которые, в конце-концов, решили взять его измором, не выпуская его из ямы, и не подходить к воронке, т.к. он подстрелил нескольких. Только, когда наша батарея начала обстреливать это место и они попрятались, ему удалось выбраться и уползти. Двое суток он полз с перебитой осколком гранаты ногой и обмороженными руками. В конце-концов я его нашла в госпитале в Кирове, откуда он вышел уже инвалидом I группы без пальцев на руках. Усилиями врачей все таки удалось сохранить на правой руке три остатка фаланг, с помощью которых он может писать, есть. Из Кирова он был направлен в Московский протезный институт, где ему сделали дополнительную операцию на левой руке, сделав что-то вроде пальцев. Я была направлена к нему, так как без посторонней помощи он не может жить. По выходе из госпиталя он был сразу принят на работу в Институт истории материальной культуры им. Н.Я. Марра Академии Н. СССР и стал работать. Кроме того, он работал в МОССХе⁶³ в секции критиков и вел большую работу в Совете Содействия инвалидов Отечественной войны Ростоцкого района.

Мы жили на площади находящегося на фронте тов. Ревского, и сразу же подали заявление о предоставлении нам жилплощади в Ростоцкий райжилотдел. Вот здесь начались муки, дерганья и издевательства.

Я горжусь своим мужем, уважаю его смелость, мужество, преданность Родине. Получив такое тяжелое увечье, он все же не потерял своей жизнерадостности, оптимизма. Со всей присущей ему энергией и способностью всем сердцем отдаваться работе, он стал продолжать свою научную работу,

⁶³ МОССХ – Московский областной союз советских художников.

одновременно неся большую работу общественную среди инвалидов Ростокского района. И район по полит-массовой работе вышел на одно из первых мест. Его знают и любят, уважают. Казалось бы, человек заслужил своею кровью и работой право на жизнь и на работу, но в течение 2 лет Райжилотдел применял все приемы для медленного удушения человека, который хотя бы и косвенно, под Ленинградом защищал и Москву, так же как и под Москвой защищали Ленинград.

Дело Шульца, вероятно, одно из самых интересных в Ростокинском райжилотделе, хотя бы по количеству ценных автографов и когда-нибудь оно будет иметь историческую печальную известность.

В нем ходатайства о представлении жилплощади Шульцу от академиков [В.П.] Волгина и [Б.Д.] Грекова, за него просит тов. [С.Д.] Меркуров, народный художник и депутат Верховного Совета, Штаб партизанского движения со своей стороны хлопочет о Шульце, Ростокинский Райсобес в лице председателя т. Кускова и Совет Содействия инвалидов Отечественной войны и городская касса взаимопомощи и пр. и другие люди, которые его знают и люди, которых знает наша страна, на ходатайство которых нужно обратить внимание, их голоса в виде бумажек подшиваются к делу, которое все пухнет и пухнет.

Райжилотдел присылает время от времени бумажки с извещениями, что, мол, не волнуйтесь, Вам будет предоставлена комната в первую очередь. Таких извещений уже 4 или 5. Дальше дело начинает развиваться веселее. Не надеясь растормошить аппарат Райжилотдела, муж начинает подбирать комнату сам с помощью общественных организаций, знакомых и пр. Выявляются свободные комнаты. Он получает справки о том, что комнаты действительно свободны и эти справки в простоте своей душевной передает Райжилотделу. И тут происходят уже более любопытные вещи. Все эти комнаты под тем или другим предлогом, а то и просто без предлога, передаются другим лицам. Все это было терпимо до тех пор, пока не вернулся прежний владелец временно предоставленной нам комнаты, мы должны были освободить его помещение, что и сделали. И поселились втроем (я, муж и дочь 11 лет) в разборочной МО ИИМК в углу за двумя шкафами.

Помещение не отапливается, пол каменный. Я, не говоря о себе, у меня ревматизм после ленинградской зимы 41–42 гг., я страдаю от холода, но все же больше мне жаль своего мужа, который сейчас от холода даже не может держать ручку в руках и лишен возможности работать. Ребенок болеет.

Иосиф Виссарионович! Вы покровитель партизан, Вы вспоминаете о них всегда в своих речах! Ответьте нам, неужели, если воин стал инвалидом, он уже ненужная тряпка, неужели, если человек может работать в научной области в полную меру, его надо довести до сумасшедшего дома? Ведь два года происходит эта возмутительная канитель!»

Приложение №24

Отчет о научно-исследовательской работе старшего научного сотрудника

ИИМК АН СССР П.Н. Шульца с 1 июня по 1 октября 1943 г.

[155, л. 1–1 об.]

I. «По индивидуальным темам

Работал над основной темой моих работ по плану 1943 г. «Каменные изваяния Северного Кавказа скифо-сарматского времени». Изучал изваяния, хранящиеся в археологическом отделе Исторического музея из Зубовской и Усть-Лабинской станицы. Просмотрел всю, относящуюся к ним литературу (отчеты Н.И. Веселовского, статья И.И. Мещанинова и т.д.). Изучал осетинские мифы, проливающие свет на семантику изваяний (работы Н.Я. Марра и В.Ф. Миллера). Приступил к работе над текстом. Работу по основной теме закончу к концу 1943 г.

II. По обследованию исторических памятников

Совместно с В.Д. Блаватским продолжил работу по составлению списков археологических памятников первостепенного научного значения из районов Северного Причерноморья, освобожденных и освобождаемых от немецких

захватчиков (заседание Чрезвычайной Государственной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков).

III. По «Культурным сокровищам народов СССР»

Работал на текстом порученной мне популярной брошюры «Памятники скифов Причерноморья» в размере 1,5 печ. листов. В процессе работы выяснилось, что «Издательство АН СССР» предъявляет к подобного рода брошюрам не те требования, что намечены были ранее (размер не менее 10 печ. листов и т.д.). Вынужден был прервать начатую работу, до уточнения вопроса о характере и намерениях намеченной серии «Культурные сокровища народов СССР».

IV. По секциям и группам МО ИИМК

Принимал деятельное участие в работе античной секции МО ИИМК, посещал и принимал участие в обсуждении докладов на заседаниях секции истории искусства, и на пленарных заседаниях МО ИИМК.

V. Доклады и лекции

Прочел 2 популярных лекции по Греции и Египту в госпиталях Москвы для раненных.

VI. Внеплановые поручения

По поручению Высшей аттестационной комиссии КВШ составил отзыв на докторскую диссертацию архитектора И.Н. Соболева⁶⁴ «Архитектура эллинистического жилища». Сдал отзыв в КВШ»

Приложение №25

Докладная записка «О перспективном плане ИИМК».

[155, л. 2–4 об.]

I. «О новом содержании работы ИИМК

⁶⁴ Иван Николаевич Соболев (1903–1971) — советский архитектор, художник, преподаватель, доктор архитектуры, профессор, член-корреспондент Академии архитектуры.

Великая Отечественная война необычайно обострила интерес и любовь к памятникам культуры нашей страны. Боль за разрушаемые памятники нашего прошлого, желание по мере возможности восстановить их после изгнания немцев, стремление глубже и лучше познать свое народное прошлое – становится сейчас достоянием широчайших масс. Война воочию показала, что археологическое изучение прошлого народов СССР – могучий стимул укрепления советских патриотических чувств.

II. Задачи, выдвинутые перед археологией Великой Отечественной войной.

Война перед археологами СССР выдвинула ряд конкретных задач:

1. Обследовать разрушения археологических памятников, произведенные в результате оккупации ряда районов СССР;
2. Принять участие в археологическом изучении разрушений;
3. Помочь в деле возвращение награбленного и компенсации разрушенного;
4. Помочь в деле восстановления разрушенного;
5. Помочь в деле воссоздания археологических отделов музеев;
6. Собрать распыленные войной археологические кадры.

III. Печатная продукция – душа работы

Поставить на должную высоту издание наших работ.

Структура археологических публикаций:

1. Краткие сообщения;
2. Советская археология;
3. Материалы и исследования по археологии СССР;
4. Материалы и исследования по искусству СССР;
5. Научно-популярные публикации (путеводители).

Два принципа:

1. Издание материалов архива ИИМК;
2. Ликвидация научных залежей (все лучшее, увы);
3. Отчеты о раскопках публиковать без затяжек.

IV. Археологические сессии, конференции и съезды

Восстановить хорошую традицию археологических съездов. Областные и республиканские археологические конференции. Союзные археологические съезды. Съезды историков искусства.

Задачи сегодняшнего совещания уточнить вопрос о Конгрессе археологов в СССР. Отдаленная перспектива, для которой нужно накопить кадровые силы.

V. Создание филиалов ИИМК

Археологическая комиссия имела филиалы в Керчи, в Херсонесе, в Новгороде, Средней Азии. Не более 4–5 филиалов.

VI. Планирование археологических исследований

Раскопочная комиссия. Гигантомания и распыление. Здравая программа археологических исследований. Открытые листы. Отчеты.

VII. Контакты с музеями

1. Пополнение музеев археологическими материалами Исторического музея. Что оставлять на местах?

2. Помощь в получении и распределении археологических памятников из Германии.

3. Помощь в воссоздании археологических музеев.

VIII. Контакт с краеведческими организациями

1. Наполнение краеведческой работы новым содержанием. Воспитание интереса к изучению своей истории.

2. Издание путеводителей по городам, районам, областям.

IX. Помощь в школьной работе

Преподавание истории в центре и на местах.

X. Подготовка археологических кадров

1. Создание археологических отделов в МГУ и ЛГУ.

2. Аспирантура и докторантура.

XI. Международные взаимосвязи

1. Научные базы за границей.

2. Взаимосвязь со славянскими народами.

3. Конгрессы.

4. Участие наших авторов в заграничных изданиях и наоборот.

XII. Взаимосвязь между МО ИИМК и ИИМК

Нет ли в этом вопросе нездорового местничества, лишённого серьёзных и принципиальных оснований? Вопрос будет решаться в сфере государственных интересов и в свете практического вопроса пользы.

1. ИИМК должно иметь хорошее помещение, приспособленное для нужд научной и научно-технической работы.

2. При ИИМК должны быть библиотека и архив.

Нет никакого смысла обострять этот вопрос. Военные условия казалось бы должны способствовать сплочению, а не распылению сил. Искусственное взвинчивание этого вопроса – вредно.

XIII. О взаимосвязях с научными учреждениями

Контакты с: Институтом истории АН СССР, Академией архитектуры, Институтом языка и письменности, Институтом краеведения, Институтом археологии АН СССР. Основное звено: издательские работы, кадры. Сплочение людей на работе.

Я верю в хорошее будущее советской археологии и ИИМКа»

Приложение №26

Докладная записка «О содружестве археологов Москвы и Ленинграда».

[155, л. 5–6]

«Одним из самых досадных пережитков дореволюционной археологии являются остатки местничества, нередко мешавшие научному содружеству археологов Москвы и Ленинграда.

Мне приходилось слышать мнение, что война якобы усилила местные неполадки между Ленинградским и Московским отделением нашего Института. Так ли это?

Это мнение глубоко ошибочно. Война нанесла непоправимый удар по советской археологии: немцы разрушили ценнейшие археологические памятники СССР, разграбили немало музеев, ряды советских археологов поредели, в особенности по Ленинграду, война разметала кадры археологов Ленинградского отделения, оторвала их от библиотек, архивов, первоисточников, свела до минимума экспедиции. Казалось бы сейчас археологи СССР разобщены больше, чем когда бы то ни было. Это не совсем так.

Война не только разобщила, но и сплотила археологов СССР. Стало как никогда ясно, что гадкий пережиток местничества пора бросить. Археологам СССР нужно плечом к плечу углублять и расширять исследовательскую работу по изучению нашего прошлого, укрепляя в народе преданность Родине, понимание и любовь к памятникам русской культуры и культуры братских народов СССР. Нужно, не теряя драгоценных дней, обследовать состояние археологических памятников в районах, освобожденных от ига фашистов и принять участие в деле восстановления и консервации памятников. А это все нужно делать рука об руку Ленинградцам и Москвичам.

В силу обстоятельств войны многие Ленинградцы оказались в Москве. В среде археологов Москвы археологи Ленинграда встретили сердечный, товарищеский прием; гостеприимства товарищей из МОИИМКа никто из них никогда не забудет. Научное общение археологов из Москвы и Ленинграда на совместной работе в Ташкенте и в Москве оказалось плодотворным для тех и других. Вспомним хотя бы роль Н.Н. Воронина в работе сектора славяно-русской археологии, В.А. Крачковской в работе группы Востока, А.Л. Якобсона в научной и издательской работе Института, М.К. Каргера в обследовании Новгорода, мою скромную роль в работе античного сектора. Немало могут сделать Н.Б. Бакланов и М.М. Дьяконов. В свою очередь и мы в Москве получили много.

Дружба и сплоченность археологов сосредоточенных в МОИИМК достойный пример для Ленинградского отделения нашего Института, в котором еще действуют, к сожалению, центробежные силы. Одним из средств ликвидации этих центробежных сил, почва для которых взрыхлена условиями эвакуации и

задержкой реэвакуации в Ленинград, является укрепление научного и личного содружества археологов Москвы и Ленинграда.

Я глубоко убежден в том, что какие бы то ни было попытки, пользуясь невзгодами археологов Ленинграда округлить за счет Ленинграда Московское археологическое хозяйство ~~встретят горячий отпор прежде всего со стороны Московской~~ сейчас немыслимы. Ежели бы они появились, они бы встретили отпор прежде всего со стороны Москвичей. Напротив, я вижу, что многие археологи Москвы (С.П. Толстов, Т.С. Пассек, С.А. Тараканова, В.Д. Блаватский и многие другие) искренне хотят сделать больше и в первую очередь для Ленинградского отделения, учитывая его трудное положение.

Может быть даже прошло время говорить о Ленинградских и Московских археологах: есть советские археологи, живущие в Ленинграде, Москве, Киеве, любящие свою страну и свои родные города.

Сейчас как никогда нужна дружная совместная работа в обследованиях, совместное участие в изучении истории русской культуры, товарищеский обмен опытом, коллективная творческая работа и обмен опытом на юбилейной сессии, пленуме и предстоящем Всесоюзном археологическом совещании.

Хотелось бы, чтобы коллектив археологов Москвы и Ленинграда в единой дружной шеренге достойно разрешил бы большие и малые задачи, стоящие в условиях войны перед советской археологией»

Приложение №27

Структура филиалов и баз АН СССР, организованных в 1941 – 1947 гг.

Западно-Сибирский филиал [Куперштох, 2014]	Казанский филиал [Закиров, Хабибуллин, 2014]	Киргизский филиал [Амирбек Кызы, Беделбаев, 2025]
Транспортно-энергетический институт; Горно-геологический институт; Медико-биологический институт;	Физико-технический институт; Химический институт; Геологический институт; Биологический институт;	Институт языка и литературы; Институт истории; Институт геологии; Институт химии; Институт биологии.

Химико-металлургический институт.	Институт языка, литературы и истории; Сектор водохозяйственных проблем и энергетики; Сектор научно-технической пропаганды.	
Кольская база [Бровина, 2019]	Дагестанская база [Лысенко, 2025]	База в Коми АССР [Асхабов, Самарин, 2014]
Биологический сектор; Ботанический сектор; Геологический сектор; Зоологический сектор.	Сектор геологии; Сектор ботаники; Сектор химии.	Отдел геологии; Отдел биологии; Отдел экономики; Отдел энергетики; Отдел истории и культуры народа коми.
Молдавская база [Академия..., 1979]	Якутская база [Сулейманов, 2024]	Сахалинская база [Ильяев, 2007]
Сектор геологии; Сектор ботаники; Сектор виноградарства и садоводства; Сектор почвоведения; Сектор зоологии; Сектор энергетики с группами хозяйства, экономики и географии; НИИ истории, языка и литературы.	Сектор геологии; Сектор географии; Сектор зоологии и животноводства; Сектор почвоведения и ботаники; Сектор экономики; Сектор искусствоведения; Химическая лаборатория; Станция по изучению космических лучей; Институт языка, литературы и истории.	Сектор геологии; Сектор угля и нефти; Сектор химии и химической технологии; Почвенно-ботанический сектор; Сектор зоологии и животноводства; Сектор географии и этнографии; Сейсмическая станция.
Крымская база [Стрижова, Киселев, 2015]	Карело-Финская база [Академическая..., 2006]	
Сектор геологии; Сектор почвоведения; Сектор ботаники; Сектор зоологии; Сектор химии. Сектор истории и археологии.	Сектор геологии; Сектор гидрологии и водного хозяйства; Почвенно-ботанический сектор; Зоологический сектор; Промышленно-экономический сектор; Институт истории, языка и литературы; Заповедник «Кивач».	

Приложение № 28

**Письмо П.Н. Шульца В.И. Равдооникасу 15 июня 1945 г.
[136, л. 1–2]**

«Уважаемый Владислав Иосифович!

Наконец-то моя давнишняя, заветная мечта о возобновлении моих археологических исследований в Крыму, так нелепо прерванных 10 лет тому назад, — близка к осуществлению. В начале августа выезжаю в Симферополь во главе Крымской Тавро-Скифской экспедиции ИИМК и ГМИИ.

Главнейшими задачами моих крымских работ по прежнему остается собирание материалов для разрешения проблемы возникновения в Крыму скифского государства, генезиса, развития и исчезновения в Крыму скифских городищ, характера культуры поздних скифов в Крыму и взаимосвязи ее с культурой тавров и греков. Пишу Вам об этом, зная Ваши старинные интересы к Крыму и, надеясь на Ваше не только доброжелательное отношение, но и практическую помощь мне в этом деле.

Очень прошу Вас разрешить А.Н. Карасеву, которому я намерен поручить Симферопольский отряд экспедиции, и Е.И. Леви — принять участие в работах экспедиции в августе-сентябре с/г (два месяца). Оплата последних и проезд туда и обратно будет произведена за счет экспедиции, но так как это научное предприятие ИИМК и ГМИИ, то я надеюсь, что Вы найдете возможность сохранить им зарплату на время работ. В равной мере прошу Вас о выдаче им командировок для проезда Ленинград–Симферополь (с остановкой в Москве) для участия в работах экспедиции. Это необходимо для отоваривания их карточек в Ленинграде на два месяца вперед и получения ж\д билетов, но не повлечет с Вашей стороны никаких расходов. Экспедиция выезжает из Москвы 2 – 3 августа.

Очень буду Вам благодарен, если разрешите А. Н. Карасеву взять с собой необходимые ему инструменты (кипрегель, мензулу, буссоль, рулетку, фотоаппарат и пр.).

Первый отчетный доклад о результатах работ надеюсь сделать, по старой памяти в Ленинграде, т.к. после экспедиции сразу же выеду в командировку к Вам.

В музее с увлечением веду работу по систематизации и приемке новых поступлений. Много небезынтересного для Вас готского материала, с которым надеюсь познакомить Вас, когда будете в Москве. Есть славянские древности из Западных районов. Открытие приурочивается к ноябрьским праздникам, но я в этом не уверен.

По линии ВАК сделал все, что мог. М.И. Максимова утверждение, вероятно, уже получила, в равной мере как и М.В. Фармаковский талон на освобождение от экзаменов. Из всех учреждений, что я знаю, самое малоподвижное — ВАК!

Античный отдел ГМИИ, экспедиции и климат, более благоприятный для легких моей жены, чем Ленинград, временно привязали меня к Москве.

Но я остаюсь Ленинградцем и с радостью готов для Ленинградского ИИМК сделать все, что в силах.

Если что будет нужно, Владислав Иосифович, не стесняясь, — пишите мне.

Искренне желаю Вам успешного выполнения трудной, пожалуй, самой трудной миссии по ИИМК, что Вы приняли на себя.

Позвольте мне позжать Вашу руку

П. Н. Шульц.

P.S. 17.07. Вам будет послано дополнительное официальное отношение ГМИИ»

**Отзыв о научно-общественной и литературной работе
И.Н. Медведевой-Томашевской в Крыму за 1945–1948 гг.
[93, л. 3–3об.]**

«И.Н. Медведевой-Томашевской принадлежит опубликованная в Крымгосиздате в 1946 г. научно-популярная книга «Русская Таврида», пользующаяся в Крыму широкой известностью, основанная на тщательном изучении первоисточников. В настоящее время подготавливается к выпуску вторая часть «Русской Тавриды», охватывающая историю Крыма после его присоединения к России.

И.Н. Медведева-Томашевская приняла деятельное участие в подготовке и проведении Сессии по истории Крыма, созванной Крымской научно-исследовательской базой АН СССР в сентябре 1948 г. На сессии ею прочтен доклад, основанный на тщательном изучении литературы и архивных материалов «Вопросы истории Крыма у А.С. Пушкина». Она же являлась на Сессии председателем секции истории Крыма после его присоединения к России.

В 1946 г. И.Н. Медведева-Томашевская совместно с И.И. Бабковым направила президенту АН СССР академику С.И. Вавилову письмо, в котором был поставлен вопрос о необходимости создания в Крыму комплексного научно-исследовательского учреждения АН СССР. Она же в качестве одного из активных членов Крымской комиссии ЛО ИИМК АН СССР принимала участие в обсуждении ряда мероприятий, связанных с созданием в Крыму Крымской научно-исследовательской базы АН СССР. По ее инициативе, в частности, был поднят вопрос о передаче библиотеки быв. Воронцовского дворца в КНИБ.

Все изложенное дает право весьма положительно оценивать научно-общественную деятельность И.Н. Медведевой-Томашевской в Крыму послевоенного времени.

Директор Крымской научно-исследовательской базы АН СССР

Я,Д. Козин

Заведующий Сектором истории и археологии П.Н. Шульц»

Приложение № 30

Докладная записка П.Н. Шульца в Совет Филиалов АН СССР.

[143, л. 49–50]

«Симферополь 21 XII 1947

В совет филиалов и баз АН СССР
старшему консультанту С.А. Белоусову
Глубокоуважаемый Сергей Антонович!

Зная об исключительной занятости Веры Александровны [Ульяновской⁶⁵], о чем могу судить в частности по тому, что ни на одно из моих писем ответа не поступило, решил написать Вам о положении вещей с организацией Крымской базы АН СССР в Симферополе.

После длительного, тягостного ожидания в конце ноября с.г. наконец пришла бумажка из ЦУКС Академстроя с разрешением Крымскому Академстрою приступить к проектно сметным работам по строительству и капремонту зданий, передав Крымской базе. Копию этой бумажки прилагаю. Сразу все зашевелилось. Вместе с уполномоченным Академстроя, главным инженером тов. А.Г. Перегудой и др. инженерами и техниками я объехал все передаваемые нам здания и нами был составлен акт об их состоянии. Акт прилагаю. Технический осмотр зданий показал, что они требуют значительно большего капитального ремонта, чем это нам казалось по предварительному внешнему осмотру. Выяснилось, что большой выставочный зал особняка по ул. Ленина, 17 (Рис. 50), мало пригоден как помещение для одного из секторов Базы. Думаю просить облисполком и горисполком об его замене другим. По предварительным расчетам комиссии Академстроя приведение в порядок только двух зданий, по ул. Пушкина д. 14 и 17 возьмет полгода. Проектно сметные работы по этим зданиям будут закончены

⁶⁵ Ульяновская Вера Александровна – историк, специалист Совета Филиалов и Баз АН СССР.

и высланы в Москву в конце декабря. Проектирование восстанавливаемых зданий по ул. Карла Маркса д. 61 и по ул. Шполянской (жилой дом) будет закончено в первом квартале 1948 г. при условии исчерпывающих плановых заданий со стороны секторов Базы и ее управленческого аппарата.

Все это приводит меня к неутешительному выводу о том, что Крымская база развернутым образом сможет приступить к работе лишь с третьего квартала, т.е. после того, как будут закончены ремонт основных зданий Базы. Разумеется полевые работы секторов можно будет начать уже со второго квартала. Особенно это важно для сектора ботаники, для которого весна является лучшим временем полевой работы.

За истекшее время удалось добиться решения Горисполкома от 11 XI 1947. Все здания Горисполком обязан передать Крымской базе к началу января 1948 г. Решение прилагаю.

Крымский Академстрой сообщит Вам в ближайшие дни, в каком размере необходимо перечисление для выполнения проектно-сметных работ на декабрь.

В истекшее время я подготовил исчерпывающие материалы по историко-археологическому сектору, которые в ближайшие дни перешлю Вам. Н.А. Троицкий заканчивает планирование работ по сектору ботаники. Надеюсь, что аналогичную работу по сектору зоологии выполняет проф. И.И. Пузанов, которого я убеждаю как можно скорее подтвердить свое согласие о переезде в Крым. Сообщения о работе геологического сектора подготовляет А.Ф. Слудский, а по сектору почвоведения — М.А. Кочкин (почвовед, кандидат с/х наук) очень дельный работник. Эти введения как мне представляется будут полезны для будущих руководителей секторов геологии и почвоведения.

Среди крымских научных работников и руководящих организаций отчетливо определилось устойчивое желание создать сектор химии в Крымской базе. Соляная станция в Евпатории ведь не может быть независимой от базы. Для руководства сектором единодушно выдвигается кандидатура профессора, доктора химических наук П.Т. Данильченко. Его заявление, а также соображения о работе сектора химии, я более месяца тому направил Вере Александровне. В разной

степени в Крыму считают необходимым создание при Крымской базе наряду с типографией своего издательства. Кандидатом на работу в издательстве, если таковое будет создано, выдвигают главного редактора КрымГосИздата, члена ВКП(б) очень опытного и культурного работника Н.Я. Олинского.

ЦМК настойчиво просит включить и его в систему Базы, о чем составлена докладная записка в Обком и Облисполком. Думаю, что из состава ЦМК необходим получить в для базы библиотеку «Таврика», являющуюся одной из лучших научных библиотек Крыма. «Таврика» могла бы стать основой для создания будущей фундаментальной библиотеки Крымской Базы. В системе ЦМК эта библиотека остается недоступной для читателя, она находится в хаотичном состоянии, несмотря на ценнейшие книжные фонды. В равной мере необходимо получить из ЦМК богатейшие ботанический, зоологический, биологический и археологический фонды, тяготящие музей, недоступные в его системе для научного использования, а частью и погибающие (ботаническая коллекция) от плохого хранения. По мнению проф. Н.А. Троицкого без передачи ботанической коллекций из музея, работу сектора ботаники в 1948 г развернуть должным образом будет трудно.

Посылаю Вам проект отношения в КрымОблисполком об ускорении передачи Алуштинскому Краеведческому музею здания в Алуште по ул. Ленинна, 20, в котором для Крым Базы предположено отвести несколько комнат.

Получили ли Вы, Сергей Антонович, серию фотоснимков зданий Крымской Базы, посланную в Совет филиалов и баз наложенным платежом фотографом [М.Е.] Кацем? Он очень волнуется, что деньги за работу наложенным платежом до сих пор не получил. Работу по обмерам зданий, оказавшуюся очень трудоемкой, я вынужден был оплатить из своих денег. Прошу Вас помочь в ускорении оплаты наложенного платежа, т.к. нахожусь в затруднительном положении в денежном отношении. Так как командировок, о которых просил Веру Александровну, не получил, живу уже второй месяц без карточек, что в материальном отношении крайне тяжело. Обещанного удостоверения, которое бы послужило для меня некоторым облегчением также не получил. Не знаю, чем это

объяснить. Начинаю понимать Ивана Ивановича Пузанова, который дважды послав заявление в Совет филиалов и баз, и не получив никакого ответа и приветов, решил, что его не хотят и уехал с горя в Одессу.

Все же решил продержаться до конца декабря в Симферополе, т.к. иначе все здесь расклеется и замрет. Меня порадовало то, что руководящие работники Крымской области, в Обкоме и Облисполкоме, очень хорошо и с удовлетворением восприняли кандидатуру Александра Дмитриевича Удальцова в качестве директора Крымской Базы. П.А. Чурсин сообщил мне, что наметилась кандидатура заместителя директора по админхоз части и спросил меня, сможет ли Крымская База выделить штатную единицу для этой должности с 1 января 1948 г. Он спросил меня также каков оклад зам. по админхоз части, на что я, к сожалению, не смог ответить. Взятые на себя функции к концу декабря выполню, в начале января начнется работа по вышибанию застрявших учреждений из наших зданий, добыча хороших квартир для работников базы и нажим на КрымАкадемстрой, его инженеров, прорабов, техников, маляров, столяров и т.д. для обеспечения нужных темпов и качества ремонтных работ. Для этих дел нужен человек иного профиля, чем я, и, разумеется, человек оплачиваемый. Надеюсь, Вы сообщите мне как разрешить этот вопрос.

Простите, Сергей Антонович, что загрузил Ваше внимание столькими вопросами, передайте сердечный привет Вере Александровне от забытого Шульца. Очень жду Вашего ответа.

Искренне Ваш, П. Шульц

P.S. В октябре с.г. я просил Веру Александровну послать в Ленинград управхозу моей квартиры по адресу ул. Короленко д. 10, к. 9 Страховой Анне Степановне, справку о том, что я нахожусь в длительной командировке в Крыму. Я в квартире не был более 6 месяцев и очень опасаясь, что ее отберут. Если справка не послана, очень прошу Вас, Сергей Антонович, попросите ее отправить.

Простите за просьбу личного характера».

Приложение №31**Характеристика [67, л. 60].**

«Павел Николаевич ШУЛЬЦ является одним из ведущих специалистов в СССР в области античной археологии и истории искусства; ему принадлежит целый ряд печатных работ по истории античной техники и искусства.

Он руководил целым рядом крупных археологических экспедиций в Северном Причерноморье. Наряду с этим он вел большую педагогическую работу в Ленинградском Университете и Академии Художеств, читая специальные курсы по античному искусству и археологии.

С первых дней Отечественной войны П.Н. Шульц вступил добровольцем в ряды ополчения, затем вступил в партизанский отряд, с которым совершил ряд походов в тыл врага. Выйдя из госпиталя после тяжелого ранения и обморожения, П.Н. Шульц продолжил активно работать в Институте археологии, находясь на руководящей работе (ученый секретарь Института). Наряду с этим он вел научно-исследовательскую работу, подготовив к печати ряд трудов.

Одновременно П.Н. Шульц ведет активную общественную работу в МОССХе, где он читает лекции и доклады.

П.Н. Шульц является активным участником в производственной и общественной жизни Института, выполняя с исключительной добросовестностью и энтузиазмом все задания.

Зам. Директора Института археологии АН СССР Б.А. Рыбаков»

Приложение №32

Автобиография Я.Д. Козина. Статья «Это возможно только у нас» в газете «Боевая слава» январь 1951 г.

[143, л. 21–22]

«Это возможно только у нас

Родители мои были неграмотны. Отец умер таскателем лесопильного завода в Астрахани. Вместе с матерью, умной русской женщиной, я с детства мечтал об учебе. Осуществить же свою мечту смог только при Советской власти.

Из рядов Красной Армии пришел я в 1923 г в Университет. Советская власть помогла мне получить широкое гуманитарное образование.

В 1928 г. меня направили на работу в объединение «Азнефть в Баку». Для решения задач поставленных партией и правительством перед нефтяной промышленностью, мне потребовались специальные технические знания. И вот я снова на студенческой скамье — глубоко изучаю геологию, бурение, добычу нефти, нужные мне в новом деле.

Советская власть помогла мне окончить второй ВУЗ и стать горным инженером — геологом, специалистом по нефти.

Меня выдвинули на научную работу. Это было величайшим счастьем. Товарищи, провожая, пророчили мне ученое поприще. Так оно и получилось. Я поступил в аспирантуру, успешно закончил ее, и в 1937 году защитил диссертацию на степень кандидата геолого-минералогических наук. В это же время я работал ученым секретарем Азербайджанского филиала АН СССР, отдавал все силы развитию молодого научно-исследовательского учреждения, подготовке и росту национальных кадров братской Азербайджанской республики.

В 1930 году я вступил в ряды Коммунистической партии. Это было новым большим и очень важным шагом в моей жизни. Партия научила меня глубже понимать великие задачи построения социализма в нашей стране. Я почувствовал большую ответственность за дело, которому служил.

Трудно было совмещать большую организационную работу с научной, но меня всегда поддерживало сознание, что за все сделанное для меня советской властью я должен трудиться еще больше и еще лучше.

Не забывал и педагогической работы: читал молодежи лекции и передавал ей свои знания.

Всегда чувствовал и чувствую на себе заботу нашей родной Коммунистической партии и Советской власти. Они помогли мне подняться на

ноги и вернуться к жизни, когда тяжело заболел. В трудных условиях военного времени я имел возможность продолжать научную работу — выезжать в поле, чтобы найти необходимые геологические материалы, посещать Москву и получать там консультации.

В 1946 г я защитил диссертацию, получил степень доктора геолого-минералогических наук и звание профессора. Сейчас работаю заместителем председателя Президиума Крымского филиала Академии наук СССР.

XXIII Крымская областная партийная конференция избрала меня в состав облкомитета ВКП(б), а трудящиеся города — депутатом городского совета.

Может ли ученый какой либо капиталистической страны мечтать о такой заботе, таком доверии и почете, которым окружены ученые нашей Советской страны? Нет, не может! Там, где царят интересы кучки капиталистов, где все подчиненно наживе, там ученые — только слуги капиталистов. Они исполняют волю своих хозяев. Власть капитала превращает их в рабов.

Только наша всенародная Советская власть дает неограниченные возможности росту каждого человека. За это ей — Родине — наша сыновья любовь и постоянная готовность отдать все свои силы и жизнь для ее процветания.

Я.Д. Козин»

Приложение №33

Я.Д. Козин Слово о Павле Наумовиче Надинском.

[143, л. 3–16]

«Подавляющее большинство трудового народа старой царской России жило тяжелой жизнью рабочего, крестьянина, лишенного элементарных человеческих прав...

<...>

Не избежал такой участи и отец П.Н. Надинского, он был рабочим, плотником... жена ... домохозяйкой. Жили в г Уфе. В 1894 г родился Павел.

По окончании начальной школы он должен был пойти на работу, продавать свой труд.

<...>

Тринадцатилетним мальчиком, окончив школу, он начинает свой трудовой стаж на Чаеразвесочной фабрике «Караван» в своем родном городе. Приобрет специальность ящечника, он работал в деревоотделочном цехе. Немало горечи и обид перенес молодой рабочий, работая на фабрике от приказчиков-надсмотрщиков хозяина, от мастеров, готовых иной раз сорвать обиду на тяжелую жизнь в первом подвернувшемся под руку молодом рабочем.

<...>

В 1914 г он перебрался на рудники Русско-Бельгийского общества в Кривом Роге, где шире было рабочее движение.

<...>

В начале 1915 г он был призван в царскую армию, короткое обучение в запасном полку, и с маршевой ротой он был направлен на западный фронт, где новое пополнение было влито в 121 пехотный Пензенский полк, в команду полковых разведчиков, два года провел на фронте.

<...>

Павел Наумович был одним из застрельщиков революции. Он ее воспринял как и весь солдатский мир Западного фронта восторженно. Но вместе с тем, все знали, что Февральская революция не конец, а начало революции... <...> Павел Надинский принимает активное участие в Полковом комитете Пензенского полка.

<...>

В сентябре 1917 г Павел Надинский вступил в парию большевиков, а в декабре вернулся с фронта в родную Уфу, на свое родное место на работу в Чаеобвесочную фабрику «Караван», где он был выбран в фабричный комитет. Был в коммунистическом отряде города.

С началом Гражданской войны в Красной Армии в отделе агентурной разведки <...> Летом 1918 г. он несколько раз направлялся в тыл врага с заданиями Реввоенсовета Армии для организации партизанских отрядов,

установления связи с подпольными большевиками. <...> На этой работе работал при штабе Юго-Восточного, Кавказского фронтов <...> Павел Наумович в 1921 г. едет на курсы при Коммунистическом университете им. Свердлова в Москву.

<...>

В годы восстановления работал Секретарем Ленинского уездного комитета ВКП(б) Московской области, в Московском комитете партии, а затем — на Дальнем Востоке — Завергом Амурского губкома партии, ответственным инструктором Далькрайкома ВКП(б).

В 1928 г. Далькрайком командировывает Павла Наумовича на учебу в Москву, Но решением ЦК ВКП(б) он направляется на укрепление Рязанской парт организации, затем переходит на работу в Тульский окружком.

<...>

По окончании курсов летом 1931 решением ЦК ВКП(б) направляется на работу в Крым. С тех пор по наст день вот уже 23 года он неразрывно связан с Крымом. <...> Здесь Павел Наумович работал в Обкоме ВКП(б) как член бюро Обкома, Заверготделом, а затем Секретарем Обкома по транспорту и связи. <...> В январе 1934 г. он был избран Секретарем Симферопольского горкома партии.

<...>

Участвует в различных областных, губернских и районных конференция.

<...>

В 1935 г. в связи с болезнью (газовая гангрена) Павлу Наумовичу ампутировали обе ноги и ему пришлось перейти на инвалидность.

<...>

Павел Надинский нашел свое применение в литературном труде <...> пишет пьесу о людях, строящих социализм. С исключительной энергией он собирает материал, героев будущей пьесы.

<...>

Но другие симпатии влекли Павла Наумовича в труде — научно-исследовательская работа. <...> Начиная с 1937 г. он всецело отдается разработке вопросов истории.

<...>

В годы войны ампутировали обе руки.

<...>

В Крым переселяются тысячи русских людей из северных и центральных областей России, Украины. Им надо дать историю Крыма, их надо заставить полюбить новую землю, обжить и заставить ее — Крымскую землю — служить социалистическому строительству с большей пользой, чем раньше. <...> В 1951 г. за работу в области истории Крыма, Ученым советом Института истории АН СССР Павлу Наумовичу Надинскому присуждена степень кандидата исторических наук без защиты диссертации»

Приложение №34

Список личного состава Историко-археологического сектора

Крымской базы Академии Наук СССР. Проект.

[83, л. 1–1 об.]

1. «Заведующий сектором — кандидат исторических наук П.Н. Шульц
2. Заведующий Херсонесским археологическим заповедником — кандидат исторических наук Г.Д. Белов
3. Заведующий археологическим заповедником «Неаполь Скифский» — В.П. Бабенчиков
4. Заведующий Керченской станцией — вакантно
5. Заведующий Бахчисарайской станцией — кандидат исторических наук Е.В. Веймарн
6. Заведующий кабинетом антропологии — доктор медицинских наук В.В. Бобин
7. Заведующий кабинетом исторической географии — кандидат географических наук И.И. Бабков
8. Заведующий лабораторией археологической технологии — ученый-реставратор Е.А. Болотникова

9. Старший научный сотрудник сектора по группе археологии, руководитель группы — кандидат исторических наук Т.М. Минаева
10. Старший научный сотрудник по группе истории, руководитель группы — вакантно
11. Старший научный сотрудник Херсонесского заповедника — кандидат исторических наук А.Л. Якобсон
12. Старший научный сотрудник Керченской станции — кандидат исторических наук А.П. Иванова
13. Младший научный сотрудник Херсонесского заповедника — С.Ф. Стржелецкий
14. Младший научный сотрудник Херсонесского заповедника — А.К. Тахтай
15. Младший научный сотрудник Бахчисарайской станции — П.П. Бабенчиков
16. Младший научный сотрудник Бахчисарайской станции — Х.И. Крис
17. Младший научный сотрудник заповедника «Неаполь Скифский» — И.М. Дрябкин
18. Младший научный сотрудник лаборатории археологической технологии — О.И. Домбровский
19. Лаборант кабинета антропологии и лаборатории археологической технологии — И.Т. Глобенко
20. Лаборант лаборатории археологической технологии — Н.П. Кацур
21. Младший научный сотрудник по группе истории (специалист по античной эпиграфике) — Э.И. Соломоник
22. Младший научный сотрудник по группе археологии — вакантно

У В.Д. Блаватского есть еще дополнительные кандидатуры»⁶⁶

⁶⁶ В оригинале дописано от руки.

Сектор истории и археологии Крымской Базы Академии Наук СССР.**Проект. [107, л. 1–3]****I. «Задача**

Изучение истории Крыма, как неотъемлемого звена истории народов СССР и русской истории.

II. Основные проблемы (расположены в хронологическом порядке

1. Древнейшее аборигенное население Крыма (тема разрабатывается в ряде подразделений совместно с ИИМК АН СССР).

Периодизация крымского палеолита.

Микролитическая культура в Крыму.

Киммерийцы и тавры в Крыму в эпоху бронзы и раннего железа.

2. Крым в скифо-сарматскую эпоху (тема разрабатывается совместно с ИИМК АН СССР).

Скифы в Крыму.

Сарматы и аланы в Крыму.

Боспорское государство.

Античный Херсонес и его периферия.

3. Крым в эпоху средневековья (тема разрабатывается совместно с ИИМК АН СССР и Институтом истории АН СССР).

Готская проблема. Формирование государства Дори и других феодальных княжеств в Юго-Западном Крыму.

Славяне в Крыму. Корсунь и Киевская Русь. Тьмутороканское княжество и его владения на Керченском полуострове.

Средневековый Херсонес.

Генуэзские памятники Крыма.

Работорговля в Крыму в период турецко-татарского владычества.

Крым и Московская Русь. Борьба России за выход к Черному морю в допетровское время.

4. Крым после его присоединения к России (тема разрабатывается совместно с Институтом истории АН СССР).

Присоединение Крыма к России.

История Азовской флотилии и Черноморского флота.

Крымская война. Севастопольская кампания.

Крым в период Революции 1905 года.

5. Советский Крым.

Борьба за установление советской власти в Крыму.

Крым в период Гражданской войны.

Социалистическое преобразование Крыма.

Крым в годы Великой Отечественной войны (подтема: партизанское движение в Крыму).

Новое население Крыма и перспективы народно-хозяйственного и культурного развития Крымской области в послевоенное время.

Сквозные темы

1. Антропологическое исследование останков крымского населения первобытного, древнего и средневекового времени.
2. История сельского хозяйства в Крыму.
3. Памятники архитектуры в Крыму.
4. Монументальная живопись Крыма (петроглифы, наскальная и стенная живопись, мозаика).
5. Эпиграфические памятники Крыма античного и средневекового времени.
6. Свидетельства древних и средневековых писателей о Крыме.
7. Вопросы реставрации, консервации, техники и технологии археологических материалов.

Структура сектора истории и археологии

Группы:

1. Группа археологии (первобытный, древний и средневековый Крым).
2. Группа истории (Крым в новое и советское время).

Заповедники:

1. Херсонесский историко-археологический заповедник.
2. Историко-археологический заповедник Неаполь Скифский.

Станции:

1. Керченская историко-археологическая станция.
2. Бахчисарайская историко-археологическая станция.

Лаборатории:

1. Лаборатория археологической технологии.

Кабинеты:

1. Кабинет антропологии.
2. Кабинет исторической географии.

Штатный состав сектора истории и археологии

1. Заведующий сектором	1
2. Старших научных сотрудников	11
3. Младших научных сотрудников	14
4. Старших лаборантов	12
5. Лаборантов	12»

Приложение №36

Приглашения П.Н. Шульца Г.Д. Белову возглавить Херсонесскую станцию СИА.

[83, л. 3, 14, 17, 27]

№1

«Симферополь, 29 сентября 1947 г.

Дорогой Григорий Дмитриевич!

Комиссия Президиума Академии Наук по созданию Крымской базы Академии Наук приехала в Симферополь Возглавляет комиссию академик Б.Д. Греков. Одним их членов комиссии является А.Д. Удальцов. В ближайшие дни

комиссия приедет в Херсонес и будет смотреть Ваши раскопки. О дне приезда дополнительно сообщу.

<...>

Большая просьба сообщить обо всем Анатолию Леопольдовичу и Александру Кузьмичу.

№2

Симферополь, 26 ноября 1947 г.

Глубокоуважаемый Григорий Дмитриевич!

Я соответственно с единодушным желанием Комиссии Президиума Академии Наук СССР по созданию Крымской базы возглавляемой академиком Б.Д. Грековым и моим личным желанием ставлю перед Вами вопрос о принятии на себя руководства Херсонесским историко-археологическим заповедником Крымской базы. Мне бы очень хотелось, чтобы Вы переговорили по этому поводу с Иосифом Абгаровичем Орбели. Я думаю, что Ваше руководство Херсонесом будет во многих отношениях для Эрмитажа полезным. Я просил Анатолия Леопольдовича Якобсона познакомить Вас с наметками плана работ Херсонесского заповедника, может быть у Вас будут по этому поводу дополнительные суждения или пожелания. К сожалению, А.Л. Якобсон не смог составить конкретного плана научных работ заповедника на 1948 г., т.к. ему не был ясен состав научных работников заповедника. Я очень рассчитываю, что Вы сами, или же совместно с Анатолием Леопольдовичем восполните этот пробел, составив перечень лиц и тем, которые могли бы быть доложены и сданы в печать в 1948 г. Хотелось бы также иметь проект 5-го выпуска Херсонесского сборника и план полевых исследований по заповеднику на 1948 г.

Жду с нетерпением Вашего ответа о результатах переговоров с Иосифом Абгаровичем. Любовь Николаевна⁶⁷, как мне думается, смогла бы возглавить в должности старшего научного сотрудника нумизматическую работу в Херсонесе.

⁶⁷⁶⁷ Любовь Николаевна Белова-Кудь (1893–1971) — специалист по античной нумизматике, в 1930 – 1950-е гг. сотрудник Херсонесского музея. Одновременно работала в Отделе нумизматики Государственного Эрмитажа. Супруга Г.Д. Белова.

Решайтесь, Григорий Дмитриевич, Вы лучше меня знаете, как важно оздоровить и должным образом развернуть работу в Херсонесе, с которым Вы издавна крепко связаны. Передайте мой привет Любви Николаевне и юной художнице, Вашей дочери.

№3

Кандидату исторических наук Г.Д. Белову

В соответствии с пожеланием Комиссии Президиума Академии Наук СССР о создании Крымской Базы АН СССР, возглавляемой академиком Б.Д. Грековым, прошу Вашего согласия о принятии на себя должности директора Херсонесского историко-археологического заповедника Крымской Базы АН СССР.

О времени утверждения штатного расписания Базы сообщу Вам дополнительно.

Уполномоченный по Крымской Базе АН СССР (П.Н. Шульц)

№4

Симферополь, 4 декабря 1947 г.

Кандидату исторических наук Г.Д. Белову

Глубокоуважаемый Григорий Дмитриевич!

Согласно решения Президиума Академии Наук СССР от 23 X создается Крымская научно-исследовательская База. В составе Базы организуется сектор истории и археологии, руководство которым поручено мне. При секторе создается Херсонесский историко-археологический заповедник. Согласно пожеланиями Комиссии Президиума Академии Наук СССР по организации Крымской Базы и моему личному желанию, вторично прошу Вас подтвердить согласие на руководство Херсонесским историко-археологическим заповедником (оклад 4000 руб.). Заявление с приложением автобиографии, списка печатных документов и рукописных работ, копии документов о степени прошу направить в Совет Филиалов и Баз по адресу: Москва, Большая Калужская, 14.

Уполномоченный Президиума Академии Наук СССР по организации Крымской Базы (П.Н. Шульц)»

Приложение №37

Письмо А.Д. Удальцова И.А. Орбели 8 апреля 1948 г.

[83, л. 29]

«ДИРЕКТОРУ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА

Академику И.А. ОРБЕЛИ

В ближайшее время ожидается решение Совета Министров СССР о передаче Херсонесского историко-археологического музея в систему Академии Наук СССР и превращения его в историко-археологический заповедник Крымской научно-исследовательской Базы АН СССР.

Согласно нашим предварительным переговорам, директором Херсонесского историко-археологического заповедника намечено назначить старшего научного сотрудника Государственного Эрмитажа, кандидата исторических наук Г.Д. Белова, в течение многих лет возглавлявшего Херсонесский музей и руководившего Херсонесской археологической экспедицией.

Прошу Вас подтвердить согласие на зачисление Г.Д. Белова в штат Крымской научно-исследовательской Базы на полный оклад старшего научного сотрудника с 1 мая 1948 г.

Директор Крымской научно-
исследовательской Базы Академии
Наук СССР
Член-корреспондент АН СССР

А.Д. Удальцов»

Приложение №38

**Отзыв об отчете Сектора истории и археологии Крымского филиала
Академии Наук СССР за 1949 г.**

[85, л. 102]

«Отчет составлен очень обстоятельно и дает полное и развернутое представление о деятельности Сектора. Работа развернулась по трем проблемам

(“Аборигенное население Крыма в древности”, “Античные и средневековые города Крыма” и “История Советского Крыма”) и пяти темам (“Скифы в Крыму”, “Славяне в Крыму”, “Земельный вопрос в Крыму, 1917–1928”, “История партизанского движения в Крыму в 1941–1944 гг.” и “История города-героя Севастополя”). Все темы переходящие. Работа над ними, судя по плану, идет нормально. Сектор провел три экспедиции. Сектор подготовил и сдал в печать брошюру П.Н. Надинского “Против извращений исторического прошлого Крыма и об очередных задачах крымских историков” и “Труды сессии по истории Крыма”.

Доктор исторических наук, профессор Л.[В.] Черепнин»

Приложение №39

Отзыв об отчете Сектора истории и археологии Крымского филиала Академии Наук СССР за 1949 г. [85, л. 103–104]

«Отчет поражает разнообразием и обширностью работ. Следует отметить расширение их в области Советского периода истории Крыма, особенно за время Великой Отечественной войны. Интенсивность экспедиционной работы в области археологии и ее целеустремленность очевидны. То же касается и работы Сектора по научно-методическому руководству охраной археологических и исторических памятников Крыма. Судя по отчету, совершенно выправлен недочет прошлого года. В секторе организованы постоянные заседания, посвященные научным и практическим работам сектора. Очень основательно установлена живая связь сектора с родственными по функциям местными и столичными учреждениями: командировки сотрудников, советы и консультации сектора и сектору, рецензии на деятельность музеев и т.п., хорошо это иллюстрируют. Работы совместно с ИИМК, Гос. Эрмитажем и ГМИИ в отрядах археологических экспедиций филиала отлично демонстрируют прочность научных связей. Обширна и хорошо налажена подготовка работ за прошлые годы к печати.

Бросается, судя по отчету, в глаза разница в работе сектора о археологии и позднейшей истории. Работы сектора в области истории ведутся постоянно в течение года и сдаются постепенно в выполненном виде. Почти все письменные работы по археологии сопровождаются в отчете постоянно указанием на то, что они будут сданы согласно плана в конце декабря. В аннотациях же повсеместно указано, что они уже сданы. Текст всех частей отчета составлялся в одно время. Чему верить? Тексту отчета или аннотации? Конечно, надо думать, работы в конце декабря действительно были сданы. Но в археологической части коллектива явно царит тенденция к сосредоточению письменного оформления работы только в конце года, а в исторической части эта работа ведется регулярно. Наличие у археологов экспедиций не оправдание для этого.

В общем тематика сектора актуальна во всех областях его компетентности; состав сектора довольно велик и, по-видимому, хорошо подобран и работает весьма энергично, с меньшей четкостью в археологической и с большей в исторической части.

и.о. зам. директора ИИМК АН СССР, доктор исторических наук, профессор
А.П. Смирнов»

Приложение №40

Обращение к трудящимся Крыма по вопросам охраны памятников культуры.

[89, л. 22–26]

«Наш народ всегда проявлял глубокий интерес к своему Великому историческому прошлому, к памятникам старины, культуры и искусства.

Советское правительство, придавая большое значение охране памятников, как всенародному достоянию, — с первых лет установления Советской власти, издало ряд декретов за подписью Владимира Ильича ЛЕНИНА.

С тех пор внимание Правительства неустанно направлялось на организацию охраны памятников истории и культуры.

В годы Великой Отечественной войны немецкими варварами были разрушены и повреждены многие исторические памятники и древние сооружения, являющиеся нашей национальной гордостью.

Причиненный ущерб вызвал широкие мероприятия по восстановлению и охране памятников истории и культуры. В исторических городах общесоюзного значения — Новгороде, Пскове, Смоленске, Москве проводятся широкие работы по изучению и реставрации замечательных памятников древнерусского зодчества. Восстановлены многие исторические памятники и памятные места.

Организуется учет и паспортизация историко-культурных богатств по всему многонациональному Советскому Союзу.

Послевоенные годы отмечены рядом постановлений Правительства об охране памятников. Исключительно важное значение для дела охраны памятников имеет Постановление Совета Министров СССР от 14 декабря 1948 года, за подписью И.В. СТАЛИНА “О мерах улучшения охраны памятников культуры”.

Постановление это дает исчерпывающие указания по целому ряду вопросов, назревших в этой области, и определяет пути и формы организации охраны памятников всех категорий: истории, археологии, архитектуры и искусства.

В Постановлении сказано: “Все находящиеся на территории Союза СССР памятники культуры, имеющие научное, историческое или художественное значение, являются неприкосновенным всенародным достоянием и состоят под охраной государства”.

Для нашей области, историко-культурное наследие которой очень велико и разнообразно, это Постановление имеет огромное значение. Крым является подлинной лабораторией для изучающих историю и культуру народов, живших в Крыму. Как в огромном историческом музее, в Крыму сохраняются яркие остатки жизни и деятельности человека, начиная от стоянок каменного века вплоть до памятников самых последних дней нашей истории.

Многие памятники Крыма имеют мировое значение для науки и мировую известность.

Столица Скифского государства IV в. до н.э. “Неаполь Скифский” близ Симферополя, архитектурные памятники Феодосии, руины Генуэзской крепости в Судак, Инкерман, Чуфут-Кале и др. — являются государственными заповедниками.

Много памятников седой древности имеется еще в Крыму и в степной части, и в предгорной, и на южном берегу.

Исторические поселения Крыма: Корсунь-Херсонес, Сурож-Судак, Корчев-Керчь воскрешают в нашей памяти героический период Киевской Руси, походы в Крым князя Владимира, эпические картины “Слова о полку Игореве”.

В Крыму известно большое число памятников русской истории и русской культуры. Кто не знает прославленных памятников Оборона Севастополя (1854–1855 гг.), кто не посещал или не слышал о памятных местах и мемориальных музеях Крыма, связанных с жизнью и деятельностью в Крыму Суворова, Кутузова, Пушкина, Чехова, Толстого, Горького, Айвазовского и других деятелей русской культуры и истории.

Дороги и близки Советскому народу памятники истории и культуры нашей эпохи — памятники Революции, гражданской войны, периода мирного строительства, Великой Отечественной войны, в которых отразились героическая и многогранная борьба народа за свою свободу, за независимость, за успехи социалистического строительства.

Неувядаемой славой овеяны места исторических сражений Перекоп, Сапун-Гора, Севастополь, Керчь и др. Многочисленными памятниками отмечены славные героические подвиги воинов, партизан и советских людей, отличившихся в период мирного строительства страны.

Культурные богатства нашего края, памятники истории и военной славы, являются для нас предметом патриотической гордости.

Однако, в Постановлении Правительства от 14 октября 1948 г. отмечаются серьезные недочеты в деле охраны памятников. Они имеются и у нас в области. У широких масс населения нет еще достаточной осведомленности о историческом прошлом нашего края, о его культурных богатствах, а отсюда нет еще должного

уважения и бережного отношения к памятникам. Многие памятники древности загрязнены (в Бахчисарае и Феодосии), все еще имеет место безответственная произвольная эксплуатация древних сооружений (например, в Евпатории); в ряде мест зафиксирована разборка древних руин на строительный материал (Инкерман) и поверждения художественных памятников (Бахчисарай, Евпатория, Феодосия)ю Далеко не везде достойным образом отмечены памятные места, братские кладбища и могилы героев Великой Отечественной войны; временные памятники во многих местах пришли в упадок.

Правительственный контроль и руководство делом охраны памятников культуры возложены на органы Архитектуры, Культпросветучреждений и органы искусств. Но величайшее культурное дело охраны памятников требует широкого участия в нем общественности.

В дело охраны памятников должны включиться все патриоты своей Родины, любители старины, краеведы, археологи, историки, архитекторы, учителя и учащиеся!

С 1948 года в Крыму организована Крымская научно-исследовательская база Академии наук СССР, одной из задач которой является изучение всей истории Крыма от глубокой древности до наших дней, а следовательно — изучение остатков материальной культуры и историко-архитектурных памятников, как драгоценных источников и свидетелей прошлого Крыма.

Крымская научно-исследовательская база АН СССР, считая своим общественным долгом — содействие делу охраны памятников культуры, обращается совместно с Областным отделом по делам архитектуры и с Областным отделом по делам культпросветработы ко всем трудящимся Крыма, Советской интеллигенции, рабочим служащим и колхозникам, а также к учащимся, к пионерам и комсомольцам с призывом о всемерном участии в деле охраны памятников культуры.

Трудящиеся Крыма!

Изучайте историю своего края!

Каждый житель Крыма должен сознательно и с уважением относиться к памятникам культуры и истории!

Помогайте выявлять и охранять памятники! О всех находках, имеющих научное и историческое значение, а также о всех случаях нарушений охраны памятников сообщайте в официальные органы охраны памятников⁶⁸, в ближайшие музеи, а также Крымской базе АН СССР.

Не разрешайте загрязнять и разрушать памятники старины и искусства, не допускайте использования древних руин на строительный материал!

Помните, что памятники истории и культуры являются всенародным достоянием, которое мы обязаны сохранить для будущих поколений!

3 III 1949»

Приложение №41

Докладная записка М.М. Максименко от 5 февраля 1951 г.

[48, л. 29–30]

«Секретарю Крымского Обкома ВКП(б) тов. Соколову Д.Я.

Председателю Комитета полевых исследований ИИМК АН СССР тов.

Арциховскому

Зам.Пред. Президиума Крымского филиала Академии Наук СССР тов. Козину Я.Д.

Областной отдел культпросветработы ставит Вас в известность, что отдельные руководители археологических экспедиций при организации и проведении раскопок в районах Крыма нарушают решение Совета Министров СССР от 14 октября 1948 г. и инструкцию о ведении раскопок.

Сектор истории и археологии Крымского филиала Академии Наук и его руководитель тов. Шульц не только не требует от археологических экспедиций соблюдения существующих правил, а, наоборот, сами ведут раскопки с нарушением инструкции. Так, тов. Шульц П.Н. в 1950 г. производил раскопки на

⁶⁸ Областной отдел архитектуры — г. Симферополь, ул. Розы Люксембург №4.

Областной отдел Культпросветучреждений — г. Симферополь, ул. Желябова №17.

Крымская научно-исследовательская база АН СССР — г. Симферополь, ул. Пушкинская №14.

горе Кошка без открытого листа, т.е. без разрешения Комитета полевых исследований ИИМК АН СССР. Состав экспедиции незаконных раскопок никем не утверждался, кроме того тов. Шульц сам себя зачислил руководителем экспедиции. Раскопки были произведены крайне неорганизованно, тов. Шульц на раскопках бывал очень редко, его заменяли попеременно участвующие в раскопках лица т.т. Воронцов, Погребова, Коровина.

Только в результате неорганизованности археологические раскопки были произведены с большими денежными затратами. За 5000 руб., отпущенных на раскопки, можно было сделать в два-три раза больше, чем было сделано.

Часть раскопанных материалов в районе Гаспры были занесены в полевую опись только спустя 4 месяца после произведенных работ. До сего времени археологические находки, сделанные на горе Кошка, никем не сданы в музей и не производится обработка найденных материалов.

Такая практика задержек материала приняла систему. Тов. Шульц не вернул в Областной музей материалы, найденные во время раскопок на Неаполе Скифском в 1946–1949 гг.

Тов. Шульц не сдал и совершенно не желает сдавать Ялтинскому музею необходимую документацию: полевые описи, дневники (копии) и т.д., что в конечном итоге лишает музей и научных работников возможности, как сейчас, так и в дальнейшем, заниматься серьезными исследованиями; а также до сего времени он не сдал отчет о раскопках, объясняя тем, что к нему в сектор не свезли всех раскопанных материалов.

Областной отдел культпросветработы считает, что невыполнение основных положений решения Совета Министров СССР от 14 октября 1948 г. и инструкции о правилах раскопок явилось результатом того, что тов. Шульц, как руководитель сектора истории и археологии Крымского филиала Академии Наук СССР и руководитель археологических экспедиций не имеет чувства ответственности за организацию научного исследования прошлого Крыма, что археологические исследования тов. Шульц рассматривает как частное дело небольшой группы работников сектора истории и археологии, что тов. Шульц в проведении

археологических работ не опирается на широкий краеведческий актив и научных работников музеев. Кроме того, тов. Шульц мало заинтересован в том, чтобы музеи своевременно использовали в своих экспозициях материал, найденный во время раскопок.

Ставя Вас в известность, областной отдел культпросветработы просит Вашего вмешательства.

и.о. зав. Крымским облотделом Культпросветработы (М. Максименко)»

Приложение №42

Журнал наблюдений в склепе Деметры, проводившихся Керченским музеем.

[71, л. 15–25]

«Дата	Время	t° внутри	t° снаружи	Влажность	Описание состояния росписи
26/VII-46	16-00	17,6°	37,2°С	98-100% Влажность наружного воздуха 2%	
27/VII-46	17-00	15,6°	28,8°	-«-	Изменения в состоянии живописи замечены быть не могут
4/VIII-46	16-00	17,6°	30°	90%	Некоторое падение влажности объясняется сушкой склепа при помощи поваренной соли. В течение 3-х дней ставилась поваренная соль, которая по мере насыщения влагой заменялась сухой. Изменения состояния живописи не замечены. В целях изучения циркуляции воздуха в склепе проделаны следующие опыты: 1. В 4-х местах от входа в склеп сожжен заряд бездымного пороха (резкий запах). Через некоторое время, когда в наружном воздухе запах исчезает (5-10 мин), запах все еще сильно ощущается в склепе. Вывод: склеп как бы засасывает наружный воздух (запах исчез через час). 2. В целях выяснения степени выхода воздуха из склепа в конце дромоса была пущена струя табачного

					дыма. По ее распространению возможно сделать вывод: наружный воздух (теплый) идет по верхней части дромоса и попадает в камеру через верхнюю часть дверного проема. Охлаждаясь и отдавая влагу он возвращается в дромос и постепенно выходит наружу.
17/ VIII-46	18-00	Не набл.	Не набл.	Не набл.	На участке пола влево от входа 1 стене с изображением Гермеса подослан лист белой бумаги для контроля за освещением штукатурной поверхности.
18/ VIII-46	18-00	Не набл.	Не набл.	Не набл.	На бумаге обнаружены мелкие крошки глянцевитой штукатурки и 1 кусочек площадью в 1 кв. см.
10/XI- 46					Состояние живописи без изменения. Выступления солей не наблюдается. На голове Деметры имеются капельки влаги. В склеп в целях просушки ставится корытце соли. В отделение перед склепом сделана электропроводка для переносной электролампы.
28/I-47					Имеются незначительные выступления солей на восточной стене склепа и в нижней части на северной стене под фигурой Гермеса.
6/III- 47	12-00	-	-	7%	Восточная стена: наблюдается сильное выступление соли по всей поверхности стуны и разрушение штукатурки, которая вспучивается и отстает от стены, крошится мелкими кусочками. Особенно сильное разрушение наблюдается к северу от ниши, около виноградной ветви. Северная стена: фигура Гермеса и нижняя часть стены также чрезвычайно сильно покрыта выступлениями соли, вспучена и отслаивается. Есть угроза отпадения части волос Гермеса. Фигура Калипсо без значительных изменений. На стене под ней выступления соли. Западная стена: выступления соли в нижней части стены. Южная стена: в нижней части незначительное выступление солей. Состояние также как и свода удовлетворительное. В склепе снова установлен испарометр, который был вынесен на летнее время.
23/III- 47	18-00	-	-	10/88%	Восточная стена: чрезвычайно сильное выступление солей по всей поверхности.

					Северная стена: чрезвычайно интенсивное выступление солей, штукатурка вспучивается. Фигура Калипсо: соли выступают в нижней части фигуры и под ней. Западная стена: соли выступают в нижней части. Южная стена: то же состояние. Удовлетворительное. Свод: состояние удовлетворительное. По словам сторожа показания испарометра сохранялись одинаковыми на уровне 100%.
<...> ⁶⁹					
З/ХП-49	12-00	-	-	-	Посещение склепа в августе, сентябре и ноябре не записывалось в журнал, так как никаких существенных изменений не было обнаружено. Процесс вспучивания штукатурки на северной стене (изображение Гермеса) продолжается. Происходит осыпь штукатурки мелкими кусками. Появились трещины в штукатурке и ее вспучивание в нижней части восточной стены (к северу от ниши). Опадение мелких кусочков штукатурки наблюдается у стены с изображением Гермеса и у восточной стены. Впервые следует отметить незначительную осыпь росписи с изображением головы Деметры. Влажность в склепе по-прежнему значительная. Обращает внимание, что выступление ямчуры в этом году незначительное, в противоположность тому, что наблюдалось в 1946 и 1947 гг., когда ямчура буквально покрывала все изображение Гермеса, Калипсо и большую часть восточной стены. Ожидаем приезда из Москвы реставраторов, обещанных И.Э. Грабарем»

⁶⁹ В апреле продолжалось наблюдение ухудшения состояния засоленности стен. Лишь в начале мая было принято решение вынести из склепа корыто с солью и проветрить камеру. Констатировалось значительное повышение влажности. К июню выступление солей замедлилось, прекратилась интенсивная осыпь штукатурки, однако продолжилось увлажнение помещения склепа. К началу осени влажность упала, выступления солей прекратились. Тем не менее, эти процессы возобновились в декабре. В 1948 г. и большей части 1949 г. наблюдения велись спорадически.

Приложение №43

Письмо П.Н. Шульца И.Э. Грабарю.

[137, л. 1–2]

«Симферополь 18 IX 1949

Глубокоуважаемый Игорь Эммануилович!

Недели две тому назад осмотрел роспись склепа Деметры в Керчи. Состояние росписи тяжелое. От малейшего сотрясения значительные части живописи, как головы Деметры, так и других изображений (Гермес, Килипсо) могут осыпаться. Необходимы срочные, решительные меры. Полагаю, что нужна компетентная комиссия для принятия решений.

Из Московских реставраторов в курсе положения вещей т. Домбровская. Из Ленинградцев очень хотел посмотреть роспись и готов принять участие в тех или иных мерах Василий Николаевич Кононов (работает в Гос. Эрмитаже и в Акад. Художеств). Сейчас в Крыму Владимир Дмитриевич Блаватский. Так как полезна консультация архитектора, то в Крыму же (в Бахчисарае) проф. Бакланов Николай Борисович. Заодно можно было бы обдумать и судьбу церкви Иоанна Предтечи в Керчи. Знаю, что этим храмом заинтересовался Петр Дмитриевич Барановский.

От Сектора истории и археологии Крымской научно-исследовательской базы Академии Наук СССР, которым я руковожу, мне бы хотелось направить в Керчь Олега Ивановича Домбровского (это не потребует ровно никаких затрат).

Решаюсь высказать все эти соображения, зная Вашу неоднократную, активную помощь памятникам древней живописи в Крыму (благодаря Вам живопись склепов Неаполя Скифского в хорошем состоянии). Разумеется, на выдвинутых кандидатурах не могу сколько-нибудь настаивать, так как Вам виднее, кто мог бы наиболее действенно помочь делу.

По-прежнему, мы все, по многу работающие в Крыму, очень мечтаем о Вашем приезде. С глубоким уважением. Всегда Ваш П Шульц.

р.с. серию фотоснимков склепа Вам вышлет с письмом Олег Иванович Домбровский»

Приложение №44**Письмо И.Э. Грабаря П.Н. Шульцу.****[89, л. 89]**

«Москва 22 сентября 1949 г.

Глубокоуважаемый Павел Николаевич!

Из-за моего отсутствия из Москвы Ваше письмо попало ко мне с значительным запозданием: оно лежало, дожидаясь моего возвращения с дачи в город, а отправленное на дачу, дожидалось моего возвращения туда.

Но я и без Вашего письма принял меры по телеграмме тов. Титова. Дело в том, что все реставраторы сейчас заняты на работах в Кремле, Загорске, Новгороде и Владимире. 1 сентября заканчиваются работы в Кремле и я дал телеграмму тов. Титову о командировке двух реставраторов с 1 октября. Я надеялся и сам приехать — уже не помню в который раз — но внезапно тяжело заболел мой заместитель Кемелов (после месячной болезни, появившийся на 3 дня, чтобы вновь залечь надолго) и ученый секретарь Головня. Я очутился в одиночестве и не в праве покидать Института.

Против Олега Ивановича Домбровского я, конечно, ничего не имею, зная его хорошо и, ценя особенно его технические знания. Но основными производителями работ будут мастера Центр. Гос. Реставр. Мастерской Комитета по делам искусств. Очень прошу обеспечить бесперебойную фотофиксацию.

Деметру надо спасать во что бы то ни стало.

С душевным приветом и пожеланием новых успехов Ваш Игорь Грабарь»

Приложение №45**Письмо И.Э. Грабаря в КНИБ АН СССР.****[89, л. 114–115]**

«17 октября 1949 г.

Зам. директора Крымской базы Академии Наук СССР проф. Я.Д. Козину

Копия: чл.-корр. АН СССР, проф. Удальцову А.Д.

Научно-методическим советом по охране памятников культуры при президиуме Академии Наук СССР получены весьма тревожные сообщения о совершенно неудовлетворительной охране выдающихся памятников археологии в г. Керчи на территории древнего города Пантикапей и др. Особенно плохо обстоит с охраной крупных фрагментов архитектуры и скульптуры, оставшихся на территории горы Митридат на месте бывших раскопок. Эти ценнейшие памятники античного искусства подвергаются порче со стороны местного населения, так как в этом районе не имеется никаких сторожей и наблюдателей.

В весьма угрожаемом состоянии в настоящее время находится роспись склепа Деметры в результате отсутствия систематической борьбы с чрезмерной влажностью в этом склепе.

Основной причиной неудовлетворительной постановки дела охраны памятников в г. Керчи и его окрестностях является прежде всего самоустранение местного историко-археологического музея от заботы о памятниках археологии и переключения всего его научного персонала исключительно на темы узко краеведческого характера. Достаточно отметить, что музей выделил для охраны памятников всего Керченского полуострова только одного сторожа.

Наряду с этим приходится отметить, что и Крымская база Академии Наук СССР не только никакой помощи не оказывает в этом деле местным организациям, но даже не сигнализирует о безнадежном положении выдающихся памятников археологии Крыма. В частности, в отношении Керченского района приходится признать, что Крымская база до сих пор не уделила должного внимания его выдающимся памятникам. Предположение организовать в Керчи специальную научно-исследовательскую станцию базы до сих пор не реализовано, хотя по имеющимся сведениям три штатные единицы для последней были в этом году предусмотрены в общей смете Крымской базы на 1949 г.

Научно-исследовательский совет по охране памятников культуры отмечает, что Крымская база должна быть кровно заинтересована в охране памятников

археологии Керченского района и поэтому ей следует принять в этом самое близкое участие.

В самом срочном порядке ей совершенно необходимо провести конкретные решения для упорядочения этого дела на месте:

1. Следует форсировать организацию в г. Керчи научно-исследовательской станции Крымской базы, включив в план ее работы научный контроль за состоянием памятников археологии и разработку конкретных мероприятий по усилению их охраны, руководствуясь научно-методической стороной этого дела.

2. Обратить внимание музея и местных административных органов на необходимость охраны крупных фрагментов скульптуры и архитектурных деталей, открытых в результате раскопок в районе горы Митридат и лежащих под открытым небом.

3. Установить систематическое наблюдение за изменениями температуры и влажности в склепе Деметры в зависимости от смены времени года. Указанные наблюдения должны быть положены в основу дальнейших мероприятий по созданию в этом склепе наиболее благоприятных условий для сохранения имеющихся в нем выдающихся росписей.

Научно-методический совет по делам охраны памятников культуры просит Вас сообщить, в какой мере Крымская база Академии Наук СССР может добиться перелома в деле охраны памятников культуры Крыма и какие шаги в центре следует принять по этому вопросу.

Кроме того, желательно, чтобы Крымская база обсудила вопрос о целесообразности учреждения заповедника общесоюзного значения в г. Керчи с тем, чтобы этот заповедник был передан в ее ведение в качестве филиала научно-исследовательской станции.

Председатель Научно-методического совета по делам охраны памятников культуры, академик И.Э. Грабарь»

Письмо П.Н. Шульца И.Э. Грабарю.

[57, л. 65]

«Глубокоуважаемый Игорь Эммануилович!

Акрополь в Мирмекии, ломка камня путем взрывания в Кизил-Кобинском ущелье, попытка взорвать палеолитическую пещеру в Чокурча, взрывные работы на горе Кошка и разрушение имеющего там место древнего укрепления и многое другое. Если бы не Крымская база, многих этих памятников уже не было. В частности и телеграмма тов. Титова о Деметре, составлена по представленным данным от Филиала.

Но не в этом дело. Упрек Крымскому Филиалу в бездействии в смысле охраны памятников несправедлив, но суть не в этом. В Крыму действительно с охраной памятников дело обстоит отвратительно. Необходимо в этом добиться решительного перелома. И Ваша инициатива в постановке доклада об этом в Совете по охране может положить этому начало. Я охотно приеду с докладом по этому вопросу в середине декабря (в данный момент у нас произошла реорганизация Базы в Филиал и идет реорганизация сектора истории и археологии в Институт и соответственное срочное научное и финансовое планирование). Все нужные материалы привезу. Но меня убивает, что комиссия реставраторов и экспертов для осмотра склепа Деметры задерживается. Это для Деметры смерти подобно. Страшно, что она не доживет до лета. А погода сейчас хорошая, теплая, сухая, работать можно. Сейчас мы реставрируем Сюйреньскую башню. Посылаю Вам обещанное фото многострадальной Деметры и прилагаю письмо и отчет О.И. Домбровского.

В надежде, что будущим летом увидим Вас в Крыму. Все надежды на Вас, Игорь Эммануилович».

Письмо О.И. Домбровского И.Э. Грабарю.**[71, л. 27–31]****«Глубокоуважаемый Игорь Эммануилович!**

Прежде всего воспользуюсь случаем выразить Вас признательность за Ваш живой отклик на ту тревогу, которую подняли мы-крымчане, по поводу катастрофически быстро протекающего разрушения одного из виднейших памятников античного искусства — стенной живописи склепа Деметры. В 1946 г. мы были обязаны Вашему вмешательству сохранением другого уникального памятника древней живописи — склепов некрополя Неаполя Скифского. Мы убеждены, что и теперь обращение к Вашему авторитету поможет предохранить Деметру от угрожающей ей печальной участи.

Вопреки успокоительным советам некоторых искусствоведов и археологов, к сожалению настроенных чересчур созерцательно, мы должны заявить, что существование росписи склепа Деметры в настоящее время подвергается угрозе самой непосредственной, какой ранее, судя по актам прежних обследований не наблюдалось.

Досадно слушать, когда советуют «вести систематическое наблюдение за состоянием стенописи» в то время, когда это состояние уже дошло до крайней степени разрушения, до расшатывания внутренней структуры памятника. Как красочный слой, так и грунт на своде и стенах склепа находятся в стадии сильнейшего разрыхления, шелушения, растрескивания. Не берусь предсказать, рухнет ли сразу в одно из предстоящих весен роспись плафона, грунт которого как раз на месте лица Деметры сильнее всего отстаёт от свода, или эта роспись в течение нескольких ближайших лет постепенно, но быстро осыпется вместе с грунтом, как и роспись стен почти уже исчезнувшая... Не стоит гадать об этом, так как сейчас любая случайность, способная вызвать незначительные содрогания свода, может мигом прекратить все «дело Деметры» внезапным обрушением росписи. Достаточно того, что вереницы грузовых машин проходят день и ночь

по улице, к которой примыкает своим юго-восточным углом склеп Деметры. Одна из них, более тяжелая, чем другие, может вызвать катастрофу, ничем не поправимую.

Ни к чему не приводит ежедневное измерение и записывание температуры в склепе, когда необходимо элементарнейшее условие утепления входа в склеп, а стало быть не может соблюдаться постоянство температуры в нем. Это не имеет в данном случае решающего значения, поскольку ни разу температура в склепе не опускалась ниже нуля.

Утратило, по-видимому, смысл и систематическое определение влажности в склепе, непрерывно показывающее одно и то же 100% влажности. Только один раз, в засуху 1947 г. среди лета было отмечено 98 и 99%.

Не превращается ли в этих условиях систематическое наблюдение и записывание температуры и степени влажности склепа Деметры в какое-то бессмысленное священнодействие ненужное никому.

По заданию П.Н. Шульца, заведующего сектором истории и археологии Крымского филиала АН СССР, мною было произведено детальное исследование стенописи склепа Деметры на месте. Я не имею возможности подробно изложить в этом письме методику и результаты своей работы, так, еще не получены результаты химического анализа проб и образцов солей, грунта и красок, взятых из осыпи в склепе Деметры. Не подытожены также и данные фотометрического и микроскопического исследования стенописи. Производившееся мною на месте параллельно с ее копированием и фотографированием. Все это необходимо для научной аргументации выводов, полученных по пунктам моего задания. Однако, Вам, несомненно и без этой аргументации станет ясна вся картина из моего предварительного отчета и из тех фотоснимков, которые к нему прилагаются.

В связи с возникшей по этому поводу перепиской между Вами и П.Н. Шульцем мне хочется отвести один Вашу упрек сектору истории и археологии Крымского филиала в безучастном и бездеятельном отношении к вопросам охраны крымских памятников истории и культуры. Это упрек, вероятно, основан на весьма неточном информировании Вас о нашей деятельности. Не стану

ссылаться на длинный ряд документов, свидетельствующих совершенно об ином нашем отношении к этому делу, значение которого очень хорошо понимают все сотрудники сектора истории и археологии и руководство Крымского филиала. Сошлюсь на те практические мероприятия, которые нам удалось организовать уже в этом году, заканчиваемые нами несмотря на всевозможные затруднения, о которых тоже распространяться не буду. Мы заканчиваем консервацию мавзолея и других каменных сооружений на городище Неаполь Скифский, систематически следим за сохранностью склепов некрополя Неаполя Скифского и приняли меры для их консервации; приближаются к окончанию возглавляемые нашей Бахчисарайской научно-исследовательской станцией реставрационные работы в Сюйренской крепости, после которых в самое ближайшее время мы приступим к реставрации античной херсонесской мозаики, временная консервация которой была в прошлом году произведена нами же. При раскопках славянского городища близ Коктебеля летом того года нами были приняты меры к охране и временной консервации раскопанных памятников. В районах Центрального и Юго-Западного Крыма при нашем участии определены охранные зоны целого ряда памятников и проведена большая работа по паспортизации крымских древностей была выполнена в основном силами наших сотрудников. Вопрос об охране и реставрации керченских памятников также поднят нами и мы не оставим его до тех пор, пока не будут осуществлены необходимые мероприятия. Все это сектор проводит сверх плана своей основной работы.

Не имея нужных ассигнований на проведение реставрационных работ мы встали перед необходимостью мобилизации для этой цели тех средств, которыми располагают областные организации, подчас не умеющие правильно их расходовать.

В середине текущего года мы создали при Секторе истории и археологии реставрационную комиссию, деятельность которой, хотя и скромная, принесла положительные результаты.

При реорганизации сектора в Институт истории и археологии следует, как мне кажется, узаконить эту, пока еще полусамозванную комиссию, назвав ее

комиссией по охране, консервации и реставрации крымских памятников истории и культуры.

Несомненно к участию в данной комиссии необходимо привлечь и представителей заинтересованных местных организаций и, в качестве консультантов, специалистов из центра. Мы, конечно, представляем себе комиссию, как орган, всецело подчиненный в научном и методическом отношениях возглавляемому Вами Совету и просим Вашей поддержки в вопросе ее создания при Институте истории и археологии.

Научно-технической базой для работы комиссии может служить лаборатория археологической технологии и научной фотографии Крымского филиала АН СССР, а производственной базой может являться реставрационная мастерская при областном музее, открытая недавно и имеющая возможность принимать заказы любых организаций путем перечислений.

Без существования такой комиссии на месте в Крыму вопросы охраны, консервации и реставрации крымских древностей не получают практического разрешения еще долго, а за это время часть из них несомненно погибнет.

Для правильного решения всех этих наболевших вопросов необходимо Ваше личное присутствие и руководство нами на месте в Крыму хотя бы и не на долго время. Если бы Вы нашли возможность приехать сюда, мы были бы счастливы видеть Вас здесь будущим летом — в начале лета или в сентябре, когда не так жарко.

С глубоким уважением, Ваш бывший студент, О.И. Домбровский
16 XI 1949 г.».

Приложение №48

Протокол заседания Комиссии по составлению пятилетнего плана раскопок в Крыму 23 IX 1952 г.

[153, л. 23–23об.]

«Присутствовали: Б.А. Рыбаков, А.И. Неделин, В.Д. Блаватский

Председатель Б.А. Рыбаков

Секретарь В.Д. Блаватский

СЛУШАЛИ: О проекте пятилетнего плана раскопок в Крыму.

ПОСТАНОВИЛИ: Наметить следующий проект пятилетнего плана:

Место	Научный состав	Ориентировочная сумма в руб.		
		1953	1954	1955
<u>Первобытная археология</u>				
Канал (Степной Крым)	Шульц П.Н.	300000	300000	300000
Уч-Баш	Стржелецкий С.Ф.	15000	15000	15000
Киммерик	Кругликова И.Т.	15000	15000	15000
Неаполь	Шульц П.Н.	60000	60000	60000
<u>Античная археология</u>				
Канал (Керченский п/о)	Блаватский В.Д. Кобылина М.М., Книпович Т.Н., Гайдукевич В.Ф., Зеест И.Б. Шелов Б.Д., Кругликова И.Т., Карасев А.Н., Кастанаян Е.Г., Наливкина М.А., Леви Е.И.	300000	300000	300000
Пантикапей (Корчев)	Блаватский В.Д.	50000	50000	50000
Ивановка (Илурад)	Гайдукевич В.Ф.	40000	40000	40000
Прекрасная Гавань	Наливкина М.А.	15000	15000	15000
Херсонес и Гераклейский п/о	Стржелецкий С.Ф., Белов Г.Д.	40000	40000	40000
<u>Средневековая археология</u>				
Канал.		100000	100000	100000
Планерское	Бабенчиков В.П.	40000	40000	40000
Корчев	Рыбаков Б.А.	20000	20000	20000
Чуфут-Кале,	Кропоткин В.В., Веймарн Е.В.	60000	60000	60000

Инкерман				
Ай-Тодор	Смирнов А.П.	30000	30000	30000
Резерв и разведка		25000	25000	25000
Итого		1110000	1110000	1110000

Председатель Б.А. Рыбаков
Член Комиссии А.И. Неделин
Секретарь В.Д. Блаватский»

Приложение №49

Письмо П.Н. Шульца в ОИА.

[159, л. 1–2об.]

«Киев, 18 VI 55 г.

Дорогая Прасковья Васильевна⁷⁰!

По Вашему звонку понял, что народ волнуется. Успокойте. Решению бюро особого значения не придавайте. Все может перемениться. Институт археологии, поддержанный отделением, с которым проект решения бюро не согласовывался, подал в Президиум письмо, в котором настаивает на сохранении Отдела археологии Крыма в количестве 14 научных и н.-технич. (лаборантских) единиц + 2 хоз. Единицы, шофер (Халаимов) и уборщик (Толмачева). Институт истории также подал письмо, в котором настаивает на сохранении в Крыму 5 единиц историков с представлением права остальным переехать в Киев, но без обеспечения площадью. Это максимум, чего можно было по группе истории добиться (первоначальный вариант, который мне показали по приезде — для группы истории сохранить 2 единицы). И Президиум, и Институт истории категорически возражают против сохранения в Симферополе отдела истории. Об Институте или станции в нынешних условиях не приходится и говорить. Отдел

⁷⁰ П.В. Жукова – секретарь ОИА.

археологии поддерживают безоговорочно. Спор может идти лишь о количестве единиц. Осуществление проекта, судя по всему, произойдет, если вообще произойдет, не ранее будущего года. То, что в текущем году отделу и всему его коллективу важно не вешать носа и показать класс работы, важнее всего — хорошо выполнить план.

Выпуск Трудов в РИСО приняли, и если [И.И.] Бабков не задержит — гарантируют издание в первое полугодие 1956 г. Ждут с нетерпением Севастополя. Спрашивают, в чем дело, почему А.И. Неделин тянет. Важно поторопиться. Письмо в Президиум АН СССР о лимите для средневекового сборника написали.

Защита диссертации З.И. Ивановой назначена на вторую половину сентября. Первый отзыв написан и положительный, второй (Введенского) еще не написан (он даже еще не прочел), но поклялся, что не подведет. Ему хочется читать рукопись имея все, т.е. и автореферат. Его ждут! Важно разослать до 1 июля. Необходимо выслать в киев 100 экзempl., остальные (хорошо бы, чтобы типографы отстукали 125 экзempl.) можно оставить в Симферополе.

Если бы автореферат был выслан своевременно, хотя бы к 1 июня, защита состоялась бы в конце июня. Досадно.

Заявление Ю.Г. Колосова в аспирантуру принято. 3 конкурента! Зондировал почву, нельзя ли Ю.Г. Колосову, в случае перехода отдела в Институт археологии, лето проводить в Крыму, а зиму в Киеве (если кто-либо из конкурентов получит лучшие оценки и будет принят). С.Н. Бибиков принял во внимание, что у Юры в Киеве квартира есть, готов на это пойти. Пока три заявления: Симферопольское, Киевское и Харьковское, но возможно еще и Молотовское. О.Н. Бадер просится в Институт археологии. В Молотове курсы по археологии суживаются.

Вопрос о сессии еще не решен. Подсчитываются деньги на командировки. Сможет ли Институт археологии поднять всех докладчиков.

Справку об отделе хотел бы составить сразу же по приезде. Мне сейчас ее будет неизмеримо легче, чем до отъезда в Киев, т.к. ясны перспективы и реальные возможности.

Заниматься чисто маниловскими утопиями в духе “Института общественных наук” с группой “экономики”, при отсутствии высококвалифицированных ученых экономистов и квартир для них и штатных единиц — не следует. Из этого ничего, кроме конфуза, не получится.

Президиум АН УССР склоняется включить в АН УССР три заповедника: Херсонесский, Керченский и Неаполь Скифский. Эту идею поддерживает и Институт археологии и отделение общественных наук. Считают, что это создаст крепкую базу и для Отдела археологии Крыма. В проекте структуры отдела предусматривается создание и группы античной археологии. Недооценка роли античности в истории СССР рассматривается как уродливый перегиб. В докладной записке Института археологии ставится вопрос о предоставлении отделу доп. ставки ст. научн. сотр. и выдвигается кандидатура Г.Д. Белова. Он имеется в виду на случай, если Херсонес перейдет в систему АН УССР. Лучшего директора-ученого для Херсонеса, сейчас, пожалуй, не придумать. Вот, примерно, все главное. Важно и то, что к отделу со стороны ученых Украины отношение, по моим впечатлениям, хорошее. Заключительное совещание с вице-президентом [Н.П.] Семенко состоится завтра, в понедельник. В этот же день выезжаю в Симферополь. Приеду в среду киевским поездом. Если кто-нибудь меня встретит — буду благодарен.

До скорой встречи. П. Шульц»

Иллюстрации

Рис. 1. П.Н. Шульц. Фото из личного дела студента Петроградского университета. [167, л. 1об.].

Рис. 2. Зал в усадьбе 1Петровское. В кресле у окна П.А. Шульц. [68, л. 7].

Рис. 3. П.А. Шульц. [68, л. 9].

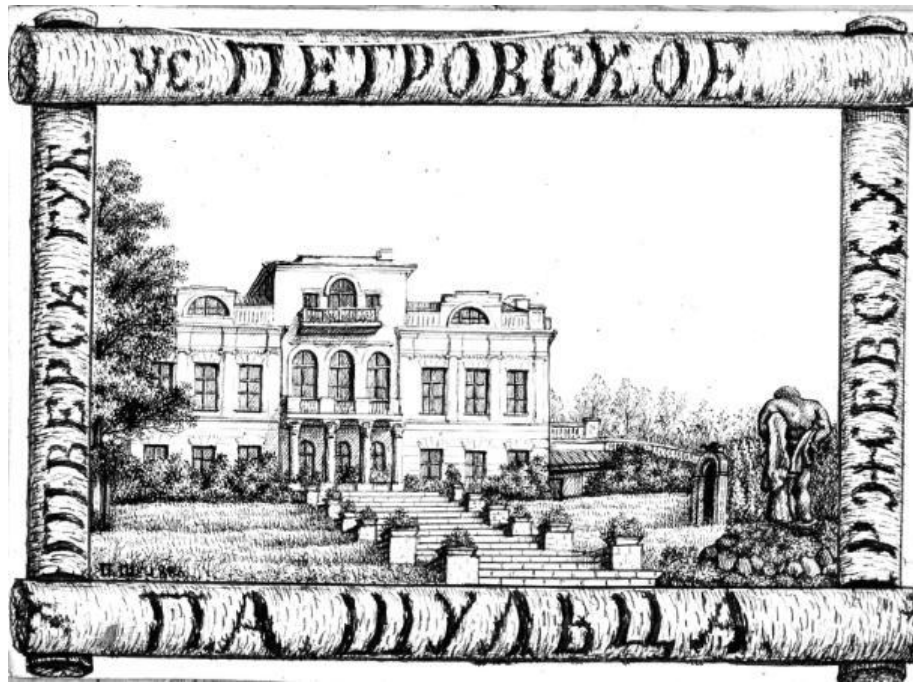

Рис. 4. Усадьба Петровское. [68, л. 1].

К о п и я

С В И Д Е Т Е Л Ь С Т В О

Пред"явитель сего ШУЛЬЦ, Павел Николаевич
родившийся 9 Октября 1900 года, поступивший в
1918 году в Петроградский Государственный Уни-
верситет, выполнил все требования учебного плана
Литературно-Художественного Отделения Музей-
ного цикла Факультета общественных наук Петро-
градского Университета, получил на поверочных
испытаниях следующие отметки:

По французскому языку -	Зачтено
" Латинскому языку -	Зачтено
" Психологии -	Весьма удовлетворительно
" Логике -	Весьма удовлетворительно
" Введению в философию -	Весьма удовлетворительно
" Истории мировоззрений -	Весьма удовлетворительно
" Истории Востока -	Весьма удовлетворительно
" Истории Греции -	Весьма удовлетворительно
" Искусству Египта -	Весьма удовлетворительно
" Искусству Передней Азии -	Весьма удовлетворительно
" Античному искусству -	Весьма удовлетворительно
" Искусству Средневековья -	Весьма удовлетворительно
" Истории Западно-Европейского Искусства -	Весьма удовлетворительно
" Византийско-Русскому искусству -	Весьма удовлетворительно
" Археологии -	Весьма удовлетворительно
" По Музееведению -	Весьма удовлетворительно

- 2 -

По Педагогике -	Зачтено
" Физике -	Сдано
" Государственному строю РСФСР -	Весьма удовлетворительно
" Историческому материализму -	удовлетворительно
" Политической экономии -	удовлетворительно
и получил зачет шести семинариев:	
По Античной скульптуре -	Зачтено
" Классической Археологии -	Зачтено
" Истории Голландской живописи -	Зачтено
" Новому Западно-Европейскому искусству -	Зачтено
" Византийско-Русскому Искусству -	Зачтено
" Русской литературе -	Зачтено
и двух просеминариев:	
По Античному искусству -	Зачтено
" Античной скульптуре -	Зачтено

В удостоверение сего от факультета общественных наук
Петроградского Университета выдано ему, П.Н. ШУЛЬЦ
это свидетельство за надлежащими подписями и с приложением
печати Петроградского Государственного Университета.

Директор:
Петроградского Государственного Университета **И. ДЕРЖАВИН.**

Декан
факультета общественных наук **Е. ЗАГЕЛЬ.**

За Председателя Литературно-Художественного
Отделения: **Е. ПРАДИН**

Заведующая Канцелией: **В. ЧЕРАЦОВА**

С сего засвидетельствована _____ копия
в 5-й Ленинградской Госуд.
Нотариальной Конторе.
" 5 " XII _____ 1925 г.
по реестру № 16850

Рис. 5. Приложение к свидетельству об окончании Ленинградского государственного университета. [68, л. 12].

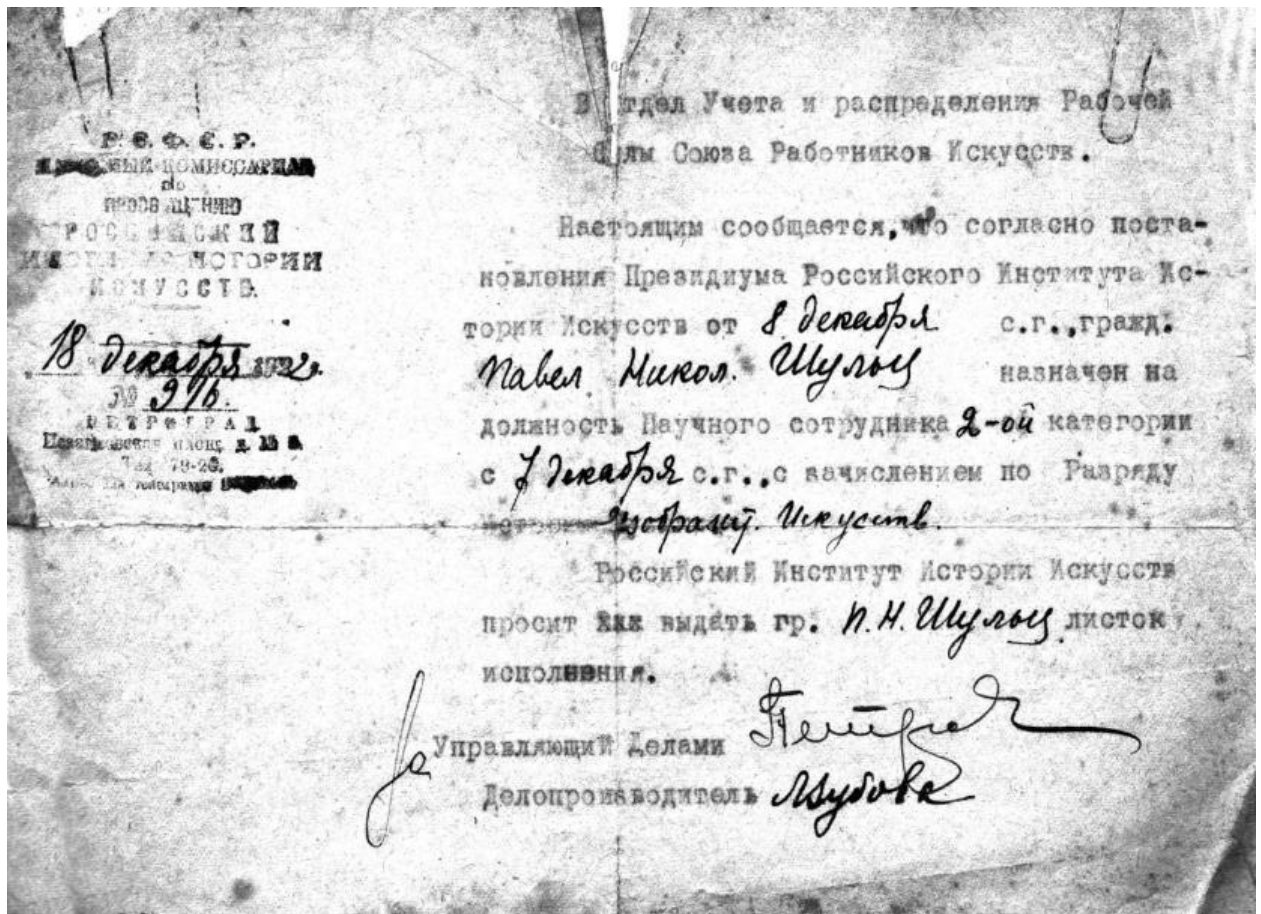

Рис. 6. Свидетельство о зачислении научным сотрудником II разряда РИИИ.
[68, л. 16].

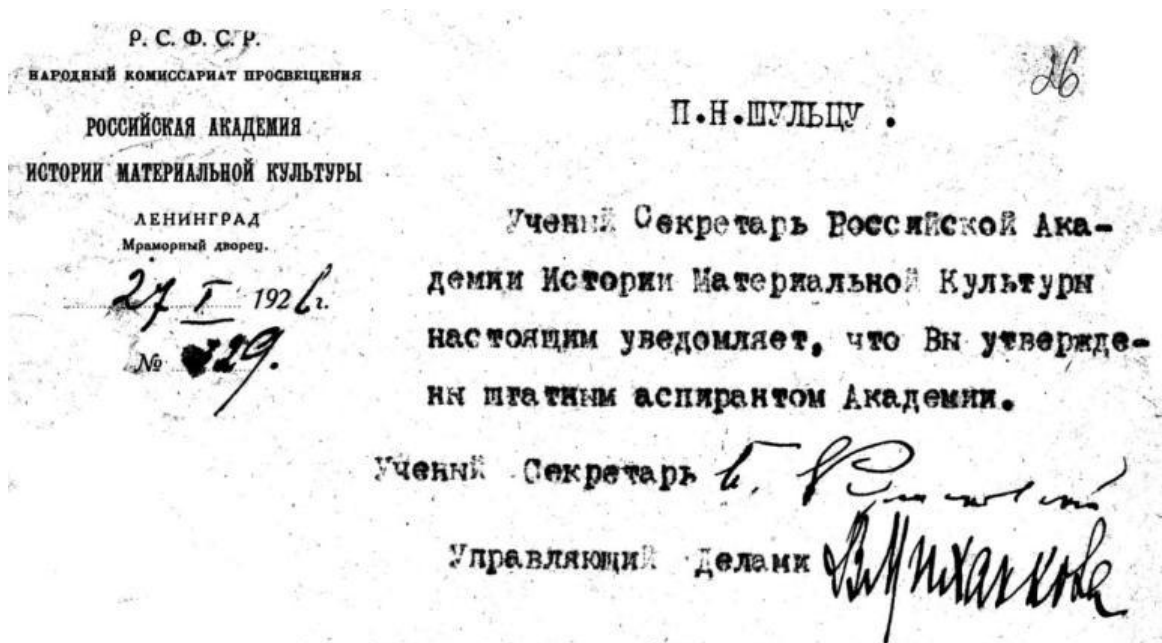

Рис. 7. Удостоверение аспиранта РАИМК П.Н. Шульца. [68, л. 26].

Рис. 8. П.Н. Шульц. Фото 1920-е гг. [86, л. 11].

Рис. 9. В.А. Головкина. [167, л. 15 об.].

Рис. 10. Студенты ЛГУ на практике в Петергофе. Вверху: В.А. Головкина и П.Н. Шульц. Вторая слева во втором ряду: Е.И. Леви. По центру в первом ряду: А.Н. Карасев [68, л. 22].

Рис. 11. Группа студентов ЛГУ. 1923 г. В центре: Б.В. Фармаковский. В верхнем ряду пятый справа: П.Н. Шульц. [Воспр. по: 298, с. 236]

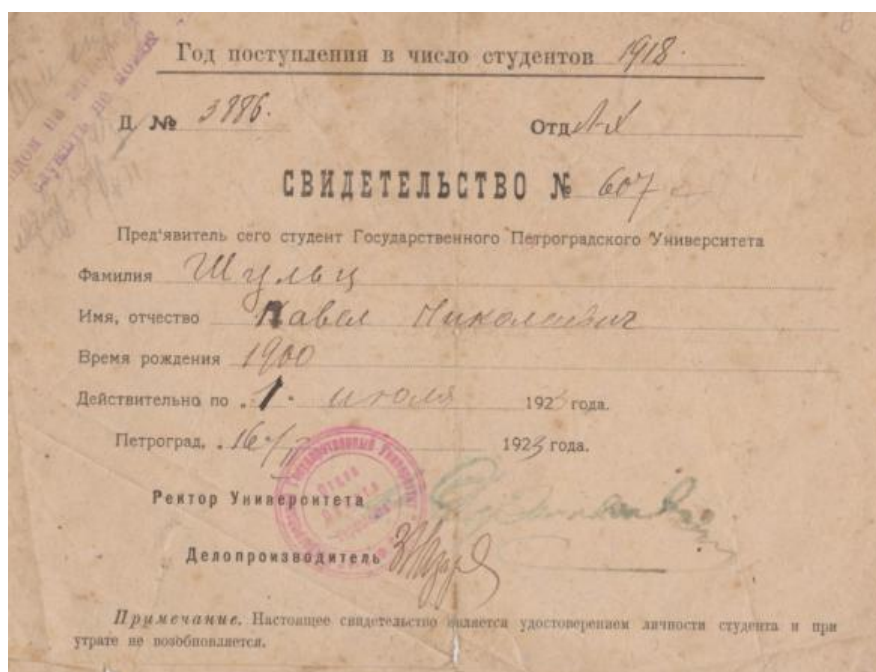

Рис. 12. Свидетельство студента ЛГУ П.Н. Шульца. [72, л. 6].

Государственная Академия Истории Материальной Культуры

К ПРОИЗВОДСТВЕННОМУ ПЛАНУ АКАДЕМИИ НА 1931 ГОД

Личная учетная карточка научного работника

1. На карточку заносится вся работа, приходящаяся на долю данного работника по годовому производственному плану, с последующими пометками о выполнении.
2. В разделе I перечисляются темы исследовательских работ; в разделе II — остальные виды участия работника в работах Академии — организационная работа, участие в экспедициях, педагогическая работа (с кадрами), популяризационная, научные командировки и т. д.; в разделе III — работа работника по повышению своей квалификации; в разделе IV — его общественная работа.
3. По разделу I работник представляет законченные рукописи соответствующих работ; по разделу II — краткие письменные отчеты; по разделу III и IV — периодические краткие справки с подтверждающей визой Месткома.
4. Настоящая карточка заполняется в двух экземплярах, из коих один (копия) выдается на руки работнику.
5. Порядок выполнения работ, а также порядок их приема и утверждения определяется соответствующими §§ „Положения о порядке работ Государственной Академии Истории Материальной Культуры“.

Фамилия, имя, отчество Шульц Павел Николаевич

Занимаемая должность Научный сотрудник Гр.

Рис. 13. Личная учетная карточка научного работника П.Н. Шульца.

[72, л. 14].

Рис. 14. П.Н. Шульц у Сакской пересыпи. 1934 г.

[79, л. 44]

Рис. 15. Конверт письма П.Я. Чепуриной к П.Н. Шульцу. 1928 г. [79, л. 38].

Рис. 16. Я.Г. Благодарный. Конец 1930-х гг. Фото из семейного архива В. Л. Благодарного.

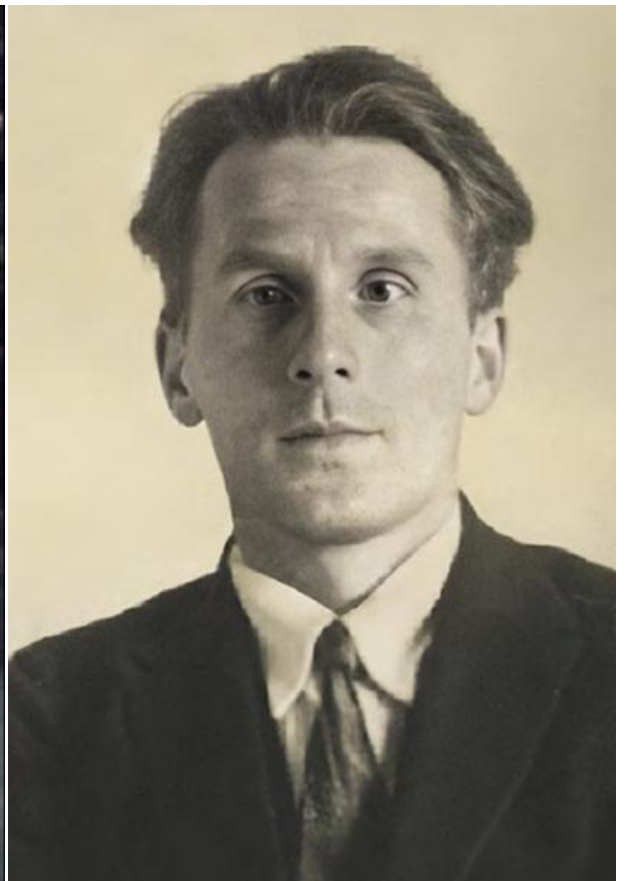

Рис. 17. П.Н. Шульц. 1935 г. [69, л. 2а]

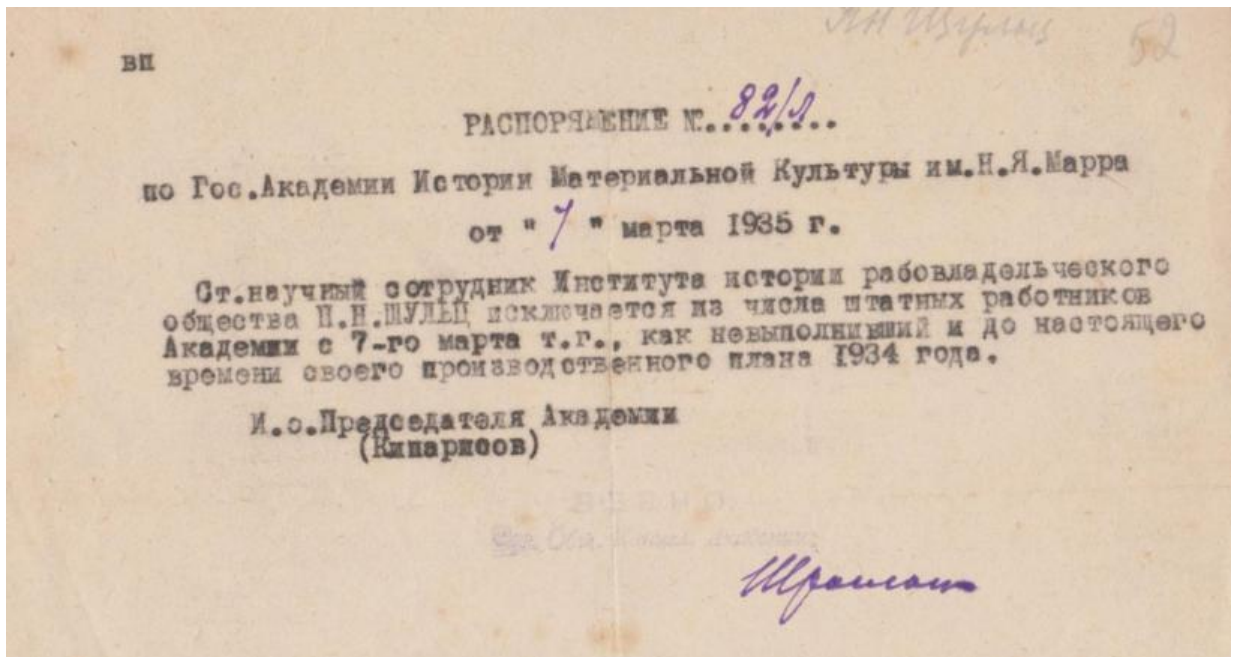

Рис. 18. Распоряжение об увольнении П.Н. Шульца из ГАИМК. [68, л. 52].

Рис. 19. Л.А. Моисеев. Ольвия, 1905 г.
[Воспр. по: 211, с. 60].

Рис. 20. Я.П. Бирзгал. [Воспр. по:
284, с. 110].

Рис. 21. В Центральном музее Тавриды. Сидят слева направо: Я.П. Бирзгал, А.И. Полканов, Н.Л. Эрнст, Г.А. Бонч-Осмоловский, О.Г. Бонч-Осмоловская, «...», М.В. Тонгур. 1922 г.
[165, л. 2].

Рис. 22. Ф.И. Шмит. 1926 г.
[165, л. 7].

Рис. 23. Д. П. Гордеев. 1930-е гг.
[165, л. 122].

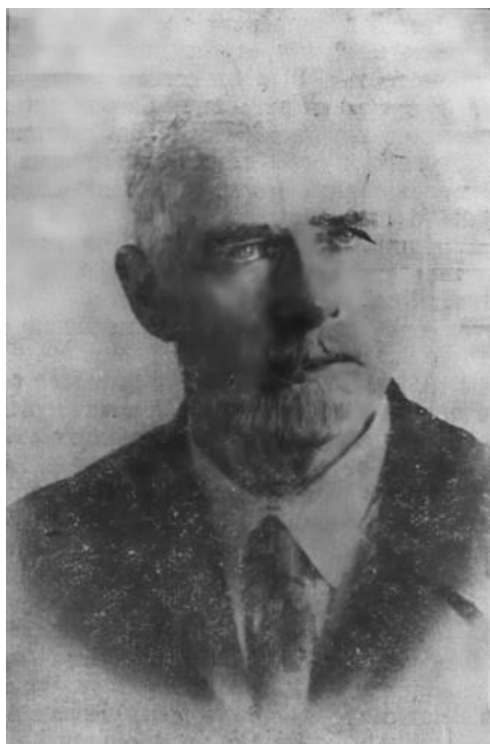

Рис. 24. С.В. Бахрушин. Фото начала
1940-х гг. [Воспр. по: 219, с. 128].

Рис. 25. А.С. Рабинович.
Фото 1941 г. [Воспр. по: 311, с. 1].

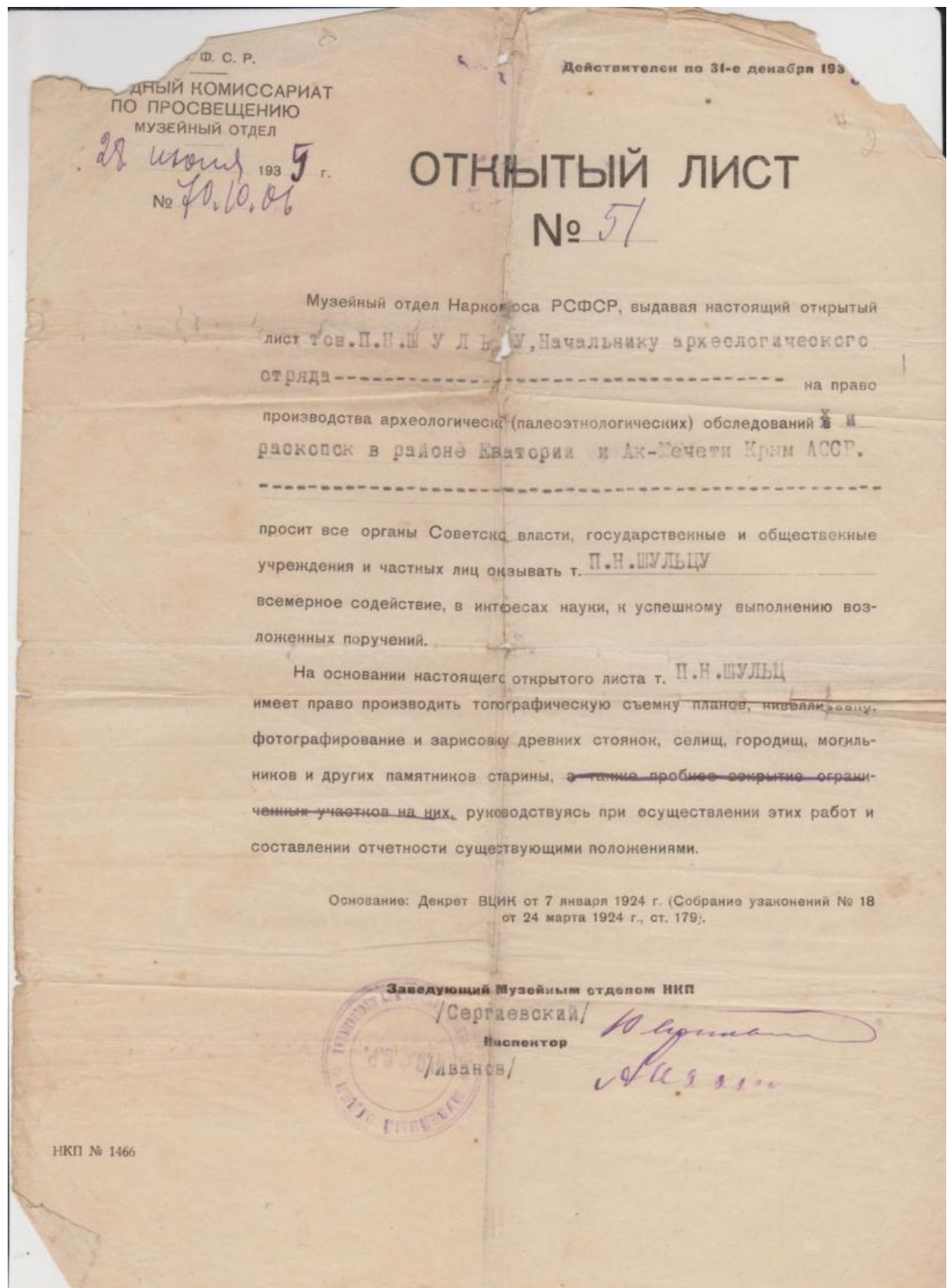

Рис. 26. Открытый лист П.Н. Шульца на раскопки в районе Ак-Мечети.
1935 г. [79, л. 2].

Рис. 27. Удостоверение сотрудника ИИНИТ П.Н. Шульца. [76, л. 54].

Рис. 28. П.Н. Шульц. Фото второй пол. 1930-х гг. [68, л. 56].

Рис. 29. П.Н. Шульц. Фото начала 1940-х гг. [68, л. 38].

Рис. 30. Варваровский отряд Ольвийской экспедиции. 1939 г.
 Стоят (справа налево): неизвестный, А.Н. Карасев, Л.М. Славин и
 неизвестные. Сидят (справа налево): неизвестный, неизвестный,
 неизвестная, неизвестный, П.Н. Шульц, Е.М. Захарова, М.Г. Жебенев (?) и
 неизвестные. Фотография 7 сентября 1939 г. (?). Надпись на обороте: «Гости
 из Ольвии» [воспроиз. по: 182, с. 19]

Рис. 34. П.Н. Шульц в госпитале г. Киров. 1942 г.

[75, л. 59].

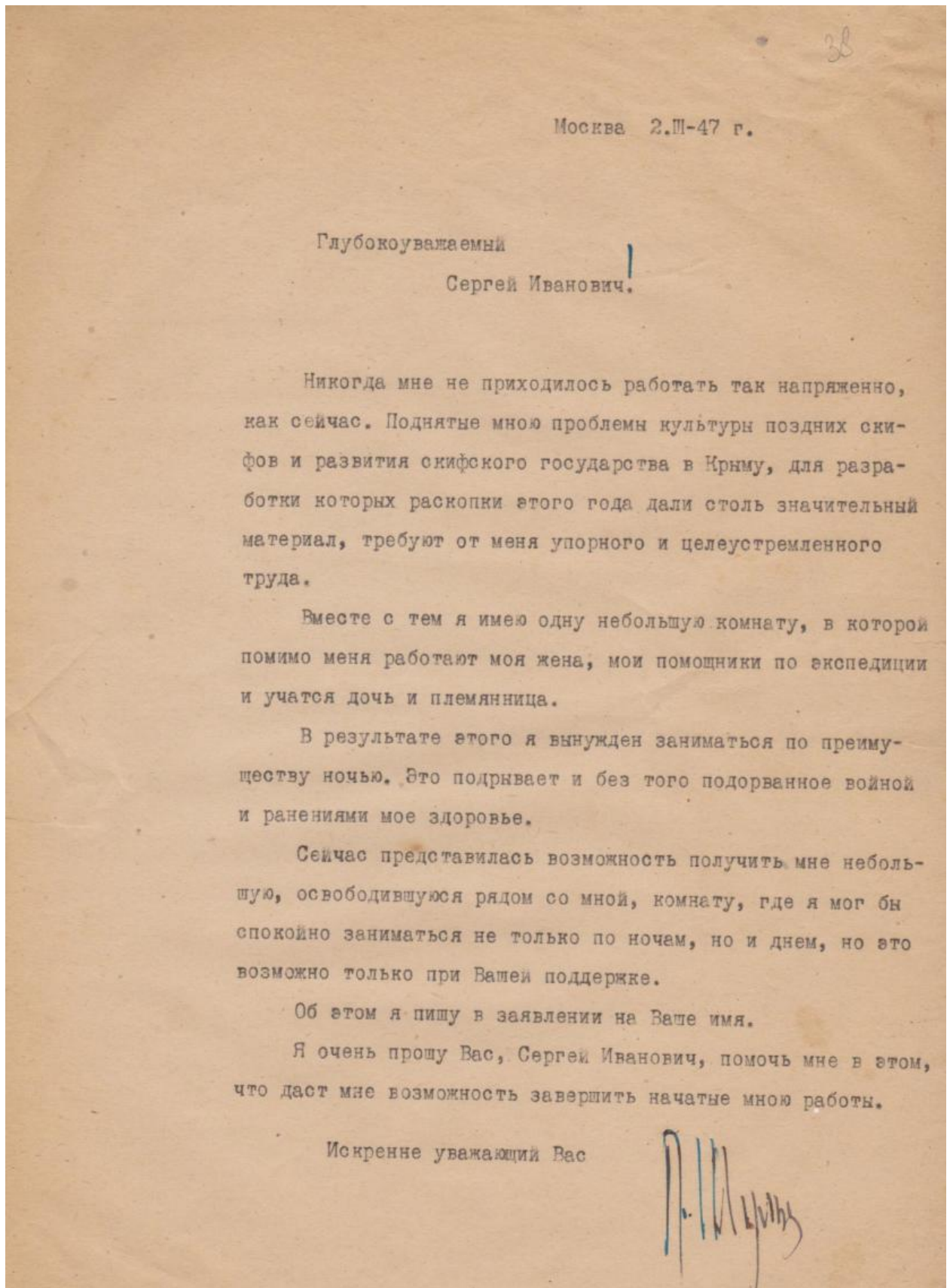

Рис. 35. Письмо П.Н. Шульца С.И. Вавилову.

[76, л. 38].

Рис. 36. База Тавро-Скифской экспедиции. Рисунок 1949 г.

[Воспр. по: 299, с. 76].

Рис. 37. Конверт с почтовым направлением «Товаро-Скифской экспедиции». [156, л. 22].

Рис. 38. Вид на Петровские скалы. Рисунок О.И. Домбровского. [156, л. 37].

Рис. 39. В.Д. Блаватский на Пантикапее. 1946 г. [165, л. 28].

Рис. 40. Б.Н. Граков и П.Н. Шульц. Фото середины 1950-х гг. [165, л. 39].

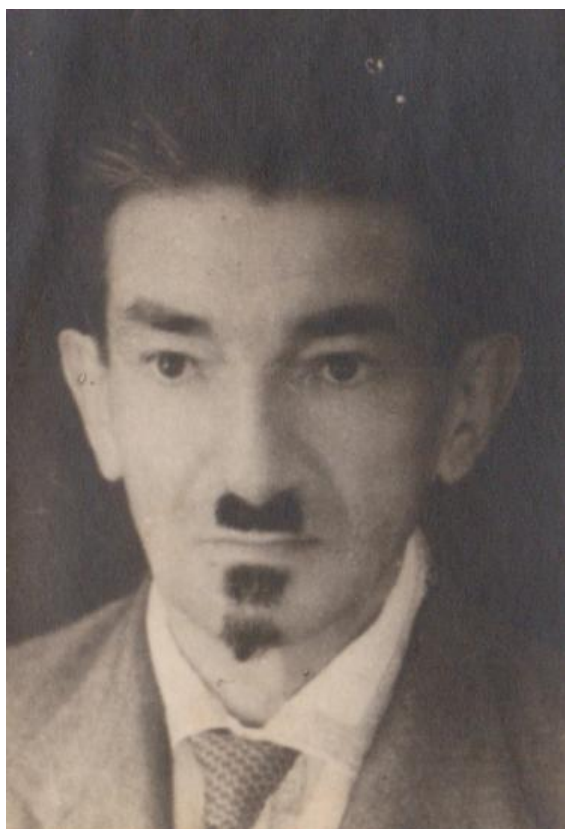

Рис. 41. Н.А. Троицкий. [165, л. 31].

Рис. 42. А.Ф. Слудский [165, л. 32].

Рис. 43. Я.Д. Козин [165, л. 61].

Рис. 44. П.Н. Надинский.
[165, л. 3].

Рис. 45. В.В. Бобин (второй справа) на раскопках на Северном Кавказе. [165, л. 16].

Рис. 46. Е.В. Веймарн.
[165, л. 19].

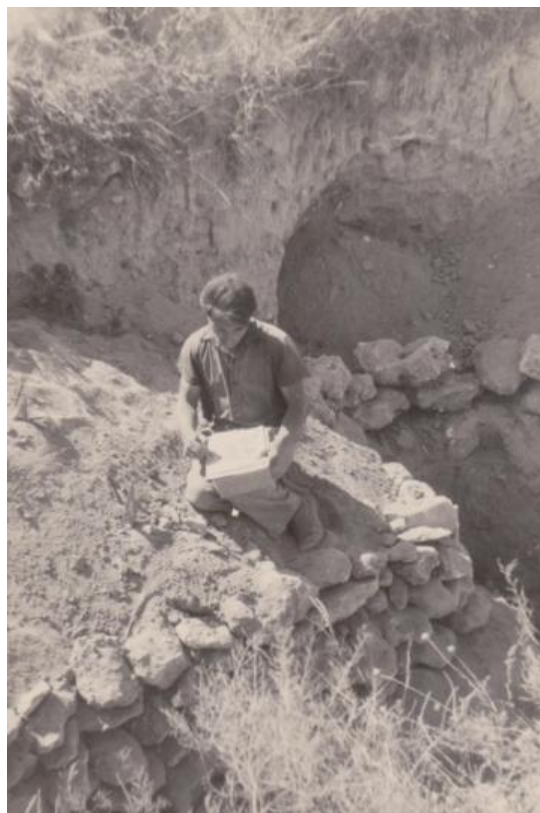

Рис. 47. О.И. Домбровский.
[165, л. 20].

Рис. 48. Участники раскопок Неаполя Скифского в Херсонесе. 1947 г. Слева направо: Белов Г.Д., Белова Л.Н., неизвестный, неизвестный, неизвестный, Домбровский О.И., Шульц П.Н., Кобец Т.Я., Дашевская О.Д., Погребова Н.Н., Головкина В.А. (жена П.Н. Шульца), неизвестный, неизвестный, Якобсон А.Л., неизвестный (директор музея?), Щепинский А.А., Соломоник Э.И., Фармаковская В.Е. (жена М.В. Фармаковского), Дрябкин И.М. (муж Э.И. Соломоник), неизвестный, В.П. Бабенчиков. На ступеньках сидит архитектор Пащенко (из личного архива О.Д. Дашевской). [165, л. 9].

Рис. 49. Разрушение керамической печи на городище Кермен-Кыр. 1945 г.

[52, л. 159].

Рис. 50. Надпись Дом Попова Рідний відділ
[75, л. 454].

Рис. 51. М.М. Максименко. [Фото с сайта: <https://cfuv.ru/maksimenko-matvejj-mikhajjlovich>].

Рис. 52. Е.В. Веймарн. Фото из личного архива С.В. Харитонова⁷¹.

⁷¹ Благодарю В.Ю. Юрочкина, любезно предоставившего это фото.

Рис. 53. Фото росписи в склепе Деметры. 1949 г.

[71, л. 22–25.]

Рис. 54. На раскопках кургана в зоне Симферопольского водохранилища. Слева направо: Э.И. Соломоник, А.Д. Столяр, П.Н. Шульц. 1954 г. [165, л. 43].

Рис. 55. Удостоверение сотрудника Крымского филиала АН УССР П.Н. Шульца. 1955 г. [75, л. 29]

АРХЕОЛОГ З КРИМУ

В одному з номерів готелю ми познайомилися з Павлом Миколайовичем Шульцем, завідувачим відділом історії і археології Кримського філіалу Академії наук УРСР.

З великим захопленням розповідає вчений про багатства Криму, його історичні пам'ятки.

— Крим — це археологічна скарбниця нашої країни, — говорить Павло Миколайович. — Тут збереглося безліч різних пам'яток, починаючи від кам'яної доби до середньовіччя, велика кількість скіфських городищ, античних міст, як, наприклад, Херсонес і Пантикапей.

Експедиція, яку очолював т. Шульдц, провела розкопки укріпленого Таврського селища Симеїза. Тут досліджувалась культура однієї із стародавніх народностей південного Причорномор'я — таврів, з якими зв'язана назва Таврійського півострова.

Роботи археологів Криму в цьому році увінчалися цікавою знахідкою. Під час розкопок Херсонеса було виявлено великий античний театр.

Археологи Кримського філіалу Академії наук УРСР склали великий план досліджень на 1956 рік. Його і привіз Павло Миколайович у Київ для обговорення на засіданні Відділу суспільних наук Академії наук УРСР.

Багаторічна дружба зв'язує археологів Криму з київськими вченими. Наприкінці нашої розмови до Павла Миколайовича зайшов член-кореспондент Академії наук УРСР Л. М. Славін. Він запросив кримського археолога в гості до студентів історичного факультету університету.

Рис. 56. Стаття в газеті «Вечірній Київ» от 3 декабря 1955 г.